

Ружка Корчак

ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ

Ружка Корчак • ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ

42

РУЖКА КОРЧАК

ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ

РУЖКА КОРЧАК

Ружка Корчак

**ПЛАМЯ
ПОД ПЕПЛОМ**

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1977

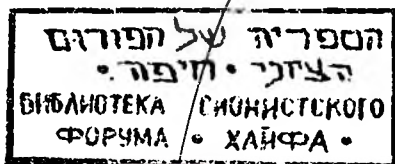
רייזל (רוזקה) קורצק
להבות באפר

Reizl (Ruzhka) Korchak
FLAMES IN ASH

הספרייה הישראלית
בית המכאני
לעולים
1 - ספרייה
.....

420

Перевел с иврита *О. Минц*
Редактор *С. Полоцк*
Художник *Л. Парский*

1738

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות
לימורשת ו"ספרייה עליה"
ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל. ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית. ניו-יורק

רכיס "קרייב", תל-אביב 1977

OCR Давид Титневский, август 2019 г., Хайфа

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой книги, Ружка Корчак, родилась в Польше в городе Плоцке. С ранней юности она — член сионистского молодежного движения "Хашомер хацаир".

В начале Второй мировой войны попала в Вильнюс и оставалась там до момента ликвидации Вильнюсского гетто, где была членом руководящего звена "Хашомер хацаир".

Сражалась в партизанских отрядах в Рудницких лесах и была одним из руководителей боевой организации партизан ЭФПЕО (ФПО — Ферейнигте партизанер организацие).

После освобождения Вильнюса была направлена в Румынию для проверки сообщения о возможности репатриироваться оттуда в Эрец-Исраэль и для создания пунктов нелегального перехода границ. Сумела добраться до Румынии и, установив контакты с организаторами нелегальной алии, направилась в Эрец-Исраэль. Прибыла в страну 12 декабря 1944 года.

Ружка была первым уцелевшим свидетелем Катастрофы, прибывшим из Литвы в Эрец-Исраэль.

Вначале она — член киббуца Эйлон, где ею написана книга "Пламя под пеплом", а затем — киббуца Эйн ха-Хореш. Работает преподавателем в средней школе в своем киббуце. Она член правления издательства "Морешет" — мемориального музея им. Мордехая Анелевича.

Ружка Корчак мать трех сыновей.

— — — און אויב פארזאמען וועט
די זון און דער קאיאר
ווי א פאראל זאל גיין דאס ליד
פון דור צו דור

Но если света солнца
не дождемся мы, —
Пусть наша песнь звучит навек,
пароль из тьмы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

(от автора)

Впервые эта книга вышла в свет в 1946 году, через полтора года после того, как я приехала в страну. Когда я начала описывать историю Вильнюсского гетто — борьбу и гибель евреев, стойкость их духа и страшный конец тех дней — я не нуждалась ни в каких документах и письменных источниках. События были слишком живы в моем сердце, я не писала ничего, кроме того, что сама знала и видела, в чем лично участвовала. Я рассказывала о людях, с которыми была близко знакома.

Тот, кто уцелел, никогда уже больше не сможет смотреть на собственную жизнь как на нечто само собой разумеющееся, как на естественное человеческое право. Долг оставшихся в живых — рассказать о том, что случилось там, дать свидетельские показания, как бы это ни было тяжело. У меня не было никаких литературных амбиций или жажды славы, когда я писала эту книгу. И хотя в моем рассказе очень много личного, его все-таки ни в коем случае не следует воспринимать как автобиографию или как биографию моего друга — это история целого поколения евреев.

В костре, запылавшем на земле Европы, сошлись, перекрестились, перемешались и были сожжены — вместе с людьми — чаяния, ожидания и иллюзии миллионов евреев — все, чем жило еврейство на долгом пути изгнания. Трагедия, разыгравшаяся на наших глазах, предопределила судьбы будущих поколений еврейского народа.

На вопросы, которые оставила после себя катастрофа, нет ответа. Но они стучат в сердце каждого еврея — и того, который живет там, в странах рассеяния, и того, который

строит свой дом, свою родину здесь, на земле свободного Израиля. Но, я думаю, с особой остротой они встают перед тем, кто сейчас на распутье — кто пытается осознать себя, свое еврейство, свою связь с народом и его наследием, и я надеюсь, он поймет, что дорога в Иерусалим проходит через "Иерусалим литовский" даже теперь, через тридцать лет после Понар и Освенцима.

Когда я узнала, что готовится новое издание моей книги — в русском переводе — я почувствовала, что наша борьба не ушла в прошлое. Волей судьбы наша борьба поддерживает голос, требующий: "Отпусти народ мой", голос национально-го пробуждения советских евреев.

В стенах Вильнюсского гетто мы пели гимн еврейских партизан: "Не говори: вот это мой последний путь..."

И в страстной надежде твердили слова припева: "...Мы здесь!"

Они все еще там. Но голос нашего поколения сливается с их голосом.

*Эйн ха-Хореш
январь 1977*

ИЮНЬ 1941 ГОДА. Вильнюс. Мирная тишина, город непотревоженно дышит свежестью окрестных лесов и нив, блистает водами озер и голубой Вилии среди молчаливых теней с гор Бельмонта и трех Крестов, а вокруг – война. Уже истекают кровью десятки городов, тысячи людей уже унесла черная фашистская смерть, но гибельный вал великой катастрофы еще не обрушился на город, словно навис над ним и застыл.

Прекрасен Вильнюс в это время года. Древнее еврейское Вильно, прославленный "литовский Иерусалим", оставшийся в смутное предвоенное время единственным центром национальной еврейской культуры, сохранивший, хотя и потускневший, блеск духовных сокровищ народа. Город, волею судеб ставший и центром притяжения для многих и многих еврейских юношей и девушек, искавших здесь путей в Эрец-Исраэль. Но вспыхнула война, и город, оказавшийся на первом году ее мирным островком в море фашистского нашествия, стал убежищем для тысяч людей. Резко увеличилось еврейское население, на улицах, наряду с правильным виленским диалектом, зазвучал идиш, принесенный из конгрессистской Польши; по манерам и одежде узнавали беженцев из Галиции и Волыни. Евреи стекались отовсюду – из польского генерал-губернаторства, из присоединенных к рейху западных земель, с поглощенных советскими республиками пространств Галиции и Белоруссии – старики и молодежь, верующие и неверующие, люди искусства и ремесленники, богатые и бедные. И среди всего этого скопища разобщенных, потерявших под собой почву, отчаявшихся беженцев – большой халуцианский отряд, молодежь с разными идеологическими взглядами, с разным прошлым, но сильная единством цели – возвращения на родину в Эрец-Исраэль, органи-

зационной и воспитательной закалкой, сумевшая превратить свой беженский быт в осмысленную, целеустремленную жизнь, наполненную трудом и борьбой.

Предвоенный Вильнюс был для этой молодежи островком затишья посреди вселенского урагана, и они припадали здесь к чистому и щедрому роднику исконной еврейской жизни с ее многовековыми традициями, глубоко вдыхая воздух "литовского Иерусалима". Заново организовывались центры "хацшары" — халуцианской подготовки. На улице Субочь 37 собирались члены молодежной организации "Дрор-Хехалуц хацаир" на улице Таптакай 3 возник центр "Хашомер хацаир". Самостоятельно создавались производственные артели, люди шли на работу в различные промышленные отрасли. Центр "Хашомера" отправил посланцев в Каунас и литовские местечки для организации халуцианского движения там.

И вот после долгого ожидания и неослабного напряжения пронеслась весть об алии. Первые товарищи выезжают в Эрец-Исраэль. В сердцах взыграли мечты и надежды — усилия были не напрасны!

Но все перевернулось в несколько дней. Литва превратилась в советскую республику, а Вильнюс — в ее столицу. Запрещена деятельность халуцианских организаций, распущены центры и киббуцы. Алия пока продолжается, но теперь только единицам удается уехать. Вскоре и этот тоненький ручеек перекрыт.

Все рушится. Движение частью уходит в подполье, готовится к работе в новых условиях. Далеко отодвинулись перспективы алии — ныне это лишь фантазия, питаемая жаром юных сердец.

В июне 1941 года в Вильнюсе — "чистка": советские власти арестовывают и высылают в Сибирь "ненадежных", "социально опасный элемент". Среди них — и члены "Хашомера" и халуцим*, особенно те, кто подал заявление на выезд в Эрец-Исраэль, но уехать не успел.

А Вилия продолжает струить через город свои голубые воды, мирно поблескивают на солнце церковные купола, и люди живут себе своим чередом, наслаждаясь июньскими деньками и не подозревая о близкой катастрофе.

* Халуц (ивр.; мн. ч. — халуцим) — пионер, передовой.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В ранние утренние часы, еще до официального заявления Молотова о начале войны на Вильнюс посыпались бомбы. Город обуян паникой, беда свалилась неожиданно, люди не понимают еще ее масштабов и не предугадывают, что их ожидает.

Все стремительнее разворот событий, все острее мрачное ощущение несчастья. Поспешно и беспорядочно эвакуируют жен советских командиров; удирает партийная верхушка. Следом устремляются толпы евреев, осаждающих поезда, забитые откатывающимися на восток войсками.

Не прекращается бомбежка. Город объят огнем. Жилые дома и архитектурные памятники в развалинах. Оглушительный грохот разрывов и всепожирающее пламя, а в коротких промежутках между бомбежками — у продовольственных магазинов гигантские очереди за хлебом.

На второй день войны улицы запрудило движущимися толпами. Человеческий поток мечется под тяжкий грохот авиационных бомб, и, кажется, нет силы, способной его остановить. На восток! На Минск! Бегут в одиночку, десятками, сотнями — скорей убраться отсюда подальше, не попасть немцам в руки! Спасись! Говорят, они уже вошли в Каунас, захватили многие литовские местечки и ускоренным маршем движутся на Вильнюс.

Поначалу еще ходят поезда. Люди в ужасе, граничащем с умопомешательством, штурмуют вагоны, втискиваются вперемишку с красноармейцами. Стихия бегства заражает и тех, кто еще остался в Вильнюсе из большого халуцианского лагеря.

Вспыхнувшая война застигла движение расшатанным изнутри, потрясенным последними высылками в Сибирь, загнанным в подполье. Руководство, не прекратившее своей деятельности, наметило с началом войны новую линию: большинство активистов обязано покинуть город, чтобы активно бороться с врагом в рядах Красной Армии. Но ясно, что и в Вильнюсе будет большая работа, ведь многим евреям не удастся уйти, а перед глазами — пример Варшавского гетто, которое существует уже два года. Решено оставить на месте Абу Ковнера, Хайку Гроссман и Моше Балаша — членов руководства.

Ребята, оставшиеся в отрядах, самостоятельно собираются в группы и снова уходят от немцев. Теперь они стремятся дальше на Восток, как стремились в недавнем прошлом в Вильнюс. А дороги забиты беженцами, толпами мужчин и женщин, бросившими нажитое трудом целой жизни; они идут, обуреваемые страхом, отчаянием, ненавистью. Немногие доберутся до цели, немногим удастся перейти старую советскую границу и очутиться на еще не захваченных немцами территориях. Эти получают возможность бороться за жизнь. Тех же, кто застрял на дорогах, в полях и садах, ждет уничтожение.

Немцы продвигаются молниеносно. Они уже заняли Вильнюс и повернули на Минск. Непрерывно бомбят дороги. Путь усеян трупами беженцев и красноармейцев, разбитыми танками и автомобилями. Непрекращающиеся разрывы. Вонючая гарь. Агония умирающих. И внезапно – тишина, но она только усиливает страх, кажется еще более жуткой, чем бомбежки и огонь пожаров.

На шоссе – немцы; издали можно различить свастику на штандартах.

Первые немецкие подразделения появляются не со стороны Вильнюса, а с противоположной стороны, с востока, оттуда, куда пытались пробраться беженцы. Это – облава на тех, кто не успел уйти. Шоссе, забитые спасающимися, внезапно пустеют. Затем запруживаются снова, теперь уже немецкими колоннами, идущими победным маршем.

Поток беженцев рассеялся по окольным дорогам, лесам и полям. Куда угодно, только подальше от шоссе!

Застигнутых на пути "арийцев" – их меньшинство – немцы отправляют по домам. Евреев задерживают, объявляя, что они будут направлены в "арbeitsлагер" – трудовые лагеря. Это – первые жертвы из числа еврейского населения Вильнюса.

Очень многих выдают крестьяне, у которых измученные знанием беженцы просили крова или глоток воды. Со злорадной ухмылкой хуторяне передают немцам "еврейских коммунистов" (по их понятиям, каждый еврей – коммунист), радуясь поживе, достаемой им от жертв. С топорами и вилами охотятся они за спасающимися от немцев, так нашли смерть многие, кто не осознавал подлинного масштаба ненависти к евреям.

Положение становилось все отчаяннее: враги повсюду. Одно осталось – вернуться; возвратиться туда, откуда бежали; в Вильнюс, над которым поднята свастика.

Это тоже удалось лишь немногим.

ВОЗВРАТИВШИЕСЯ ИЗ БЛУЖДАНИЙ ПО ДОРОГАМ НАШЛИ Вильнюс другим.

Немцы овладели городом 25 июня. Сразу же начались грабежи.

С 27 июня на улицах стали хватать евреев и отправлять на принудительные работы. Назавтра к магазинам и амбарам выстраиваются две очереди: отдельно евреи и неевреи. Порой выстаивают по три–четыре часа за килограммом хлеба. За несколько дней со времени вступления немцев в город все неузнаваемо изменилось, и хлебные очереди стали первым вестником этой перемены. Хлеб в те дни добывался с бою. Евреи становились в очередь вместе с нееврейским населением с пяти утра, и всюду христиане тыкали в них пальцами, над ними измывались литовские полицейские. Евреев гнали из очереди палкой и кулаком. Те, кого не выдавала наружность, прокрадывались за хлебом в арийские кварталы. Так с первых же дней войны спала личина солидарности и братства, которой прикрывались ранее многие литовцы.

6 июля комендант города фон-Нейман издал приказ: с 8 июля каждый еврей обязан носить "шандецейхен" – позорный белый квадрат с желтым кружком диаметром 10 см и с большой желтой буквой "Ю" (юде) в центре.

С 8 июля евреям запрещено ходить по главным городским улицам.

15 июля новый комендант города Цанфениг меняет еврейское клеймо: теперь это белая нарукавная повязка с желтым щитом Давида.

До этого момента еврейская община ежедневно посылала 1300–1500 евреев на принудительные работы. Отныне евреев на работу конвоируют облавщики*. К вечеру отпускают домой.

* "Ипатинга-Бурис" – особый штурмовой отряд, набранный из числа литовских студентов для борьбы с евреями, под предводительством начальника гестапо Вайса. Евреи прозвали их "хапунес"-облавщиками.

Многие евреи, ходившие в те дни на работу по разрядке еврейской общины и имевшие на руках "шейны" * , рассказывали о случаях, когда облавщики хватали евреев, а немцы этих евреев освобождали.

13 июля. На улицах автомобили гестапо. Они останавливаются возле еврейских квартир. Входят немцы, приказывают мужчинам одеться, взять с собой мыло и полотенце. Успокаивают плачущих женщин, заверяя, что забирают их мужей только на работу. В этот день увели 2000 евреев. "Очищены" улицы Новогрудская, Снипишки, Стефаньская и другие.

14 июля. Четвертый день уже орудуют облавщики. Сегодня они увели с собой евреев из квартала Заречье. Впервые никто из евреев не вернулся с работы.

Отныне людей хватают каждый день. Иногда считаются с "шейнами", но облавщики-литовцы рвут удостоверения и арестовывают их владельцев. Мужчины начали прятаться.

Люди пускают в ход всю свою изобретательность, чтобы отыскать и оборудовать "малину"**. Никто не знает, какая судьба уготована его близким и куда их собираются увести.

Известно, что большинство попадает в Лукишки***: Через некоторое время их увозят оттуда на грузовиках под усиленным литовским конвоем. Куда? Это неизвестно никому. Лукишки наполняются и опоражниваются. Евреи, которые работают на улице Легионовой, время от времени видят мчащиеся грузовики. Машины идут в сторону Понар. Это – железнодорожная станция за Вильнюсом, и евреи полагают, что оттуда мужчин развозят поездами на работу.

17 июля. Погром на Новогрудской.

Накануне на этой улице женщины напали на литовских облавщиков, конвоировавших группу мужчин. Не зная, как помочь своим близким и освободить их, отчаявшиеся женщины начали бросать в литовцев камни. В ход пошли булыжники мостовой, кирпичи, в облавщиков полетело все, что было под рукой.

* "Шейн" – удостоверение. Знаменитый в гетто термин, который будет часто встречаться на страницах этой книги.

** Еще одно знаменитое слово в жаргоне гетто: укрытие, тайник.

*** Древняя вильнюсская тюрьма.

В тот день немцы организовали на Новогрудской погром, прибегнув к услугам местного населения. Открыт счет первым убитым. Рынок на этой улице залит кровью. Немногочисленные евреи отбиваются камнями – единственным доступным им оружием. Но большинство в безумной панике спасается в погреба, забивается в любую щель. Немцы вместе с литовцами врываются в дома, громят квартиры, ищут женщин. Евреев вытаскивают на улицу, измываются над ними, некоторых приканчивают или оставляют лежать в лужах крови.

Недолго длится погром, но за эти несколько часов глина улицы Новогрудской перемешивается с кровью. В заключение немцы угоняют 500 евреев в Лукишки.

И снова устанавливается не предвещающее ничего доброго безмолвие, в котором нарастает напряженность и безысходность ожидания. Никто не знает, что готовит грядущий день.

24 июля. Временный еврейский комитет получает приказ Цанфенига увеличить число своих членов с 10 до 24. Так возникает официально утвержденный немцами юденрат. До сих пор в еврейский комитет входили активисты бывшей еврейской общины. Членами первого юденрата стали инженер Троцкий, Иосиф Шабат, Пятуховский, адвокат Пинхас Кон, Йозель Фишман, адвокат Григорий Яшуньский, Гофман, Л. Крук, адвокат С. Мильконовицкий, адвокат Сойфер, д-р Шабат-Гавронская, раввин Кац, Рабинович, Залкинд, д-р Холем, инженер Фрид, А. Зейдшнур, Школьницкий, Парнас, Верблинский, адвокат Каценельсон, д-р Либер, д-р Яков Выгодский.

Утро 3 августа. На улицах расклеены новые распоряжения: каждый еврей обязан носить изображение желтого щита Давида на груди и спине. Евреям запрещается пользоваться тротуарами. Они должны ходить по правой стороне мостовой и только поодиночке. Евреям запрещается пользоваться средствами транспорта.

Через три дня уполномоченный по еврейским делам, заместитель окружного комиссара Мурер вызвал трех членов юденрата к себе. Мурер принимает делегацию на улице:

– До завтрашнего дня, то есть до 7 августа, евреи должны выплатить пять миллионов рублей. Если сумма к этому сроку не будет внесена...

— Мы будем наказаны, — в надежде смягчить приговор суфлирует член делегации А. Зейдшнур.

— Не наказаны, а расстреляны, — роняет Мурер и отрывисто рубит: "Век!" ("Убирайтесь!").

Так на евреев Вильнюса свалилась контрибуция. Седьмого августа в девять часов утра должно быть внесено два миллиона рублей. В десять утра к Муреру надлежит явиться всему юденрату. Мурер предупреждает, что если указанная сумма не будет внесена, явившиеся к десяти найдут трупы своих коллег.

Юденрат объят ужасом. Хождение по городу разрешено только до шести вечера. На главных улицах евреям появляться нельзя, как же собрать до утра требуемую сумму? Всеобщей панике не поддается только один человек — "дед" Яков Выгодский.

— Отчаиваться не время, — стукнув тростью по столу, заявляет Выгодский, — время действовать!

Весть о контрибуции облетает город со скоростью лесного пожара. Возникают импровизированные подкомитеты, организующие сбор средств. Мужчины сдают часы, женщины — кольца. До шести вечера было собрано, как засвидетельствовал длившийся всю ночь подсчет, 667 тысяч рублей, полкило золота и около 200 золотых часов.

Наутро трое членов юденрата идут в назначенное место. На вопрос Мурера, собрана ли вся сумма, делегация отвечает, что ей это в точности неизвестно, не успели произвести подсчет... Общественники пытаются отсрочить конец, дотянуть до десяти утра. Мурер ведет их в подвал, вытряхивает на стол пачки денег и торопливо считает. Закончив пересчет, кричит: "Где остальное?!" Ему говорят, что сбор денег продолжается. "Приказы надо выполнять!" — говорит Мурер и выходит. Появляется литовский полицейский: все трое будут сейчас расстреляны: свою одежду смертники могут оставить кому-нибудь из работающих здесь евреев. Полицейский уходит; снова появляется Мурер. Спрашивает членов делегации об их профессии. Зейдшнур говорит, что он — торговец. Крук — ремесленник. Пятуховский — заместитель мэра Шауляя. Торговцу Зейдшнуру Мурер приказывает возвратиться в город и сообщить юденрату, что его члены должны прибыть не в десять, а в одиннадцать, но уже со всей суммой на руках.

Крук и Пятуховский остаются. Спустя несколько часов евреи в городе узнают, что оба расстреляны.

Все учащаются облавы, все больше жертв. На Порубанеке* евреев, работающих на расчистке минных полей вокруг аэродрома, группами прогоняют бегом по заминированному полю. Люди гибнут там изо дня в день.

Немцы требуют, чтобы юденрат сам обеспечивал требуемое ими количество рабочих рук. Выгодский отказывается поставлять рабочих, пока не придет известие от тех, кого уже давно взяли. Не даст он рабочих, не зная, куда их отправят. Выгодскому восемьдесят пять лет, и он не клонит головы перед насилием.

24 августа его забрали и увезли в Лукишки. Больше его не видели. Сокамерник, выпущенный впоследствии, передал его последний привет и подробности о том, как обращались с Выгодским в застенке. Тяжелобольной старик лежал, изнывая от страданий, в углу, который с великим трудом удалось для него освободить в забитой до отказа камере, куда немцы натолкали 75 заключенных. К нему не допустили врача, запретили оказывать какую-либо помощь, но он еще находил силы ободрять сидящих с ним евреев, пытался рассеять их отчаяние. Он был самым мужественным из них, а потом, когда их забрали из камеры, остался там один-одинешенек. Кто-то хотел оставить ему свое пальто. Выгодский отказался: ему, мол, оно уже не понадобится, а другим, может, еще принесет пользу.

Так в немом одиночестве, на стылом тюремном бетоне, в муках ушел из жизни заступник евреев "литовского Иерусалима" Яков Выгодский.

В один из дней всех вильнюсских евреев взбудоражила необыкновенная новость: к кому-то пришел на квартиру поляк-железнодорожник, работающий под Минском, и принес с собой список 87 евреев из Вильнюса. Они просят передать, что живы и трудятся в окрестностях Минска! Те, у кого забрали родственников, помчались заглянуть в список, а кто не нашел в нем родных имен, загорелся надеждой, что вскоре тоже получит весточку от сына или мужа. Евреи воспряли духом в тот день.

* Большой военный аэродром в Вильнюсском районе.

Первого сентября в четыре часа пополудни по улице Шкляна внезапно прошел слух, будто еврей выстрелил в немца и ранил его в руку. Тотчас последовали погромы. Евреи, проживающие на окраинах, ничего не знали о происходящем — с центром связаться нелегко и на те улицы не попасть. Но все ощущали повисшую над ними угрозу.

В ту ночь древние переулки еврейского квартала были взяты в кольцо полицией и войсками. Здесь, на улочках Хагаон, Шкляна, Шпитальная, Яткова, Шавельская — в переулках древнего гетто, жило больше всего евреев, и на них теперь возложили ответственность за выстрел, будто бы прозвучавший на улице Шкляна. Бедняцкие эти переулки уже не раз становились свидетелями страшных сцен, не раз видывали издевательства, испытывали страх и муки бессилия. Сюда часто наведывались немцы и литовцы. Бесперывно уводили мужчин. Искали оружие, налетали с обысками. Здесь всегда было проще простого ударить по евреям. Так произошло и на сей раз.

В эту ночь, наглухо перекрыв все входы и выходы, немцы пошли по квартирам, подвалам, чердакам, выгоняя на улицу всех — впервые без различия пола и возраста. Среди угоняемых преобладали старики, женщины и дети. Заодно забрали и юденрат, помещавшийся тогда на улице Страшунь 6.

Назавтра появилось объявление за подписью окружного комиссара Хингста:

“...В воскресенье от руки евреев пали три немца. Убийцы схвачены и расстреляны. Дабы предотвратить на будущее подобные преступления, евреям воспрещается выходить на улицу с 3 часов пополудни до десяти утра”.

А еще накануне этих событий германское радио сообщило, что в Вильнюсе расстреляны 300 евреев за убийство немца.

В ту ночь, впоследствии получившую название “ночь провокации”, немцы увели с собой пять тысяч евреев. Большинство угнали в одном белье, без верхней одежды и обуви. Их доставили в Лукишки, а оттуда увезли в неизвестном направлении.

Евреи, работавшие на Легионовой, снова увидели набитые битком грузовики, мчащиеся в сторону Понар.

СРЕДИ ВЕРНУВШИХСЯ С БЕЖЕНСКИХ ДОРОГ БЫЛ И ЭДЕК Боракс. Эдек, который в 1939 году действовал как организатор на литовско-советской границе и помог сотням халуцов перебраться в Вильнюс, завоевав своей самоотверженностью, активностью и энергией всеобщую любовь и уважение, тот самый Эдек, что работал членом подпольного руководства, не пал духом и теперь. Невозможно представить себе весь тот первый период без него, его бьющей ключом энергии, заразительного оптимизма и юной веры. Он работал с той высокой ответственностью, какую испытывает человек, когда дело, которое он выполняет, является содержанием всей его жизни.

В Вильнюсе находятся Хайка Гроссман, Аба Ковнер и Моше Балош. Участники движения рассеяны и разъединены. На первом же совещании, в котором участвовали Эдек, Хайка и автор этих строк, было решено немедленно приступить к действиям: прежде всего собрать товарищей, упрочить связи, укрепить то, что уцелело от движения. Нельзя допустить, чтобы люди чувствовали себя изолированными, брошенными на произвол судьбы, подавленными и отчаявшимися. Надо помочь, помочь морально и материально. Таковы были первые практические наметки.

Сразу же после своего прихода немцы забрали многих участников движения. Хашомеровская группа из кибуца Ла-Мишмар была арестована целиком и увезена в неизвестном направлении. Те, кто бежали от немцев и добрались до советской границы, были вынуждены повернуть назад из-за отсутствия советских паспортов, без которых через границу уже не пускали. В те дни немцы увели Моше Балоша. Я была у него за считанные часы до его ареста. Больной, он, казалось, предчувствовал близкий конец и сообщил мне, где спрятан архив. Его необыкновенное спокойствие и непоколебимое душевное равновесие потрясли меня: "Мы проходим тяжелое испытание, и кто знает, чем все это кончится? Одно нам осталось — держаться вместе и набраться мужества; авось, и выстоим".

Я простилась с ним, забрав с собой часть архива. Вернувшись, я уже не нашла Балоша. Вместе со всеми жителями дома его увели литовцы.

Осталось нас человек шестьдесят, но это были надежные

друзья, верные товарищи. Наши связи окрепли, прибавилось мужества. В такой обстановке состоялось первое собрание членов "Хашомер хацаир" на частной квартире. Шли мы туда поодиночке, с оглядкой, говорили о связи между товарищами, о том, что движение живет и существует, о взаимопомощи.

Взаимопомощь — это значит хлеб голодным, обувь и одежда для возвращающихся разутыми и раздетыми из странствий по дорогам беженцев. Это, наконец, "арбейтсшейны".

Янджа Лебедь, опытный специалист по изготовлению печатей, немедленно приступает к подделыванию "шейнов", но уже и они не спасают. Форма "шейнов" меняется изо дня в день. "Шейн", еще вчера служивший защитой от облавы, сегодня недействителен. Вчера немцы с ним считались, сегодня они рвут его на мелкие клочки и арестовывают предъявителя.

Наконец, установились контакты между организациями халуцианской молодежи: в результате возник координированный халуцианский фронт. В него вошли "Хехалуц", "Ханоар хациони" (Сионистская молодежь) и "Хашомер хацаир". "Хехалуц" представлен в координационном центре Мордехаем Тенненбаумом, "Ханоар хациони" — Нисаном Резником. Эдек Боракс — уполномоченный от "Хашомер хацаир".

Каждый из них и все сообща искали пути и средства наладить существование и быт товарищей, уберечь их от явных и тайных опасностей. В этот период, после многочисленных попыток и усилий, удалось нащупать руку помощи, протянутую нам из внешнего мира.

Ядвига Дуджич, одна из руководителей польского бойскаутского движения, была еще до начала войны вместе со своей подругой Иреной Адамович близка к движению "Хашомер хацаир". В дни, когда большинство "друзей" порвали со старыми товарищами, держась равнодушно, а порой и с неприкрытой враждебностью, Ядвига хранит нам верность и старается помочь. Благодаря ей мы устанавливаем контакт с женским монастырем под Вильнюсом.

В монастыре живут девять сестер-бенедиктинок. В полном уединении от внешнего мира и строгом подчинении суровому

уставу ордена они тяжело работают, возделывая монастырскую землю, и кормятся плодами своего труда. Их настоятельница, человек необыкновенных достоинств, понимая, что идет на смертельный риск, дает согласие спрятать в монастыре несколько наших товарищей, которым грозит опасность. Так в монастыре среди 9 мужественных набожных женщин укрылись 17 евреев, в их числе Аба Ковнер, Арье Вильнер, Иехошуа Вышинский и другие.

Тихий монастырь, одиноко стоящий между Вильнюсом и Вилейкой, стал в те кровавые дни единственным местом в Литве, где торжествовали братство и человечность. Позднее, когда в окрестностях стало беспокойней и местные крестьяне начали поговаривать, что в монастыре бенедиктинок прячутся евреи, настоятельница, переодев наших товарищей в одеяние монашек, вывела парней в мантиях на работу в поле. Так и работали эти "инокини" – на глазах окрестных крестьян.

А ВИЛЬНЮС ЖИЛ СВОИМ ГОРЕМ, СВОИМИ СОБЫТИЯМИ И слухами в полном неведении о том, что творится за его пределами. Вильнюсские евреи, как и евреи других также отрезанных от остального мира городов, были убеждены, что им хуже, чем всем; что все зависит от немецкого начальника на месте, от того, насколько он жесток или милостив. В Вильнюсе ничего не знали о массовых погромах в близлежащем Каунасе, не знали, что эти погромы были организованы и проведены самими литовцами еще прежде, чем пришли немцы, не знали об участии, постигшей тысячи евреев в местечках вокруг Вильнюса. Эти маленькие местечки близ германской границы стали местом первого массового уничтожения людей, которых неожиданно загоняли в синагогу или на рыночную площадь и расстреливали или сжигали заживо.

Ничего этого пока еще не знает Вильнюс. Еще не дошли вести о трагедии евреев в Одессе, Львове, Минске; тайной окутано происходящее в Белоруссии.

Немцы в Вильнюсе уже два месяца, и уже увезены неизвестно куда тысячи людей, как правило, молодые, здоровые мужчины; в массовых могилах уже покоятся тысячи убитых, а оставшиеся в живых еще верят, что евреев отправляют в "арbeitsлагер" – ведь на востоке нужны рабочие руки, на

территориях рейха и генерал-губернаторства отправка мужчин на работу — обычное явление. Правда еще неизвестна живым. И они жадно ловят слухи, что ни день новые. Иногда их распускают поляки, которые лезут вон из кожи, чтобы раздуть по сильнее панику. Иногда их приносят евреи, работающие у немцев. Теперь по городу ходит слух, что евреев запрут в гетто. Это новое и, увы, такое старое слово, — на устах у всех, оно сеет ужас, но и надежду. Страх перед неизвестностью будоражит умы; гадают, где именно будет гетто; некоторые уверены, что с возникновением гетто прекратятся депортации, и внутри гетто не будет погромов. Все слышали о больших гетто в генерал-губернаторстве, в том числе о варшавском, которое существует вот уже два года. Не страшны уже лишения и голод в гетто. Главное, чтобы оставили в покое, чтобы не было депортаций, только бы быть всем вместе.

А вот и приказ: евреи обязаны сдать все свое имущество. На следующий день, 6 сентября, в городе еще относительно спокойно. На стенах пока не появилось никаких новых приказов и распоряжений. И только в восемь вечера — новое ошеломляющее извещение о сборе всех телег и лошадей на рыночной площади. Люди еще ничего не понимают, а ночью в квартиры вламываются литовцы, приказывают за тридцать минут собрать вещи в один-единственный узел и объявляют, что в соответствии с приказом властей евреи изолируются от остального населения.

Вот он, смысл сбора телег и лошадей: мы уходим в гетто. Подводы уже подъезжают к домам евреев, и все их имущество вывозится. Посреди ночи литовцы выгоняют евреев из квартир. Никто не знает, где оно, это самое гетто. Тысячи вопросов, догадок, предположений вихрем вертятся в мозгу, людей пинают и понукают, как бессловесное стадо. На улицах — сумятица, неразбериха; старики, дети, калеки, лишенные возможности передвигаться без чужой помощи, младенцы в колясках. Люди покидают дома, в которых они родились на свет, росли, страдали и радовались, и уходят в неизвестность. От всего нажитого им оставлен закинутый за спину жалкий узел. Остатки мебели и вещей многие поручают знакомым, соседям — полякам и дворникам, обещая за сохранность хорошую плату. Те прибирают, разумеется, все. "Вещи всегда

будут ваши, — приговаривают они, — у нас надежно”. Все выражают свое сочувствие, но уже не могут скрыть нетерпеливого желания поскорей отделаться от бывших соседей, жадной дрожи в руках, хватающих еврейские вещи.

Многие уничтожают свое имущество. Горят ценности, валяется порубленная топорами мебель. Квартиры — как после погрома. Пусть сгинет все, но не достанется врагу!

А из других улиц уже ползут толпы людей, конвоируемые полицейскими. Люди изнемогают и падают под тяжестью своей ноши. Их поднимают прикладами, погоняют.

На улице Завальной, напротив Страшуни, беспорядочная человеческая масса останавливается по зычной команде литовцев. Все взоры устремлены на высокий дощатый забор, опутанный поверху колючей проволокой. В заборе проем — ворота. В воротах и по обе стороны от них — литовцы.

Внезапно словно пелена спадает с глаз: переулки древнего гетто, только что опустошенные — ведь это отсюда в ночь провокации угнаны тысячи евреев, — чтобы приготовить место нам. Исконное виленское гетто! Все рассчитано до малейших подробностей и подготовлено с неумолимой последовательностью.

Никто из стоящих в толпе не может постигнуть, как разместятся десятки тысяч на считанных узких переулках. Ведь это попросту невозможно! Глаза обшаривают все вокруг как бы в попытке найти ответ, и взгляд вдруг натывается на узлы с вещами, тут же рядом, на булыжнике мостовой. Что это? Значит в гетто совсем не разрешают брать вещи? А возле узлов какие-то пятна, и глаз уже различает — кровь, а вокруг толщится городской сброд.

Но где же бывшие владельцы этих узлов? Те, кто горбился над ними? Кто увязывал их? Значит снова что-тостряслось. Над толпой разливается молчание. Издали видно, как литовцы загоняют евреев в гетто, как роются в их вещах. Слышно, как спрашивают, нет ли денег и золота.

И нам, нашей группе, которая пока еще стоит на противоположной стороне улицы в томительном ожидании, счастьем кажется тот момент, когда мы, наконец, вступим в гетто: уже нет сил видеть все это.

Через час нас загоняют в гетто. Никто не думает о том, что нас лишили свободы, изолировали от всего мира, отняли

последние элементарные человеческие права. В голове пусто. Мы двигаемся через силу, механически, безучастные, равнодушные ко всему. Чувства притупились, желания исчезли. Мы — в переулке Страшунь. И снова оживают мозг и сердце. Что это? Эти сбившиеся в толпу люди с воспаленными глазами, все еще прикованными к воротам, — разве это реально? Какой-то массовый, грандиозный сумасшедший дом! Все куда-то протискиваются, толкаются, вопят, дико жестикулируют. Теперь, когда они все вместе, в этой куче, каждый со своей болью, своими страхами и отчаянием, люди судорожно цепляются за ближнего — рухнула плотина молчания. Здесь можно кричать, выть от тоски. И вопль одного рождает отклик в сердце другого, и все связаны одной участью. И уже возникает мысль о других, о тех, кого еще не пригнали в гетто. Тревожное ожидание на всех лицах, со всех сторон вопросы: откуда вы? С какой улицы? Не с Макова ли? Кто видел людей с Звириниц?..

Уже второй день мы в гетто, но нет евреев с улиц Понарской, Макова, Венглова, Звириницы. Напрасно спрашивают люди о знакомых и родственниках, проживающих там. Их нет. Они отправлены в Лукишки. Целыми улицами, подчистую.

Так судьбу человека решал случай. А судьба других оказалась предрешена тем, где они поселились в первые минуты пребывания в гетто, в каком именно дворе сложили свои отрепья и в каком именно углу устроились на полу на ночлег.

Немцы включили в границы гетто улицу Страшунь, часть Рудницкой, Шпитальной, Шавельской, Деснянской, Ятковой и Лидский переулок. На этих жалких улицах должны были поместиться тридцать тысяч евреев. И в первую же ночь, когда усталые, разбитые люди, втиснувшись в каждую щель, в малейшее свободное пространство какого-нибудь двора, забылись тяжелым, как в лихорадке, сном, гетто в первый раз навестили немцы.

Они вошли в Лидский переулок и объявили, что все, кто находятся здесь, должны встать и идти с ними: внезапно переулок был исключен из пределов гетто.

Люди спасались, прятались, прокрадывались на другие улицы. В ночных потемках теряли друг друга, принимались

голосить. Те, кому посчастливилось прорваться и очутиться на спасительных улицах Страшунь и Шавельской, сохранили себе жизнь. Однако большинство находившихся в Лидском переулке было депортировано в Лукишки. Из них спаслись единицы, выкупленные за бешеные взятки деньгами и золотом. Остальных увезли в направлении Понар.

В ночь на 7 сентября было депортировано шесть тысяч евреев — из тех, кого гнали в гетто, и из тех, кто оказался в Лидском переулке.

Так началась история Первого гетто.

Первого, потому что было еще и Второе.

В какое из них человек попал, поначалу зависело от чистой случайности: прежнего местожительства и слепой воли литовских полицейских. Кто же в эту кошмарную первую ночь мог предвидеть, какие различия со временем выявятся между этими двумя гетто и как скажется это на судьбе людей?

Жизнь нашей небольшой группы, хотя и полна того же ужаса и лишений, отличается от жизни других людей, потому что мы — другие. Мы втоптаны в грязь, как и все; мы существуем без малейшей уверенности в завтрашнем дне, как все; мы кожей ощущаем топор, занесенный над нашими головами, как все; и тем не менее — мы другие. Это различие проявляется во всем: в ощущении связывающей нас общности, во взаимной заботе и поддержке.

Большинство наших находится здесь, в Первом гетто, но на Рудницкой и на Понарской, откуда всех вывезли в Лукишки, тоже находились наши товарищи. Что с ними?

На третий день существования гетто прошел слух, будто немцы освобождают евреев из Лукишек. И вот уже толпы людей повалили на улицу Рудницкую, где находятся ворота, запрудило — не протолкаться. Я тоже протискиваюсь среди взбудораженных, измученных тревогами людей. Толкаюсь в толпе, охваченная ожиданием, с единой сверлящей мыслью: увидеть Енту! Может, правда освобождают. Она жила на Понарской. Я видела ее за день до ухода в гетто. Она беременна, уже на сносях. Мужа увели немцы. Может, выпустят?..

Улица застыла в неестественном безмолвии. Напряжение так велико, что похоже — еще минута, и это окаменелое молчание лопнет и взорвется неудержимым воплем. Ожида-

ние бесконечно. И когда оно уже потеряло смысл, закрипели ворота. Вернулись! Вернулись из Лукишек! Толпу будто током ударило. Закричали, заголосили, со слезами, со смехом кинулись к возвращающимся. Подняли, подхватили на руки. Они обмирают, ноги не держат их, похожих больше на тени, чем на живых людей.

Но это — единственные вернувшиеся.

Немцы отпустили одну эту горсточку. Всех остальных утром увезли в направлении Понар. И хотя уже ясно, что никто больше не вернется, мы продолжаем ждать. Я ищу Енту, с надеждой и страхом впиваясь в каждое новое лицо. Кажется, вот-вот я ее заметила. Но она не вернулась. От пришедших из Лукишек я узнала впоследствии, что у одной из молодых женщин в тюрьме начались роды, она страшно кричала, а немцы издевались над ней. Значит, ее отправили с остальными.

Перед моим мысленным взором встал образ Енты Либгауэр. Живые, блестящие глаза, лучащиеся умом и преданностью. И ее пение. Я отчетливо слышу ее чудесный низкий голос и завораживающее звучание иврита в песне, которая часто пелась в киббуце и которую мы сосредоточенно слушали, погруженные в мысли и видения будущего.

Ента была одной из многих. Она перешла границу, прорвалась в Вильнюс с мечтой о свободе, об Эрец-Исраэль. Она верила, что такой человек, как она, которому не занимать мужества и который знает, чего хочет, непременно своего добьется. Она погибла на самом пороге жизни.

Потеря каждого близкого человека отзывалась в сердце глубокой болью, и именно этой болью питалась тогда душа. И если бы не существовало этой связи между живыми и мертвыми, если бы не ощущали мы, что приняли их немой завет, жизнь наша потеряла бы всякий смысл.

С первого же дня, после того, как мы прошли ворота гетто, мы начали думать, как продолжить работу. Нам казалось, что здесь, в гетто, где мы уже не разъединены загороженными улицами, будет больше возможностей для работы, чем до сих пор в городе.

Налаживались и связи с "арийской" стороной. Там остались товарищи, укрывшиеся в монастыре, там осталась и Хайка, получившая удостоверение арийки. Как не хотелось ей

оставаться в городе! ”Вам легче будет, чем мне, — говорила она, — вы будете среди евреев, будете жить общей жизнью, а мне предстоит жить заложницей, с вечной тревогой за вас и вечным притворством на лице”. Но и она, и мы знали, что ничего нельзя изменить. Хайка нужна была в городе. Казалось, все было тщательно и загодя подготовлено: контакт с монастырем, связь между городом и гетто. Мы выбрали для этого один из домов с окнами на город, на угол Стефаньской, куда в условленный час Хайка должна была прийти, чтобы принять из этого окна наши сигналы. Мы верили, что так нам легко удастся установить контакт. Мы не понимали тогда, что этот план был хорош для дней, предшествовавших гетто. А здесь... все это — сплошная наивность.

В тот первый день, когда нас затолкали в гетто, мы начали искать, где бы присесть и отдохнуть, хотя бы какой-нибудь крошечный угол.

На тесном дворе по улице Страшунь 1, который нормально может вместить несколько десятков человек, ютятся сейчас сотни. Забито все, каждая щель, каждое углубление в стене. Впалку лежат на земле, подложив под голову узлы, измученные, голодные, подавленные люди. Мечутся и плачут дети. И на общем сером фоне колют глаз одиночки в элегантных костюмах, с холеными лицами, лишенными всяких еврейских черт. Они держатся обособленно, демонстрируя свое отличие и отсутствие всякой связи с толпой; порой презрительно, в сознании своего превосходства улыбаются. Это — выкресты или дети и внуки тех, кто некогда был евреем. Теперь и на них взвалили наследие предков, от которого не убежать, не отделаться. Они держатся в стороне, эти высокомерные, полные презрения к плебеям одиночки, но они еще более жалки, чем несчастные, обтрепанные, замученные люди, несущие свой крест — кто, сознавая, что его ждет, кто принимая все как есть и внутренне покоровившись горю, кто с апатией, кто с яростью.

Здесь, на этом дворе, произошло первое самоубийство. В первый же день покончил с собой доктор Гершуни, старый виленский врач и сионист. Перед смертью он говорил: ”С любовью принимаю муку, наказан за то, что не уехал в Эрец-Исраэль...” Событие не производит особого впечатления. Труп так и лежит весь день среди живых, распростертых на

земле людей, то пробуждающихся с безумными, ошалелыми глазами, то снова впадающих в транс.

Уже тогда начала стираться граница между мертвым и теми, кто еще жив. Какое-то массовое, шевелящееся кладбище.

САМОЙ ТЯЖЕЛОЙ В ГЕТТО БЫЛА ПРОБЛЕМА ЖИЛЬЯ.

Сотни людей валялись по дворам, под открытым небом, без малейшей надежды найти для себя даже самый захудалый уголок. Члены юденрата, уцелевшие после ночи провокации, старались хоть как-то облегчить положение, но, в сущности, все зависело от энергии самих людей, каждый сам изыскивал, как приспособиться. После трех суток, проведенных на дворе, нам удалось заполучить одну жалкую комнатенку в занятой уже до нас квартире. Это крохотное помещение, где ютились Эдек Боракс, Мордехай Тенненбаум, Янджа Лебедь, Витка Кемпнер, автор этих строк и другие, сразу превратилось в штаб движения.

Когда мы впервые в него вошли, нашим глазам представилась потрясающая картина — свежие, как бы еще живые следы жизни прежних хозяев, их простых радостей и печалей, следы незатейливого человеческого существования. С фотографий нам улыбались дети, десятками голосов кричали разорванные письма, раскиданные по полу книги, валялись платья, словно только что сорванные с женщин. Разрытые, перевернутые постели, остатки последнего ужина на подернутом пылью столе.

Из углов за нами следили тени людей, совсем недавно еще живших и дышавших здесь; по комнате словно метался отзвук стонов, звучавших в ней в этот последний вечер. Отныне мы будем слышать этот отзвук каждый день, он будет вести нас в каждом деле, которое мы обсудили здесь и пойдем выполнять.

В любой из комнатушек гетто живет по десять-пятнадцать душ. Люди спят в подвалах, на чердаках, на лестничных клетках. Дети, старики, совершенно чужие друг другу, случайные люди ютятся в одном помещении. В двух-трехкомнатной квартире сбивается несколько десятков человек, по десять семей и более. Плита, как правило, одна, и каждая из хозяек готовит отдельно для своих. Каждая стремится как

можно раньше приготовить ужин для своего голодного мужа к его возвращению с работы. Эта плита превращается в объект постоянных споров и склок. Со временем кое-как уладилось и это. Но полегчало от этого мало. Острая нехватка посуды, предметов первой необходимости. Хнычут, режут по углам маленькие дети, за которыми некому присмотреть, ребятишки постарше то и дело кричат: "Есть хочу!"

А когда становится невтерпех и выходишь из квартиры, попадаешь в густую толпу орущих людей. Кривые переулки гетто просто распирает от криков. Здесь теперь сосредоточена вся жизнь. Здесь кухня слухов и общественного мнения. Правда, очутившись в толпе, чувствуешь себя чуточку уверенней, но здесь почти невозможно дышать — пыль столбом, всюду мусор, от канав тянет вонюю канализационных стоков, которым некуда течь; ни лужайки, ни деревца.

В нескольких маленьких улочках скучилось более тридцати тысяч человек, и ни одной бани, нет топлива, чтобы ее топить, нет мыла, нет места, выделенного под свалку, и во дворах растут громадные кучи отбросов, кишашие мухами. А время летнее, знойное, солнце палит беспощадно. Вздыхали: если даже немцы оставят нам жизнь, в такой грязи все вымрем от эпидемий.

Но жизнь тем не менее начала как-то налаживаться, приобретать какие-то определенные очертания. Укомплектовали юденрат, сформировали еврейскую полицию.

Поначалу она собиралась охранять порядок в гетто и наблюдать за выполнением распоряжений юденрата, взявшего на себя решение по мере сил проблем жилья, здравоохранения, санитарии и рабочей силы. В гетто был создан "арbeitsамт" — еврейская биржа труда, подчиненная германскому "социаламту".

В первый же день повели на работу. Первыми пошли те, кто до гетто работал у немцев.

Изо дня в день чуть свет выходят из ворот гетто длинные колонны заклеенных желтым клеймом евреев под конвоем немцев и литовцев. В городе колонны разделяются, и каждая бригада шагает к своему месту работы. Работают, как правило, мужчины. Каждому выдается "арbeitsшайн". Гнут спину каторжно — более десяти часов, а вечером, смертельно усталые, возвращаются под немецким конвоем в гетто.

В этот час переулки гетто забиты народом, упорно продвигающимся вперед. Каждый спешит домой. И только минует ворота, как отряхивается от всего, что пришлось перетерпеть за день. Кажется, даже усталость на минутку улетучивается из ноющего тела. Жадно ждут его прихода домашние — может, принесет с работы краюху хлеба или пару картофелин, а если сильно повезло — и бутылку молока. В первые дни единственным источником существования были продукты, которые удавалось купить идущим в город, а потом пронести в гетто. Были и такие, кто спасался тем, что успел захватить с собой при переселении; третьи кормились остатками продовольствия, найденными в квартирах, но угроза голода каждый день вставала перед людьми.

Однако несравнимо хуже было положение во Втором гетто.

В соответствии с приказом властей, Первое гетто было наименовано "фахарбейтергетто", то есть гетто ремесленников, которым разрешалось проживать в нем вместе со своими семьями. Второе предназначалось для чернорабочих, не имеющих ремесла. Это — три с половиной тесных переулка: Шкляна, Жидовская, Хагаон и пол-Ятковой, куда согнано 11 тысяч человек — в основном не пригодные к труду старики и значительная часть вильнюсской интеллигенции. Согласно приказу, люди с профессиями обязаны вместе с семьями переселиться отсюда в Первое гетто, людей без профессии из Первого гетто переведут во Второе. Этот приказ вызвал сильнейшую тревогу в обоих гетто, между которыми существует повседневная связь: уполномоченным юденратов (таковой создан и во Втором гетто) разрешено передвижение из гетто в гетто, и на работах в городе евреи из обоих гетто трудятся пока вместе.

Немцы вводят новые "шейны". Вместо "арbeitsшейна", который имел на руках до сих пор каждый рабочий, распределили "фахарбейтершейны", выдав их мизерному числу евреев — обладателей нужных немцам профессий. Юденрат Первого гетто издает строгое предостережение тунеядцам, не имеющим никакого ремесла, чтобы немедленно убирались из гетто.

Начинается регистрация тех, кто получил "фахарбейтершейны". Каждый из этих "счастливых" вправе содержать при себе семью — жену и детей. У кого новых "шейнов" нет, тот

должен перекочевать во Второе гетто. Часть людей уходит по доброй воле, часть выводится еврейской полицией, а меньшинство прячется, открывая главу "нелегального" существования в гетто. Среди нас они — первые нелегальные.

Начались регулярные странствия из гетто в гетто. Кроме групп, переходящих из одного гетто в другое со всеми пожитками, целые толпы ходят по воскресеньям из Первого Гетто во Второе, так как там есть баня и немцы разрешили жителям Первого гетто пользоваться ею.

Вместе с такой группой, направляющейся, якобы, в баню, мне удалось однажды провести в том гетто несколько часов. Были там некоторые наши товарищи, которых я давно не видела. Надо было поговорить и заодно посмотреть гетто, где жили тысячи евреев.

В первый раз я вышла в тот день из стен гетто. Я снова в городе, опять "на той стороне". Достаточно было ступить за ворота, чтобы убедиться, что во внешнем мире все идет как будто по заведенному порядку, и жизнь, которая совсем недавно была и нашим достоянием, отнюдь не рухнула и не сметена потопом.

Все как было, без перемен — дивились мои глаза. Как прежде, люди ходят по тротуарам и не сбиты в кучу, так здесь просторно. Как всегда — улыбающиеся элегантные дамы. Кричащие рекламы в витринах зазывают к товарам. Цветы на газонах, улица купается в солнце и зелени. А мы, по три в ряд, тянемся вереницей по мостовой, как осужденные, которых вывели на свет божий, чтобы еще горше стало им по возвращении в застенки.

Прохожие минуют нас равнодушно. Иногда мы ловим любопытный, порой сострадательный взгляд, но преобладает безразличие, то и дело замешанное на злорадстве. Я предпочитаю их милосердию ледяное равнодушие.

Мне тогда подумалось о том, что нацизм все-таки преуспел, привив людям мысль о неполноценности нашей нации, убеждение, что мы — не как все нормальные человеческие существа, и общепринятые законы и принципы в отношении нас не обязательны.

У меня было такое чувство, что на этом пути из гетто в гетто я прожила целую жизнь; казалось, что, пока я дойду до вторых ворот, я наберусь той старческой мудрости, которую

уже ничем не удивишь. Но то, что я увидела за воротами Второго гетто, убедило меня, что реальность превосходит любую фантазию. Пришедшие из Первого гетто и считавшие, что ими измерены уже все бездны сущего, попадали в еще более страшную бездну. Меньше людей, больше тишины. Нет того шума, того движения. И старики. Много, очень много стариков, живущих в непрестанном страхе, в ежеминутном ожидании беды, в съедающем нервы напряжении. И все это запечатлено на испуганных лицах. Здесь все одержимо страхом. Гетто для чернорабочих. Немцы приказали всем ремесленникам уходить отсюда. Оставшиеся поняли, что им не сдобровать. Никто из них не получил нового "фахарбейтершейна". Большинство не выходило на работы. Зависть к жителям Первого гетто, откровенная враждебность к счастливым с "шейнами", которых переселяют в Первое гетто, владеют этими людьми.

Один обреченный завидовал другому. Рядом с самыми несчастными были еще более несчастные. Всем им было уготовано уничтожение, но сейчас среди них были люди, верившие, что им-то опасность не грозит, и те, кто ежеминутно ощущал на затылке дыхание смерти. Это была продуманная система: натравлять людей друг на друга, создавать противоречия среди тех, кому заранее предопределена единая и равная участь, будить животные инстинкты, гнездящиеся на задворках души. Инстинкт самосохранения, разросшийся в этих условиях до гиперболических размеров, стал править людьми безраздельно, и очень скоро мы оказались свидетелями того, как сметает он человеческие мерки и ценности.

По дороге назад, в Первое гетто я уже не смотрела по сторонам. Все мысли были полны Вторым гетто. Даже если нам удастся вырвать оттуда несколько товарищей, что станется с тысячами? С тысячами, которые заключены там и ждут приговора. Нет никакой возможности их спасти — все мы бессильны, как и они. Все слабы.

Наши опасения сбылись внезапно и раньше, чем мы предполагали. Однажды вернувшись с работы принесли весть, что во Втором гетто началась "акция". Всех охватил ужас. Чуть позднее выяснилось, что оттуда переселяют в Первое гетто последнюю партию "фахарбейтер", но для остающихся существование стало еще более страшным.

Страх и ожидание рокового часа усиливались с каждым днем. Часть жителей Второго гетто делает нечеловеческие усилия, чтобы пробраться в Первое гетто. Удастся это единицам. Ведь за тем, чтобы на территории Первого гетто не было нелегальных жителей, лишенных работы и "шейнов", следит юденрат и полиция. Им кажется, что они спасут свое гетто от неумолимого уничтожения.

В ночь на 15 сентября 3550 евреев были забраны из Первого гетто, якобы для перевода во Второе. Все произошло быстро, без заминки, по заранее подготовленным спискам. В отправке участвовало небольшое число литовских полицейских. Из указанных 3550 евреев в гетто пришло только 600. Остальных 2950 человек депортировали в другом направлении.

Потом рассказывали, что видели партию евреев, которая шла по улице с красным флагом, барабаном и трубой и пела "Катюшу". За ними шагали немцы, покатываясь со смеху и заставляя евреев повторять песню снова и снова.

А те счастливицы, которые выходят на работу с "шейнами" на руках и не должны томиться день-деньской в гетто, возвращаются по вечерам совершенно изнуренные и обессиленные, рассказывают о непрерывных издевательствах немцев и литовцев, об их дьявольских штучках, которые хуже плетей и каторги.

Помню, как после первого дня работы вернулась в гетто Рашель Маркович. Ее нельзя было узнать. Синее от побоев лицо. Но горше тела страдала ее душа. Эта девушка не знала страха, была не в состоянии подчиниться и хотя бы для виду примириться с рабством. И в первый же день она узнала цену смелости.

Немцы без всякого повода вдруг начали избивать мужчин бригады, в которой работала Рашка. С надругательствами их исколотили до крови, а мужчины молчали. Рашка наблюдала и мучилась их безответностью. Она терзала ее больше, чем зверства нацистских тварей. И в момент, когда фельдфебель-немец принялся за нее, она выпалила ему все, что она о нем думает. Ее избили, били долго и методично.

Не забыть мне лица, искаженного болью и гневом, глаз застывшей в них странной, незнакомой молнией, и слов, доносящихся ко мне из далекого далека: "Меня им все-таки не сломить!"

МАЛЕНЬКАЯ КОМНАТКА НА УЛИЦЕ СТРАШУНЬ 15 СТАЛА нашим центром. Сюда собираются товарищи, стекаются извещения. Здесь проводятся первые заседания.

Связь с Хайкой налажена с первого же дня. Эдек встречается с ней на месте его работы ежедневно. Еврейские рабочие при виде молодой полячки, которая не боится встречаться с одним из них, уверовали в польскую дружбу. Никому не приходит в голову, что эта девушка рискует жизнью и за ее арийской наружностью скрывается трепетное еврейское сердце.

Так из гетто информация передается в город и монастырь.

На арийской стороне находится и Тема Шнейдерман. Ее светлые косы и васильковые глаза ввели бы в заблуждение даже профессора расистской антропологии. Тема с Хайкой встречаются в городе и стараются обзавестись связями с поляками.

Халуцианская координация крепнет. На первом заседании с участием представителей организации принимаются решения о налаживании материальной помощи и общих усилиях по обеспечению безопасности товарищей.

В те дни было получено письмо из Варшавы от Иосифа Каплана. Это была первая весточка оттуда.

Иосиф писал о работе варшавского отделения в тяжелых условиях гетто, о том, что вести из Вильнюса свалились на них, как гром с ясного неба. "Помните, — писал он, — что в эти тяжкие минуты мы с вами. Будьте верны движению. Не падайте духом".

Для нас это письмо было как привет от далекого любимого брата. Но мы уже тогда понимали, что наша работа в рамках движения должна быть иной, чем в Варшаве.

Руководство решило созвать совещание актива, чтобы наметить курс. Никогда не проводилось совещание в таких условиях. Никогда так не ждали его решений, и никогда значение его не было так серьезно. Мы с жаром занялись подготовкой. Предусматривалось привлечь к участию в совещании наших товарищей, находившихся за пределами гетто, и мы должны были приготовить для них места и "шейны".

В тот день впервые пришли в гетто Аба и Хайка.

За несколько часов до начала совещания по гетто распространяется тревога. В чем дело, не знает пока никто. Улицы

полны народу. Прошел слух, будто гетто окружено. Беготня, крики, плач детей. Люди ждут прихода литовцев. Вдруг возглас: "Успокойтесь! Акция во Втором гетто".

Акция во Втором гетто. Снова депортируют евреев, а еще ничего не известно о тех, кого увезли прежде.

У каждого из нас во Втором гетто есть близкие и друзья. У каждого в голове сверлит: куда их везут?

Тоска сжимает сердце, потому что уже просочились из литовских городов и местечек сведения об акциях и резне. Нет подробностей, но все яснее сознание, что эти события не являются каким-то особым уделом какого-то одного места. Вал погромов и депортаций обрушивается всюду, куда ступает фашизм.

А время-то – самое начало войны, и что ни день, то новые немецкие победы и новые захваченные территории.

В такой атмосфере собралось наше совещание.

Было нас человек двадцать. Весь актив целиком. Комнатка на улице Страшунь 15 обрела странную торжественность. Никогда еще ее стены не были свидетелями такого волнения и таких надежд, как при звуках нашего гимна, которым мы разорвали душную тишину гетто, вкладывая в песню всю силу наших легких, все наши надежды и упования.

По сегодня храню я в своем сердце отрывки слов и мыслей, высказанных тогда и ставших спутниками каждого из нас на своем пути.

Аба Ковнер:

– Слезами сегодня омыты бесчисленные еврейские лица. Что ни лицо, то ужас, что ни взгляд, то беспредельная мука. И все же я не уверен, сильно ли отличалось выражение на лицах наших отцов во время Кишиневского погрома. И очень может быть, что деды наши в дни черной гайдамацкой чумы хлебнули больше мўки, чем их внуки и правнуки в гетто Литвы и Польши.

Говорю это не для утешения. Страдания нельзя мерить на весах. С субъективной точки зрения, мўки моего деда во времена Хмельницкого были, возможно, самыми страшными на свете. Но объективно мы стоим перед величайшим мученичеством всего еврейства, и это – впервые за всю нашу историю в диаспоре. Ведь любое бедствие, постигавшее евре-

ев, имело свои геополитические пределы в виде определенного государства или союза государств. И когда все уж, казалось, погребено, по ту сторону границы возникал новый строй, в лоне которого заново возрождались еврейская жизнь и складывался ее новый центр.

Однако сегодня идею борьбы с евреями несет сила, поглотившая десятки стран и оккупировавшая европейский материк. И если Гитлер намеревается ликвидировать нас, то мы стоим перед уничтожением, равного которому по масштабам наша история не знала.

И нет утешения. У наших отцов и предков был Бог, Мессия. Наш реальный Мессия — Красная Армия — тоже не утешение, несмотря на мое глубокое убеждение, что победа будет за ней. Потому что даже если враг будет разгромлен в результате военной победы, он возродится снова, ибо Красная Армия — сила не только военная. Победа, в конечном счете, будет за советским строем. Однако для нас, весьма вероятно, день его победы может наступить слишком поздно, когда уже нечего будет спасти.

И тем не менее, я твердо верю, что наш народ выживет и выйдет из горнила страданий. Моя убежденность базируется на том свойстве, которое в мирное время есть корень нашей национальной слабости, но вместе с тем — и один из элементов, позволивших пережить нашему народу многие эпохи и исчезнувшие империи. Это — наше рассеяние.

Так и сегодня: нет реакционной силы такого международного размаха и монолитности, чтоб могла затопить все континенты, где диаспора укоренила свои ростки. Даже у чернорубашечной чумы есть границы, за которыми уцелеют большие еврейские массивы с центром в Эрец-Исраэль. От них и пойдет новое возрождение нашего народа. В нем, этом центре, будем мы черпать нашу убежденность. Ведь были уже периоды, когда наша численность упала до 3 миллионов, а всего несколько веков спустя она возросла до 18 миллионов.

Слово получает Хайка:

— Как бы ни было страшно наше ближайшее будущее, нельзя допустить, чтобы испытания застали нас как тысячу разрозненных и разъединенных одиночек. Нам надо держаться организованным коллективом.

В своей жизни, борьбе даже в самых трудных условиях мы останемся организованной частицей движения.

Нет сомнений, что нам предстоят тяжкие испытания — и личные, и общие как членам "Хашомера". Нельзя нам забывать, кто мы и какую приняли на себя ответственность. Мы отрезаны от Эрец-Исраэль, от движения и от товарищей в других городах и гетто. И все-таки мы не одиноки.

Сознание, что движение существует и действует в каждом из мест и наперекор всему и что мы — часть этого целого, прибавит нам сил и поддержит в нашей работе.

Слово берет Эдек:

— Нас мало осталось. И на тех, кто пока жив, лежит многократный долг. Несмотря на малочисленность, мы должны разделить силы. В любых условиях продолжим работу в гетто, с которым связаны и где есть масса молодежи, а ведь именно она должна быть объектом нашего внимания. Необходимо создать условия для минимальной безопасности товарищей. Будем изыскивать возможности в городе, на арийской стороне. Наша цель — не личное спасение "хашомеровцев", как бы дороги они нам ни были. Мы хотим обеспечить ядро актива, которое со временем сумеет продолжить нашу работу и принять на себя груз ответственности за движение.

Выступали и другие. Говорили о значении совещания, о новом периоде, который оно знаменует. До сих пор вижу мысленным взором лица моих товарищей, излучающие убежденность и благородство, их жесты, вижу каждую подробность. Светлые косы Ривки Медайскер, задумчивое лицо Янджи, дышащего энергией Эдека, нежные выразительные глаза Хадасы Каменецкой, черты Лизы Магун, жгуче-глубокий взгляд Рашки и много-много других. Все они проходят передо мной в трагическом хороводе. Все, из которых никого не осталось в живых. И которых никогда не забудет мое сердце.

В НАРОДНОЙ СТОЛОВКЕ НА УЛИЦЕ СТРАШУНЬ 2, ОРГАНИ-
зованной юденратом, ежедневно отпускают суп беднякам гетто. Суп раздают раз в день, в обеденное время, но очередь собирается чуть свет. Десятки жалких, до ужаса исхудалых

фигур безропотно проводят во дворе многие часы в ожидании миски горячего, большей частью, просто горячей воды, в которой летом плавают немного крупы, а зимой — огрызки мерзлой капусты.

Но столовка знает не только крики голодных людей да звон пустых мисок. Директор столовки — Соломон Энтин. Благодаря ему мы можем пользоваться помещением по ночам. Как это выручало нас впоследствии! Жалкая столовка превратилась в один из центров нашей работы.

Поздним вечером, когда большинство усталых жителей гетто уже забылось сном, один за другим прокрадываемся мы в маленькую комнату, которая здесь служит конторой, запираем за собой дверь, зажигаем свет. Лампочка разгоняет ночные тени и освещает рослые фигуры Мордехая Тенненбаума и Соломона Энтина, мужественное лицо Янджи и совсем еще детское личико Ривки Медайскер.

Янджа — спец по подделке удостоверений. Беззаветно предан он общему делу. В движении Янджа славился своим артистическим и музыкальным талантом, организацией хоров и ансамблей. Теперь он присаживается к столику, раскладывает свои инструменты и удостоверения, изучает фотографии наших "арийцев" и берется за дело, работая без передышки, с огромным напряжением. Трудно поверить, что это — тот самый Янджа, артист и певец...

На бланки старых свидетельств, подчищенных Ривкой, Янджа клеит новые снимки, мастерски дорисовывает недостающие полукружия "настоящих" печатей. В итоге у нас на руках имеются первоклассные удостоверения, не вызывающие никаких подозрений. Каждый такой документ проходил затем через множество рук и многие глаза тщательнейшим образом проверяли каждую деталь.

Все мы стали крупными "специалистами" в этой области. С первого же взгляда мы могли определить, новое свидетельство или старое, прошло оно "химчистку" или нет. Каждую печать мы изучали как опытные эксперты, и в конце концов наши мастера достигли такого совершенства, что даже нам самим нелегко было установить подделку.

Со временем благодаря этим документам в городе жили и работали родовитые, до седьмого колена, поляки-католики:

Эдуард Борковский (Эдек), Ян Станкевич (Соломон Энтин), а также караим Тмаров (Мордехай Тенненбаум).

На заседаниях координационного комитета решено было снабдить всех товарищей поддельными удостоверениями на случай акции или депортации.

А в гетто царит относительное спокойствие. Вот уже некоторое время не происходит ничего из ряда вон выходящего. Люди, пользуясь передышкой, начинают налаживать жизнь, проявляя при этом незаурядную волю и талант.

По инициативе учителя Олицкого в гетто основана школа. Здесь дети проводят большую часть дня до возвращения родителей с работы. Повсюду организовано борются с антисанитарией. На улицах продают кипяток для заварки чая.

А по вечерам можно уже видеть толпы гуляющей молодежи, заметить подчас и влюбленные пары. Их юные, полные жизни лица особенно выделяются на сером фоне. И бьет по сердцу их немой крик: мы молоды, верните нам весну нашей жизни!..

На улице Страшунь 6 находится книгохранилище "Мефицей-Хаскала". Немцы разрешили сосредоточить здесь книги из остальных библиотек. И люди читают. Здесь постоянно длинные очереди, причем многие становятся завсегдатаями.

А на воротах гетто большая вывеска, прибитая гитлеровцами:

"ЭПИДЕМИЯ! ВХОД ВОСПРЕЩЕН!"

Под нею вторая вывеска, и буквы поменьше:

"Евреям запрещается вносить продукты питания и топливо.

За нарушение — расстрел!"

В гетто начинаются браки... "шейнов". Поскольку обладатель "фахарбейтершейна" имеет право содержать семью — жену и детей, многие регистрируются фиктивно. Поначалу эти браки носят только "семейно-дружественный" характер: сыновья записывают своих матерей как жен, есть отцы — ровесники своих детей. Много таких супружеских пар, где жена замужем за посторонним, у которого есть "фахарбейтершейн", в то время как ее настоящий муж тоже ищет себе привилегированную с "шейном", согласную зарегистрироваться с ним...

Вскоре эти браки начинают служить источником спекуляции. За регистрацию требуют платить наличными и золотом. Цена на владельцев "шейнов" головокружительно растет. Люди снимают с себя последнее, продают все подчистую, чтобы заплатить за регистрацию. И если набирают нужную сумму, покупают "шейн".

Настал Судный день. Первый в гетто. На рассвете все рабочие ушли на свои объекты. В старых полуопустошенных синагогах, на частных квартирах истово молятся старики.

Не знаю, правда ли, или мне только померещилось, будто взмыл над городом слитный, могучий крик смертного плача: Боже, за что ты меня отрунул?!..

После полудня по всем дворам забегала еврейская полиция, приказывая мужчинам выходить из домов и собраться на улице. В гетто вошли немцы. Пришли якобы установить, кто не вышел сегодня на работу. Начались обыски. Несколько евреев избили. Орали, издевались, потом убрались восвояси, никого не забрав. Гетто глубоко вздохнуло. В измученных сердцах затеплился лучик надежды: может, одним страхом и отделаемся?

В сумерках вернулись мужчины. На местах работы ничего не стряслось. Люди повеселели. В воротах разрешают пронести больше продуктов, чем обычно. Вернулись с молитвы старики, ослабевшие, истомленные постом, но приободрившиеся.

К ночи, когда после дневных треволнений воцарился покой, гетто было окружено немцами и литовцами. Тысячи людей заметались в крошечной тьме. Женский плач, крики. Что происходит, чего хотят немцы?.. Кто без "шейнов", кинулись в "малины", прекрасно понимая, что в любом случае первые жертвы — они. Да и обладатели "шейнов" раздумывают, не лучше ли им попрятаться. Панику усиливает еврейская полиция, которая издает противоречивые приказы и распространяет неверную информацию. В гетто вошли литовцы.

В этот момент у большинства наших товарищей не было "шейнов". В последнюю минуту, когда гетто уже окружили, все по собственной инициативе собрались в комнатке на улице Страшунь. В такие мгновения люди судорожно льнут друг к другу.

В комнате почти весь наш актив. С нами и Хайка, она пришла в гетто накануне. Нет у нас никакого убежища, ни одной "малины", а сейчас искать поздно.

В последний момент, когда уже нечего было терять, все собравшиеся втиснулись в нашу комнатку в самой глубине квартиры. Дверь замаскировали найденным у соседей тяжелым дубовым шкафом. Скрыв таким образом наличие комнаты, с бьющимися сердцами принялись ждать развития событий. Я с Виткой осталась в пустой квартире. У нас тоже не было "шейнов". Но ведь нельзя было оставить всю квартиру без единой живой души — это вызвало бы у немцев подозрение и начался бы обыск.

А дело принимало скверный оборот. Приказ гласил, что все обладатели "фахарбейтершейнов" должны собраться с семьями у ворот для перерегистрации, а те, у кого "шейнов" нет, — немедленно отправляться во Второе гетто.

Литовцы входили в квартиры, вытаскивали прячущихся, выстукивали стены, взламывали полы. И где бы они ни появлялись, раздавались крики и плач депортируемых.

По такому пронзительному крику, просверлившему тишину нашей квартиры, мы поняли, что они рядом и вот-вот войдут.

А вдруг — чудо, вдруг пройдут мимо?!..

Внезапно мы сорвались с места. До этого мгновения мы не обменялись ни единым словом. Надо посмотреть, что происходит. Сидеть так и ждать — этого нельзя больше выдержать. Двор был погружен во мрак, ни души, но мы точно знали, что литовцы рядом, они где-то здесь. А может, были и ушли?! Да нет, это было бы слишком большим счастьем. Мы начали подниматься по ступенькам и наскочили на них на лестничном пролете первого этажа, откуда они вывели нашего соседа. Сердце упало. Конец, и некому будет даже рассказать. И тут мы заговорили с ними — на авось, терять-то все равно нечего. Невинно спрашиваем, должны ли жены полицейских тоже регистрировать "шейны"? Мы жены полицейских и слышали, что на нас это не распространяется. Говорим, а внутри озноб — вдруг сейчас потребуют показать "шейн".

— Почему здесь вертитесь? — пробурчал один, а другой жестко спросил:

— Что вы здесь делаете?

Мы затагнули ту же песню: жены полицейских, тут живем. Вглядываются в нас, изучают. Колеблются. В глазах хмурое недоверие. И вдруг:

— Жены полицейских — марш по квартирам! Нечего вам здесь!

Ноги у меня подкашиваются. Собираю последние силы, чтобы уронить: наверху только квартиры полицейских, и сейчас там никого нет.

Молча мы вернулись наверх, в наши пустые комнаты, в которых еще стыл страх, не осмеливаясь нарушить их кладбищенское безмолвие. Мы боялись собственного голоса, боялись подумать, что удалось-таки спасти жизнь...

Постучались в стену. Отозвался тревожный голос Эдека. "Успокойтесь, опасность миновала", — сказала одна из нас. Ответом было молчание.

Это угнетающее молчание продолжалось всю долгую, бессонную ночь, которую мы провели в квартире по-прежнему в полном одиночестве, наедине со своими переживаниями и мыслями. Едва начала рассеиваться тревога за судьбу близких, нахлынул ужас при мысли об участии гетто и его жителей, угоняемых литовцами. В растущем с часа на час волнении ждали мы возвращения тех жильцов нашего двора, у кого на руках были "шейны".

Никто не вернулся.

Утром стало известно, что немцы потребовали восемь тысяч евреев. Перерегистрация "фахарбейтершейнов" была западней, в которую попались устремившиеся к воротам владельцы удостоверений. Немцы на месте рвали все свидетельства и депортировали их обладателей из гетто.

С ними же увели всех лишенных "шейнов", которым было приказано переместиться во Второе гетто.

Яков Генс, начальник полиции, вступил в переговоры с главным палачом гетто — начальником гестапо Вайсом. Он, Генс, согласен добровольно поставить две тысячи евреев. Вайс не уступал, настаивал на цифре 8 тысяч и грозил уничтожить гетто целиком. В конце концов, поладили и сошлись на трех тысячах.

Генс был очень горд собой. Он верил, что благодаря его уму и дипломатическому таланту удалось спасти пять тысяч евреев. На следующий день выяснилось, что еврейская поли-

ция провела акцию собственными руками. Сами полицейские тоже были убеждены, что действуют на благо гетто, и восхищались своим начальником.

Так на исходе Судного дня немцы депортировали из Первого гетто 2 200 евреев.

В тот же день во Втором гетто были проведены две акции.

В 1.30 пополудни немцы увели 800 человек. В семь вечера вернулись и забрали еще 900.

Из обоих гетто в тот день было увезено 3900 евреев.

АКЦИЯ НА ИСХОДЕ СУДНОГО ДНЯ ДЛИЛАСЬ ВСЕГО несколько часов, и назавтра гетто притихло. Нет дома, откуда не был бы вырван кто-нибудь из семьи. Во многих случаях забрали целые семьи, не оставив никого, а на следующий день нужно продолжать жить: нельзя не выйти на работу, нельзя отдалиться горю. Ты обязан находиться на своем месте, смотреть на своих убийц, не дать отчаянию вырваться наружу и еще думать о том, как тайком пронести в гетто огрызок хлеба и немного дров. Ведь пока ты жив, нужно хоть как-то кормиться.

Вчера забрали четыре тысячи, а сегодня у бредущих через ворота — одна мысль: чтоб не отобрали хлеб и не заметили, что карман оттопырился от спрятанных картофелин. Дома дрожат от холода дети и просят есть.

Гетто не знает "завтра", живет настоящей минутой. Когда человек поутру просыпается после тревожного сна, первая его мысль — ночь прожита, но что принесет день?..

Дня через три после акции из Лукишек вернулось несколько десятков человек, забранных на исходе Судного дня. Большинство — специалисты, выкупленные немцами, у которых они работали. Их возвращение заронило в сердца отчаявшихся слабую надежду. Они принесли приветы от многих, кто остался в тюрьме. Они рассказали о пережитом после того, как их вывели из гетто. По этим рассказам мы получили некоторое представление о происходившем по ту сторону ворот.

На исходе Судного дня литовцы погнали колонны женщин, стариков и детей в Лукишки. Шел проливной дождь. Женщин затолкали в камеры, мужчин оставили во дворе. Среди

промокнувшей до костей толпы прохаживался литовец и раздавал зуботычины. Утром начали искать золото и драгоценные камни. Людей бросали в камеры и отнимали все. Тех, кто не отдавал драгоценности сам, избивали в кровь. Процедура шла под окрики и насмешки немцев. Под утро покончил с собой молодой парень, задушив себя веревкой, привязанной к водосточной трубе. Прибывший офицер гестапо, глядя на труп, сказал, растягивая слова:

— Очень, очень жаль... Нам нужен каждый еврей.

В тот же день пришли немцы из хозяйственных подразделений за самыми необходимыми им специалистами. Иногда они появлялись в сопровождении работавшего у них еврея, пытавшегося добиться спасения родственников или знакомых. Освобождали по спискам. Немцы входили в камеры и выкликали имена. Люди сбивались к двери и напирали так, что вызванному порой не удавалось пробиться вперед и вместо него освобождался другой.

Назавтра освободили евреев, приписанных к 5-ой колонне, где ощущалась нехватка рабочих рук. Один из освобожденных предложил спасти раввина, взяв его в качестве рабочего. Рабби отказался в пользу кого-нибудь помоложе, а было ему сорок пять лет. Этот человек пронес с собой в Лукишки мешок сухарей и раздал все до единого, ничего себе не оставив.

В ночь на 4 октября немцы забрали во Втором гетто две тысячи евреев. Они заявили, что повезут их в третье гетто, поскольку в Вильнюсе работы на всех не хватает.

Последнюю партию повели под утро в сопровождении сильного немецкого и литовского конвоя. Колонна двигалась, полагая, что ее ведут в какой-то новый лагерь, называемый немцами "гетто № 3". Оpozнав дорогу, евреи поняли, что их гонят в Лукишки. Остановились. Немцы накинулись на людей, пытаясь побоями заставить продолжать путь. Тогда вся партия села на землю посреди улицы, и ни с места. Для немцев это было таким сюрпризом, что они завернули всю группу назад в гетто.

То был первый случай массового пассивного сопротивления, оказанного вильнюсскими евреями.

Гетто ждет. Гетто всегда находится в ожидании чего-то рокового, неизбежного. Постоянное напряжение съедает все

силы и волю. Живут слухами. Кто-то сказал, что слышал по радио о крупной победе русских, немцам скоро, совсем скоро — конец. Это совершенно точно. Новость молниеносно облетает все гетто. И тысячи евреев проводят тот день с восхитительной мыслью — освобождение близко.

Есть и такие, кто утверждает, что своим ожиданием всяческих несчастий и распространением вздорных слухов евреи сами накликают на себя страшную беду.

Тем временем юденрат забирает всю власть в гетто в свои руки. Номинально его возглавляет инженер Анатолий Фрид, никчемный человек с болезненной амбицией. Участь гетто интересует его постольку, поскольку это связано с его личной выгодой и удобствами. Подлинный хозяин юденрата — адвокат Григорий Яшуновский, члены — Фишман, Гохман и Мильконовицкий.

Юденрат пытается упорядочить все сферы жизни гетто. В этот период проявляется много инициативы, но со временем все эти власть имущие со своими приказами и подчиненной им полицией напоминают персонажей трагического фарса: впечатление таково, что они окончательно свихнулись от сознания своей важности и потеряли всякую способность здраво видеть и оценивать действительность.

На авансцене гетто, подле начальника полиции Генса, значение которого растет не по дням, а по часам, так что теперь он уже фактический представитель гетто в отношениях с германскими властями, появляется новая фигура — Салек Деслер — вильнюсский еврей. Должность его пока незначительна, но известно, что у него есть связи с немцами. Он бывает у Вайса и может многое сделать для евреев. Этому грузному человеку с отталкивающей наружностью предстоит стать одним из самоуправных властителей гетто.

Между тем немцы начали выдавать на местах работы новые "шейны". После белых "шейнов", после "фахарбейтершейнов" пришла очередь желтого "шейна".

Желтый "шейн" достается немногим счастливицам. Для того чтобы его получить, человек должен быть классным специалистом. Но и специалистам не всем удастся его выцарапать. В большинстве случаев все зависит от протекции, денег и того, берет ли немец, у которого работают, взятки.

Теперь единственной мечтой всех евреев в гетто становится

желтый "шейн". Наученные опытом, они знают, что каждое нововведение несет с собой беду... Сначала были белые "арбейтершейны", потом белые "фахарбейтершейны", теперь желтые — а от "шейна" к "шейну" бесследно исчезали тысячи.

В гетто складывается привилегированная клика владельцев желтых "шейнов". Кроме чувства безопасности, которое вселяет в них обладание желтой бумажкой, она несет с собой и доход: ведь каждому владельцу "шейна" позволено содержать семью. Снова — эпидемия фиктивных браков. Те, кто отдал последнее, чтобы зарегистрироваться с "фахарбейтершейном" и полагал, что тем самым застрахован с ног до головы, оказываются теперь в безвыходном положении. В гетто рассказывают, что немцы собираются выдать всего три тысячи "шейнов". Счастливые владельцы "шейнов" требуют за фиктивную регистрацию 300 рублей золотом. На деле же официально ничего не объявлено. Все по-прежнему работают на своих местах. И те, у кого на руках не было никакого "шейна", получают теперь белый "фахарбейтершейн". Этот факт вызвал новый приступ тревоги. На расспросы евреев немцы отвечают усмешкой: "Еврейям ничего не грозит. Ведь они хорошие рабочие". Многих это успокаивает, но в целом напряжение растет и усиливается гонка за "шейном" — гонка за жизнью.

Никому из живущих по ту сторону ворот никогда не понять, что клочок желтой бумаги действительно решал судьбу человека, не постигнуть дьявольски рассчитанной системы врага, которому удалось изобрести "законные" стереотипы массового уничтожения людей. И еще трудней постигнуть, как евреи в гетто, не понимавшие подоплеку происходящего, постепенно начали мыслить понятиями врага. Обладатели желтых "шейнов" прониклись чувством своей особой значимости и преимущественного права остаться в живых. С другой стороны, лишенные "шейнов" свыклись с мыслью о своей второсортности и согласились с таким разделением гетто на две категории. Германская система, направленная на разжигание самых низких человеческих инстинктов, заражала осужденное на уничтожение гетто своей грязью и отравляла мозг своих жертв.

Когда в ночь на 22 октября забрали 80 парализованных стариков из Первого гетто и 60 — из Второго, многие сочли

это почти нормальным: ведь депортируемые – дряхлые, больные люди, не пригодные к работе. Естественно, что немцам они не нужны. Вообще, старики уже достаточно пожили.

Прошло еще двое суток. Дождливый тягучий октябрьский день. В такую погоду в гетто темно и мрачно. На семи узких переулках вода собирается в лужи, превращая землю в жидкую грязь. Не переставая, моросит дождь, давит гнетом сердца измученных, одержимых страхом людей. Быстро опускается темнота, и теперь она – желанная гостья. Кончился тяжелый, сумрачный день, ночь дает возможность отойти, забыться.

Переулки уже погрузились в кромешный мрак, когда поступает приказ о всеобщей перерегистрации желтых “шейнов”. Тотчас улицы загромождаются толпами народа. Перед полицейскими станциями вырастают гигантские очереди. Здесь идет регистрация. Тысячи людей мокнут в темноте под дождем перед входами в полицию, дожидаясь своей очереди. Каждый из стоящих тут – правомочный владелец желтого “шейна”.

А тысячи других мечутся по улицам, как безумные, не зная, что делать, куда спрятаться, как спастись. В кромешной тьме призрачно блуждают огоньки, люди с зажженными свечками в руках ищут хоть какую-нибудь нору, бросаются друг к другу с мольбами о помощи, а свечи то гаснут, то разгораются вновь, освещая женщин, которые тащат плачущих детей, согнувшись под грузом наскоро увязанных пожитков, мужчин, еще мечущихся по улицам, стучащихся к родным, друзьям, в двери юденрата -- в любое место, где есть хотя бы тень надежды зацепиться за “шейн”. В последнюю минуту. Любой ценой.

Люди бегут в “малины”, ищут укрытия понадежней, где, может быть, имеется выход в город.

Одиночки делают попытку уйти из гетто и спрятаться на той стороне. Сначала получается. Подкупают литовский караул на воротах, иные прорываются силой. Но через считанные минуты гетто окружают крупные подразделения войск и гестапо, а в воротах выставляется отборная охрана. Больше нет никакой возможности улизнуть. Весть об этом разлетается

молниеносно и проникает во все закоулки. Стеной сгущается страх.

Тысячи людей обреченно кружат в темноте, не зная, что им уготовано в ближайшие несколько часов. Утром решится все. И тысячи в страхе ждут рассвета, слившись с мраком и безнадежностью этой дождливой ночи, у которой, кажется, нет ни конца ни краю.

Светает. В бледном сумраке проступают очертания германских и литовских колонн, обложивших гетто. Перед воротами — рота гестапо во главе с Вайсом и Мурером. Приказ: все, у кого желтый "шейн", должны, как обычно, прибыть на свои места работы вместе с семьями. Работникам юденрата, имеющим желтые "шейны" — остаться в гетто.

Мгновенно выстраиваются громадные колонны обладателей "шейнов", ожидая команды на выход. Сам Вайс тщательно изучает каждый "шейн" и сверяет с номерком семьи на обратной стороне, тщательно проверяет возраст и степень родства.

— Это разве твоя жена? — насмешливо роняет он парню, записавшему свою мать, — выбери себе жену помоложе! Взмах руки, и женщину тотчас оттаскивают в сторону. Ее судьба решена.

На улицах патрулирует еврейская полиция. Генс и Деслер у ворот следят, чтобы все шло чин-чином. Ворота минуют тысячи людей. Каждый оставил в гетто кого-то из своих близких.

После ухода последних гетто замирает, как кладбище. Тысячи, затаив дыхание, прячутся по "малинам".

Переулки и дворы, в обычное время набитые битком, на несколько минут совершенно пустеют. Стоит мертвая тишина. Но тотчас немцы и литовцы входят в гетто. Начинается разграбление, но не это их основная цель; грабят между прочим, а главное — выслеживают. С криками и руганью носятся они по гетто, вытаскивая свои жертвы из подвалов и чердаков, из "надежных" малин. Иногда спрятавшихся выдает плач ребенка, иногда — какая-нибудь жалкая душа, поверившая в обещание немцев сохранить ей жизнь. "Наводчики" — исключение, но и горстки таких достаточно, чтобы погубить сотни евреев.

Вытащенных из "малин" ведут к воротам гетто. Немцы говорят, что отправят их на постоянные места работы – ведь Вильнюсское гетто слишком тесно, чтобы прокормить всех. Пытающихся бежать и отказывающихся повиноваться расстреливают на месте.

В тот день, 24 октября, названный евреями "днем первой акции желтого шейна", немцы депортировали более пяти тысяч евреев. Их провели по городу партиями, под сильным конвоем немцев и литовцев. Лишь немногие обладатели "арийской" внешности сумели по пути скрыться. Часть отправили в Лукишки, других депортировали в направлении По-нар.

В сумерки вернулись с работы владельцы желтого "шейна". В гетто – затишье, безмолвие непоправимой беды. Теперь оно оглашается рыданиями и воплями вернувшихся. Они в ужасе бегут к своим домам, где в погребах и на чердаках оставили близких и любимых.

На улицах трупы. Тротуары и стены забрызганы кровью. Еще сверлит небо вопль девушки, наткнувшейся на бегу на тело матери в луже крови на брусчатке мостовой, плач осиротевших младенцев, стон стариков. Да можно ли описать мучку, когда человек мечется от дома к дому, от "малины" к "малине" и со сдавленным рыданием ищет: может тут? Может там?..

29 октября ударом молота обрушивается на нас известие о ликвидации Второго гетто. Люди отказываются верить. Наверное, депортируют нетрудоспособных – ведь не могут же не выдать "шейнов" остальным!..

Переулки древнего виленского гетто окружены войсками. Внутри орудут сотни немцев и литовцев – забирают всех. В несколько дней гетто опустошено дотла. Отказавшихся выйти из квартир убивали на месте.

Гетто, куда в день его создания было согнано 11 тысяч евреев, теперь пусто. Чудом спасшиеся одиночки пробираются всеми возможными и невозможными путями в Первое гетто, единственное для них убежище. Пробираются через печные трубы, через подземелья, чтобы, добравшись, снова скрываться: ведь они – нелегальные. Согласно приказу юденрата, проживание здесь разрешается только постоянным, зарегистрировавшимся жителям.

Так появилась и она – наша маленькая Рашка. После ликвидации Второго гетто миновало несколько дней. Мы жили в слабой надежде, что среди депортированных есть еще уцелевшие, и мы их дождемся. Но время идет, и тот, кто не появился до сих пор, уже не появится никогда.

Тогда я и увидела ее впервые, в нашей комнате на улице Страшунь 15. В дверях вдруг возникло юное существо – лет четырнадцати, с огромными, живыми, детски-простодушными глазами. Заношенное, с чужого плеча пальто, в котором потерялась фигурка, на ногах рваные чулки без туфель. Все это навек запечатлелось в глазах, пока девочка, не шевелясь, молча смотрела на нас с порога. Она не кричит, не плачет – молчит. И только после того, как один из нас осторожно приблизился к ней, обнял и прижал к груди, она закричала, закатилась плачем, давясь слезами и повторяя снова и снова: "Всех забрали, а я осталась – зачем?.."

Потом, выхаживая девочку от тяжелой болезни, свалившей ее после того вечера, я слышала, как в бреду она бормочет все те же слова и зовет маму. Позже, когда в ее утративших детский блеск глазах поселилось выражение упорной ненависти, она рассказала мне свою историю.

Рашка Твердин жила со своей семьей во Втором гетто. Отец и братья ходили на работу. Зачастую им не удавалось пронести из города даже куска хлеба, и тогда домашние голодали. Рашка, безвыходно сидя в гетто, опекала свою маленькую сестренку. Мать болела. В ту ночь она проснулась первой. Гетто сотрясилось от криков. Рашка услышала на дворе плач, а затем голоса литовцев. Всем было приказано увязать свой скарб и выходить из дому. Мать и сестренка плакали, отец говорил, что надо спрятаться. Начали вязать узлы, отдельно для каждого – на случай, если разъединят. Стояла ночь, и крики в гетто не прекращались. Рашка на минутку выскочила во двор поискать укрытия. Там она наткнулась на литовца, державшего сверток. Рашка узнала сверток – у соседки две недели назад родился ребенок и теперь он оказался у литовца. Тот подбросил младенца в воздух и захохотал. Из свертка раздался отчаянный писк. Покидав сверток, литовец швырнул его на землю. Младенец умолк. Литовец заметил Рашку и скомандовал подойти. "Чей

это недоносок?" Рашка ответила. "Стащи этого щенка к его сучьей матери", – сказал литовец и убрался.

Рашка осторожно нагнулась к свертку, взяла младенца на руки. Думала – мертвый, но услышала слабый писк. "Ужасно обрадовалась", – рассказывала она.

Побежала с младенцем на руках по гетто искать его родителей. Видела, как немцы вытаскивают людей из домов, избивают, как падают на улицах раненые. На нее с ребенком никто не обращал внимания. В конце концов она отыскала его родственников и отдала им ребенка, счастливая, что удалось его спасти. Помчалась в сторону дома. По дороге ее обуял страх. Во дворе у них стояла тишина. Как безумная, влетела она в квартиру – пусто... Рашка осталась одна.

Из пустой квартиры, откуда доносился плач Рашки, ее силой увела какая-то женщина. Говорила, что литовцы могут вернуться. Отвела ее в погреб, где они прятались трое суток. Рашка слышала, как наверху разговаривают и смеются литовцы, переворачивают все вверх дном, простучивают стены в поиске тайников. Слышала шаги, приближающиеся к их убежищу, но ей было все равно, найдут их или нет. Литовцам надоело искать, и они ушли. Рашка уцелела.

Несколько дней спустя, когда вокруг все окончательно стихло, Рашка выбралась из "малины". Она ослабела и с трудом передвигала ноги. Пробиралась через чердаки и по крышам, соединявшим гетто с городом. Она видела, как литовцы все еще продолжают грабить гетто, окруженное караулами. К вечеру очутилась на чердаке дома, находившегося вне гетто. Сняла клеймо-заплату и пошла по улицам. Заметила партию евреев, которая возвращалась с работы. Затесалась в нее и прошла незамеченной.

– И пришла к вам, – закончила Рашка. – Вы у меня только и остались. Я вас не знала, – добавила она шепотом, – но кто-то сказал мне, что здесь живут "шомрим"...

В гетто сейчас сотни "нелегальных" – тех, кто спасся от уничтожения, и тех, кто уцелел после "первой акции желтого шейна". Все они ведут жизнь загнанных зверей и ждут конца.

От депортированных нет пока никаких известий. По гетто ползут слухи, в которые трудно поверить. Крестьяне, живущие возле Понар, испуганно рассказывают, что целые дни

оттуда доносится гром винтовочных залпов. Немцы не позволяют приближаться к этому месту. Оно оцеплено проволочными заграждениями.

Поначалу эти сведения нашептываются на ухо под большим секретом. Все боятся передавать их дальше – и передают. Местные власти предпочитают, чтобы эти слухи не проникли в гетто. А там шепчутся, что женщина, депортированная со всеми, сумела спастись и вернулась. По ее словам, немцы везут евреев в Понары и расстреливают.

Эти сведения, о которых боятся громко говорить, – первая весть о массовых убийствах.

Жуткая истина постепенно доходит до каждого из нас. Никто еще не отдает себе полного отчета в том, что она означает, но ее уже ощущают как реальность.

Все, кто считал, что в конце концов все успокоится, кровопролитие прекратится и можно будет хоть как-нибудь, но жить, уже понимают, что надежды нет, и каждый новый день хуже вчерашнего. И всеми завладевает одно неистовое желание: бежать отсюда! Уйти из проклятого вильнюсского гетто!..

Кто может, устраивается как поляк на арийской стороне. Другие думают, как перебраться в белостокское или варшавское гетто.

Эти настроения заражают и халуцианскую "координацию". Начинаются разногласия. Между тем усердно изготавливаются арийские удостоверения. В городе находится уже большая часть актива. Предпринимаются усилия связаться с Варшавой и Белостоком. Мордехай Тенненбаум, который рыщет по городу с паспортом на имя караима Тамарова, после долгих поисков находит на окраине Вильнюса пустой дом. Он должен послужить для товарищей убежищем во время акции. Благодаря арийским удостоверениям там можно будет пробыть несколько дней. Все это делается лихорадочно, в дикой спешке, без всякой умеренности в успехе, но непрерывно, и эта работа превращается в неотъемлемую часть нашего существования.

"Вторая акция желтого шейна" застигает нас врасплох. Третьего ноября – через десять суток после первой акции и через пять суток после ликвидации Второго гетто – у ворот снова немцы. Сначала решаем, что пришел конец, гетто

окончательно пускают в расход. Но тотчас выясняется, что немцы не отнимают надежды у своих жертв сразу — все по порядку, каждому свое время. Нам полагается жить и умирать точно по их кровавому расписанию.

Приказ гласит: все обладатели желтого "шейна" должны покинуть гетто вместе со своими семьями, взяв продукты на три дня. Мужчины — как обычно, на места работы, домашним — переселиться во Второе гетто.

Как в первый раз, Вайс опять скалится своей дьявольской усмешкой, изучая "шейны" выходящих из ворот. Как и тогда, одним мановением руки дарует жизнь и обрекает на смерть. Как в тот раз, тысячи остаются в гетто, и выходящие из ворот оставляют близких и друзей. Но ясно, что на сей раз литовцы постараются, и спасения не будет никому.

Люди бредут. Минуют ворота. Идут с ноющим сердцем. Никто не смеет и помыслить, чтобы не идти. Как-никак, большинство все-таки имеет "шейны". Большая часть спасется, и кто сейчас уцелеет, может быть, останется жить.

Вайс заверяет еврейские власти, что больше акций не будет. Теперь останется "эйне гезунте, нуцлихе фахарбайтер-гетто" — "здоровое и полезное рабочее гетто". Похоже, что это мнение разделяют еврейские полицейские, которые помогают литовцам в проведении акции: "Для вашего же блага, для блага тех, кто останется. Ведь лучше выдать парочку тысяч, зато десять тысяч спасти!"

Трое суток продолжается акция, впоследствии названная "большой акцией желтого шейна". Три бесконечных неопи-суемых дня.

Рабочие с "шейнами" находятся на местах работы. Их семьи — во Втором гетто.

Немцы успокаивают рабочих: им ничего не угрожает. С ними ничего не случится, пока они работают.

Второе гетто, простоявшее в запустении пять суток, снова гудит. Закиданные обломками мебели грязные переулки со щербатыми, взломанными домами, разлагающиеся во многих "малинах" трупы и живые мертвецы — выползшие из погребов одиночки, прятавшиеся там со времени ликвидации гетто. Сидя в погребках без света и воды, они питались картофельными очистками: в своей гибели не сомневались и, заслышав наверху голоса, были уверены, что это немцы. Они уже

приготовились к смерти, когда различили звуки слов на идиш. Тут они поползли на свет. "Спаслись! — шептали их серые, обескровленные губы. — Остались в живых!.."

Когда они поняли особые обстоятельства своего спасения, они, затесавшись в массу пришельцев, вместе с ними стали ждать вестей о т т у д а.

А там, в гетто, акцию проводят многочисленные подразделения войск и полиции. На этот раз привели с собой собак и с их помощью вылавливают евреев. Методично взламывают стены "малин", роют землю — прячущиеся изобрели самые невероятные способы укрыться, вложив в это все свои способности и смекалку. Есть тайники в виде полостей в стене, замурованных снаружи; есть открытые под землей пространства, куда ведет вход из уборных. Люди сидят в дымоходах, прячутся в отбросах. Есть тайники на одного, и "малины", где хоронятся по десятку. В одном из убежищ на улице Кармелитов 3 сидят 300 человек! Сидение в "малинах" и нескончаемое ожидание своей участи приводит людей в состояние помешательства. Они непрерывно слышат голоса расхаживающих наверху немцев, кожей ощущают их шаги, и при каждом ударе лома, которым литовцы крушат стены и перегородки, у них вздрагивают все внутренности. В "малинах" спрятаны дети. Понятливые не по возрасту, они не задают вопросов, лежат, сжимая руку родителя. Но есть младенцы, которые ничего не понимают. Они голодны, замерзли, ревут. Стоит раздаться детскому плачу, как из своего окаменелого транса выходит вся "малина". В отчаянии шепчут друг другу: "Накликает беду, пропадем все!" И мать судорожно пытается успокоить ребенка, со всех сторон ему суют хлебные крошки, а иногда дают намоченный в спирту сахар — лишь бы перестал кричать, заснул.

В одной из "малин", на которую почти набрели литовцы, плачущий младенец был задушен собственной матерью.

Акция длилась три дня. Уцелевшие к вечеру первого дня уже прониклись было надеждой. Но их ожидал еще второй день и третий. Не обнаружив многих, немцы с яростью возобновили поиски.

Многие из сидевших в "малинах" потеряли ориентацию во времени. Не слыша голосов преследователей, они решали

выглянуть и осмотреться. И попадались. Так были раскрыты многочисленные "малины".

Каждый день немцы уводили новые жертвы. Обессиленные от сидения в тайниках, мысленно уже сто раз пережившие свою гибель, голодные, замерзшие люди не оказывали сопротивления, шли покорно. Одни просят у бога скорой смерти, другие, такие же обессиленные и отчаявшиеся, беззвучно зывают об отмщении.

Общее число евреев, депортированных немцами в эту акцию, — 1200. Всех угнали в направлении Понар.

К вечеру третьего дня обладатели желтого "шейна" вернулись в опустошенное гетто. На одной из стен бросилась в глаза свежая надпись: "Дорогой наш сыночек Хаймеле, мы приписали тебя к соседям. Будь здоров и не забывай своих папу и маму!"

ПОСЛЕ "ВТОРОЙ АКЦИИ ЖЕЛТОГО ШЕЙНА" В ВИЛЬНЮССКОМ ГЕТТО осталось 17 тысяч евреев. Они живут в атмосфере безысходности и отчаяния. Никто больше не верит обещаниям немцев и юденрата, будто отныне ничто никому не угрожает. Евреи убеждены, что вильнюсское гетто обречено на уничтожение. Все их помыслы сводятся к одному — бежать. Они думают, что массовые убийства — удел только их гетто, может быть, еще и еврейства Литвы; что это — особая тактика, применяемая немцами лишь на бывших советских территориях.

Конец 1941 года. В крупных центрах Польши евреи живут еще в относительной безопасности. Для нас это период кризиса. Мы убедились в своей абсолютной беспомощности. На наших глазах тысячи были отправлены на смерть, и мы ровно ничего не смогли сделать! Оставшиеся в живых уцелели благодаря случаю. На будущее нет никакой надежды. Мы не видим никакого смысла в нашей работе и ставим уже под сомнение огромные усилия, которые делаются ради спасения одиночек, актива.

Состоялось заседание координационного комитета. Надо определить, что делать дальше. Как члены халуцианского движения мы обязаны дать ответ на этот вопрос, но среди участников "координации" сразу же выявились разногласия. Их выразили Эдек и Мордехай Тенненбаум.

Мордехай сказал:

— Мы живем, не зная, что случится завтра, что ожидает гетто. Если мы здесь останемся и будем существовать так со дня на день, то окажемся перед фактом уничтожения движения. А ведь наша цель и задача — сохранить его во имя дальнейшего существования и работы. В больших гетто Белостока и Варшавы живут еврейские массы, имеются и работают халуцианские организации. Наш долг — перебросить наших товарищей туда, убрав их с места, где они обречены на уничтожение. Нам надо немедленно приступить к их эвакуации.

Эдек:

— Верно, что сохранение движения и его актива входит в наши задачи. Но давайте не будем забывать, что именно как движение мы связаны с народом, в данном случае — с массами евреев в гетто и не вправе бросать их на произвол судьбы. Где гарантия, что участь Вильнюса не постигнет Белосток, а может быть, и Варшаву? Что скажет гетто, узнав, что его покинула вся халуцианская молодежь? Мы обязаны оставаться здесь. Возможно, придется изменить линию работы, но только не считать, что выход — в бегстве.

Произошел долгий и бурный спор. К позиции Эдека присоединился Соломон Энтин. Все трое — серьезные, честные люди с пылким еврейским сердцем.

Мы уходим с заседания, болезненно переживая возникший среди нас конфликт.

Одиночки покидают гетто, пытаются пробраться в Варшаву и Белосток. Большая часть попадает в руки немцев и гибнет в дороге. Многих из тех, кто ищет прибежища в самом Вильнюсе, полагаясь на свою "арийскую" наружность, выдают поляки и литовцы.

Уход из гетто связан с огромной опасностью, оставаться в гетто — не менее опасно.

В таких условиях мы наталкиваемся в нашей работе на тысячу затруднений. Мордехая через посредника удастся установить связь с немецким фельдфебелем Шмидтом, который готов нам помочь. Некий Адлер из Вены, в прошлом — член "Поалей-Цион", находящийся сейчас в Вильнюсе, опознал в Шмидте своего бывшего приятеля. Шмидт может

достать военные грузовики. Мы хотим перебросить на них наших товарищей. Идея родилась еще до акции желтого "шейна". Опасна она невообразимо, сомнения раздирают нас.

В те дни к нам в Вильнюс пришел живой привет из Варшавы — Леня Козебродская.

Леня — рослая девушка, абсолютно не похожая на еврейку, с длинными светлыми косами. Когда я впервые увидела ее в нашей комнате в гетто, я была уверена, что передо мной чистокровная полячка. Так же считали и немцы, с которыми она часто сталкивалась во время своих многочисленных путешествий. Благодаря знанию немецкого языка она обычно сходилась за "фольксдойче". Никто и не подозревал, что барышня Кристина Косовская — еврейская девушка из варшавского гетто, героическая участница халуцианского движения.

У Лени огромный запас жизнестойкости и энергии. В роли связного между разными гетто ей приходится встречаться с неисчислимыми опасностями. Ее выручают смелость и хладнокровие. Среди товарищей ходит поговорка, что Леня и в огне не сгорит. Она сама верит в свою неуязвимость, и это придает ей силы.

И теперь мы узнаем от нее о жизни в варшавском гетто, о работе "Хехалуца" и других организаций. В Варшаве никто не представляет, что значит акция, не слыхал о Понарах. Леня тоже считает, что ребят надо перевести из Вильнюса в Варшаву.

Она берет на себя часть забот Мордехая по осуществлению этого плана: держит связь со Шмидтом, едет в Белосток, чтобы выяснить обстановку. В одну из поездок Леня берет с собой ребенка, родившегося всего несколько месяцев назад в гетто у одной из наших подруг. И на это пошла девушка, уезжающая по поддельному удостоверению личности в немецком военном эшелоне, контролируемом особенно строго... Леня просто сказала матери: "Дай мне его, и я его провезу".

После многочисленных хлопот мы получаем от Шмидта военный грузовик. Большинство членов организации "Дрор-Хехалуц" покинуло в нем вильнюсское гетто. Руководство и актив "Дрора" перебрались из Вильнюса в Белосток.

А через несколько дней в гетто произошла новая акция, акция розового "шейна". Провели ее как ни в чем не бывало,

при свете дня и при содействии еврейской полиции. Ведь речь идет всего-навсего о нескольких стах евреях! Вот кончится акция, и воцарятся в гетто тишина и порядок! Депортировали последних, у кого не было розового "фамилиеншейна" (члены семьи владельца желтого "шейна" получили "фамилиеншейны" розового цвета), общим счетом 400 человек. Акция продолжалась несколько часов. Как обычно, литовцы вытаскивали людей из укрытий. В подвале на улице Шпитальная 15 пряталось много народу. Вошедшие в подвал немцы наткнулись на сопротивление. Два молодых еврея, Гаус и Гольдштейн, бросились на них с ножом и топором. Обоих застрелили на месте.

На следующее утро в "мирном" гетто тайно состоялись их похороны. А в полдень на стенах появились траурные объявления:

"В воскресенье на улице Шпитальная 15 пали товарищи Гаус и Гольдштейн. Вечная слава погибшим!"

НЕЗАДОЛГО ДО НАЧАЛА ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА В монастыре сестер-бенедиктинок состоялось совещание руководства "Хашомер хацаир". В ту пору только начали зарождаться новые идеи, которые никто не осмеливался высказать вслух. Но вот всгас Аба Ковнер, и впервые за всю историю нашего уничтожения, в дни, когда еврейский народ бессильно истекал кровью, прозвучал четкий, решительный призыв: "К оружию!"

Душу озарило светом. Рассеялся кошмар гетто. Покончено с приятием мученичества, бессилия и рабства, отныне одна цель перед нами — бунт.

На этом заседании было постановлено:

1. Выпустить воззвание к молодежи гетто.
2. Внедрить новую идею в других гетто, особенно варшавском.
3. Придать работе движения единый характер под знаком идеи восстания. Убеждать в правоте нашей позиции.
4. Основать движение в Белостоке.

Этим заседанием была открыта в нашей жизни новая эпоха, хотя поначалу никто не ощутил особых перемен. Очень

немногие знали подробности собрания в монастыре и не могли верно оценить его значение. Зато те, кто был осведомлен обо всем, изменились. Теперь каждое усилие обрело высокий смысл.

Эдек разрабатывает десятки планов и предложений. Вместе с товарищами он ежедневно выходит на свою каторжную работу, и под носом у немецких надсмотрщиков встречается с Хайкой, обеспечивая связь с монастырем. По вечерам, после возвращения в гетто, он неустанно работает — организует ребят, налаживает связи. В последние дни по вечерам он начал ходить в город на связь с нашими "арийцами", отрезанными от центра. Дважды его задерживали немцы, один раз уже повели в литовскую полицию, где бы его с легкостью опознали. По дороге сбежал, но не вернулся в гетто, пока не сделал того, что было намечено. И все это — просто и естественно, будто иначе и быть не может. В эти дни он часто повторял: "Вот и нашелся путь. Теперь стоит жить. Жить и драться!"

Проникнутый этой убежденностью, он знает, как нам теперь действовать, и одержим желанием увлечь своим знанием других.

В конце декабря из Вильнюса в Варшаву отправляется делегация: Эдек Боракс, Соломон Этин и Исраэль Кемпнер (член молодежной организации Бейтар). Они везут в варшавское гетто рассказ об ужасной истории Вильнюса, правду о Понарах. И наше воззвание — призыв братья за оружие.

Рождество 1941 года. У христиан во всем мире — праздник: напиваются по этому случаю и караульные литовцы у ворот. Мы решили использовать этот вечер, чтобы собрать в гетто наших "арийцев".

Декабрьская вечерняя стужа. В гетто непривычная мирная тишина. Из церкви Всех Святых отчетливо доносятся ликующие звуки органа. Там, по ту сторону ворот, принялись колядовать. А тут мы, узники, уже давно не уповаем на бога: мы не верим в его справедливость и не ждем ее от него.

Дожидаемся прихода наших друзей, собратьев по работе и невзгодам. Ожидание окрашено страхом и тревогой: дай бог, чтоб удалось, — шепотом заклинает кто-то. Чтобы не попался Аба с его еврейским носом и Тося Альтман, которая только что приехала в Вильнюс и совсем не знает местных законов гетто.

Внезапно до нашего слуха доносится скрип — отворяются ворота! Издали следим, кто входит. Все тут! В руках "шейны", задержались попозже на работе. С серьезным видом подле Абы шагает Ривочка Медайскер, вот Тося с ее белокурой сияющей улыбкой, золотыми кудрями, выбившимися из-под меховой шапочки. Степенно входит Хайка, как ветер влетает Витка, сверкают из-под платка веселые совсем неарийские глаза Лизы.

В большой комнате на улице Страцунь 12 (в комнате такая стужа, что соседи из нее бежали) собралась пестрая компания. Тося — состоятельная полячка, путешествующая ради собственного удовольствия; Хайка — Галина Воронович, бедная девушка — судомойка в дешевой столовке; Аба — монашка-бenedиктинка; Сарра Девельтов — прислуга, по 14 часов в сутки работающая на свою хозяйку-христианку; Витка — гувернантка у польской девочки, обучающая ее изящным манерам и Евангелию.

Тося рассказывает о Варшаве. Ее слушают, затаив дыхание. Вот уже два года существует варшавское гетто. Нечеловеческие условия жизни, голод, эпидемии тифа. От них гибнут ежедневно десятки человек. Прикрытые газетной бумагой трупы на улицах — обычное явление. Прохожие равнодушно идут мимо. "Хесед-шел-эмет" (еврейское погребальное общество в Варшаве) не успевает хоронить мертвецов. Иногда тела по несколько дней валяются под открытым небом. Но рядом с ужасающей нищетой, с вымирающими от голода семьями, существует богатство и даже излишества. Их довольно много, тех, кто в гетто нажился и ведет роскошную, разнузданную жизнь. За деньги здесь можно раздобыть все. Иногда немцы покупают в гетто вещи, которые невозможно достать в городе.

Между тем жизнь идет своим чередом: функционируют все партии и организации, выходят газеты, устраиваются литературные празднества. Халуцианская молодежь ведет многообразную работу. Движение активно: организуются центры "хахшары", поддерживаются контакты со всеми "кенами" — отделениями в рейхе и генерал-губернаторстве, издаются газеты, усиленно продолжается воспитательная деятельность. Товарищи преданы своему делу. Движение — единственный смысл их жизни, в нем — вся их юная надежда. Мрачные

Эдек Боракс

Хайка Гроссман

Моше Балаш

Янджа Лебедь

Леня Козебродская

**Мордехай Тенненбаум
(Тамаров)**

улицы оглашаются подчас громкой, жизнерадостной песней, гремит "хора", которую отплясывают страстно и увлеченно.

Когда Тося кончила свой рассказ, в комнате воцарилась тишина. На какой-то момент мы унеслись мыслями к стенам варшавского гетто, словно стремясь услышать поющие голоса и топот пляшущих молодых ног. Но тотчас мы вернулись к действительности – нашей – и к неизбежному заключению: Варшаву от Вильнюса отделяет пропасть, и что возможно у них, у нас просто невероятно. У нас – Понары.

В те дни было созвано заседание актива. Призыв секретариата не проник пока в широкие слои движения.

С приходом в гетто Абы усиливается работа по разъяснению новых идей. Этот период изобилует бурными спорами. Я хорошо помню их содержание. Основываясь на этих воспоминаниях и уцелевших документах, я хочу рассказать об одном из решающих совещаний актива, которое открыла Хайка.

– Нашему совещанию, – говорила она, – надлежит решить, какими в дальнейшем должны быть линия и работа движения. Мы находимся в конце периода – периода усилий, имевших целью спасение актива, товарищей. Со всей остротой встал вопрос, правильна ли та линия, которой до сих пор мы придерживались. Заслуживает ли она быть курсом движения?

Возможно, ни одно движение никогда не сталкивалось с подобной ситуацией. Мы изолированы, отрезаны от центра в Эрец-Исраэль. Нет возможности обсудить наши проблемы с остальными отрядами движения в других гетто. Решать и выбирать дорогу придется самим.

Встал Аба:

– Со времени последнего совещания ряды наши поредели. В этот период у нас силой вырвали самых дорогих товарищей и послали на смерть. Я, однако, не собираюсь говорить сейчас о нашей боли и скорби. Я хочу произвести расчет. Теперь, а не когда-нибудь после, обязаны мы произвести расчет со своей совестью, и при этом полный. Депортация наших товарищей наконец обнажила перед нами правду, ту правду, которая в глазах многих из нас все еще затуманена. Эта правда гласит: нельзя верить, будто те, кого увели от нас, живы, будто их увод был лишь высылкой. Все, что до сих пор нами пережито, означает Понары – смерть. Но даже этот факт – еще не вся правда. Ибо она куда более огромна и глубока. Уничтожение

тысяч — не что иное, как только предвестник ликвидации миллионов. Их смерть — наша окончательная гибель.

Пока мне трудно еще объяснить, почему Вильнюс истекает кровью, в то время, как Белосток живет тихо и спокойно. Почему произошло именно так, а не иначе. Одно для меня несомненно: Вильнюс — не одинок. Понары — не случайный эпизод. Желтый "шейн" — отнюдь не изобретение местного орткомеданта. Это — продуманная система, пока скрытая от наших глаз.

Можно ли избежать ее действия? Нет, нельзя. Если мы имеем дело с последовательной системой, бегство с места-на место — только самообман и, как всякий самообман — заведомо проиграно. Ведь кто спасается из вильнюсского гетто в Белосток или Варшаву? Давайте скажем прямо — те, кто более молод, ловок и силен. А в объятom огнем городе останутся слабые, старики, дети. Но когда беда нагрянет и в города, где наша молодежь рассчитывает на безопасность, она застигнет ребят морально сломленными, лишенными корней, не готовыми ее встретить, растерянными. Поэтому наш первый ответ должен звучать так: нет спасения в бегстве!

Но существует ли вообще возможность спастись? Даже если ответ на этот вопрос жесток, мы обязаны его произнести — нет, спасения нет! А чтоб ответ наш был более точен — для единиц, десятков и сотен — возможно. Для народа, для миллионов евреев под немецкой оккупацией — нет спасения.

В таком случае, есть ли выход? — Да, выход имеется: **ВОССТАНИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ С ОРУЖИЕМ В РУКАХ.** Это — единственный выход, почетный выход для нашего народа. Мы должны осознать это во всей полноте, понять это мыслью, сердцем, всем своим существом. Мы должны думать об этом сегодня, чтобы завтра нам хватило времени подготовить для этой борьбы массы. Потому что этот выход заслуживает того, чтобы стать организованным и широкомасштабным мероприятием.

Помнится, когда Аба кончил говорить, воцарилось молчание. И только после долгой, невыразимо гнетущей паузы, поднялся Яаков:

— Мы — члены "Хашомера", и вся наша жизнь, все наше воспитание до сих пор были посвящены только одному — воссоединению с землей наших предков Эрец-Исраэль. Мы

всегда, и притом категорически, отрицали диаспору со всеми ее явлениями. На европейское еврейство теперь обрушилась катастрофа. Возможно, оно выйдет из нее духовно сломленным, но нет уверенности, что ему грозит полное уничтожение. И в самом эпицентре этой катастрофы застряли мы, горсточка хашомеровцев. По правде говоря, то, что мы здесь находимся, — чистая случайность, потому что место наше в Эрец-Исраэль, на земле, с которой связаны наш путь и наша цель. Даже теперь мысль об алии — основа нашего существования. Мы должны приложить все усилия, чтобы спасти как можно больше наших товарищей. Возможности спастись и продолжить работу имеются. В Варшаве движение функционирует, там мы обязаны собраться, укрепить актив и все сделать, чтобы его сберечь.

Ведь мы воспитывались для труда и борьбы в Эрец-Исраэль, но не здесь. Борьба там — до победы. Здесь же, в гетто, это будет всего лишь демонстрация. К тому же нет у нас никакой поддержки. Сами по себе мы слабы и беззащитны, а враг безмерно силен. В таких условиях борьба совершенно бесперспективна, мы только погибнем все до единого. Вооруженное сопротивление не может явиться целью как движения, так и его актива.

Автор этих строк:

— Погибнет народ и уцелеет хашомеровский актив, которому удастся спастись. И те, кто останется, будут продолжать жить и, быть может, даже уедут в Эрец-Исраэль. И вот я спрашиваю: у кого из уцелевших хватит мужества посмотреть в глаза ребенку в Эрец-Исраэль, когда он спросит: а что сделал ты? Чем вы занимались, пока гибли тысячи и миллионы? Ответим ли мы ребенку: мы лишь себя спасали, искали "малины" и бессильно позволяли вести себя и других на смерть?

Я думаю, что именно потому, что мы так связаны с народом и что ишув в Эрец-Исраэль нам дорог, мы обязаны подняться на борьбу, борьбу за честь и достоинство народа, за его духовные ценности.

У каждой нации есть свои родники мужества и геройства, древние традиции и духовные завоевания, откуда черпают силы грядущие поколения. Но нельзя допустить, чтобы источ-

ники эти были только в прошлом. Они должны обновляться вечно.

Над нашим народом совершается кровавая расправа. Его главной части — еврейству Европы, грозит физическое уничтожение. Как бы трагично ни было это для каждого из нас, объективно существует надежда, что народ целиком не погибнет. Что же учить, на чем воспитываться нашим будущим поколениям, нашей молодежи, которая еще будет расти в Эрец-Исраэль, если история нашего народа будет только историей погромов, уничтожения и бессилия? Наша задача — вписать в эту летопись новую страницу, придать ей другое содержание, чтобы в нашей истории были и страницы героической борьбы, самообороны, отстаивание достойной жизни и достойная смерть. Если под таким углом зрения поставишь себе задачу и осуществить ее, мы воплотим в дело нашу связь с народом и нашу ответственность, которая возложена на нас как на его авангард.

Слово взял Адам:

— Никто из выступавших тут не упомянул одной важнейшей проблемы. Я имею в виду коллективную ответственность, которую несет каждый еврей в гетто. Как можно думать о борьбе, подготовке вооруженной самообороны, когда всем нам заранее известно, что это может повести к огромному, непоправимому несчастью. А ведь мы не знаем, стоим ли мы на пороге полной ликвидации гетто, его окончательного уничтожения. В момент, когда мы приступим к действиям, разве мы не поставим все гетто под угрозу? Ведь речь идет не только о нашей личной готовности. Мы сами по себе готовы, но вправе ли мы брать на себя ответственность за всех евреев, подвергать опасности их жизнь и фактически содействовать массовому уничтожению в случае провала? Никто в гетто нас не поддержит, не поймет, а может, и проклянет и превратится в нашего врага, посчитав, что мы — причина надвигающегося несчастья. Поэтому мы не вправе ничего предпринимать, прежде чем не изучим этот вопрос. Коллективная ответственность висит, как меч, над нашими головами.

В споре приняли участие многие. Иные еще не составили себе мнения. У многих сомнения взяли верх. Но были и такие, кто отчетливо различал дорогу. Аба подвел итоги:

– Неясный момент в дискуссии – откуда уверенность, что мы – накануне массового физического уничтожения. Хотя для меня это несомненно, я не смогу убедить в этом других, потому что абсолютно неотразимым аргументом будет располагать лишь тот, кто останется из нас последним. И тем не менее, любой, кто трезво, с открытым сердцем и, главное, со здоровым инстинктом наблюдает за тем, что происходит вокруг нас, не может не быть убежден: мы идем навстречу окончательному и всеобщему уничтожению. Придет день, когда это усвоят многие, но важно, чтобы это понимание не пришло слишком поздно, когда мы окажемся уже обезволенными и отчаявшимися. Поэтому мы обязаны сделать выбор, невзирая на колебания.

Здесь у нашего народа нет убежища. Масса – для нее пути спасения закрыты. Повезти может единицам, от силы сотням. Но вправе ли мы встать на этот путь спасения? Еврей-индивидуум и без нас сделает все, чтобы себя спасти, но если мы укажем на этот путь, тем самым мы навяжем его всем. Однако окончательный итог посрамит нас и докажет, что путей спасения не было, а тем временем силы сопротивления и борьбы в народе истощатся и иссякнут.

И еще: мы должны помнить, что возможности и условия спасения единиц будут до того трудными (в обстановке организованной охоты на евреев и враждебности населения), что и его придется покупать ценой подлости: играть в антисемита в то время, как твоих братьев гонят на бойню. Низость – спастись за счет другого, и предательство – служить у врага, чтобы уцелеть.

Верность движению означает сегодня спасение нашего человеческого достоинства и чести народа в борьбе с убийцами. Разве есть более благородное веленье – превратить отчаяние народа в организованное сопротивление?

Нам говорят здесь о коллективной ответственности. Как, мол, взвалить на себя ответственность за поступки, которые в итоге обернутся тысячами жертв. Действительно, коллективная ответственность – одна из наиболее трудных проблем в нашей жизни. Но к чему она сводится в конечном счете? Возможно, что наши действия ускорят конец, и он наступит до срока, но ведь все равно этого не миновать. И я спраши-

ваю: кто ответит за то, что мы все отправимся на смерть, как безгласная скотина?

Здесь интересовались, как мы можем сопротивляться, когда силы до трагичности неравны. Нет надежды победить, нет никаких шансов дать настоящий бой. Условия в нашем гетто таковы, что любая попытка будет обречена на провал. Но нельзя этим обуславливать решение. И не в разработке плана — проблема. План появится. Как действовать — станет ясно. Главное в другом: можем ли мы не сопротивляться? Чтобы идти этим путем, надо иметь много мужества, самоотверженности и веры. То, что мы собираемся предпринять — не есть акт отчаяния. Это еще не конец света. Объективно, может быть будет и так, но сегодня мы призваны сделать решительный выбор.

Задачи наши трудны. Прежде всего, мы обязаны освободиться от всех иллюзий, сами осознать положение и помочь сделать это другим; учесть до конца опасность; будить в молодежи, беспомощной и подавленной акциями, веру в свои силы; воспитывать национальную гордость и ненависть к врагу, а потом повести в бой; бороться организованно.

Мы станем сильны, когда в эти кровавые потемки проникнет свет сознания, мысль, что отныне — мы сами господа над смертью. Тогда появится смысл и нашей жизни.

Вы спрашиваете, а что произойдет, если массы нас не поймут? Не знаю. Я знаю, однако, что мы не пойдем, как скот, на бойню!

Конечно, нелегко далось нам так, сразу переменить свои воззрения. Многие переживают настоящий психологический и идейный кризис. Подчас начинает казаться, что мы одиноки и брошены на произвол судьбы в окутавшем весь мир великом мраке и должны ощупью искать путь к свету. Отсюда колебания, заблуждения. Но ясно, что все, что наши товарищи чувствуют и говорят в эти минуты, есть результат высшей заботы об идеалах и святынях еврейского народа.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ. Гетто погружено в безмолвие и мрак. По узким темным переулкам летит снег. Как только снежинки касаются земли гетто, их сверканье гаснет и

превращается в грязь. Потемки сгущаются, и даже сама белизна не в состоянии их смягчить и рассеять.

А из-за стен, с той стороны доносятся звуки джаза. Крикливо празднуют приближение нового года претенденты на завоевание всей планеты. Пьют и считают дни, отделяющие их от Москвы. И от их долетающих до гетто пьяных голосов пахнет кровью:

”Когда из-под ножа брызжет еврейская кровь”, – горланят они.

Семь глухих переулков отвечают на эту песню сдержанным эхом. И сердце уже не замирает от страха, не сжимается от боли и не бунтует в бессильном отчаянии. Ведь с песней этой мы уже свыклись. Ею насыщены вчера и сегодня, и она несется навстречу завтра. Ее слова сделались привычными, обыденными до такой степени, что в мозгу у нас неотвязно вертится ее мотив.

Как все это до боли запечатлелось в памяти!

Но от той новогодней ночи у меня сохранилось не только видение грязных луж и тяжкого мрака гетто, не только звуки ”Хорст-Вессель лид”*:

Я вглядываюсь в сумрачное далеко того вечера, и передо мной проходят другие картины. В потухших, свыкшихся с мраком зрачках вспыхивают снопы света.

Сначала они слепят, а потом...

Двор на улице Страшунь 2. Большой зал, наполовину погруженный в мрак. Несколько десятков сосредоточенных юношей и девушек. Серьезные лица с застывшим выражением напряженного ожидания. Сто пятьдесят пар глаз вонзились в одно лицо, сто пятьдесят внимают одному голосу. Он дышит силой и болью. Звучат памятные слова – текст первого воззвания** :

НЕ ДАДИМ ГНАТЬ СЕБЯ, КАК СКОТ НА БОЙНЮ!

”Еврейская молодежь, не верь обманывающим тебя. Из восьмидесяти тысяч евреев ”литовского Иерусалима” осталось всего двадцать тысяч. На наших глазах у нас вырвали родителей, наших сестер и братьев.

* ”Хорст-Вессель лид” – гимн штурмовиков.

** Оно написано Абой Ковнером и зачитано им и Тоссей на идиш и иврит. Адресовалось прежде всего участникам халуцианского движения.

Где они, сотни евреев, уведенных на работу облавщиками-литовцами?

Где раздетые женщины и дети, с которыми нас разлучили в страшную ночь провокации?

Где евреи Судного Дня?

И где наши братья из Второго гетто?

Кто был угнан за ворота гетто, тот уже не вернется.

Все пути гестапо ведут в Понары. А Понары означают смерть.

Коллеблющиеся! Отбросьте все и всяческие иллюзии: ваши дети, жены и мужа — их больше нет.

Понары — не концлагерь. Там всех расстреляли!

Гитлер замыслил уничтожить всех евреев Европы. Волею судеб литовские евреи стали первыми в очереди.

Не дадим себя гнать, как скот на бойню!

Да, мы слабы и беззащитны, но единственный ответ палачу — сопротивление!

Братья! Лучше пасть свободными борцами, чем существовать из милости убийц.

Будем сопротивляться! Сопротивляться до последнего вздоха!

1 января 1942 года, Вильнюс, гетто.

И снова тишина. Никто не нарушает молчания. И только слезы поблескивают в десятках молодых глаз. И только безмолвная волна чувств затопляет сердца. И руки судорожно сжимаются в кулак.

Вдруг в углу зазвучал голос. Приглушенно, неторопливо. И всех зажгла песня, расковала сердца, объединила. И вот уже, отбросив сомнения, люди поют, поют самозабвенно всем сердцем, словно стремясь напитать слова собственной кровью:

Чем сгинуть,
Лучше пасть геройски.
Шею подставлять под нож?
Нет и никогда!
Не сидите по углам,
Каждый со своей болью —
Пока хоть единая искра светит,
Должен прийти рассвет!

Казалось, наша песня обрушит стены гетто, прорвется туда, где раздастся звериный рык жаждущих еврейской крови врагов, удушит и раздавит их силой нашей ненависти и твердой верой в их гибель.

Вера и ненависть – вот что сплавилось в наших сердцах в эти дни, и только почувствовавшие в себе этот сплав поднимутся на смерть, чтобы остаться жить в памяти своего народа.

Тося прибыла к нам из мирных, спокойных гетто, где лихорадило лишь от усиленной воспитательной и общественной работы. Находясь здесь, она впитывала новую, неизвестную ей действительность, жуткую правду о физическом истреблении. Пережив глубокое потрясение, она начинает вместе с нами бороться за реализацию новых идей, вкладывая в это всю свою энергию. Волей судьбы она стала связующим звеном между изолированной вильнюсской группой и остальными отрядами движения, сближая нас с тысячами евреев в разных гетто, олицетворяя жизнь движения, озаряя мрак наших дней светом оптимизма.

Было время, когда ее брызжущая радостью молодость, ее любовь к прекрасному побуждала ее товарищей радоваться жизни, бороться за скрытую в человеке красоту. Молодое веселье теперь погасло. На него пала тень взрослой серьезности и решительности. Но спокойную улыбку, любовь к людям и тягу к прекрасному Тося сохранила, и сейчас это дает ей силы.

С нами в Вильнюсе она проводит считанные дни. Она тяжело переносит каждый день, задерживающий ее отъезд. "Не могу здесь больше торчать, обязана двигаться дальше, в другие гетто. Там меня ждут!"

Мы расстаемся просто, без лишних слов. Крепкое рукопожатие, светлая юная улыбка и наше "хазак ве-эмац!" (крепись и мужайся), которое произносится твердо и сдержанно, будто отправляется она в обыкновенную поездку, а мы остаемся в мирном доме. Вдруг кто-то произносит вздрагивающим голосом: "До свидания". Кто-то спешит добавить: "Свидимся же, конечно". Все это говорится по привычке, а сердце, не переставая, гложут боль и сомнения: не последний ли это раз?

Да, последний. Больше мы ее не видели.

ПРАВДА О ПОНАРАХ, ПРОСОЧИВШАЯСЯ К НАМ, поначалу предстала перед нами в виде отрывочных слухов и рассказов. Только единицам удалось спастись с места казни и возвратиться в гетто. Власти гетто делали все, чтобы предотвратить распространение их жутких рассказов. Вернувшихся клали в больницу, и никого к ним не подпускали. Но несколько наших товарищей проникли к ним. Их свидетельства регистрировались в подробных протоколах. Так рассеялись последние иллюзии.

Мы собрали много документов такого рода, но сохранить удалось всего несколько. Часть я приведу здесь, как правдивое отражение нашей жизни и смерти в те дни.

Первый документ был составлен на основании рассказа 11-летней девочки по имени Иехудит Трояк, депортированной в ночь провокации. Когда она вышла из больницы, я встретила ее в детском приюте гетто. Я видела, как обособленно держится она среди остальных детей и как выделяется даже на этом мрачном фоне приюта трагическим взглядом забывших улыбку глаз, парализованной рукой.

Сохранилось и свидетельство Тимы Кац, вильнюсской учительницы, угнанной в первые дни после основания гетто во время акции на улице Лидской, а также показания И. Кагана.

Всех их депортировали в разное время. Каждый пришел из своей среды, оторвавшись от своего образа жизни, и их рассказы так же различны, как отметины смерти, оставшиеся на их теле и в душе.

Девочка с улицы Шавельской 11, Иехудит Трояк, которую я нашла в больнице среди шести спасшихся, только что перенесла операцию и лежит в своей кровати испуганная и обессиленная.

Вот ее рассказ:

10 сентября, в субботу, вдруг начались волнения. Почему, я не знаю. Помню только, что рассказывали о событиях на улице Шкельна. Назавтра стало известно, что по соседству с нашим домом забрали много евреев. Все мы тогда собрались на квартире у одного из соседей, ожидая новостей. В восемь утра вдруг вошли литовцы и приказали одеться и спуститься во двор. Там нас построили в ряды. Дворник взял у хозяев ключи. Нас привели в тюрьму. Там мы оставались и весь

следующий день. Утром третьего дня нас вывели на тюремный двор. Мы думали, что собираются нас освободить, но нам приказали оставить все и садиться в ожидавшие нас грузовики. Во время поездки в закрытых машинах одна из женщин заметила, что мы проезжаем мимо леса. Потом до нашего слуха донеслись звуки стрельбы. Мы не знали, что случилось с мужчинами, которых увели отдельно, пешком, в сопровождении литовцев.

Когда мы слезли с грузовиков, нас повели в лес по песчаным дюнам и оставили там. В течение всего дня мы слышали гром выстрелов. Часов в пять вечера взяли десятых из нас и вели несколько минут. Нам завязали глаза и поставили на край рвов.

На мой вопрос, как с завязанными глазами она могла видеть рвы, она хитро улыбнулась:

Я поправила на себе платок таким образом, что могла видеть все... Здесь, в яме лежало много трупов. Куча на куче! Литовцы приказали нам стать на колени. И сразу открыли огонь. Я почувствовала сильную боль в руке и потеряла сознание. Когда я очнулась, увидела, что лежу возле моей мертвой мамы. Ров был набит телами. От боли, которая мучила меня, я разревелась и вдруг заметила, что кто-то держит меня за руку, и очень испугалась. Но тут я услышала женский голос, шептавший, чтобы я перестала плакать, иначе они могут вернуться и нас прикончить. Женщина сказала мне также, что когда стемнеет, мы вместе убежим. Я лежала тихо. Так я провела несколько часов. Вечером, когда не стало больше слышно крика литовцев, женщина подала мне знак. Мы начали ползти в глубь леса. Ползли долго, но никто нас не заметил. Пришлось пробираться через колючую проволоку. Рука моя кровоточила. В конце концов добрались до леса. Потом мы слышали, как литовцы ищут в лесу людей и стреляют. Пролежав два дня, мы увидели крестьянина, пришедшего в лес за дровами. Он перепугался, но женщина его упросила, чтобы он нас взял с собой и спас. Он отвел нас к себе домой, а потом в гетто.

Рассказ окончен. Девочка не плачет. Ее глаза безвольно устремлены вдаль, маленькая рука безжизненно свисает с кровати.

Рассказ Тимы Кац, учительницы из Вильнюса:

На исходе субботы, поздней ночью, мы, наконец, вошли в гетто и едва живые вползли во двор на улице Страшунь 14. Двор был битком набит людьми. Моросило, и каждый искал укрытия для себя и своих детей. Я, муж, сын и две наших дочки спустились в подвал. Сгрудились, прильнув друг к другу, дремали. Услыхав наверху шум, вышли и увидели, что все увязывают пожитки, как перед дорогой. Гонят литовцы.

Забрали и мы свои узлы и пошли. Погнали нас назад в город. Проходя по улице Немецкой, мы поняли, что нас ведут в направлении Лукишек. По Немецкой растянулись группы евреев, окруженных солдатами. Все чаще попадались на улицах узлы и тряпки. На тротуарах громоздились брошенные чемоданы. На середине мостовой валялось постельное белье, термосы, туфли. Непонятные одинокие фигуры, вжавшись в подъезды, провожали нас испуганными взглядами.

Заря высветила улицу, и в призрачном утреннем свете мы увидели идущие нам навстречу партии евреев, гонимых в гетто. В Лукишках нас разлучили. Мужа и сына – к мужчинам, а я с двумя дочками (Фейгой 17 лет и 10-летней Минной) осталась среди женщин. Двор был уже запружен тысячами евреев, которых привели с Лидской, Маковой и других улиц.

Что будет с нами дальше? Все мы были убеждены, что рано или поздно нас возвратят в гетто. Два дня мы провели под открытым небом. На третий, едва живых, нас поместили в камеру. Лишь тут, в камере, мы узнали, что уведенные отсюда группы отправлены в Понары. Никто, однако, не мог себе представить, что их увезли на казнь.

Так мы просидели до пятницы. В субботу в 2 часа ночи двор тюрьмы внезапно осветили прожекторами. Нас начали сажать на грузовики. В каждой машине – несколько литовцев с винтовками и 50–60 евреев. Так нас повезли в направлении Понар.

Приехали в холмистую, поросшую лесом местность. Усталые и ошеломленные, лежали мы среди песчаных дюн. Даже теперь никто из нас не мог представить истинного своего положения. Неподалеку от нас гремели винтовочные залпы. Командовали немцы, исполнителями были литовцы. Они начали отбирать по десять человек и вводить туда, где из-за

дюн гремели выстрелы, потом возвращались и забирали следующих.

Внезапно всех нас словно ударило током, мы разом поняли, что происходит. Женщины начали умолять литовцев, пробовали подкупить их ручными часами и одеждой. Иные валились наземь целовать солдатам сапоги, рвали на себе волосы, одежду – ничего не помогало. Литовцы забирали очередную группу и с побоями гнали на место казни. Часов в 12, когда все уже были убеждены, что от смерти не уйти и спасенья нет, наступило самое страшное. Когда подходила очередь, люди сами поднимались и безропотно, в молчаливом отчаянии, без криков и протестов шли на убой. Так в свой последний путь уходила семья за семьей.

Внезапно мы заметили группу мужчин, впереди которой шел белый как лунь престарелый раввин, облаченный в талес. С раскрытым молитвенником в руках он проследовал мимо нас, как призрак, громко восклицая: "Утешайте, утешайте мой народ, говорит Бог наш!"

Нас бросило в дрожь. Женщины разразились плачем. Даже конвоировавшие группу литовцы, и те были потрясены. Но тотчас же кто-то из них подскочил к рабби и ударом приклада выбил у него из рук молитвенник. Старик стал заваливаться набок и рухнул, обливаясь кровью.

Мы видели все это – я, мои девочки, те, кто еще оставался в живых.

Я все время верила в чудо, я беспрестанно повторяла себе: а вдруг оно произойдет. Я ждала.

Вокруг стало попросторней. Иные катались от отчаяния по земле, роя головой песок, но большинство сидело тихо.

Примерно в 5.30 пришел наш черед. Я двинулась вперед, дочки со мной. В дюнах мы встречали группы, дожидавшиеся, как и мы, своей участи. Нас поставили в ряд, и я еще ощутила, как моя старшая выскальзывает у меня из руки...

Когда я очнулась, то почувствовала, что со всех сторон стиснута телами, а сверху меня топчут и сыплют что-то едкое. Я поняла, что лежу в братской могиле посреди трупов, что вся окровавлена, ранена, но жива. Несмотря на поздний час, кто-то еще ходил по трунам, сыпал гашеную известь и рылся в могиле. Я лежала, затаив дыхание, вслушивалась в каждый шорох и шелест. Из глубины могилы еще доносились глухие

стенания, хрип умирающих. Сверху накатывался пьяный хохот литовцев. Слушая все это, я прониклась острой завистью к мертвым, которым уже не дано ощущать весь этот ужас. Вдруг слышу рядом тихий плач. Плачет, разобрала, ребенок. Поползла на звук. И наткнулась по пути на труп моего мужа, с которым накануне простилась. Я опознала его по белью, которое сама приготовила ему своими руками.

Ребенок не унимался, и я, собрав остаток сил, добралась до него... Плакала девочка лет трех. Живая, здоровая. Я решила спастись и спасти ее. И когда на груди трупов я делала передышку, прижимая девочку к себе, я знала, что если спасусь, то буду обязана этим только ей.

Было очень поздно, когда я перебралась через проволоку и побежала в сторону леса. Там, в лесу я наткнулась на пять женщин, спасшихся, как и я, из могил. Одежда на нас была пропитана кровью, сожжена известкой, разорвана в клочья. Некоторые были в одной рубашке. Двое суток мы прятались в лесу. Первый наткнувшийся на нас крестьянин испугался, разразился паническим криком и удрал. Через несколько часов он сказал нам, что принял нас за призраков, явившихся наводить страх на грешные души...

Передо мной третье свидетельство.

Кагана немцы задержали на улице, так как при нем не оказалось пропуска. Его привели в гестапо, жестоко избили и отправили в Лукишки. Там он просидел несколько недель. Все это время он надеялся, что благодаря своим связям освободится.

Вот его рассказ:

Шестого декабря 1941 года всех узников Лукишек вывели из камер, присоединив к ним около 80 поляков. Всех погрузили в машины. Я "удостоился" попасть на первый грузовик. Впереди катит гестаповский офицер Швейненберг, позади я насчитываю пять-шесть машин. Теперь я начинаю догадываться, что это — наш последний путь. Он длился около десяти минут, а затем мы въехали на огороженную территорию Понар.

Последние надежды исчезли. Мы заметили открытые рвы и поняли, что в них лежат сотни и тысячи, чей конец был таким же, как тот, что ожидает нас. Теперь нам уже хотелось, чтобы скорей все кончилось.

Всех евреев построили в шеренгу, перед строем встал Швейненберг. Женщин и детей отделили от мужчин. Велят снимать верхнюю одежду. У кого хорошее белье, должен сдать и белье, а стоит пронизывающий холод. Они подгоняют нас ко рвам. Тех, кто тянет с раздеванием, бьют прикладами. На бровке рва – шесть литовцев с винтовками. Нас разделили по шесть человек, и когда первые встали, раздался залп. Шестеро повалились в ров. Из шеренги взяли еще шестерых, и снова залп.

Казнимые не плакали, не кричали, кроме нескольких женщин и детей. Я попал в пятую шестерку. Стоим лицом к лицу с палачами. Кто справа и слева от меня, этого я не замечал. Какое-то во мне было странное спокойствие. Словно там только тело мое стояло, дожидаясь пули. Помню, упал, и на мне – тяжелый груз. Лежу без сил в снегу, полуголый. В ушах снова и снова гремят выстрелы, ров вокруг меня заполняется, и меня зажимает все тесней и тесней. Теперь я знаю, что лежал в массовой могиле, ощущая тяжесть тел моих расстрелянных братьев, падавших и падавших в ров. Я истекал кровью и не понимал, сколько времени прошло так. Может быть, часа четыре-пять. Спустились сумерки. Попробовал осмотреться – ничего не вижу, хочу подняться, вылезть из-под трупов и замечаю литовцев, которые все еще тут, на бровке рва, делят добычу – одежду, снятую с убитых. Но стоят они спиной к могиле, поглощенные своим занятием. Я выполз. Ползу, потом встал – и бежать сколько было духу, пока не добежал до проволочного ограждения. Рванул через проволоку и в спешке сильно разодрал руку и спину. Так, весь облитый кровью, добрался до первого села, повернул к самому бедному из дворов. Там жил польский батрак, работавший на кулака-литовца. Я рассказал ему, кто я и что со мной произошло. Он дал мне горячей воды смыть кровь и попить. И только тогда я почувствовал, как окоченело все тело. Батрак уступил мне свою кровать, а назавтра проводил в гетто. И вот уже несколько месяцев я валяюсь в больнице, врачи делают, что могут, чтобы поставить меня на ноги, но кто знает, что будет завтра? Кто уверит меня, что земля Понар уже сыта нашей кровью, моей кровью?

В эти дни литовский писатель А. Вейшвилло печатает в 41 номере газеты "Новая Литва" следующее:

”...Порой возникает мысль: разве не подобен наш Вильнюс Флоренции? Подобно венценосной Флоренции лежит он между холмами, и в нем тоже множество красивых монастырей; а войны за доброе имя города, за древние его дворцы – разве не напоминают они о войнах тосканского рода за свою цветущую Флоренцию? И звон вильнюсских колоколов, как звон колоколов того города. И кровь, насыщенная романтикой, льется на холмах Понар...”

”Кровь, насыщенная романтикой”! Романтика крови!

А теперь подведем итог. Вот он, кровавый счет.

За короткий период между 22 июня и 21 декабря 1941 года были помещены:

в Первое гетто	—	29.000 евреев
во Второе гетто	—	11.000 евреев
всего в обоих гетто	—	40.000 евреев
		из 60.000 евреев
		Вильнюса.

Облашки с их подручными убили до угона в гетто около	21.000 евреев
--	---------------

В самих гетто были уничтожены:

в ночь на 7 сентября	6.000
----------------------	-------

15 сентября	2.950
-------------	-------

1 октября на исходе Судного дня в 2:30 ночи депортировано из Второго гетто	800
--	-----

в тот же день в 6:30 вечера	900
-----------------------------	-----

в ночь на 2 октября угнано к воротам под предлогом регистрации ”шейнов” и не вернулись	2.200
--	-------

3 и 4 октября депортировано из Второго гетто	2.000
--	-------

16 октября депортировано из Второго гетто	3.000
---	-------

20 октября полная ликвидация Второго гетто	2.500
--	-------

старики и парализованные, депортированные из Первого гетто	80
--	----

старики и парализованные, депортированные из Второго гетто	60
24 октября депортировано во время "первой акции желтого шейна"	5.000
3 ноября во время "второй акции желтого шейна"	1.200
3 декабря, при чистке "преступ- ного мира" гетто	67
4 декабря такая же "чистка"	20
15 декабря ночью депортированы жильцы блока, принудительно работавшие в гестапо	300
20 и 21 декабря в акции розового "шейна", проведенной литовцами	400
С 6—7 сентября по 20—21 декабря 1941 года расстреляно в Понарах	27.477
От 40 тысяч евреев, согнанных 7 сентября в оба гетто, к 1 января 1942 года в первом гетто уцелело приблизительно 12 тысяч.	
Второе гетто было уничтожено ЦЕЛИКОМ	
С 22 июня по 1 января убито:	
до гетто	21.000
в период гетто	27.477
ВСЕГО	48.477 евреев

НА ПОНАРЫ МОГ БЫТЬ ТОЛЬКО ОДИН ДОСТОЙНЫЙ
ответ: борьба и сопротивление! Необходимо, чтобы это осознал каждый.

Мы начинаем искать возможности, чтобы добиться взаимопонимания с существующими в гетто организованными силами, каждая из которых действует сама по себе, в рамках своей партии и организации. Проводится первая встреча

между членами "Хашомер хацаир" и представителем ревизионистов Иосефом Глазманом. Одновременно ведутся переговоры с представителями коммунистов в гетто.

Иосеф Глазман — заместитель начальника полиции в гетто. Его действия ничем не отличаются от общей линии юденрата. Но у Иосефа репутация человека неробкого десятка, еврея с твердым национальным сознанием. С первой же встречи устанавливается постоянный контакт.

Представители коммунистов Ицик Виттенберг. Хина Боровская и Берл Шерешневский — старые активисты партии. За плечами у них — долгие годы работы в подполье, разнообразная и ответственная деятельность при советской власти. Первые совещания между их комитетом и нашим секретариатом носят идеологический, фундаментальный характер. Наконец, решено созвать общее собрание с участием представителей всех организаций. Цель — координация действий и сведение их к единой цели.

21 января 1942 года, к вечеру, в комнате Глазмана на улице Рудницкая 6 состоялось то памятное совещание. В нем участвовали: Ицик Виттенберг, Аба Ковнер, Иосеф Глазман, Хина Боровская, Нисан Резник и Фрухт.

На совещании было решено:

1. Создать боевую вооруженную организацию, которая будет действовать в подполье вильнюсского гетто. В нее войдут все партии, исходя из стремления к объединению всех организованных сил в гетто.

2. Главная задача организации — подготовка массового вооруженного сопротивления при любой попытке ликвидации гетто.

3. Сопротивление — национальный акт: борьба народа за свою честь и достоинство.

4. Организация ставит своей задачей также саботаж и диверсии в тылу врага.

5. Боевая организация вильнюсского гетто присоединяется к рядам партизан, борющихся в тылу, и помогает Красной Армии в общей борьбе против фашистских захватчиков.

6. Организация будет распространять идею сопротивления и в других гетто и установит связь с силами, ведущими борьбу за пределами гетто.

**ПЕРВЫЙ
ШТАБ ЭФПЕО**

Аба Ковнер

Ицик Виттенберг

Иосеф Глазман

Фрума Плотницкая

Тося Альтман

Арье Вильнер

Соломон Энтин

7. Действия организации будут направляться штабом во главе с командиром организации. В штаб входят три человека. Избраны: Ицик Виттенберг, Иосеф Глазман, Аба Ковнер. Начальник штаба, он же командир – Ицик Виттенберг.

Организация будет называться "ЭФПЕО" – "Ферэинигте партизанер организацие" ("Объединенная организация партизан").

Так стала реальностью боевая организация в гетто.

В гетто как будто ничего не изменилось, но в рабстве и позоре начинает выковываться новый человек, в трудной повседневной подпольной работе растет и закаляется боец ЭФПЕО, и его жизнь, бессмысленная до сих пор, теперь наполняется высоким содержанием.

Главная проблема, которая стоит сейчас перед штабом – оружие. Наша реальная сила будет зависеть от того, сколько его удастся раздобыть. Ведь все мы безоружны.

"Где мы достанем первый в гетто пистолет?.." – задумчиво говорит Иосеф, и Аба отвечает: "Первый уже при нас, – и вытаскивает, и кладет на стол бельгийский кольт. – Барух Гольдштейн стащил его в "баутелагер" (склад трофейного оружия). Оружие будем брать у немцев".

Первичное организационное звено в ЭФПЕО – три человека, тройка. Каждая тройка составлена из членов одного движения. Первые тройки были скомплектованы из лучших и активнейших наших товарищей, после тщательного обсуждения и отбора. Одной преданности своей партии было недостаточно. Отбор идет персональный, и каждая партия несет ответственность за своих людей перед командованием.

Одно звено не знает другого. Тщательная конспирация – залог успеха.

Первая задача троек – научиться пользоваться оружием. Ведут обучение специальные инструкторы, те из членов ЭФПЕО, кто имеет хоть какие-нибудь познания в военном деле.

Немедленно организуется курс для инструкторов под руководством Иосефа. Практические уроки пока проводятся с использованием того единственного пистолета, что у нас есть.

Забота, как добыть оружие, отныне гложет нас беспрепятственно.

До сих пор значительная часть хашомеровского актива находилась на арийской стороне. Товарищи снабжены надежными польскими документами и устроены на относительно безопасные места работы.

После идеологического поворота в движении часть наших товарищей вернулась в гетто. А после основания ЭФПЕО к нам присоединились и последние из "арийцев". Никто не приказывал им вернуться, но люди сами понимали, что место каждого члена "Хашомер хацаир" теперь в гетто. Гетто — главный очаг борьбы, наша боевая позиция.

В числе других в гетто возвратились Витка Кемпнер, Тайбл Гельблюм, Михаил Ковнер.

Михаил и Тайбл пришли из монастыря сестер-бенедиктинок. Прощаясь с ними, настоятельница, глубоко заглядывая в глаза, словно пытаюсь разгадать их тайну, задумчиво проговорила: "Идите, дети, и я приду к вам, ибо бог с вами". На следующий день она отслужила службу за благополучие тех, кто покинул надежные стены ее монастыря и прошел в ворота гетто — врата смерти.

А вокруг недоумевают, встречая Лизу Магун. — "Ты в гетто? Но это же безумие. У тебя документы, знакомые поляки, надежная квартира, арийская внешность... Если б нам все это, боже мой", — охают они сокрушенно... А Лиза только улыбается своей обаятельной улыбкой: "Безумие? А может... кто знает"...

Действительно, нелегко постигнуть, что вот есть в гетто люди, мечтающие о чем-то ином, кроме собственного спасения, что, будучи в здравом уме и трезвой памяти, они сознательно избирают смерть, в то время как им очень легко было выбрать жизнь. И даже мы — кто из нас мог тогда представить, что все они до конца пройдут по нашему общему пути. До конца...

Еще один незабываемый образ — Арье Вильнер.

Он спокоен, уверен в правильности своего пути, жаждет действия. Арье едет в Варшаву. Это его родной город, там его товарищи и воспитанники. Он должен принести в варшавское гетто новые идеи, приобщить людей к чуду действия, внушить им необходимость восстания. И это — в варшавском гетто, где пока тихо, где смерть еще не смотрит на каждого из дула пистолета.

И года не прошло, как мы узнали, что Арье Вильнер руководит в Варшаве закупкой оружия и его тайным провозом в гетто. Он погиб на 18-й миле, в штабном блиндаже, рядом с Мордехаем Анелевичем и его боевыми товарищами.

Возвращается в обреченное на гибель гетто Лиза; барышня Галина Воронович — наша Хайка — со специально изготовленным пропуском отправляется в Белосток.

В Белостоке большое гетто — сорок тысяч евреев. Они не чувствуют беды и не тревожатся за свое будущее. Хайка едет туда создавать боевую организацию. Она знает местные условия, местных товарищей и молодежь. И мы уверены, что благодаря своему организаторскому таланту и железной воле она справится с порученным делом.

Вскоре в белостокском гетто создаются первые боевые ячейки. Так возникает цепь: Вильнюс—Белосток—Варшава.

В Вильнюсе это время стало периодом реорганизации и интенсивной работы. Создание ЭФПЕО вызвало рост активности и укрепило связи между товарищами. Нам, близким друг другу по воспитанию, хотелось держаться вместе, вместе проходить новую науку борьбы. Было решено основать объединение, нечто вроде киббуца — "шитуф". И это слово, означающее "объединение", заняло прочное место в нашей биографии и борьбе. Здесь, в "шитуфе", сосредоточится актив движения, отсюда прозвучит призыв к действию. В перспективе каждый член "шитуфа" станет участником ЭФПЕО.

Приступив к осуществлению своего замысла, мы встретились с невероятными трудностями.

В условиях гетто любая мелочь разрасталась до размеров огромной проблемы. Переговоры с юденратом о получении квартиры тянутся неделями. Нет никакой надежды получить разрешение на создание организованного молодежного объединения, и мы вынуждены маскировать истинное содержание "шитуфа" путем фиктивных браков между товарищами.

Наконец мы получили старую, совершенно разрушенную квартиру. Необходим ремонт. С трудом проносили мы в гетто (полицейские на воротах конфисковывали все, что могло быть использовано как топливо) кусок доски или фанеры. И после двенадцати часов каторги на принудительных работах у немцев мы тратим невероятные усилия, чтобы превратить наш угол в приемлемое жилье.

В конце концов, есть "шитуф". На улице Страшунь 12, во дворе, на втором этаже мрачного дома на изгибе улицы. Две маленькие комнаты и кухня. Квартира — как все квартиры в гетто, тесная, забитая нарами, ни стула, ни шкафа, ни стола. Единственная мебель — старая дрянная скамейка и древний ларь, но зато — много книг и картина еврейского художника Будко на пустой стене.

Окна нашей квартиры выходят на Николаевский переулок, граничащий с гетто. Там, в отличие от наших шумных улочек, царит тишина. По правилам, мы должны забить эти окна досками, но мы ограничиваемся тем, что закрашиваем стекла. Вечерами, украдкой, чтобы кто-нибудь не заметил, приоткрываем закрашенную створку. И тогда на какое-то мгновение кажется, будто мы уже и не в гетто. В сумрак нашей комнаты входят успокоительное вечернее затишье и приглушенный звон церковных колоколов с ближней колокольни, а если рискнуть выглянуть из окна, то глаз встречается с раскидистой верхушкой дуба, которая свободно шевелится на ветру. Вырисовывающиеся в сумерках очертания дёрёва будят в душе воспоминания и тоску, похороненные юные надежды. Сколько желаний поверялось этому дубу, навевавшему своей густой кроной покой и тишину! А сейчас на нем уже набухают почки. Глаза невольно останавливаются на них. Весна. Она близится и, кажется, дышится легче, и хочется верить, что весна принесет немножко света и тишины, что самое страшное позади. Но опять ползут жуткие слухи. В городе поговаривают, что с приходом весны на евреев обрушится новая катастрофа. Знакомые поляки уговаривают бежать, пророчат беду. Люди шепотом передают, что в Понарах снова копают рвы.

А в наших сердцах, терзаемых то отчаянием, то надеждой, не угасает жажда жизни, тоска по природе. Мы не говорим об этом вслух, но все чаще звучат стихи. Их пишут теперь очень многие.

Стихотворение Ривки Глезер "Гетто" знают уже все:

"Мама стирает на чужих, в доме нужда,
Но я забываю обо всем, когда мечтаю о
Свободе.

И, глядя на мертвое бревно, вижу зеленое дерево..."

В преддверии весны 1942 года немцы издали новый приказ:

“Евреям вильнюсского гетто воспрещается производить на свет потомство. Нарушителей ждет суровая кара”.

Первый младенец, появившийся на свет через двое суток после опубликования этого приказа, был назван “Малина”...

С приходом весны нас “приравнивали к польскому населению”: мы, как все арийцы, обязаны платить “копфштайер” – подушный налог. Налог начисляли по справедливости: мужчины в возрасте 18–20 и 50–60 платят десять марок. С 20 до 25 лет – пятнадцать марок. Женщины в возрасте 18–20 и 40–50 – восемь марок, а с 20 до 40 – десять. Для нетрудоспособных немцы снизили подать на 40–60 процентов, а за каждого ребенка моложе 15 лет сбрасывали с налога 15 процентов.

Евреи увидели в этом налоге доброе предзнаменование.

Так в атмосфере метаний от отчаяния к надежде, от смертного страха к тоске по чуду, подошли дни праздника Пасхи. По древним переулкам гетто пронеслось свежее праздничное дуновение. Женщины наводят порядок в своих квартирах, вытаскивая пожитки во двор, на чердак, в любое свободное местечко. Дворы, где и раньше было не протолкаться, теперь совсем забиты. Юденрат получил разрешение на выпечку мацы в гетто, и к пекарням выстраиваются длинные очереди за карточками на мацу.

Дети учат в школе историю праздника, хором повторяют ее, зазубривают “четыре вопроса” и радуются мысли о приближении Седера. И не беда, что нет ничего, что напоминало бы в гетто о весне, что переулки сумрачны здесь во все времена года, а убитая земля не выбросила ни одного зеленого ростка, и даже птицы избегают залетать сюда, за высокие стены, оштетинившиеся колючей проволокой. Пускай. Пасха – она для всех евреев в мире, она будет праздноваться и здесь в гетто, в литовском Иерусалиме.

Мы тоже увлечены подготовкой к празднику и решаем организовать роскошный Седер для всех товарищей.

Это был наш первый Седер в гетто, а для многих из нас – последний. По сей день, когда я вспоминаю тот вечер, я испытываю щемящую боль, от которой никогда, вероятно, не излечусь.

...Комната чудесно залита светом. Как много света и какой белизной сверкают длинные столы! И цветы. Живые цветы в гетто. Их украли на ферме Тайбл и Дина и под платьем пронесли в гетто. Охранники на воротах не заметили.

На свои жалкие гроши мы купили свеклы и картошку. Девушки, приложив к этому "сырью" массу труда и воображения, превратили его в вкусные блюда. И теперь на белоснежных скатертях ярко багровеют свекольные салаты и алый свекольный сок в прозрачных стаканах. Как кровь — знобко пробегает в уме, как наша живая кровь. Но на стене пламенеет надпись:

"Хоть горами мрака засыпало нас —
Все искры не задуло, не загасило..."

Нас много. Впервые мы сидим так, все вместе, от самых юных до ветеранов. Я никогда еще не видела в гетто таких празднично-торжественных лиц. Возникает песня. Все поют самозабвенно, хмелеют от песни, как от вина. Старые слова молодеют и освещаются новым смыслом:

"На развалинах и падали — мы поем..."

На мгновение кажется, будто это тот же гимн, который мы так привычно исполняли на торжественных собраниях ячейки, отряда, мошавы. И сейчас я отчетливо слышу слова, разорвавшие тишину, которая наступила после пения:

— Подобно каждому еврею в пасхальную ночь, я пользуюсь правом задать древний вопрос себе и всем присутствующим: что изменилось? В чем изменились мы по сравнению с остальными нашими братьями; по сравнению с нашими замученными товарищами, чьи тела полегли по всей земле, и пролитая кровь кипит, не зная покоя, требуя отмщения?

Я спрашиваю и сама себе отвечаю:

— Да, точно, мы — другие. Если теперь мы сложим головы, то в бою. Погибнем свободными людьми. И смерть наша станет искуплением той крови, что взывает к мести.

... Праздник Пасхи напоминает нам о крови. Даже белая праздничная маца видится мне красной, будто ее окунули в нашу кровь.

И я продолжаю и спрашиваю: раз уж льется кровь, какая разница? И отвечаю: есть разница. Важно, где и как проливается кровь.

От тысяч уничтоженных и нашедших общую могилу на холмах Понар не останется ничего, кроме кровавых воспоминаний, трагического урока, глубокой раны, которая не зарубцется в народном сердце. Ибо павшие погибли на чужбине.

Та же кровь, проливаемая нашими товарищами там, в Эрец-Исраэль, обогащает землю, впитывается в нее, остается в ней навеки: со временем из этой земли проклюнется новая, цветущая жизнь, новые творения. Так смерть оборачивается жизнью.

Тоска, страстная тоска на лицах товарищей: Эрец-Исраэль! Как далека она и недосягаема, наша земля!

Тишина. Слушаем Хаггаду — нашу новую легенду, которую сочинили Михаил Ковнер и Моше Немзер. Снова вызывают к нам древние и вечно живые слова, слова тех последних на стенах Масады.

И снова песня... Будто душа, полная горя и муки, хочет излиться до дна.

Мы возвращались домой погруженными во мрак пустынными переулками. Высокий забор гетто отбрасывал густые тени. Тяжелые запертые ворота, казалось, насмеются над нами.

И снова наступили невыносимо длинные и тяжкие дни, переполненные трудом и борьбой.

Работа в движении разворачивается все активнее. Все сильнее влияет она на жизнь каждого.

В Вильнюс возвращается Соломон Энтин, ездивший с делегацией в Варшаву. Вместе с ним приезжает Фрума. Из Варшавы они привезли информации, а самое главное — деньги, предназначенные для работы всех организаций.

Тогда я увидела впервые Фрумку Плотницкую, которая произвела на всех нас сильное впечатление своим мужеством и выдержкой.

В Вильнюсе она провела лишь несколько дней. В ее маршруте — Белосток, Волынь и ряд малых гетто. Она уезжает, и только отголоски результатов ее неутомимой деятельности доходят до нас.

В те же дни вернулся из Варшавы Эдек и с головой погрузился в работу движения и ЭФПЕО, словно стремясь наверстать упущенное за месяцы своего отсутствия и возместить товарищам то, чего они лишились с его отъездом: его

самоотверженности и талантов. Новости, которые он привез из Варшавы, неутешительны. Там до сих пор – одни споры да разговоры, и все остается по-прежнему. В Варшаве люди все еще отказываются поверить правде, никак она не доходит до их умов и сердец.

Мучительно слушать эти вести.

На заседании секретариата решено направить в Варшаву еще одну делегацию, доставить во все гетто воззвание ЭФПЕО, призывающее к вооруженному сопротивлению и содержащее свидетельства спасшихся из Понар. Эту миссию секретариат поручает Саре и Ружке Зильбер.

Сара и Ружка – сестры. Обе они воспитанницы "Хашомер хацаир", обе прошли до войны подготовку – "хахшару", обе активны и надежны. Сара – светленькая, круглолицая, с румяными щеками, плоским нееврейским носом. Некоторое время она находилась в городе и работала служанкой в доме польских аристократов, одновременно выполняя задания, которые поручала ей организация. Ей не раз приходилось смотреть смерти в глаза, сначала в гетто, потом в городе. Спасали ее находчивость и хладнокровие, или, как сама она утверждала, везенье.

Ружка совсем не похожа на сестру. Рослая, темноволосая, с удивительно красивыми зелеными глазами, она привлекает своей миловидностью. За арийку ей сойти трудно, но, имея на руках надежные документы, как-нибудь выкрутится в случае беды. Она живет в гетто с самого его возникновения.

Сестры начинают готовиться к опасной дороге. Когда Сара приходит в гетто за инструкциями, у нее вид элегантной молодой полячки, ничего общего не имеющей с евреями. Еврейская полиция на воротах тщательно проверяет ее "шейн" (ей заблаговременно передали из гетто желтый "шейн", без которого нельзя ни выйти из ворот, ни войти). Охранники подозрительно косятся на эту девушку, безусловно нееврейку и только после того, как она заговаривает с ними на идиш, пропускают ее в ворота.

На коротком заседании Саре объясняют ее задачу. "Готова ли ты? – спрашивает кто-то из членов секретариата. – Поездка опасная..."

Сара вскидывает брови: "Не понимаю, ведь это необходимо. Горжусь, что это поручили мне".

Приготовление занимают несколько дней. Надо приготовить удостоверения, пропуска, информацию, переписать микроскопическим шрифтом документы, раздобыть чемоданы попримичней, чтобы их содержимое не внушало подозрений.

Соломон Энтин едет назад в Варшаву. Он приезжал в Вильнюс обсудить, как продолжить работу и скоординировать ее с деятельностью молодежи в обоих гетто. Соломон хочет вернуться, чтобы наладить работу познергичней, как он это умеет; хочет доставить в Варшаву весть о существовании боевой организации, объединившей в своих рядах все молодежные течения в вильнюсском гетто.

В те дни я часто встречала его. Он сделался неузнаваемо серьезен; в его синих глазах появился стальной блеск.

— Не могу больше сидеть здесь, — говорил он мне, — хочу в Варшаву, работать там, сколотить что-нибудь настоящее. Вот тогда вернусь вас проведать, посмотреть, что удалось вам здесь...

В апреле 1942 года уезжают трое: Сара, Ружка и Соломон.

Во время короткого прощания Сара сказала одному из товарищей, понизив голос почти до шепота: "Знаешь, я совсем не боюсь... Если погибну, моя смерть будет все-таки иметь смысл".

Улыбка освещает ее лицо.

Соломон по-обычному спокоен, и то, как твердо и быстро он пожимает руки, свидетельствует о его решимости.

В прекрасных зеленых глазах Ружки плещутся волнение и тихая грусть.

Через некоторое время пришло страшное известие. Неподалеку от Варшавы немцы задержали трех молодых людей — двух женщин и мужчину. У них были фальшивые документы. Всех троих расстреляли на месте.

Все трое, все трое — и только доносится тихо-тихо далекий голос: "Если погибну, моя смерть будет все-таки иметь смысл".

Первые наши товарищи, которые погибли ИНАЧЕ, не так... — нащептывает голос, но сердцу нет утешенья.

Спустя несколько дней Эдек заявил на заседании секретариата, что хочет ехать в Белосток и просит секретариат принять решение по этому вопросу. Это поразило нас, как гром. После недавних событий — это безумие, поездка заранее

обречена на провал. Но Эдек не привык отказываться от своих решений. Он доказывает, что его место — в Белостоке: там теперь налаживается работа, и многое зависит от того, какой ей будет придан характер с самого начала. А ведь мы знаем, что там нет товарищей, смыслящих в военном деле.

Эдек говорит уверенно, как человек, взвесивший все за и против, и никто не осмеливается напомнить ему о пути, где на каждом шагу подстерегает смерть, и о недавней гибели товарищей. Мы понимаем, что он сам все это помнит и, говоря: "Я обязан быть там", — он, как и мы, видит перед собой ту дорогу и на ней — трех расстрелянных.

ЖИЗНЬ В ВИЛЬНЮССКОМ ГЕТТО ПОСТЕПЕННО ВХОДИТ в свою колею.

Последняя акция была четыре месяца назад, и люди иногда позволяют себе верить, что немцы сказали правду, и отныне гетто ничто больше не грозит, поскольку оно "виртшафтс-нуцлих" — экономически целесообразно.

Власти гетто прибирают к рукам все внутренние дела. Генс как геттофорштейер (глава гетто) и Деслер в качестве начальника еврейской полиции самовластно правят здесь.

Генс считает, что только железной рукой, усиленной властью полиции, и при умной экономической политике можно обеспечить существование гетто. Он вводит методы суровой диктатуры. Его намерения, несомненно, добрые; он искренне считает себя хорошим евреем с развитым самосознанием, одним из спасителей своего народа. Но он не понимает, что все глубже вязнет в трясине сотрудничества с немцами, что из этого болота не выходят чистыми. Деслера все считали пособником и прислужником немцев.

Ненавидимая за свои повадки в гетто, а главное — за действия во время акции, еврейская полиция, руководимая Деслером, отныне превратилась в кнут, занесенный над головами жителей гетто. Деслер начал в нее набирать самых отпетых типов из местного преступного мира. Это были подонки, как будто специально созданные для насилия над другими. Положение полицейских в гетто, с их точки зрения, — прекрасное. Никаких материальных забот, никаких прину-

дительных работ. Служба дает им особые привилегии, а главное — они спокойны за свою жизнь, потому что в них нуждаются немцы. Возможно, погибли очень многие евреи, но они, полицейские, уцелеют. Вот такая подоплека, подчас красиво отдекорированная разными высокими идеалами, вроде национализма, коллективной ответственности и тому подобного, стала благодатной почвой для быстрого роста числа их преступных кровавых дел.

Полиция наводит страх на все гетто и становится объектом всеобщей ненависти. Жизнь гетто отдана ей на откуп. Семь узких переулков поделены на три участка. В каждом участке имеется полицейская станция во главе с комиссаром. В особое подразделение выделена так называемая "торвахе" группа охранников на воротах. Ими командует Меир Лев, на всех наводящий страх и всеми ненавидимый в гетто. На улице Страшунь помещается уголовная полиция. Со временем организуется и политический сыск, особо нацеленный на нас.

Кошмар массового уничтожения несколько отдалился. К людям возвращается какое-то душевное равновесие, а с ним и будничные заботы, которые становятся теперь самым главным в жизни. Даже во внешнем виде гетто есть перемена, отражающая наступление нового периода.

Теснота и скученность не исчезли, но все же сейчас уже трудно себе представить, каким образом здесь могли поместиться 29 тысяч человек. Ведь оставшиеся в живых — тысяч двенадцать — и так заполняют все вокруг до отказа. Улицы постоянно запружены толпами. Особенно много молодежи, единственное развлечение которой — кружить по улицам. На улицы высыпали дети. На углах толкаются женщины и старики с завернутыми в тряпье пузатыми горшками и голосят, перекрикивая друг друга: "Горячие пирожки! Покупайте горячие пирожки!"

Вид дворов тоже изменился.

Дворы гетто... У каждого своя история, свое прошлое. Каждый двор — это, фактически, отдельный мир, отдельное гетто в миниатюре.

То же самое и наш двор. Он тоже потихоньку возвращается к жизни.

Здесь проживают сотни людей, от последних нищих до

богатеев — местных нуворишей. На воротах табличка: "Шталаг № 304."

На всех воротах, ведущих во дворы, таблички на немецком языке. Они указывают, к какой "эйнгейт" (подразделению) приписаны местные жильцы. Поскольку рабочие заняты на каком-нибудь определенном немецком предприятии, их, в большинстве случаев, селят вместе — блоками. У нас на улице Страшунь 12 живут рабочие "шталага", то есть лагеря советских военнопленных. У них у всех желтые "шейны", у их жен и детей — розовые. Кроме них, здесь ютятся сотни нелегальных, лишенных "шейнов", чья жизнь постоянно висит на волоске. Но теперь и они избавились от страха смерти, и их дети играют во дворе вместе с детьми "шталагцев". Содержание игр почти не изменилось: дети постарше играют в "Понары", маленькие — в полицейских, которые раздают тумаки и отнимают продукты у ворот.

В воротах слева — узкий вход с крыльцом. На первом этаже — дверь в нашу комнату. Сюда собирается молодежь на тайные сходки, сюда товарищи принесли первое добытое оружие, которое до поры спрятано под половицами.

В правом флигеле, где некогда помещался "клойз" — молельня цеха еврейских маляров — теперь детский сад. Внутри квартира разрушена, на стенах уцелели лишь неразборчивые фрагменты древней живописи. По комнатам перекатываются смех и песни нескольких десятков детишек, старшим из которых по шесть лет. Дети проводят здесь дневное время. А наверху — притон. На лестнице то и дело натыкаешься на мужчин, спешащих к проституткам в комнаты, битком набитые жильцами. Напротив, во дворе — сарай погребального общества. Груда черных ящиков — некоторые евреи во время акции "шейна" спаслись, прячась в этих гробах. Стоит единственная в гетто лошадь, которую ежедневно запрягают, чтобы увозить умерших своей смертью на еврейское кладбище в Заречье. Рядом — дешевая столовка, которая обслуживает в основном учителей и учеников. Ежедневно распределяют здесь сотни обеденных порций. По ту сторону раздаточного окна растянулась огромная очередь женщин. Отдел вспомоществования при юденрате два раза в месяц выдает тут молоко, конфеты и варенье для детей до шести лет. Очередь никогда не уменьшается и не кончается.

По вечерам в той же столовке устраиваются репетиции хора под управлением Авраама Шлепа. Подле столовки, справа, на задворках высится гора картофельных очисток. Все жильцы двора тщательно собирают их в специальные ящики. По приказу властей пекарни гетто используют эти очистки при выпечке хлеба и для приготовления картофельных блинов. В том же углу оборудовали лаз в город контрабандисты. С наступлением темноты они принимаются за дело. По чердакам и крышам, которые примыкают к городским кровлям, в гетто переправляют мешки с мукой, солью, иногда даже с сахаром. Контрабанда этих припасов приносит огромные барыши.

В соседнем доме того же двора работает народное училище № 2. Там преподают наши товарищи -- Шефтель, Кабачник, Мира Беренштейн и другие. Учащаяся молодежь наполняет двор оглушительным шумом. В хорошую погоду здесь проводятся и уроки гимнастики.

Вечером в зале школы собираются участники драматической ивритской студии, которая готовит пьесу "Вечный жид". Звуки иврита и ивритских песен вливаются в общий сумбур звуков, дополняя характерную звуковую партитуру одного из дворов гетто. Острый и внимательный слух различит в этой вечерней симфонии мучительные вздохи и тихий шепот: "Где достать завтра кусок хлеба?"

Тысячи людей в гетто отходят ко сну с мыслью о хлебе. Все их стремления и усилия сосредоточились теперь вокруг одной проблемы -- как прокормиться. Едва отдалился страх смерти, как его место занял страх голода.

В первое время люди питались продуктами, которые удалось захватить из дому и пронести с собой. Многие существовали на вырученное от распродажи вещей, мебели и имущества в день ухода в гетто. Те, кто пронес в гетто вещи, выменивали их на хлеб и картофель. Мена происходила обычно на местах работы, куда приходили польки, новоиспеченные спекулянтки, зарабатывавшие на этом шальные деньги. Те из женщин, которые могли сойти за ариек, шли в город, надев на себя по нескольку платьев, одно поверх другого (ценные вещи из гетто запрещалось выносить), и, рискуя головой, обходили квартиры знакомых поляков, где иногда удавалось выменять одежду на продукты.

Со временем немцы упорядочили снабжение гетто. Каждый рабочий, имевший "шейн", получил продовольственную карточку на себя и семью (жену и детей до 16-летнего возраста). В теории каждый владелец карточки имел право на половину пайка, который получали неевреи. На деле евреям доставалось процентов десять от арийской нормы. Отдел снабжения при юденрате вступил в тайные переговоры с литовцами на воротах, городским головой Вильнюса Боракасом и с немецким полицейским уполномоченным Четвертого квартала, куда входит наше гетто, о том, чтобы завозить положенное евреям количество продовольствия. После передачи им крупных сумм переговоры увенчались успехом, и в гетто поступили десятки тонн картофеля, овощей и даже конины.

Юденрат открывает кооператив для полиции и своих служащих, то есть для тех, кто не выходит из стен гетто. Организована сеть дешевых столовых, снабжаемых продуктами с тайных складов юденрата. В них питаются служащие, учителя, женщины и дети. Многие — бесплатно. Те, кто работает внутри гетто, получают зарплату, что частично решает проблему существования.

Евреи, занятые на работах у немцев, получают месячную зарплату. После вычета разнообразных налогов и штрафов на руках остается столь мизерная сумма, что месячного заработка с трудом хватает на 2—3 дня.

Евреям, работающим на военных кухнях, позволено питаться или брать с собой свою порцию супа. Этого хватает на всю семью. Рабочие запасаются хитроумно сконструированными судками, куда входит больше, чем кажется, наливают в них погуще, дома добавляют воды, соли. Так можно накормить многих. В "шитуфе" мы все время питались таким способом.

Однако все это — не выход из положения. Важнейшим и решающим фактором материальной жизни гетто становятся контрабанда и спекуляция.

Добыча продуктов на местах работы превращается у всех, кто выходит из гетто, в навязчивую идею. Разница между ценами в городе и гетто — огромная. Каждый еврей, возвращающийся с работы, что-нибудь да пронесит. Почти все занимаются контрабандой. И среди массы людей, занятых на принудительных работах вне гетто, начинают выделяться те, кто

оперирует по-крупному, организованно, воруя продовольствие с немецких складов. Со временем эти люди становятся главными поставщиками гетто.

Наиболее сильные физически работают в "ферфлегунгслагере" — на немецкой базе снабжения. Среди этих людей выделяются могучие верзилы, прозванные "ди штарке" — "сильные". Это — особая каста. Ее представители — выходцы частью из вильнюсского Новогруда, частью — из преступного мира. В "ферфлегунгслагере" они поражают немцев своей невероятной силой, демонстрируя ее во время переноски тяжестей. Воровать со складов они специалисты. Свою добычу они почти беспрепятственно проносят в гетто: охранники на воротах не рискуют с ними связываться. Так, день изо дня воруя они консервы тысячами коробок, вино, сахар, чай.

Теперь мечта каждого еврея — выгодное место работы, вроде "эйнгейта", занимающегося снабжением немецкой армии. Чтобы туда попасть, платят тысячи, продают пожитки и даже рискуют головой.

Сейчас, когда угроза смерти отодвинулась, началась ожесточенная борьба за перевод из "эйнгейта", где можно просуществовать, в "эйнгейт", где можно подзаработать. Самым хорошим местом считается то, откуда можно больше всего украсть.

Раньше немцы разрешали вносить в гетто дрова. Тысячи евреев ежедневно проходили, неся на спине набитые дровами мешки. Под дровами припрятавали хлеб, мясо, картофель. Обнаружив это, немцы вообще запретили проносить в гетто что-либо. Отныне контрабанда из профессии превратилась в высокое искусство. Мужчины прячут в сапоги рыбу, в штаны — масло и хлеб, в рукава — водку, молоко, жиры.

Женщины обзавелись "корсетами" — матерчатыми мешками, сшитыми по фигуре. Мешки простегиваются по всей длине через каждые десять сантиметров швами, которые делят "корсет" на множество тайников — "малин". В "малины" насыпают муку, горох, крупу, зашивают отверстия и надевают мешок под платье. Обладательница "корсета", хорошо "поправившаяся" на работе, как правило, беспрепятственно проходит через ворота: ее карманы и сумка пусты, и

литовский охранник к ней не привязывается... В корсете можно было пронести до 14 килограммов сразу.

Таким мелким предпринимательством занимаются все. Но есть и особо талантливые, отличающиеся кипучей предприимчивостью и образующие почтенное сословие контрабандистов. Через лазы в стенах, щели в воротах, чердаки, выходящие в город, они ежедневно проносят в гетто десятки мешков с продовольствием, а через те самые ворота, где у людей отбирают единственную буханку хлеба или килограмм картошки, эти "воротилы" провозят целые телеги, груженные тоннами продовольствия. Охранники на воротах — в доле с контрабандистами и даже не пытаются связываться с их мощными шайками, называемыми по-блатному "ферейна".

Каждая "ферейна" владеет своей собственной "малиной", недоступной для тех, кто не входит в нее. Словом, настоящая монополия.

Еврейская полиция выслеживает контрабандистов, выискивает проходы и, обнаружив, забивает их досками. "Киты" привлекают полицию в компанию или платят ей мзду. Часты случаи арестов, но у контрабандистов плечи дюжие и капитал тоже — сегодня потеряв сотни, завтра они наверстывают тысячи.

Почетное место в иерархии контрабандистов занимают трубочисты. Им разрешено входить во все дома, лазить по всем крышам. Они — единственные в городе представители своей профессии и умеют это использовать. Их черные ведерки всегда набиты рыбой, мясом, поллитровками и свиным салом. Так, в ведерках через дымоходы они и переправляют добычу.

Трубочисты — закрытая каста, "цех". Чужого они и близко не подпускают и не принимают компаньонов в свою "ферейну". Припасы сбывают на черном рынке: муку — частным пекарням, сахар — надомным конфетным мастерским и кондитерским, все прочее — в подпольные рестораны гетто.

Со временем трубочисты и "ди штарке" нажили целые капиталы, образовав в гетто зажиточный класс, ведущий такую распущенную мотовскую жизнь, какая до гетто им и не снилась.

Живет гетто лихорадочно, опасно, но живет. Во всех

практических областях обнаруживается творческая сила и непоколебимая жизнестойкость еврейского Вильно.

Возникают мастерские и даже солидные фабрики, и это — невзирая на невероятные трудности, без средств, почти без сырья и станков. И все-таки всюду заметен прогресс благодаря неукротимой энергии, инициативе и знаниям еврейских инженеров. Работают слесарные, столярные, портняжные мастерские, фабрика керамики, выпускаются пасты, мыло, варенье, плетеные и кожаные изделия.

Основная часть продукции вывозится. Соломенные комнатные туфли, сплетенные руками тысяч еврейских женщин в плетельных мастерских, идут в Германию; в столярных мастерских гетто делают шикарную мебель для вильнюсского окружного комиссара Хингста; несколько десятков специалистов корпят над объемным макетом Вильнюса, заказанным Мурером как подарок Хингсту. Самые крупные в Вильнюсе жестяные мастерские — опять же в гетто...

Но особое место занимают механические мастерские под руководством инженеров Маркуса и Рейбмана. Мастерские разделены по отраслям: слесарное дело, токарное, точная механика, работы по жести, обточка дерева, электроинсталляция, сварка, цех по изготовлению мебели, деревянных сабо и т. д. Сюда обращаются германские предприятия, нуждающиеся в точной ремонтной работе. Много делают мастерские и для самого гетто. Здесь были изготовлены две дезинфекционные камеры, существенно улучшившие санитарное состояние гетто; подпольная мельница, оборудование для станции скорой помощи и больницы, мебель для театра...

Все необходимые производству станки были сконструированы еврейскими инженерами. Было сделано и несколько изобретений. Домашняя печь особой системы немедленно появилась во всех домах гетто. Для часто замерзавших водопроводных труб сконструировали оригинальный электрический отопитель, который немедленно забрали себе немцы. Сделали второй — его часто просили литовцы.

Во всех этих мастерских заняты сотни евреев, часть не может работать у немцев; особенно много здесь женщин — в швейных и плетельных мастерских. Так сократилось количество безработных, лишенных "шейна". Гетто, предназначав-

шея на первых порах для работ на стороне, мало-помалу превратилось в важный для немцев промышленный пункт.

В этом и заключалась центральная идея политики Генса: сделать гетто сильным экономическим фактором, который не сбросишь со счетов, и тем самым увеличить шансы на защиту его жителей от уничтожения. "Только работа нас спасет!" – гетто уверовало в этот лозунг и с головой ушло в работу, подстегиваемое могучим желанием выжить, перебыть тяжелые времена. И хотя эта политика Генса была построена на зыбкой, явно временной основе, она выявила замечательные творческие силы населения гетто, помогла людям взбодриться, окрепнуть физически.

Юденрат создает особые отделы, которые, благодаря последовательной организационной работе и диктаторским методам, контролируют все области жизни. Так был основан отдел снабжения во главе с Трапидо, отдел труда – с Бройдой, технический отдел – с инженером Гохманом, жилищный – с Иосефом Глазманом, санитарный – с адвокатом Григорием Яшуньским. Все они принадлежали к составу юденрата, распущенного в свое время немцами. Теперь каждый из них отвечает только за свой отдел.

Доходы администрации складываются из налогов, штрафов и конфискации. Налоги, а также квартплату вносят все работающие. Штрафы полиция накладывает за такие грехи, как неряшливая светомаскировка окон, переход улицы в неположенных местах, хождение по гетто без клейма на одежде, торговля без разрешения. Время от времени устраиваются обыски в домах и конфискуются ценные вещи, недозволённые в гетто: золото, кожа, продукты в больших количествах, мыло и т. п.

За неуплату налога применялось наказание в виде лишения продовольственной карточки. Эти карточки распределялись раз в месяц администрацией блоков. При получении карточки каждый житель гетто должен был представить справки об уплате квартплаты, об отчислении подушного налога, об уплате за воду и электричество, справку санитарной комиссии о посещении бани (по меньшей мере раз в месяц). При отсутствии какой-либо из этих справок продовольственная карточка не выдавалась.

По мере того как налаживалась материальная сторона

жизни, организовывалась и культурная жизнь. Она тоже поражала разнообразием и инициативой.

Уже в сентябре 1941 года в гетто, благодаря предприимчивости нескольких учителей во главе с Моше Олицким, начали работать школы. Из-за отсутствия разрешения обучение велось подпольно, под маской работы с детьми дошкольного возраста.

Из трех тысяч, которые начали заниматься в этих школах (киндер-ойфзухт), после каждой акции оставалось все меньше и меньше учеников. В январе 1942 года, когда школы открылись заново, осталось только 1097 детей, из которых лишь 900 посещали занятия. Отныне занятия идут в двух подпольных народных школах, и дети учатся по программе, которая не уступает довоенной.

Малыши ходят в детский сад. Для сирот, чьи родители убиты, открылся приют. Для тех, кто закончил школу, организованы курсы высшего образования и ремесленные: слесарные, столярные, малярные.

Усиливается всеобщая тяга к учебе и повышению квалификации. Работают курсы иностранных языков и высшей математики. Есть техникум. Организованы ешибот и хедер. Возникли научные кружки, со временем превратившиеся в академию. Ею руководили Зелиг Калманович, д-р Гордон, Файнштейн.

Уцелевшие в вильнюсском гетто артисты и литераторы создают свой литературно-театральный клуб. Его возглавляют Калманович, поэт Суцковер и журналист Герман Крук. По вечерам после каторжной ежедневной работы на немцев эти люди готовят литературные вечера, концерты. Каждую пятницу клуб дает литературные вечера с участием Гуттешталя, Диманмана, д-р Двожецкого и других. Иногда читают отрывки из произведений Суцковера, Леи Рудницкой, Опескина.

Основан союз врачей и учителей. Врачи на своих собраниях слушают лекции на научно-медицинские темы, подобранные с учетом нужд гетто и его действительности.

В "Иегихес-клойз" регулярно читаются лекции по еврейской истории. Этот цикл организован членами "Мизрахи". В гетто работают шахматные кружки. Однажды на стенах появилось следующее объявление:

“Недавно организованный шахматный кружок покупает наборы фигур и пешек, шахматные доски, а также отдельные части шахматных наборов. С предложением обращаться...”

Художники и скульпторы устраивают в гетто выставки своих произведений. Множество работ посвящено жизни гетто. Наряду с произведениями Рахель Суцковер, Якова Шера, Умы Олькиницкой привлекают внимание и поражают талантом многочисленные картины восьмилетнего Самека Бека.

В гетто создан симфонический оркестр под управлением Дурмашкина-младшего. Выступают два хора: один – на иврите, другой – на идиш, которым руководит Шлеп, в прошлом – дирижер виленского хора Вильбига. Хор, выступающий на иврите, создан по инициативе союза “Брит иврит” и работает под руководством Дурмашкина.

Союз “Брит иврит”, в который входили представители всех сионистских течений, поставил своей целью развитие в гетто национальной культуры и воспитание масс в национальном духе. Организованные им вечера пользовались большим успехом у молодежи, жадно ловившей живую мелодию иврита в слове и песне.

Со временем “Брит иврит” основал драматическую студию, которая поставила “Вечного жида” Д. Пинского в режиссуре Яши Бергольского.

Театр гетто, открывшийся позднее, привлекал массу посетителей. Наряду со спектаклями и концертами каждое воскресенье давались бесплатные утренники для рабочих. Программу утренников готовил и ставил клуб литераторов и учителей. Иногда здесь выступал Генс с лекциями о гетто, его задачах, обязанностях рабочих, но основная тема была иной: здесь проводились встречи, посвященные творчеству Переца, Бялика, Менделе. Здесь состоялся утренник “Масада”, где впервые перед жителями гетто прозвучали мысли и идеи, которые на основе нашего великого исторического прошлого указывали людям новый путь. Устроителем этого утренника был член ЭФПЕО Зелиг Кабачник.

Очень долго бичом гетто были шайки беспризорных мальчишек. Оборванные, голодные, в большинстве недоразвитые, они ходили ватагами, занимались кражами, главным образом

Барух Гольдштейн

Витка Кемпнер

Рашель Маркович

Ружка Зильбер

из продуктовых магазинов, и быстро совершенствовались в воровстве.

В гетто нашлось несколько людей, которые по собственной инициативе предприняли попытку организовать присмотр за беспризорниками и создать им хотя бы минимальные условия существования.

При поддержке юденрата был найден дом, некоторое количество одежды, приглашены воспитатели. Из шаек беспризорников создали "детскую транспортную бригаду". Так ребята получили занятия. Все внутренние перевозки на территории гетто стали делом этой бригады. Теперь, проходя узкими переулками, видишь, как они, потев, толкают ручные тележки, пыхтя, перетаскивают грузы, не забывая при этом метнуть улыбку "своему" Мульке (воспитателю Мульке Хазану). Воровство в гетто прекратилось.

В двух просторных комнатах на улице Ятковой помещается молодежный клуб. Вечерами сюда собирается молодежь в возрасте 16–18 лет. Школу они уже переросли, целый день изнемогают на каторжных работах вне гетто, и по вечерам клуб дает им единственную возможность отдохнуть, развлечься, приобрести какие-то полезные знания. Их лица не по возрасту серьезны. Среди десятков этих юношей и девушек нет ни одного, у кого не был бы убит кто-нибудь из близких. На многих легли все заботы по содержанию младших братьев и сестер, семьи. В этих молодых людях нет и следа оптимизма и беспечности, – неотъемлемых примет их возраста; нет веры, что мир принадлежит им и что им предстоит изменять его к лучшему. Они серьезны и задумчивы.

По поручению отдела культуры молодежным клубом руководил педагог Лео Бернштейн. Много времени уделял клубу поэт Суцковер. Он читает и объясняет молодежи стихотворения Лейвика, приобщает к чарам Йехоаша, вводит ребят в светлый мир лирической поэзии.

Клуб был интересным и обнадеживающим явлением. В гетто по вечерам до пустынных улиц доносились, согревая душу прохожего, слова молодежного гимна:

Хоть путь наш бедою выслан,
Тверд и горд наш шаг.
И пусть на воротах враг –
Юность штурмует песней...

Этот гимн со специальным посвящением клубу сочинил на идиш Шмарьяху Кочергинский. И песня полюбилась гетто, ее поют и стар, и млад:

Мы всех врагов запомним,
Мы друзей не забудем.
Мы всегда увяжем
Сегодня с нашим вчера.

Так пело, творило и жило гетто. Это время назвали периодом стабилизации, и все, что происходило в этот период, далекий и от поэзии, и от творчества, обозначалось тем же термином.

Каждый день нес с собою новые слухи, предположения, но от них уже не веяло страхом, потому что они больше не означали смерти, уничтожения. Теперь нас уже не убивают. Нам позволяют жить и даже петь.

И мы живем. Живем из их милости.

Вильнюсское образцово организованное гетто зарабатывает хорошую репутацию. Его часто посещают важные персоны. Приезжают гости из самого Берлина, военные врачи, санитарные комиссии. Осматривают гетто и его жителей, выражают восхищение, благосклонно отзываются о санитарном состоянии — "эти евреи действительно опрятны", — и фотографируют, фотографируют без конца. "Юденгетто" становится достопримечательностью, которую непременно показывают всем немецким официальным лицам, останавливающимся в Вильнюсе проездом. Ведь это — одно из местных чудес. Гостей высшего ранга сопровождает лично Вайс, иногда и Хингст (окружной комиссар). Почетных экскурсантов провозят по улочкам гетто, показывают его учреждения и мастерские. Вайс и Хингст дополняют показ комментариями и хвалят, нахвалиться не могут "своим" гетто, "своими" евреями. Как они усердны в работе, энергичны и способны! Хингст гордится своим гетто. Вайс считает это своей заслугой.

Вайс часто навещает гетто и без гостей. Ведь он — его хозяин. Вайс всегда появляется неожиданно, он мастер нагрянуть вдруг, когда его не ждут. Но достаточно, чтобы один еврей издали опознал его по мундиру, как всех жителей гетто охватывает озноб. Достаточно ему появиться у ворот, как во всех концах гетто, по всем переулкам и дворам проносится сдавленный от страха шепот:

– Евреи, Вайс в гетто!..

Тотчас все прячутся по подъездам, старики удирают в “малины”, лавочники с грохотом запирают двери лавок, витрины пустеют, исчезают с улиц торгующие папиросами мальчишки. Кажется, испустило дух все живое, а Вайс с презрительным видом шествует по опустевшим переулкам и принимается, присматривается. “Черный Вайс” – такую кличку дали ему евреи.

Если он замечает прокрадывающиеся мимо него мужские фигуры (проспали предупреждение), он их не останавливает. Он позволяет им пройти, не поинтересовавшись, работают ли эти люди и где именно. Зато голосом, отливающим металлом, отчитывает постоянно сопровождающих его Генса или Деслера: “В гетто слишком много безработных евреев”.

Увидев однажды старую женщину, он приказал ей остановиться, неторопливо подошел и спросил, сколько ей лет. Старухе было 69. Вайс не отреагировал, повернулся и пошел, Генс и Деслер – за ним. Вайс молчит. Повели его в мастерскую, он остался доволен осмотром. И вдруг на прощание уронил: “Итак, в гетто еще имеются старые евреи”. Но тотчас же, не позволяя Генсу вставить ни слова, добавил: “Ваши мастерские организованы великолепно!”

Мастерские Вайс навещает всякий раз, когда оказывается в гетто. И, несмотря на явное удовлетворение от их посещения, он всегда находит повод, чтобы излить свою животную ненависть к евреям. Однажды занятые делом рабочие не заметили вовремя его прихода, и некоторые не успели вытянуться перед ним. “Евреи слишком медленно шевелятся, – говорит он с тихим бешенством, – придется дать им урок проворности. Лечь! Встать! Лечь! Встать!” – Его команды раскатываются по мастерской, люди ложатся на пол и вскакивают. Полным ходом работают станки, но их шум перекрывает этот ледяной голос убийцы: “Лечь! Встать!”

Затем – визит в плетельную мастерскую, где в самых теплых выражениях любезный хозяин гетто хвалит соломенные туфли и усердие работниц. И в тот же день собственноручно бьет по лицу людей, перешедших при нем улицу в неполюженном месте.

После таких визитов, превратившихся в неизбежную часть нашего существования, все гетто взбудоражено и взвинчено.

Каждое сказанное Вайсом слово обсуждается на тысячи ладов. Ждут последствий, дрожат перед очередным визитом.

Со временем евреи научились оповещать о его появлении все гетто: приладили для этого тайный электрический звонок. Вайс еще только подходит к воротам, а еврейский полицейский уже нажимает секретную кнопку. Три звонка, и на полицейских станциях знают: Вайс в гетто. Улицы тотчас пустеют, полицейские останавливают движение, все замирает. По гетто идет палач из Понар — Черный Вайс.

Когда в гетто входило гестапо, охранник давал два звонка. Один звонок означал — "Мурер", а Мурер означал — "ворота".

Тому, кто не был в гетто, никогда не понять всего значения этого слова и не постигнуть, что кроется за ним. Ворота — символ гетто. Подле ворот заканчивается наш мир. Ворота — свидетели нашего существования и нашей смерти. Когда в гетто акции, то не говорят: "Берут людей", а говорят: "Ведут к воротам". Какой тревожный, жуткий слух ни прошел бы, он обязательно начинается со слов:

— На воротах что-то неладно.

Ведомые на смерть сохраняют искру надежды, пока еще находятся по эту сторону ворот, но когда за ними захлопываются тяжелые створки, они знают, что пришел конец.

Мурер частенько "навещает" ворота. Ему незачем углубляться в гетто. Он внезапно влетает на своей машине в самую гущу столпившихся перед узкой калиткой и тотчас берется за дело. Находит у одного буханку — бьет по лицу и отправляет на отсидку в тюрьму гетто. Продолжает шарить. Ястребиный взгляд пронизывает каждого, руки ищут новую жертву. Не всегда он обыскивает сам, порой только наблюдает, а под его присмотром ведет обыск еврейская полиция.

Иногда она успевает предупредить возвращающихся, что на воротах Мурер, и тогда никто ничего не проносит. Калитку минуют сотни и тысячи, полиция усердствует, но не обнаруживает ничего. Мурер смотрит. Внезапно указывает на кого-то. Еврей, как и остальные, ничего не несет в этот день домой, но Мурер бьет его рукояткой пистолета по голове и, проломив череп, отправляет раненого в Лукишки: у еврея не был пришит, как положено, один из уголков желтой заплаты...

Иногда на воротах наказывают плетью, порой отбирают деньги: евреям воспрещается иметь деньги, говорит Мурер.

Так мы стоим в длинных колоннах, тысячи людей, в хвостах, вытянувшихся до улиц Завальная и Конская. Каждый из нас ждет своей очереди, чтобы быть оплеванным и раздавленным. Те, что стоят подальше от ворот, поедают добытые припасы: что съедено, то во всяком случае наше. Кто-то давится чересчур большими глотками молока, другой разрывает булку – сотни людей, стоя на улице, едят в дикой спешке и страхе. Картофель и мука летят на мостовую. Но выбрасывать тоже надо осторожно, чтобы кто-нибудь не заметил. Но деньги – что делать с деньгами?!

Бывало, стоим часами, а по очереди передается от человека к человеку: раздевают догола, бьют плетью, за всем наблюдает Мурер.

Всякого, кто входит в калитку, останавливают и, отводя в сторону, приказывают вынуть деньги, обыскивают, а затем женщин все-таки заставляют раздеваться рядом с мужчинами. Застеснявшись, одна из женщин отворачивается к стене. Мурер велит ей повернуться лицом. Смеется: "Перед еврейской полицией не стесняются". Голых людей, у которых найдены деньги, избивают плетью. Отстегали девушку, виновную в попытке пронести 300 граммов хлеба. Бьют женщину, у которой нашли 15 пфеннигов. Утомившийся Мурер снижает наказание до одного удара плетью. Прежде чем поднять плетку, еврейский полицейский советует жертве поблагодарить заместителя окружного комиссара за его милость. Получив удар, еврей благодарит.

А иногда Мурер ведет себя на воротах необъяснимо мирно: не обращает внимания на неестественно раздувшиеся пазухи мужчин и заметно раздобревшие фигуры женщин, стоит возле калитки, наблюдает и не издает ни звука. В таких случаях страх усиливается: почему молчит? Почему сегодня не приказывает бить плетью?

День за днем, утром и вечером проходим мы через узкую калитку в больших дощатых воротах. Каждый день нас преследует все тот же животный страх, ждет очередное унижение.

Мы заранее чувствуем на своем теле грубые лапы полицейских и штурмовиков. Дважды в день мы отходим от ворот, снедаемые отвращением к самим себе, к своей оплеванной душе и опозоренному телу.

Однако то была "спокойная", "нормальная" жизнь: ведь акциям пришел конец, больше нет массовых убийств. А может быть еще и потому, что на самом дне души теплится лучик надежды – авось, выживем и переживем их! – сердце покорно сносит позор, издевки, плети.

БАРУХ ГОЛЬДШТЕЙН – ЧЕЛОВЕК ТИХИЙ И ЗАМКНУТЫЙ. Неразговорчив. Его высокая, худая фигура не привлекает особого внимания. В течение многих лет он был членом киббуца и, по-видимому, считался одним из преданных товарищей, хотя ничем особенным не отличался.

Теперь Барух живет в "шитуфе" на улице Страшунь 12 – самый взрослый среди нас и самый серьезный. Товарищи любят этого тихого парня, который никогда не повышает голоса, не раздражается, не заискивает перед немцами. Барух работает в "баутелагере" в Бурбишки. Там расположены большие немецкие склады боеприпасов.

Евреи, как правило, работают на складах чернорабочими; меньшинство занято на квалифицированных работах. У Баруха – золотые руки. Он назначен в оружейные мастерские. Здесь приходится чинить оружие, а также собирать его из новых частей, здесь можно выучиться всему. Барух трудится отлично и заслужил расположение немцев. Гауптман "баутелагера" начинает доверять ему.

Однажды Барух явился на работу с перевязанной рукой. Целый день он работал одной рукой, вторая, замотанная бинтами, беспомощно висела. Баруху повезло. В приемной гауптмана на верхней полке лежал пистолет, а Барух уже давно подстерегал удобный момент. Спустя минуту он уже был в уборной. Там он сорвал повязку и прибинтовал пистолет к руке.

Работа окончена. Конвоир хмуро поглядывает на рабочих, но главное испытание – ворота. Колонна нервничает: сегодня "несут" муку, купленную у полек-спекулянтов и запрятанную в мешочки под одеждой. Один Барух спокоен. На воротах усиленная проверка. Барух проходит. Он "чист". Один из полицейских взялся было за него, но Барух охнул от

боли, когда его схватили за бинты. На Рудницкой 7 (блок "баутелагера") евреи облегченно вздохнули: каждый пронес мешочек с мукой. Барух доставил сегодня в гетто еще один пистолет.

Для нас это был один из редких в гетто радостных дней. Один-единственный пистолет, – но все мы уже принялись строить грандиозные планы. Нам рисовались целые склады оружия, и мы уже предвкушали ту уверенность, какую оружие придает своим владельцам. А сиявший Барух поглаживал ладонью холодную сталь и ровным голосом растолковывал устройство пистолета.

Впоследствии кража оружия и его доставка в гетто стали обыденным делом.

Опасность – неизменная спутница всякой подпольной работы. Но кто не был в гетто, тот никогда не поймет, что такое массовый страх, страх круговой поруки.

Мысль о коллективной ответственности гнетом лежала на душе каждого еврея в гетто, придавливала все народы, поработанные немцами, и наводила массовый страх, который парализовал любую мятежную мысль, всякое действие.

До нас доходят слухи, что немцы, найдя у одного крестьянина оружие, спалили все село и всю молодежь в округе депортировали в глубь Германии. А из гетто немцы недавно отправили в Лукишки группу евреев в отместку за одного, укравшего соль из товарных вагонов.

Вот одно из объявлений, появлявшихся на стенах гетто в те дни:

В субботу 30 апреля с. г. рабочий Шулькин Арон и его жена Ривка с улицы Страшунь 11/21, работавшие на кирпичном заводе на улице Понарской, пошли в село покупать продукты.

Оба задержаны и расстреляны без следствия.

Предупреждаю, что в соответствии с приказом СД евреям запрещено находиться вне пределов города. Любого еврея, который будет найден за городом без разрешения на то германских властей, ждет смертная казнь.

Начальник гетто.

Певица Люба Левицкая была арестована, отправлена в Лукишки и расстреляна за один килограмм крупы, с кото-

рым ее задержали в воротах. А тут — оружие. И помимо тяжелых вопросов — как добыть оружие, как переправить его в гетто, — нас терзала мысль о том, вправе ли мы подвергнуть опасности жизни тысяч уцелевших евреев в случае нашего провала?

Штаб, отчетливо сознавая ответственность, которую он берет на себя, решил: да, вправе, ибо у нас нет другого пути. Однако мы обязаны свести до минимума возможность провала. Штаб издал приказ: усилить попытки добычи оружия, провести с этой целью среди членов организации сбор пожертвований.

В те дни Барух был молчаливее и сосредоточеннее обычно. Штаб поручил ему новую задачу.

В гетто — тишина. Весь день было спокойно. Рабочие возвращаются домой. На воротах — все, как обычно. Слава богу, думается ожидающим подле ворот трем членам ЭФПЕО, ведь сегодня Барух "несет".

За несколько минут до пяти гетто облетает новость: на воротах полиция. Начался повальный обыск. Но уже поздно, слишком поздно посылать в Бурбишки нарочного, чтобы предупредить Баруха. Его колонна уже вышла в путь.

Трое членов ЭФПЕО смотрят, как наряд полицейских обыскивает каждого возвращающегося. Вдали появляются рабочие "баутеллера". Вот они уже у входа. Барух идет девятым в ряду. Он прихрамывает — знак, что "несет"! Колонна из Бурбишки проходит в ворота по одному. Немцы и еврейские полицейские, выстроившись по обе стороны калитки, ведут обыск. Прошли первый, пятый, девятый — Барух. Отчетливо видны его спокойное, слегка побледневшее лицо, глубоко запавшие глаза. Он, конечно, прекрасно понимает, что его сейчас ждет. Проверка восьмого. Вдруг крик, шум: один из трех ожидавших — Яша Раф — сорвался с места и кинулся к полицейским. Его колотят, арестовывают — и в карцер. В тот же самый момент в оставшиеся без надзора ворота проходит Барух. В штанах у него припрятан пулеметный ствол, за пазухой — диск.

Первыми нашими складами стали примитивные "малины". Здесь мы прятали первые пистолеты, гранаты, обоймы, первый пулемет. Все это было украдено в основном с немецких

складов и переправлено под платьем, в ботинках, на ручных тележках под продуктами.

Барух Гольдштейн, Нахум Кас, братья Гордоны, Зяма Тиктин и многие другие, доставлявшие ценой смертельного риска оружие в гетто, — создатели героической легенды тех дней.

Организация ЭФПЕО крепнет и развивается. Она расширяет свои звенья, доведя их численность до пяти человек. Каждая такая пятерка — отделение со своим командиром. Четыре пятерки составляют взвод под командованием взводного. Взводы сведены в батальон во главе с батальонным командиром — членом штаба. В распоряжении организации два батальона под командованием Иосефа Глазмана и Абы Ковнера. Всей бригадой командует Ицик Виттенберг. Сформированы отделения связистов, минеров, пулеметчиков, метателей гранат и особое отделение стрелковых инструкторов.

Принцип подбора людей в звено также изменился. Раньше тройки комплектовались из членов одного движения. Пятерка — смешанная: среди ее бойцов — коммунисты, халуцы, ревизионисты, члены "Хашомер хацаир" и "Ханоар хациони". Это нововведение дает положительные результаты. Если сначала и были разногласия, вытекавшие из идейных противоречий, то повседневная подпольная работа бесследно уничтожила их. Но более всего людей связывает сознание общей судьбы в последний час, час восстания, к которому готовит себя каждый.

Товарищи взрослеют, растут в работе, выполняя свои обязанности. Близкие друзья, с которыми ты, кажется, съел пуд соли, теперь раскрываются в новом свете. Все, что мы до сих пор знали о том или ином человеке, оказывалось словно ненастоящим и порой в корне менялось. Пораженные, присматривались мы к удивительным людям, складывавшимся на наших глазах.

Все мы знали Рашель Маркович. О ней обычно говорились: "Рашель — неплохая девушка". Наставник группы считал, что ей можно доверять; те, кто помнил ее по школе, говорили, что Рашель — девица с характером. Когда возникло ЭФПЕО, Рашка была зачислена связной при штабе. Командир ЭФПЕО долго разглядывал молодую черноволосую девушку, которую увидел впервые:

— Мы поручаем тебе важную и ответственную задачу. То, как ты справишься, будет зависеть от тебя.

Ныне Рашка координирует и направляет повседневную работу. Она организует уроки пользования оружием, устраивает встречи звеньев, поддерживает контакт с командирами и знает всех членов ЭФПЕО. Оружие, переправляемое в гетто, всегда поступает в один адрес: Рашель. Она отвечает перед штабом за секретность хранения и порядок на складах. Она размножает и распределяет среди командиров штабной бюллетень.

В гетто снова беспокойно. На сей раз тучи ползут со стороны провинциальных городков, из окрестностей Лиды и Барановичей. Передают, что в Вильнюсе появились беженцы из тех мест. Работающие в городе рассказывают, что облавщиков командировали в Белоруссию. Кто-то из старших чинов гестапо якобы сказал, что евреям придется дорого заплатить за вход в вильнюсское гетто.

Польский шофер передал, что в Барановичах немцы создали на рынок еврейское население и там у всех на глазах расстреляли 2500 евреев.

Беженец, добравшийся недавно из Лиды, рассказал, что 14 марта из местного гетто были депортированы и умерщвлены вильнюсские евреи (в свое время бежавшие из Вильнюса в поисках спасения в другие гетто). Было их 80 человек. Прошло немного времени — новое потрясение. В Лиде жил православный священник, пользовавшийся всеобщей любовью и много сделавший для евреев. Некоторое время назад он подвергся разбойному нападению и был ранен. Преследуя грабителей, он нашел брошенную кем-то из них одежду. На ней имелась желтая заплатка... Таким образом, выходило, что на пона напали евреи. Местные христиане были вне себя. Немцы приказали юденрату в течение десяти часов найти и выдать преступников, в противном случае жизнью заплатится тысяча евреев. Юденрат выдал немцам шесть человек с уголовным прошлым, утверждая, что виновные среди них. Эти шестеро в попытке спасти свою жизнь заявили немцам, будто юденрат за доллары и золото выдал беженцам из вильнюсского гетто фальшивые удостоверения личности. Были немедленно арестованы семеро членов юденрата. Через две недели немцы приказали евреям явиться на рыночную пло-

шадь. Всех пропустили через сооруженные там ворота, и еврей-предатель показывал при этом немцам, кто из проходящих вильнюсский беженец. Остававшихся в домах прикончила полиция. Так погибли 80 евреев вместе с членами юденрата Лиды.

А из ближних окрестностей, с территории "нашей" Литвы пришла весть о страшном убийстве евреев Трокай. Их отвезли на острова и после надругательств утопили в озере.

Немногочисленные беженцы из Воложина шепотом, с дрожью в голосе рассказывают, что у них в Воложине немцы заставили еврейских матерей бросать своих детей в огонь.

В каунасском гетто сейчас всего 17 тысяч евреев, в Шауляе осталось всего четыре тысячи.

Так изо дня в день приходят новые известия и слухи и подобно грозовой туче сгущаются над нашими головами, предвещая беду.

В ИЮНЕ 1942 ГОДА ШТАБ РЕШИЛ ПРОВЕСТИ ПЕРВУЮ диверсию на железной дороге. В условиях гетто этот план граничит с сумасшествием. Товарищи, которым предстоит его выполнять, целиком отдались этой задаче, готовясь к ней дни и ночи.

Приготовления совершаются в невероятно трудной обстановке. Из немецких блиндажей наши товарищи воруют динамит. Но нет среди нас подрывника или человека, имеющего хоть какое-то понятие о приготовлении мин. А ведь мину еще предстоит вынести из гетто. И она должна быть изготовлена таким образом, чтобы ее внешний вид не возбудил никаких подозрений.

В темном погребе на улице Кармелитов 3, который со временем превратился в один из наших главных складов, три товарища при колеблющемся свете свечи колдуют над изготовлением заряда. Заметь кто-нибудь из жильцов свет в подвале — и пропало. Дело задерживается из-за отсутствия приспособлений. Занимающийся этим Аба разрабатывает план, ставит опыты и, в конечном счете, добивается успеха, не имея при этом никаких знаний, полагающихся подрывнику. Единственный источник, откуда он почерпнул кое-какую

информацию — советские военные брошюры — учебники для командного состава. Это краденая литература, которую удалось переправить в гетто.

Жизнь работавших над изготовлением мины не раз висела на волоске из-за угрозы внезапного взрыва, но в конце концов приготовления закончились. Все сделано собственными силами — от детонатора до бойка. Мина представляет собой кусок металлической трубы — ничего подозрительного.

Штабу ясно, что действовать надо как можно умней, ведь в случае провала не миновать массовых репрессий. Пункт выполнения диверсии должен находиться далеко от мест работы евреев. Нельзя давать малейшего повода для подозрений. Провал равнозначен несчастьем для всего гетто.

Из гетто выходит Витка Кемпнер. Ее темные еврейские волосы перекрашены в светлый цвет. Она уходит на рассвете с группой евреев, направляющихся на работу. На улице она отделяется от группы, снимает желтую заплату с груди и поспешно ступает на тротуар. Теперь она арийка и может ходить по городу. Ей поручено высмотреть подходящее место для диверсии. Она поворачивает за город, туда, где тянется железнодорожная ветка на Вилейки. Витка "гуляет" вдоль полотна — ей надо заметить и запомнить все подробности: операция будет проводиться в ночное время. Путь охраняется немцами, здесь штатским ходить нельзя. Витку задерживают. Она объясняет с невинным видом, что шла, мол, в ближнее село и решила спрямить дорогу. Не знала, что ходить здесь воспрещено. Часовые внимательно разглядывают девушку с простодушным и немного испуганным лицом: "Ладно, возвращайся-ка назад, иди в село другой дорогой и запомни, что если еще раз попадешься, арестуем". Витка уходит и через некоторое время возникает по другую сторону железнодорожного полотна, где пока не видно часовых. Будь что будет, а ей надо разведать место. Успех операции в большой степени зависит от результатов ее рекогносцировки, ее умения ориентироваться на местности и практических выводов.

В продолжение трех дней Витка уходит чуть свет и возвращается вечером, едва держась на ногах после целого дня блужданий и поисков. Эта жизнерадостная девушка теперь помрачнела, примолкла, ее взгляд обращен внутрь —

вся она во власти мысли о предстоящей операции и личной ответственности за ее исход.

8 июля с восходом солнца через ворота гетто проходят Витка, Изя Мацкевич и Моше Браузе. Они несут мину. Их задача: взорвать немецкий эшелон в 7 км к юго-востоку от Вильнюса. Операция назначена на ночь. Завтра им надлежит вернуться в гетто с рассветом и, как обычно, отправиться на работу, чтобы никто не заметил их отсутствия.

День тянется бесконечно. Наступает ночь странствий, ожидания и тревоги.

На рассвете в гетто влетела Витка – ноги поранены, кровоточат, зато лицо сияет: подложили мину! Никто не заметил. Растет напряжение, ждем из города первых известий, первых отголосков нашей работы и – результатов. Уже давно мы не были так взвинчены. Витка взволнована, сильно переменялась. С той ночи, когда она походила под смертью, лицо у нее приняло новое выражение. "О чем ты размышляла всю эту долгую ночь в лесу?" – спросила я ее. Она ответила: "Выполнить задание и не попасться им в лапы живой. Страшно жалела, что нет у меня с собой цианистого калия".

В три часа пополудни пришла весть: произошел взрыв, уничтожен немецкий эшелон. Евреи, возвращающиеся с работы, рассказывают: неподалеку от Новой Вилейки немецкий эшелон наскочил на мину и полетел под откос. Локомотив и вагоны с боеприпасами уничтожены. Немцы всполошились: в окрестностях Вильнюса это первая диверсия, а ведь здесь вокруг много немецких гарнизонов.

Немцы усиливают охрану железнодорожных путей, арестовывают триста крестьян из сел близ места диверсии. Поляки убеждены, что это дело рук их соотечественников партизан, добравшихся и сюда. Они гордо рассказывают евреям: вот видите, что значит польские партизаны – под самым носом у немцев, а не боятся.

Немцы устраивают обыск на железнодорожной станции, где работают евреи и поляки. Поляков дотошно допрашивают и прощупывают, евреев освобождают. Не обыскивают и не водят на допрос. Немцы уверены, что к диверсии евреи не могут иметь ни малейшего отношения: слишком ничтожны они для ненависти и мести. Невозможно подозревать их в акте, на который способен только свободный человек.

Для нас это был самый счастливый день в гетто. И сегодня вижу я сияющие, смеющиеся лица товарищей, лица, на которых давным-давно не было и следа улыбки. Вечером того же дня, 8 июля, мы устроили торжество. Штаб пригласил представителей всех движений, входящих в ЭФПЕО. Сошлись люди, никогда прежде не видавшие друг друга.

Отрезанные от всех и вся, предоставленные своей судьбе, мы все время искали союзника в общей борьбе с врагом. Мы хорошо понимали значение связи с городом в поисках такой поддержки. Поэтому штаб ЭФПЕО со дня основания организации ищет контакта с организованными подпольными силами, действующими в районе Вильнюса.

Наконец нам удалось напасть на след участников националистической организации. При посредничестве Ядвиги Аба от имени ЭФПЕО ведет переговоры с их представителями. Они демонстрируют изысканные манеры, которыми славятся поляки. Наш представитель просит помощи в добывании и приобретении оружия. Те обещают. Штаб полон радужных надежд: организованная поддержка арийской стороны, поставка оружия, совместная работа – все это может оказать огромное влияние на развитие событий в гетто, а может быть – и на исход последнего боя. Правда, поляки немного мешкают. Они не слишком торопятся выполнять свои обещания. "Вам следует проявить чуточку терпения". И объясняют: сначала не могли подступиться к своим оружейным складам из-за немецкой слежки и риска провала. Надо было ждать. Потом: зимою почва замерзает и ее не берет лопата. Подождите до весны.

Мы начинаем догадываться, что их местное, вильнюское командование не берется действовать по собственному усмотрению и ждет инструкций из варшавского центра.

А на переговорах, которые тем временем продолжают, их представитель задает нам следующие вопросы: не коммунистическая ли наша организация? Каково наше отношение к существованию освобожденной и независимой Польши? На чью сторону мы встанем, когда снова придут советские и захотят передать Вильнюс Литве?

Мы ответили: наша организация – не коммунистическая. Это – боевой союз, направленный против оккупантов, куда входят и коммунисты, но они не составляют большинства.

Наше отношение к независимой Польше – самое положительное. Цель нашей объединенной боевой бригады – борьба с немецкими оккупантами. Конец нашего совместного пути внутри организации – освобождение Вильнюса от захватчиков. Помощь, которую мы просим, нужна нам исключительно для сопротивления и борьбы с врагом на территории осужденного на уничтожение гетто.

Из Варшавы прибыл приказ не оказывать помощи евреям в пограничных с Россией районах, особенно же – не передавать им оружие, которое может быть повернуто против поляков.

Так закончились наши первые попытки наладить сотрудничество с городом. Пришлось убедиться, что на поляков нам нечего рассчитывать, что так хорошо нам знакомый исконный польский антисемитизм ныне еще усилился и несомненно они будут действовать против нас, считая нас в перспективе своим политическим врагом.

У ЭФПЕО есть теперь уже свои традиции, есть тренированные и дисциплинированные бойцы, которые знают, как раздобыть оружие.

В Бурбишки на немецких складах боеприпасов оружие добывается только благодаря ловкости рук. Здесь работает специальное звено ЭФПЕО, которому командование поручило эту задачу, – братья Левка и Гиршка Гордоны и еще пара Гордонов – сдержанные и молчаливые Цадок и Барух, Нахум Кас, который одним из первых добыл нам оружие и впоследствии покинул гетто с миссией от "Ханоар хациони", и самый юный, 17-летний Зямка Тиктин, храбрый и зоркий паренек, полюбившийся всем. Это отделение, которым командует Барух Гольдштейн, пользуется восхищением и уважением всей нашей организации.

Благодаря всем им, изо дня в день склады ЭФПЕО пополняются боеприпасами и гранатами, а иногда и разобранными на части автоматами. Изо дня в день Барух твердым шагом проходит через ворота гетто; быстро-упруго идут братья Гордоны, а веселый юный Зямка – тот влетает чуть ли не бегом.

После долгих переговоров с охраной на воротах мы получили разрешение привезти в гетто немного припасов для наших голодных товарищей. Утром подкатил грузовик с

рабочими. С кузова соскочили два парня с мешками "соли": картофель сегодня не достали. Охранники проверяют – да, соль. Несите в гетто.

Так в этот день запасы ЭФПЕО пополнились двумя мешками аммонита, уворованными братьями Гордонами из немецкого блиндажа на территории бывшего парка пионеров.

. В тех местах работы, где есть шансы стащить оружие или купить его, члены ЭФПЕО постоянно на чеку. Братья Пиловские тайком покупают оружие у знакомых крестьян. Авраам Гонтовник, Хаим Лазер, Лейб Дистель, Гиришка Левин, Тевка Гальперин, Ненька Толерант, разбросанные по разным местам работ для немецкой армии, тоже добывают оружие и переправляют его в гетто.

На улице Вивальской находится дом ИВО – Еврейского научного института – большое, совсем неповрежденное белое здание, хранящее вековые сокровища культуры. Теперь сюда переезжают немцы из штаба Розенберга – д-р Миллер и д-р Поль, Сфоркет и Шифер: ИВО передан в ведение германского министерства пропаганды. Над главным входом – там, где некогда висела большая карта, изображавшая связи ИВО с еврейскими общинами в диаспоре, немцы уже в 1941 году повесили своего германского орла с массивной надписью: "Германия будет жить, Германия поэтому победит".

Теперь здесь работают евреи. Большинство принадлежит к вильнюсской интеллигенции, некоторые – в прошлом активисты ИВО: Калманович, Ума Олькиницкая, д-р Гордон, Файнштейн, Суцковер, Шмарьяху Кочергинский и другие. Это – единственное место, где евреев используют на интеллигентной работе, потому что их нельзя заменить неевреями. Всем заправляют Поль и Миллер – "эксперты" по иудаизму и еврейской культуре. Они ежедневно демонстрируют свои "познания" в данном вопросе, приказывая вышвырнуть как еврейские книги Андерсена, Роллана, Шевченко.

Богатая библиотека, древние документы и архив ИВО свалены в кучу и сортируются заново по усмотрению немецкого начальства. Большая часть грузится в вагоны и отправляется на макулатуру, осталась ничтожная доля, которую собираются увезти в Нюрнберг. Мы становимся свидетелями гибели культурных ценностей. Как мусор валяются редкие манускрипты, невозможные документы...

Мы спасаем, что можно, и уносим в гетто. Поэт Суцковер, Кочергинский, Калманович, Файнштейн, Наоми, Маркилис, Рахель Крынская и другие ежедневно проносят под платьем ценные исторические документы, рукописи, библиографические редкости. Их прячут в специально вырытой в гетто "малине". Не доживем мы — по крайней мере, уцелеют они. "Книги не растут" — этими словами Калманович однажды оборвал кого-то, заявившего, что книжки жалеть сейчас не время. Так группа ИВО приобретает особую роль. Ее участники не носят продуктов. Охранники на воротах окрестили группу "бумажный эйнгейт", поскольку те, кто не переправляет архивные ценности, тащут кипы бумаги, которая идет в гетто на обертку.

Есть в бывшем ИВО и еще одна категория литературы, поступающая в гетто, о которой не знает даже большинство группы ИВО.

Немцы свезли сюда найденные ими в городе советские книги. Просторный зал наполнился массой русских изданий, подчас роскошных и самых новых. Зал заперли. Для рабочих вход в него запрещен. Работают там только в присутствии немца или поляка. Запертое помещение особенно заинтриговало автора этих строк и Михаила Ковнера: нам нужен был особый вид советской литературы, которую пока никак не удавалось отыскать. А вдруг она там? Надо попасть в зал во что бы то ни стало! После долгих приготовлений и неудачных попыток мы очутились в зале. В дикой спешке роемся в бесчисленных томах Маркса, Ленина, Сталина, Пушкина, Лермонтова, копаемся в книгах, пока вдруг не замечаем стопки брошюр в серых обложках, на которых значится: издано комиссариатом обороны для командного состава. "Вот оно, то, что мы искали, — взволнованно бормочет Михаил. — Устройство мин, ремонт оружия, пользование гранатами, боевой устав — все, все..." А теперь — забрать и переправить в гетто.

Отныне мы с Михаилом уже не носим ни ценных книг, ни старых документов. Порой отказываемся взять даже выдающуюся библиографическую редкость. Учитель Лубоцкий сокрушенно вздыхает: вот она, современная молодежь, непроходимое невежество. Что для нее сокровища культуры, что

она понимает в них? А ведь мы в их возрасте... И маленький Лубоцкий горестно разводит руками.

А в гетто на тайных занятиях бойцы ЭФПЕО штудируют принесенные брошюры, изучают все, что касается гранат, подрыва железнодорожных и шоссейных дорог.

Прошло немного времени, и "эйнгейт бумаги и культуры" начал снабжать нас и настоящим оружием: советскими пулеметами.

Среди 40 рабочих ИВО шестеро – члены ЭФПЕО. Рабочие не подозревают, что между поэтом Суцковером, плотником Менделем Бурштейном, членом "Хашомер хацаир" Михаилом Ковнером, литератором Шмарьяху Кочергинским и Ружкой Корчак существует связь, тайная и единственная в своем роде. А ведь они видят этих людей изо дня в день. Суцковер, кажется, целиком занят своей поэзией и поисками древних документов, которые он собирается укрыть для будущих поколений. Шмарьяху сочиняет стихи и рассказы. Он всегда весел, оживлен, остроумен и полон оптимизма. Михаил – младше всех и самый большой молчун. Глядя на Менделя Бурштейна, кажется, будто он ни о чем другом не думает, кроме выноса бумаги на продажу. Определить характер Ружки трудно – внешне неизменно спокойна и улыбчива. Однажды кто-то подсмотрел, что она учит иврит – именно в штабе Розенберга! – и посмеялся.

Кто мог себе представить, что Суцковер пишет не только стихи и поэмы; кто мог заподозрить поэта в том, что, не ограничившись сочинением боевой песни-клича, зовущего к восстанию, он не только на бумаге призывает "взять в руки сталь", но и собственными руками – на подпольных занятиях организации – сжимает сталь пистолета, с которым не расстанется уже до самого конца. В его рабочей комнате под фолиантами Иехоаша, Лейвика, Гальперина, под пыльными рукописями спрятаны бельгийские револьверы и диски советских автоматов.

Веселый, живой Шмарьяху тоже не ограничивается сочинением своих колыбельных песен и молодежных гимнов. Он налаживает контакт с литовцем Янковским, который продает нам оружие. Каждый день с 13.00 до 13.30, то есть в наше обеденное время, на дворе ИВО появляется высоченный, светловолосый "гой". Наши евреи уверены, что это личный

приятель Шмарьяху, который остался ему верен в эти тяжелые времена и носит своему другу-еврею хлеб и продукты (чтобы не вызывать подозрений, Янковский время от времени действительно приносил масло и свинину).

На чердаке или в боковой комнате Ружка с Михаилом осматривают принесенное оружие. Поспешно и умело разбирают пистолеты и автоматы. Надо проверить, годятся ли все части, нет ли дефектов, и установить цену по нашему собственному преysкуранту.

Плотник Мендель Бурштейн, у которого, кажется, не может быть ничего общего с "интеллигенцией", оборудовал в своем ящике для инструмента двойное дно. В этом ящике, ежедневно проверяемом полицией, Мендель пронесит из ИВО оружие в гетто.

Но добыть оружие и пронести его в гетто недостаточно. Надо суметь еще надежно спрятать его, а в условиях гетто это совсем не простая задача. Здесь, где все видят все, где используют каждый угол и где, куда ни сунься, всюду наталкиваешься на десятки людей, где полиция особенно усердна и уже начала нами интересоваться, трудно отыскать надежное место для склада. С одной стороны, оружие надо припрятать так, чтобы его не нашли при обыске, а с другой, нельзя его прятать слишком глубоко, чтобы оно все-таки было под рукой в случае необходимости. Поэтому оружие беспрестанно перекочевывает с места на место. Время от времени необходимо перемещать и сами склады, и, кроме того, нельзя концентрировать слишком много оружия в одном месте.

Склады у нас самые разные. В их устройство вложена уйма энергии и воображения. Оружие спрятано в большом подвале на улице Кармелитов 3, на улице Страшунь 3, в дешевой столовке на Немецкой 31. Сотни людей, приходящих сюда ежедневно за порцией супа, задевают ногами за выступ ступеньки перед входом — выступ, который хранит секрет нашего оружия.

На улице Ошмянской 8 помещается квартира штаба: жалкая кухня, немного мебели — стол, скамья, широкая полка, занимающая полкомнаты. На столе — ведро. Хочешь пить — чистая, холодненькая водица постоянно к твоим

ПОСЛЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, МНОГОЧИСЛЕННЫХ заседаний и дискуссий к ЭФПЕО присоединился Бунд. Сначала центральный комитет Бунда отверг идею вооруженного сопротивления в гетто. В активе боевой бригады имелись уже серьезные успехи, организованная сила, оружие, а Бунд все еще дискутирует, верный ли это курс и позволительно ли ему сотрудничать с сионистами и ревизионистами.

Эти споры вызвали немалое замешательство в рядах Бунда. Многие из его членов занимают ключевые позиции в руководстве гетто, его общественной и материальной жизни, и факт этот вскружил им головы. Свою цель они видят в прогрессивной деятельности среди масс гетто: материальное вспомоществование, опека идишитской культуры, внедрение пролетарско-социалистического сознания. К нашему счастью, не все разделяют такие взгляды. Есть в центральном комитете Бунда товарищи, которые понимают, насколько близорука подобная точка зрения. Абраша Хвойник и Шмуэль Каплинский увлеклись идеей ЭФПЕО и пропагандируют ее среди бундовцев. Они привлекают на свою сторону ту часть молодежи, которая способна освободиться от догмы (ветераны Бунда своего мнения не меняют), и примыкают к ЭФПЕО. В Бунде произошел раскол.

Штаб организации расширили с трех до пяти человек. Члены нового штаба — Ицик Виттенберг, Иосеф Глазман, Аба Ковнер, Абраша Хвойник, Нисан Резник. Организация получила подкрепление — десятки новых преданных бойцов. А каждый боец ЭФПЕО — заправский партизан, закаляющий себя для борьбы с врагом.

Изо дня в день тысячи евреев идут работать на немцев. Для каждого место работы — ад; не лучше и там, где заработок побольше и хозяин-немец не так свирепствует. Любой еврей на принудительной работе у немцев — клейменный раб, отданный на произвол своих господ. Немцы считают такое положение естественным. Евреи с этим тоже свыклись.

Постоянно применяя террор, немцы чувствуют себя уверенно. Страх перед преследованиями и наказанием способен вытравить из рабов даже мысль о сопротивлении.

Тевку Гальперина немцы схватили и послали на принуди-

услугам. Ведро имеет двойное дно. Там спрятан блестящий новенький парабеллум.

Библиотека общества "Мефицей-Хаскала" на улице Страшунь 6. Повсюду — горы книг. Книги на полках, в углах, в шкафах, книгами забиты целые комнаты. Здесь царит оживление. В продолжение всего дня приходят старые и молодые, библиотекари копаются в полках. По вечерам помещения пустеют. В вечерние часы библиотека не работает. В мире книг устанавливается безмолвие. Крадучись, чтоб не потревожить тишины, появляется гибкая фигура Аси Биг. Осторожно поворачивается ключ в замке, запираются ставни. Ася зажигает свет и ждет условного стука в дверь — удар, два удара и еще один (условный знак ЭФПЕО). Ася отпирает.

Библиотека просторна. Проходим первую и самую оживленную в дневное время комнату, затем вторую, затем канцелярию и, наконец, третье, маленькое заднее помещение. Со всех сторон глядят на нас корешки книг — старые и новые, маленькие и большие, истрепанные и с иголки новые — море книг. Они соблазняют своим обилием, притягивают взгляд, но никто не задерживается. Книги — исчезнувшая вселенная мира и красоты, не до них теперь. Вот и последняя комната. Похожая на другие. Подходим к уставленной книгами стене, убираем с полок старые, запыленные издания, замечаем "Иудейскую войну" Иосифа Флавия и, взяв ее с особым чувством в руки, кладем в общую кучу. Полки опустели. Толчок — и в стене открывается ход. Проникаем в нашу "малину". Книжное царство позади, здесь — царство оружия: чистенькое, сверкающее, разложенное по порядку. Ручные гранаты, пистолеты, патроны и на почетном месте — пулемет Дегтярева. Чистим, смазываем, осматриваем. Михаил в священном трепете разбирает пулемет, полирует движущиеся части, поглаживает ладонью, словно это ребенок. Михаил за короткое время научился обращению с пулеметом, досконально его изучил и назначен пулеметчиком второго батальона. Молчаливый, хладнокровный парень меняется, когда держит в руках оружие: весело улыбаясь, показывает, как разобрать, как зарядить, как прицелиться...

Выходим, закрываем лаз. Снова — сплошная стена книг. "Иудейская война" Иосифа Флавия сторожит подступ к пулемету Дегтярева.

тельные работы. Ему приказано возить полевую почту и продуктовые посылки на станцию. Тевка аккуратен, исполнитель и всегда вовремя возвращается со станции в почтовый отдел. Но немало немецких солдат на передовой и их жен в тылу раздражалось проклятиями, когда вместо писем в конвертах оказывались куски обгоревшей бумаги, а посылки приходили с выпотрошенным содержимым. И Тевка, вкалывавший на полевой почте, с удовольствием представлял себе выражение на лицах проклятых фрицев в момент, когда они открывали почтовое отправление. Он один знал секрет обгоревших писем, регулярно подливая в посылки на фронт серной кислоты.

Пакеты поменьше он вскрывал и извлекал продукты и конфеты. Ими полакомилось в гетто немало детей, и немало товарищей удовлетворило свой голод посылками, предназначенными для фронта. Особым вниманием пользовались у Тевки объемистые чемоданы эсэсовцев, адресованные их женам. Тевка выкрадывал важные военные документы и передавал нашему командованию. Вещи, не представлявшие интереса, он уничтожал на месте.

За время своей работы на полевой почте Тевка отомстил немцам уничтожением 3500 писем и сотен продуктовых посылок. Он испортил восемь автомобилей, вывинчивая из них детали, пока машины окончательно не выходили из строя. Не случайно в его "эйнгейте" три месяца бездействовал дизельный грузовик из-за внезапной порчи.

Лейбка Дистель работает в "пфлегбайте". По профессии Лейбка — слесарь. Когда он впервые пришел на работу, его заинтересовали собирающиеся тут зенитные орудия. Способный парень, он быстро разобрался в их конструкции. С апреля по июль 1942 года семнадцатилетний Лейбка вывел из строя 43 орудийных замка. Зенитные пушки с этими замками больше не стреляли по советским пилотам.

Ежедневно Лейбка таскает в гетто боеприпасы. Набивает штаны, закладывает в ботинки, потом передает своему командиру.

Во время работы за станком ему оторвало три пальца. Когда он очнулся, первыми его словами были: "Какая рука?" — "Правая", — ответил кто-то. Лейбка промолчал, но впервые

после несчастья на глазах у него появились слезы. Мы поняли: прощается со своей винтовкой.

В ХКП (херс-крафт-парке) – военном мотопарке – работает много евреев. Это один из самых важных немецких “эйнгейтов”. Все занятые здесь рабочие имеют желтый “шейн”. Со временем их поселили в особом блоке за пределами гетто. Будучи нужными немцам специалистами, они пользуются и особыми привилегиями.

Яшка Раф и Фельдман работают в ХКП на ремонте немецких автомобилей. Дело они знают досконально. Здесь важен темп – автомобили надо выпустить к сроку отправки на фронт. Парни вкалывают. Десятки машин уходят из ворот ХКП на восток – на передовую. Довольный гауптман пишет отчеты, и только наши ребята знают, что после нескольких десятков километров пробега автомобили останутся, как вкопанные: их моторы обречены, и сделано это мастерски.

Таким методом выводятся из строя десятки машин. Они не приходят к месту назначения. Бывает, что в парк буксируют машину, которая была выпущена всего несколько дней назад. На начальство ХКП сыплется град проклятий из уст какого-нибудь Ганса или Фрица, принявших эти автомобили. Обе стороны грозят сообщить друг о друге в гестапо.

Со временем немецкий гауптман начинает верить в чудеса, ибо как иначе можно объяснить случаи внезапного исчезновения бензина из резервуаров, которые находятся под сильной охраной?

В “ферфлегунслагер” Ицхак Воложный систематически уничтожает адресованное фронту продовольствие.

Несколько недель назад штаб ЭФПЕО объявил сбор пожертвований, разумеется, тайный, на покупку оружия: есть возможность купить оружие, но касса пуста. Требуемая сумма – полмиллиона рублей. В “фельдсбеклейдунгсамте” работает Толя Жабинская, боец четвертого звена. В звене ни у кого нет денег, и взять неоткуда, но приказ есть приказ.

Толя разрабатывает отчаянный план. Удастся – будут тысячи. Михаил Ковнер и Данка Лубоцкий, бойцы четвертого отделения, добывают телегу и выезжают из гетто. Мулька Хазан снабдил их формой полицейских. По условному сигналу на втором этаже “фельдсбеклейдунгсамта” отворяется окно. Толя швыряет из окна на середину мостовой в арий-

ской части города связки немецких пальто, дамские шубы, теплое белье, мотки шерсти. Вскоре четвертое звено внесло в фонд покупки оружия 40 тысяч рублей. Так немцы сами оплатили наши пистолеты.

Из больших складов в Бурбишки немцы шлют на восток эшелоны с боеприпасами, орудиями и танками. В этих партиях вооружения, которое несло смерть бойцам Красной Армии, на фронт ушли 165 выведенных из строя негодных пушек. То был привет Красной Армии от братьев Гордон, Зямки Тиктина и Баруха Гольдштейна.

Лето 1942 года. Немцы готовят наступление. На железнодорожных перронах в Бурбишки стоят вагоны с боеприпасами. На платформы грузят шесть танков для фронта под Смоленском. Бойцы отделения Гольдштейна с помощью инженера Ратнера изготавливают шесть автоматически срабатывающих химических запалов и прячут их в танковые бензобаки. Эшелон в дороге загорелся, и на следующий день евреи прочли известие о случайном пожаре.

Барух Гольдштейн, тихий, исполнительный рабочий, к которому благоволит гауптман, вывел из строя за время своей работы в Бурбишки 145 орудий; 90 пулеметов отправились на фронт без надульников. И не догадывались немецкие солдаты, которым приходилось стрелять из этих раскалявшихся пулеметов, что единый фронт пролегает от Смоленска до Вильнюса и что советскому бойцу в окопах Сталинграда протянута рука помощи, братская рука "подчиняющегося", "безвредного" еврея — бойца далекого гетто.

А весной 1943 года здесь произошло событие, о котором потом долго вспоминали бойцы ЭФПЕО. Через Вильнюс шли на фронт составы с немецкими резервистами. Тысячи только что мобилизованных солдат делали тут передышку. Один такой новобранец, взятый прямо из дому, болтался в тот день по "баутелагеру". Ненароком взял гранату, начал ее рассматривать, затем, не соображая, что делает, выдернул предохранитель и испугался. Случайно оказавшийся при этом наш товарищ — инженер Ратнер, видя замешательство немца, крикнул: "Бросай! Порвет на куски!" — и хладнокровно показал, куда бросать. Немец тотчас последовал совету, и через несколько секунд прогремел сильнейший взрыв и вспыхнул огонь. Эхо взрывов было слышно во всех концах

города: немец послал гранату, куда ему указали — в штабеля с боеприпасами. В тот день сгорело полтора миллиона патронов.

Инженер Ратнер хорошо знал, где что у немцев находится. Те тотчас начали следствие. Плац окружило прибывшее на место происшествия гестапо, арестовало рабочих, повело тщательный обыск и допросы. В конце концов евреев освободили — против них не было ни малейших улик. В камере остался сидеть один новобранец — немец.

В тот день мы острее обычного почувствовали радость возмездия. В подобные дни с особой надеждой и верой звучала в сердцах наша пламенная песня, наш гимн:

Не говори: вот это мой последний путь,
И свет погас, и над землей лишь тьма и жуть.
Еще взойдет наш день желанный, светлый весь,
И прогремит наш шаг, и прогремит: "Мы здесь!"

От пальмовой страны до севера снегов
Текут и кровь и слезы, нет им берегов.
Но где лишь капля нашей крови упадет,
Там цвет живой герою нашего взойдет.

Взойдет заря и светом озарит наш день,
И сгинет враг, и сгинет лютой смерти тень.
Но если света солнца не дождемся мы, —
Пусть наша песнь звучит навек, пароль из тьмы.

Мы эту песнь писали кровью на штыках:
Не птицы вольной песня в вольных облаках, —
Народ наш пел ее в огне, к стене прижат.
Все вместе пели, а в руке наган зажат.

Так не скажи: вот это мой последний путь,
И свет погас, и над землей лишь тьма и жуть.
Еще взойдет наш день желанный, светлый весь,
И прогремит наш шаг, и прогремит: "Мы здесь!"

(Перевод с идиш Мириам Ялан-Штекелис)

А бывают минуты, хотя и редкие, когда нам кажется, что день нашей надежды — вот он, совсем близок, так что его даже увидеть можно с помощью воображения. Это — когда

наше подпольное радио ловит сводку о победе, одержанной Красной Армией, о прорыве линии фронта. Но куда больше таких вечеров, когда нас преследует бессильное отчаяние, когда до боли тоскливо ощущаем мы заброшенность и безвыходность своего положения. В такие вечера каждый боец жадно ждет политического бюллетеня ЭФПЕО -- по вечерам мы ловим сводки и печатаем их в нашем бюллетене.

Ежевечерне в потемках или при неверном свете фонаря, в проемах дворовых подъездов или на лестничных клетках, в пассажах, в отбрасываемой стенами тени множество молодых глаз с лихорадочным нетерпением впиваются в мелкий шрифт бюллетеня. Десятки неизвестных погружены в напряженное чтение.

Гетто отрезано от всего света, не знает, что творится на фронтах, слышит лишь лживые, самоуверенные сообщения немецких источников. А ведь каждый здесь знает, что его жизнь и смерть в большой степени зависят от того, что делается там -- на Восточном фронте. И любая, просачивающаяся сюда новость, перелицованная, неточная, а порой и просто ложная обрастает бесчисленными толкованиями, окрашенными то надеждой, то страхом и отчаянием.

Временами в гетто молнией пробегает ошеломляющее известие: "Слыхали? Немцы отступают!" Кто-то слышал от кого-то, кому, в свою очередь, передал приятель, что новый фронт откроют скорей, чем ожидают. Такого рода известия размножались особенно бурно по воскресеньям, потому что евреи в этот день не работали и могли подзаняться политическими новостями.

По правде говоря, у нас не было особого повода для оптимизма. Лица юношей и девушек мрачнели, когда они читали сводки с фронта. На дворе стоял 1942 год: победный марш фашистских полчищ, враг -- у ворот Москвы, приближается к Сталинграду. И однажды -- лаконичная информация в нашем бюллетене, всего несколько слов: бомбежке подверглись Хайфа и Тель-Авив... Враг на подступах к Эрец-Исраэль...

В окрестных местечках проводятся акции. Гетто ликвидируются. С разных концов поступают известия о массовом уничтожении евреев. В Вильнюсе ходят слухи о новой "чист-

ке”, а сердце заходится: Эрец-Исраэль в опасности, над Эрец-Исраэль нависла угроза уничтожения!

Стоя на пороге смерти, уже не надеясь на личное спасение, мы с новой силой ощутили связь со своей страной.

...Бюллетени... и героические дни и ночи Сталинграда. Бюллетени... и советское наступление. Красная Армия продвигается на запад! Сердца бьются в унисон с ее поступью, переживают за каждый метр отвоеванной земли, за каждый освобожденный город.

В гетто уже больше не прислушиваются к вздору воскресных слухов. Из уст в уста передается информация из источника, которого не знает никто. Уже проникли в наши стены отзвуки гигантской битвы на востоке. Взоры прикованы к маршу советских танков, которые на пути к победе быть может разрушат и стены гетто.

Каждый день, выходя спозаранок на работу, я уже точно знаю, что мне уготовано на улице. Ведь я ежедневно выхожу в один и тот же час и иду одним и тем же маршрутом. И знаю, что близ ворот наткнусь на еврейских полицейских, которые тщательно следят за тем, чтобы никто не находился на улице без “шейна”. Поодаль, на улице Завальной, стоят немецкие солдаты и литовские полицейские. На изгибе улицы – длинная очередь женщин к продуктовой лавке. А еще дальше я встречу польских рабочих, торопящихся на работу. Но время от времени все они перестают занимать меня. С момента, как мы выходим из ворот, мы думаем только об одном: повстречаются ли нам сегодня ОНИ, или мы их больше не увидим?

Мы замечаем их с расстояния в несколько сот метров на улице Венгерской. Они идут со стороны Завальной, как обычно, как каждый день. Масса, растянувшаяся рядами, медленно ползет, тяжело волочит ноги, обмотанные тряпьем, а иногда и босые. Затем различаем сотни существ, изможденных, жалких, оборванных. Многие – с непокрытой головой. Вокруг – немецкий конвой с винтовками наперевес. Посредине мостовой, подобно нам, идут бывшие солдаты Красной Армии – военнопленные.

Обе колонны сходятся на улице Новоградской. Колонна евреев, идущая на принудительные работы в ИВО, и колонна советских пленников – тоже на принудительные работы где-то за городом.

Немцы регулируют движение. "Хальт!" – и группа, подошедшая первой, ждет и освобождает проход для второй группы. Теперь, когда мы стоим на месте и дожидаемся, можно разглядеть их лица. И мы смотрим во все глаза, пряча любопытство, потому что немцы тоже следят, чтобы не было ни малейшего контакта между евреями и русскими.

Перед нами проходят старики и молодые, но разница в возрасте почти неразличима, до того все лица измождены – кожа да кости в грязной щетине. Потухшие глаза, согнутые головы, выражение оцепенелого отчаяния, мертвые лица.

У нас у всех лихорадочно бегают глаза. Пытаемся запомнить каждого, заглянуть поглубже, уловить хоть какое-нибудь живое движение, отзвук, малейшее изменение этого мертвого, тупого взгляда. Это удается редко-редко. Лишь немногие лица привлекают внимание выражением упорства и силы. Мы украдкой улыбаемся им. Иногда вроде бы ловишь светлый ответный отблеск, но вот человек уже прошел, и снова тупые измученные лица.

Есть много немецких "эйнгейтов", где евреи и русские пленники оказываются рядом. Если евреям хоть какое-то передвижение все-таки дозволено, то пленным не разрешают даже сойти с места. Их усиленно стерегут. Особенно усердствуют пособники немцев – украинцы, изменившие родине и объявившие себя фольксдойче. Они превосходят немцев во всем, что касается изымательства над своими братьями. Паек пленных неопишимо скуден, а так как нет у них никакой возможности добыть еды каким-нибудь окольным путем, их мучает постоянный голод. Как и евреев, их донимает страх и неуверенность в завтрашнем дне. Они уже знают об участи своих бесчисленных братьев, таких же пленных, которых немцы массами отправляют на тот свет; знают о братских могилах, рассыпанных по этим местам, могилах, где покоятся советские солдаты. И они одни, наедине со своим голодом, оцепенением и бессилием. Всякий контакт с ними на местах работы категорически воспрещен. Но за спиной у конвоя, буквально у него под носом советским военнопленным оказывается помощь. Не поляки им помогают, хотя работают тут же, да еще на вольном положении. Советским военнопленным помогают евреи.

Штаб ЭФПЕО издал приказ, которым все члены организа-

ции обязываются оказывать постоянную помощь бойцам Красной Армии, попавшим в плен, а также женам советских командиров, заключенным с начала войны в больших блоках на улице Субоч 37. Поначалу это была мизерная, ничтожная поддержка вроде ломтя хлеба или щепотки табака, передававшихся пленным с великими предосторожностями. Потом наши товарищи провели сбор денежных пожертвований и одежды "для бедняков", а на самом деле — для пленных.

Девушки из ЭФПЕО стараются установить с ними контакт. Трудности невероятные. Обе стороны опасаются провокации, предательства. Трудно определить, кому можно доверять. Пленные замкнуты. На первый взгляд, все они — на одно лицо. Многие из них кажутся либо недоразвитыми, либо полностью отупевшими. (Со временем мы убедились, что самыми отупелыми среди них прикидывались их главные организаторы). Потребовалось очень много времени, энергии и выдержки, чтобы выудить из этой серой массы кого-нибудь, с кем можно было установить связь. Это удалось Басе Зивкович, работавшей в казармах 5-го полка, Блюме Маркович в ХКП и Мире Руденьской — на железной дороге. Ключиком послужил подпольный бюллетень ЭФПЕО. Новости, пришедшие ОТТУДА, с родины, впервые за долгое время, не выводят их из молчания, но по суровым, немым лицам ползут слезы. Для них — измученных, обреченных — это был привет из родного города, голос родных полей, гром борьбы их далекой отчизны. Но по сводкам, немец все идет вперед, оккупируя Россию, и головы гнутся еще ниже, и глаза еще гуще наливаются угрюмостью. Только нашим девушкам удастся время от времени заставить эти лица немного посветлеть. Помощь оказывается тактично, с искренним сочувствием и невзирая на риск и террор. А тем временем с фронта начали поступать ободряющие вести. Блюма Маркович шепотом передала знакомому советскому бойцу о наступлении Красной Армии, прорыве немецкой обороны, о победах. И в замученные души закрадывается надежда, на лицах появляется отсвет проснувшейся воли.

Наиболее смелые начинают планировать побег. Организовалась группа, разработан план. Но он неосуществим без помощи извне. Назначенные в помощь пленным члены ЭФПЕО мобилизуют всю свою энергию. И все-таки риск

слишком велик: в случае провала в ответе окажутся все евреи и все военнопленные. Блюма Маркович и Фельдман расчетливо действуют в своем ХКП. Бася — совсем юная, нежная девушка, почти ребенок. Она не привлекает внимания немцев, и в "эйнгейтах" за нею почти не следят. Только советским пленным хорошо известна эта девушка, только они знают ее силу и мужество.

Подготовка тянется долго. Необходимо раздобыть одежду, а любой старый костюм в гетто стоит дорого. Нужны деньги, а ведь надо найти еще и обувь.

Девушки пускают в ход всю свою изобретательность. Многие из наших парней снимают с себя и отдают последнее. Шкаф в нашем "шитуфе" почти пуст. "Свитера есть — как-нибудь обойдемся", — говорит по этому поводу Моше Намзер.

Штаб приготовил для пленных поддельные документы. Наши девушки передают их русским вместе с несколькими марками — на дорогу. Но главное, они указывают направление для побега, сообщают данные о местности, о том, где стоят немецкие гарнизоны и как пройти в леса к партизанам.

Группа военнопленных из ХКП во главе с офицером советской армии — капитаном бежала из лагеря на немецких машинах, стоявших в гараже подразделения. В тот же день пленные ушли из казарм и шталага.

Немцы усилили террор. Начались обыски, допросы евреев. Усилена охрана военнопленных.

Прошло время. Все немного успокоилось. И снова приготовления, и снова немецкому начальнику внезапно докладывают: семь пленных бежали из лагеря. Ушли в неизвестном направлении.

Так ушли десятки...

Некоторых задержали в пути. Все они были расстреляны, но не признались, что бежать им помогли евреи из гетто.

Прошло много времени, и однажды, уже в Рудницких лесах, Блюма Маркович встретила партизана из группы десантников капитана Алеко. Лицо капитана показалось ей знакомым. Он оказался одним из бывших пленных, которым она помогла бежать. И он тоже узнал ее — ту самую

веснушчатую еврейскую девушку, что тогда, во времена их общей неволи, была для пленных вестником борьбы и свободы, единственной опорой в трудные дни. Теперь они встретились. Свободные люди. Красные партизаны.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1942 ГОДА В ВИЛЬНИУС ИЗ Белостока приехал Эдек Боракс. Он приехал советоваться, как продолжать и координировать работу движения.

На заседании секретариата Эдек рассказал о положении в Белостоке. Нам впервые представилась возможность получить полное представление о жизни белостокского гетто.

В тот период там находилось сорок тысяч евреев. В отличие от гетто в других городах, белостокское – было просторным и располагалось в центре города. Немцы оставили в еврейских руках крупные ткацкие мастерские и даже фабрики. Благодаря этому гетто имело важное экономическое значение. Работали там высококвалифицированные рабочие, отличные мастера. На фабриках в гетто были заняты даже рабочие-поляки из города. Такая ситуация оказала решающее влияние на жизнь и взгляды местных евреев. Они жили спокойно, не боялись завтрашнего дня, чувствовали себя надежно, потому что знали себе цену и понимали, что немцы нуждаются в них. Материальные условия были относительно хорошие. Переселяя евреев в гетто, немцы разрешили им забрать с собой все имущество. На территории гетто имелись большие огороды, до некоторой степени удовлетворявшие потребность в витаминах и овощах. Все это создало спокойную, почти идиллическую атмосферу.

Известия о Вильнюсе и окрестных гетто, где были совершены массовые убийства, не доходят до сознания евреев Белостока и не кажутся им достоверными. Они слушают с искренним состраданием, но так, словно их самих это не касается: "Белосток находится на особом положении. Немцы не посмеют тронуть местных евреев". Евреи полагаются на хорошие отношения своего юденрата с германскими властями, а главное – на свою профессиональную незаменимость. Молодежь учится. В своей культурной и духовной жизни она игнорирует действительность гетто.

Внутреннюю жизнь гетто направляет юденрат, завоевавший полное доверие евреев. Юденрат возглавлял старый сионист Бараш, человек с большим опытом общественной работы. Перед немцами он не клонил головы и защищал интересы евреев.

Когда Хайка с Эдеком приехали из Вильнюса и предложили Барашу помощь в организации молодежного союза сопротивления, рассказав правду о Понарах, Бараш с коллегами, добрыми евреями и умными людьми, были потрясены. Но они уверенно ответили: в Белостоке такого не случится.

Хайка с Эдеком приступили к работе, сначала среди членов движения. Были там верные и преданные товарищи, старые члены "Хашомера". Взялись за молодежь. До приезда вильнюсских посланцев работа велась своим чередом, товарищи были организованы, встречались, проводили заседания и собрания, воспитательные мероприятия, устраивали собеседования по культурным и идеологическим вопросам, как во всяком хашомеровском кене (отряде) в прошлом.

С приездом посланцев из Вильнюса направление работы изменилось совершенно. Движение начало готовить своих членов к новым задачам. Эдек организовал боевые звенья из старшеклассников, затем курс наставников, которым взялся руководить сам, начал заготовку оружия.

Хашомеровцы вступили в контакт с молодежной организацией "Дрор" и членами компартии в гетто. Очень долго не удавалось договориться, но все же договорились. Так "Хашомер хацаир" стал в гетто первой и единственной организацией, которая начала готовить вооруженное сопротивление.

Белосток поддерживал контакты с Варшавой, и Хайка должна была выехать туда в ближайшие дни. Зерах Зильберберг был послан в Гродно для организации движения и создания боевой бригады там.

Снова восстановился распавшийся было треугольник: Вильнюс – Белосток – Варшава.

Эдек пробыл у нас лишь несколько дней. Мы составили планы, разработали шифр, Эдек посмотрел склады, познакомился с протоколами и приказами. Он совещался, советовал, слушал информацию, стараясь наверстать упущенное за время своего отсутствия.

– Надо возвращаться в Белосток. Хочу все организовать,

обучить инструкторов, подготовить на мое место человека, а потом двинуть дальше.

– Опять двигать дальше? – прерывают его ребята. – Эдек, вечно ты лезешь к черту на рога, не можешь спокойно посидеть на месте.

– Не к черту, а во Львов – там один из наших крупнейших центров. Тысячи евреев. Движение. Мы же совершенно оторваны от всего. А потом...

А потом... Эдек среди нас единственный, думается мне, кто отдается воображению и строит планы на будущее. Откуда у него это в таких условиях?

– Хотелось бы мне в лес, партизаном, вольным человеком. Попытаться себя в прямом, открытом бою с врагом. Бить их, палачей, рассчитаться за все... Ох, как у меня чешутся руки, когда я с ними сталкиваюсь, – быстро добавляет он с проказливой улыбкой.

Мы нахохотались, напелись, наговорились в тот вечер. Эдек был само веселье и жизнерадостность. Он делал все, чтобы уберечь себя и нас от горечи расставания, и это ему удалось. Станный, необъяснимый был вечер...

На следующий день я простилась с ним на рассвете. Мы стояли неподалеку от ворот гетто, через которые ему предстояло пройти. Лицо его стало серьезным, глаза, всегда улыбающиеся, смотрели отрешенно. Это было так непохоже на него, что я молча смотрела, пытаюсь уловить значение этой перемены. Он, по-видимому, понял мой немой вопрос, потому что глянул на меня и тихо проговорил:

– Нет, Ружка, никогда мне не быть уже в Эрец-Исраэль...

Крепко пожал руку и сказал просто и коротко: "Хазак ве-эмац!" – "Держись и мужайся!"

Весной 1943 года пришло известие:

"Эдек Боракс – организатор и командир сопротивления в белостокском гетто – погиб в акции".

НА ПОСТОРОННИЙ ВЗГЛЯД ЖИЗНЬ В ГЕТТО ТЕПЕРЬ совершенно нормализовалась. Об этом как будто свидетельствовали накрашенные губы женщин, их затейливые прически. Об этом свидетельствовал и большой успех театра в

гетто. К кассе ежевечерне выстраивались длинные очереди, и спектакли шли с аншлагом. Актеры на эстраде с воодушевлением распевали:

“Знать ничего нельзя –
Если захочет Бог,
Выстрелит и метла!”

И все гетто повторяло: “Знать ничего нельзя”...

А теперь идет премьера нового водевиля под названием “Ржаные годы, пшеничные дни”*.

В гетто появилась даже спортивная площадка. Рабочие потрудились над ней на славу: негодные старые постройки разбирали, чистили, белили. Двор на Страшуни 6, который соединился с Лидской 3, стал неузнаваем. И вот объявили: завтра торжественное открытие спортивной площадки. Вход по пригласительным билетам.

На торжестве с речами выступили Деслер и Мушкат. Мушкат сказал: “Если спустя годы кто-нибудь захочет отыскать следы нашей жизни в гетто и об этом не найдется никаких документов, эта площадка окажется верным свидетелем нашей непокорной стойкости и необоримой жизненной силы...”

На одной из окружающих площадку стен была изображена схватка двух борцов в спортивных костюмах. По бокам от борцов красовались два лозунга: “В здоровом теле здоровый дух” и “Посвящай досуг спорту!”

И в самом деле, в гетто начали заниматься спортом. На площадке собиралось много молодежи, и даже готовились к забегу вокруг гетто...

Театр, спорт – как все это пробуждало оптимизм, веру – “мы все-таки их переживем”...

Прошел июнь – лето в разгаре. Однажды нас неожиданно разбудили шум и возня, необычные для раннего часа. Пять утра, а улицы полны народом. Жильцы нашего дома тоже выскочили во двор. На улицах творится что-то, предвещающее беду. Неужели начинается акция?

Ищут стариков...

Описание этого июльского дня 1942 года оставил нам летописец вильнюсского гетто журналист Герман Крук.

* Игра слов: “пшеничные дни” “вейцене тег” близко по звучанию к “ой цу ди тег” “не дай Бог такие дни”.

Местом сбора схваченных служит новая спортивная площадка. Сюда десятками приводят стариков. Сюда приходят дети проститься с отцом-матерью. Здесь разыгрываются душераздирающие сцены.

Вот пожилой мужчина припал к своей престарелой матери и рыдает в три ручья... Вот девушка прильнула к деду. Трясущиеся руки стариков знобко обнимают близких, дорогих, крепче прижимают к сердцу, чтобы выразить, передать... А может не надо?... Зачем расстраивать сына?

– Стоит ли?..

– Зачем омрачать прощанье?..

И старушка, праведница-бабка, с тяжким вздохом и дрожью в голосе бормочет:

– Не расстраивайтесь. Все под Богом ходим. Не оставит он нас своей милостью...

– А если оставит?..

Старушка ощупывает костлявой, вздрагивающей рукой дочкины плечи, и, может быть, ей думается:

“Ах, ты, старшенькая моя... Сын – в Америке... Другой – в Советском Союзе. Один убит в Испании. Младший – в Эрец-Исраэль, и вот эта... Эта...”

И она обнимает дрожащими руками единственную оставшуюся у нее дочь и целует...

Старик лежит на скамейке спортивной площадки и читает исповедальную молитву. К кому же еще обращаться, если не к Господу Богу? Один из сыновей ушел с красными, другого отняли у него облавщики. Третью – дочь и внуков уволокли литовцы... Кто поможет в беде?..

Старая немая бабушка молит жестами, из горла у нее рвутся дикие звуки. Что она говорит на понятном одной ей языке? Быть может, умоляет о спасении, или просит, чтобы привели к ней детей и внуков, рассеянных по всему свету? А может, внуки уже в Понарах вместе с отцами и матерями?.. Так что же она теперь говорит?!

Старик Энгельштерн. Трудился все время чернорабочим, работал на разбивке спортивной площадки, а теперь его, лишнего, – в расход: стар. Он мечется, как зверь в клетке: “Своими руками строил площадку – чтобы она стала моей могилой?”

А вот двое молодых. Два слепца с улицы Страшунь 7. Лишь пару недель назад они приходили в библиотеку поискать человека, который согласился бы время от времени читать им вслух, чтобы и они могли насладиться книгой. От них была польза — они плели изделия по заказам мастерской гетто. Теперь оба — на спортплощадке. Оба молят о спасении.

Девушка не отстает от одного из полицейских офицеров, от Леваса, пользующегося в гетто уважением: маму! — и тот освобождает мать.

Старикам приказано пройти в тюремный дом тут же на спортплощадке. Их ведут, помогают, дабы, не дай Бог, не утомились. Изнутри несется вой. Несколько стариков бросаются к окну, один пытается прыгнуть вниз. Последние мгновения — и последние попытки:

— Спасите! В последнюю минуту спасите!

— Пока еще можно!

Чья-то сильная рука стаскивает старика с подоконника. До меня доносятся звуки заупокойного плача.

А за воротами гетто стариков уже сажают на подводы, прямо на дощатые, жесткие телеги.

Куда?

— Не иначе, как в Поспешки!

— Открыли для стариков санаторий — шутка дьявола... Горькая шутка. Притворство, чтобы не выводить из себя жителей гетто.

— Притворство! Дьявольское притворство!

А в гетто по пятому разу расклеивают афиши: в пятый раз пойдет водевиль "Ржаные годы, пшеничные дни".

Представление не отменяется. В гетто нельзя печалиться! Нос кверху! Развлекайтесь!

Ох, горе нам и дням нашим.

Пустые Поспешки — дом отдыха бывшего виленского "Таза" — заполнило несколько десятков стариков и молодых и даже совсем юных — неизлечимо больных. Некогда это место гудело голосами детей трудящегося и неимущего Вильно. Толпами приезжали сюда дети с родителями, с учителями. Иногда прибывали и гости — деды и бабки — порадоваться на своих отпрысков. А сегодня...

Одной из старух вспоминаются эти поездки, и она плачет, одна со своим одиночеством.

Яков Генс

Салек Деслер

Стража на воротах поздравляет всех евреев с Новым Годом

Пока еще жильцов Поспешек снабжают из гетто продуктами. За ними есть присмотр. Но что дальше — кто знает, кто может знать?

От стоявшего во дворе памятника д-ру Цемаху Шабладу остался только постамент. На цоколе — надпись:

“18 июля из вильнюсского гетто сюда доставлены 84 старика, находящихся под надзором еврейской полиции. 23 июля привезли еще шестерых. 21-го умерла естественной смертью одна из старух. Остальные — кто знает?”...

А вот надпись одного из караульных:

“Настоящим довожу до сведения всего мира, что 90 стариков, которых я принял от моих товарищей, ждут своей участи...”

В десять часов вечера скончалась неизвестная женщина. В двенадцать умер Ицхак Рудник. Позднее умерла бельевщица Рахель-Лей”.

Следует дописка: “День в Поспешках под взглядами умирающих братьев”...

Другой добавляет там же:

“Сегодня 90 стариков, а завтра?”..

Еще стена, и еще свидетельство:

“Вчера в час дня привезли женщину по имени Тереза Короновская. Она крещенная вот уже 65 лет. Перешла в христианскую веру 15-летней девочкой. Таким образом, ей за восемьдесят, и жизнь она кончит здесь как... еврейка”.

Рядом кто-то другой изобличает:

“Вчера стариков по одному водили в особую комнату и отняли все, что у них было, — деньги, золото, вещи”...

Гетто переговаривается, гадает, что будет, а участь десятков больных стариков уже решена.

Рядом с холмом над шоссе, от которого отходит направо песчаная дорога на Поспешки, выстроилась колонна грузовиков с литовскими солдатами, во главе с Вайсом! Поторговавшись, уступили и вместо трехсот требуемых лиц удовлетворились теми, что были в наличии: восьмьюдесятью четырьмя.

А в гетто — словно ничего не произошло. Водевиль продолжается: “Пшеничные годы, и горе дням нашим”.

Грузовики не могут проехать по песку. За стариками отправили 25 еврейских полицейских. Близок финал. Трагедия заканчивается. Пляска смерти на песчаной дороге. Тянет-

ся вереница еще живых мертвецов. Их ведут, несут, тащат. Дорога оглашается стонами и вороньим карканьем.

Загружены четыре грузовика. 84 человека. Машины затахтели, отъезжают, и на развилке остаются 25 еврейских полицейских. В слезах и поту топают они пешком рапортовать о выполнении приказа, а грузовики катят в Понары, но гетто проглотит. Гетто переварит!

Те из стариков, кому удалось пересидеть в "малинах", живут теперь, как затравленные собаки. Они – в постоянном страхе, вздрагивают при виде знакомых и соседей – не выдадут ли властям. Ведь в гетто многие уже разделяют мнение, что справедливее, чтобы умерли старики, чем молодые и сильные, что с точки зрения национальной, общечеловеческой... и т. д. И вновь восхваляют мудрость Генса. И через несколько недель ночью и ранним утром в гетто проведены дополнительные акции по ликвидации стариков. "Работала" еврейская полиция по имевшимся у них точным спискам. Акция прошла спокойно. Ничто не нарушило привычного ритма жизни. Люди вышли, как обычно, на работу. И только одна девушка, родители которой давно уже были депортированы в Понары, отказалась бросить своего дедушку, бежала за ним, рыдая и умоляя, чтобы его отпустили, а когда поняла, что все напрасно, вернулась в квартиру, облила себя бензином и подожгла.

Но в гетто тихо. На улицах уже не встретить старика бредущего своей дорогой, опираясь на палку, или старушку продающую сигареты на углу. Остался только один как вечный протест и память: старый виленский попрошайка калека с парализованными ногами. Дважды забирали его, не так как никто за ним не присматривал (без ног – не удерет) он дважды уползал на животе и спасался. Спасся он и на сей раз – из Поспешек, наш единственный "шнорер", единственный во всем еврейском Вильно.

Мы задыхаемся от бессильной ярости и вынужденного молчания. Время действовать еще не пришло, но ведь необходимо вывести гетто из благодушия, вдолбить в эти еврейские головы, что не в их пользу политика Генса, что она – организованное преступление! Мнение, будто стоит принести в жертву стариков, чтобы остались жить молодые – безоснова-

тельно и вредно. Оно — не что иное, как продукт германской пропаганды, поймавшей на удочку и нас, евреев.

— Запомните, — говорят наши люди на работе своим товарищам, — запомните и поймите, что это предательство — собственными руками выдавать стариков палачам, в то время как те подводят баланс нашего национального истребления. Раз немцы требуют норму черепов, пусть попробуют взять сами, без нашей помощи. Ведь своим поведением мы им облегчаем дело, пособничаем в их сатанинском замысле.

— Допустим, — отвечает еврей, один из рядовых евреев гетто, — и все-таки ведь лучше, чтобы уцелели именно молодые. Если не согласимся, они же сами заберут и поведут молодых и сильных, им-то — все равно. А теперь, когда молодые остались, остались пригодные для работы, есть шанс, что переживем врага, что выиграем вопреки всему! Немцы нуждаются в гетто и в еврейских рабочих. Ведь всех не укокошат. С национальной точки зрения метод Генса оправдан, потому что спасает евреев!

От тех окаянных дней осталось во мне еще одно воспоминание. В гетто началась акция против стариков, и наш "эйнгейт" собрался, как обычно, возле Рудницкой, готовясь двинуться за ворота. Многие из работавших в ИВО не вышли в тот день — дома у них были престарелые родители и родные. Среди евреев "эйнгейта" имелось и несколько пожилых рабочих, и мы опасались за их судьбу. В положенный час, как всегда, прошли через ворота. Стояла усиленная охрана. Проверяли "шейны", истошно орали.

За воротами построились по-трое и пошли. Шли молча. Проходим Рудницкую, Завальную, каждый погружен в свои мысли. Вдруг слышу громкий разговор. Удивилась, прислушиваюсь. В передней тройке шагают Калманович и д-р Гордон. Калманович чуть ли не кричит на Гордона, размахивая руками:

— А я вам говорю, я их ни чуточки не боюсь!

Гордон отказывается это понять:

— Что это значит, Калманович? Что значит, вы их не боитесь?..

А Калманович упрямо повторяет:

— Ничего они мне уже больше не сделают!

И после короткой паузы:

– У меня сын в Эрец-Исраэль.

В конце лета 1942 года Цви Розенович, связной ЭФПЕО, обнаружил первых ласточек партизанского движения в окрестностях Вильнюса.

Первая встреча с партизанами в нашем районе была и радостью, и неожиданностью. Мы еще не знали, кто они и откуда появились. Следует ли придавать значение этому событию, или нас ждет очередное разочарование? Тотчас выяснилось, что это – группа парашютистов, засланная только что из Москвы. Группа выразила желание наладить контакт с молодежью гетто. На встречу от имени штаба отправился Виттенберг.

Если для нас весть о партизанской группе в нашем районе была радостным сюрпризом, то еще более сильным было изумление партизан, когда они узнали о существовании боевой партизанской организации внутри гетто, тем более, что им было известно об отсутствии антифашистской деятельности в самом городе. Рассказ Виттенберга о проделанной работе и выполненных до сих пор операциях ЭФПЕО вызвал удивление и энтузиазм. Насколько же возросло это удивление, когда парашютисты услышали о том, как возникла организация ЭФПЕО и какова ее главная цель: остаться в гетто, чтобы направлять и возглавить вооруженное сопротивление во время ликвидации. Парашютисты сбиты с толку: они-то считают, что боевая организация должна уходить в лес – там ей место и ее боевой рубеж.

Проходит несколько нелегких дней. Удастся ли нам убедить их? Поймут ли они специфику нашей боевой еврейской организации?

Состоялось еще несколько встреч – вне гетто, в селе Бяла-Вака, на стоянке группы. Виттенберг доказал правильность нашего пути. Мы сумеем и захотим уйти в лес только в результате нашей борьбы в гетто. Пока в нем находятся тысячи евреев, у которых нет другого выхода, наша организация обязана действовать на месте. Подготовка сопротивления в гетто – цель еврейских партизан. И люди, прибывшие издалека и мыслявшие понятиями, чуждыми еврейской жизни и ее проблемам, после долгих бесед поняли нашу правду и наш моральный долг. Они убедились, что наш выбор сделан сознательно. Так партизанским командованием в Москве

организация ЭФПЕО была признана партизанским союзом, который, действуя на территории гетто, является частью общесоветского партизанского движения.

Тогда же было решено:

1. Группа членов ЭФПЕО выйдет вместе с парашютистами на закладку первой партизанской диверсионной базы в окрестностях Вильнюса.
2. Группа наших инструкторов будет послана на главную тренировочную базу для прохождения боевой подготовки. К установленному сроку группа вернется в гетто.
3. ЭФПЕО организует разведку на всех важных военных и промышленных точках в районе Вильнюса, а также продолжит практику диверсионных актов.
4. Парашютисты обещают нам свою помощь. С началом восстания в гетто нам будет доставлено оружие и взрывчатка.
5. Штаб ЭФПЕО берется обеспечить двух парашютистов документами, чтобы они могли устроиться в городе.

Наших бойцов охватило новое воодушевление. Разведка, которой до сих пор не придавалось особого значения (так как она не служила нашим целям), стала теперь одной из главных задач. Были составлены подробные карты-планы "эйнгейтов" с указанием количества рядовых, офицеров, оружия и местоположения складов, посылались подробные сводки о передвижениях войск и эшелонов, сроках их отправления и прибытия, составлено военное описание Вильнюса. Товарищи специально посылались работать на железную дорогу для регистрации суточного графика следования поездов.

В дни германского наступления 1942 года через Вильнюс на фронт шли огромные массы войск и вооружения. Изя Мацкевич провел тогда три недели на главной магистрали и ежедневно составлял подробные отчеты о движении войсковых эшелонов. Все сведения и отчеты переправлялись парашютистам. Оттуда вся эта информация должна была передаваться в генеральный штаб Красной Армии в Москву. Но вскоре связь с Москвой прервалась, и все попытки восстановить ее закончились неудачей. Положение стало безвыходным. И тогда мы предложили дерзкую идею: отправить связных, которые перейдут линию фронта и доберутся до Москвы! Соня Медайскер и Цеся Розенберг с великой радостью и решимостью приняли это поручение.

Но если обе доберутся до Москвы...

Москва! Она излучает мощь и силу во все концы планеты, светит всем, кто борется за свободу, за разгром фашизма. А для нас, евреев гетто, она — окно в мир, связь с нашим народом. Если наши девушки доберутся, то вопль убиенных разлетится по всему свету! Весь мир узнает правду о германском терроре, о физическом уничтожении всего европейского еврейства, о крови Понар и братских могилах — правду, которой не верили, не хотели верить! Это будет зов о помощи, скорой и организованной, малой горстке уцелевших, гибнущих, стоящих на пороге уничтожения. А может, через Москву — отыщется связь и с Эрец-Исраэль? А вдруг наш привет уловят ОНИ, наши товарищи, и узнают, что те, кто остался, кто еще жив и борется, не сдались, не пали духом.

Аба заготовил два удостоверения, подделал пропуска, но для проезда в Большие Вилейки, находящиеся за литовской границей, необходимы специальные бланки СД — германской тайной полиции. Как раздобыть их?

За это взялась Хайка Гроссман, приехавшая в те дни с заданием из Белостока. Благодаря своим знакомствам и связям, она получила пропуск СД на проезд в Вилейки, якобы для того, чтобы разыскать там свою процавшую мать. По этому оригиналу были изготовлены два бланка СД. Итак, есть и удостоверения, и пропуска, и бланки. Теперь настал черед микрошрифта — информация ЭФПЕО о преступлениях немцев, важная военная информация. Был приготовлен миниатюрный план Вильнюса с указанием дислокации всех военных объектов. Материалы зашили в платя, но большую часть информации девушки заучили наизусть. Платя отгладили и тщательно проверили их на вид.

Последний прощальный вечер. Завтра в путь отправятся две светленькие девушки: белокожая Соня с блестящими васильковыми глазами и уверенными движениями и Цеся, бледная светлоглазая блондинка, во взгляде которой только зоркий наблюдатель заметит тень еврейской печали. Обе покидают гетто, чтобы добраться до Москвы. Ушли.

Три недели о них — ни слуху, ни духу. Тревожно и напряженно ждем. Потом появился еврей, работавший на железной дороге, и рассказал, что видел двух девушек, на первый взгляд "гоек", но, как ему кажется, все-таки евреек,

которых вели немцы на вильнюсском вокзале. Девушки ему незнакомы, их участи он не знает. Но мы-то знали...

После долгих странствий, изобиловавших опасностями и бесчисленными проверками, Соня с Цесей приехали в Полоцк. Там их задержали и доставили в какой-то армейский штаб. Девушкам уже казалось — конец, поддерживало только сознание важности задачи. Обе знали немецкий. Они заявили, что они фольксдойче, приехали искать угнанных русскими мужей.

Немецкий офицер объявил им: не покинут пределы Полоцка — будут расстреляны. Соня с Цесей думали только об одном — как выполнить задание. Они бежали и добрались до Великих Лук.

Действовать надо было очень осторожно, о партизанах расспрашивать нельзя. Но из подслушанных разговоров они поняли, что в окрестностях, на расстоянии всего 12 километров есть партизанская база и неподалеку от нее — фронт!

12 километров! Как близко до цели! Спускался вечер, но не хватало терпения ждать. Дорога́ каждая минута. Несмотря на риск, двинулись дальше, в направлении деревни.

Они не прошли и полпути, как были задержаны белорусскими полицаями. Бежали, вернулись в Полоцк и были снова задержаны. На этот раз их отправили назад в Вильнюс в сопровождении немцев.

Мучила мысль, что задача не выполнена, могут распознать в них евреек из гетто, и тогда все гетто за них заплатит. Уже в Вильнюсе, на хорошо знакомом вокзале им удалось сбежать в третий раз. С помощью работавших там евреев девушки спрятались, а потом возвратились в гетто.

Так и не дошла до Москвы и до свободного мира весть о двух юных бойцах, двух еврейских девушках, которые с риском для жизни шли к столице, неся в своих сердцах пламенный братский привет и последний призыв заточенных в стенах гетто евреев Вильно.

После этих событий в гетто снова явился связной организации — Розенович. Мы давно не имели новых известий и ждали его с нетерпением. Он рассказал:

— Крестьяне донесли о парашютистах немцам. Группу окружили. Был бой. Я видел, как парашютисты, отстрели-

ваясь и обливаясь кровью, пытались выскочить из квартиры и прорваться через окружение.

С этого момента всякая связь с группой прекратилась. Все усилия набрести на ее следы не дали результатов. Впоследствии мы узнали, что парашютисты, с которыми мы встретились, были передовым отрядом Литовской партизанской бригады, засланным главным партизанским командованием.

Снова мы остались одни. И снова нам приходится рассчитывать только на свои силы.

15 ИЮЛЯ 1942 ГОДА ПО ВИЛЬНЮССКОМУ ГЕТТО БЫЛО расклеено следующее объявление:

”Внимание!

В соответствии с приказом вильнюсского окружного комиссара от 12 июля 1942 года я принял на себя в качестве старшего полиции гетто всю ответственность за гетто.

Основы существования гетто – труд, дисциплина и порядок. Каждый житель гетто, способный трудиться, служит залогом нашего существования. Среди нас нет места тем, кто не хочет работать, предпочитая окольные пути, и занимается всякими преступлениями.

Будучи уверен, что меня правильно поймут все жители гетто, я распорядился освободить всех заключенных из местных тюрем и настоящим объявляю общую амнистию, давая, таким образом, бывшим преступникам возможность вступить на путь исправления и вернуться к честному образу жизни в собственных интересах. Но пусть никто не сомневается, что в случае необходимости я не остановлюсь перед самыми суровыми мерами в борьбе против преступных элементов.

Надеюсь, что этот мой призыв безоговорочно поддержат все жители гетто.

Начальник гетто и начальник полиции Генс”.

Месяца два спустя Генс был назначен официальным представителем всех гетто Литвы и Белоруссии. Вильнюсское гетто наделили особыми правами и присвоили ему статус

центрального гетто. Здесь будут составляться правила для всего "Вильнерланд" (так окрестили территории, включенные в компетенцию вильнюсского гетто).

Таким образом, мы превратились в "империю"... Наши "колонии" чрезвычайно пестры. В этот период в ближних местечках еще имеются гетто, где евреи живут в относительном спокойствии. У каждого такого гетто — своя история, которая состоит из акций, резни и массовых убийств. Каждое гетто борется за свое повседневное существование. Теперь, когда их передали под новое управление, начались метаморфозы.

Из Вильнюса командировали чиновников, полицейских и спецов для реорганизации окрестных гетто по образцу центрального. Им надлежит завести там аналогичные правила и порядки.

Генс, не разглядев еще той западни, какую уготовили ему немцы, назначив его верховным правителем, вначале серьезно намеревался скроить все гетто по образцу вильнюсского, которое, благодаря его мудрой экономической политике и методам работы, являлось, по его мнению, верхом совершенства.

Евреям вильнюсского гетто повышение Генса пошло на пользу. В главном, центральном гетто люди себя чувствовали более уверенно. И действительно, гетто стремительно развивалось. Безработных в нем больше не было. Его экономическое значение росло день ото дня, и немцы не переставали заверять, что гетто им необходимо и что вильнюсские евреи — трудолюбивые и способные. Вдобавок, Генс и Деслер обзавелись репутацией людей, пользующихся небывалыми связями среди властей, и евреи пребывали в уверенности, что эти двое могут добиться всего. В наших кругах давно имел хождение печальный анекдот насчет того, что Гитлер, мол, не собирается истребить подчистую всех евреев; оставит несколько, чтобы после войны посадить в клетку и повезти по свету напоказ — пусть мир знает, что некогда были такие и всем заправляли. Тут мы горько добавляли от себя: "И каждый еврей твердо убежден, что именно он окажется в той клетке". В описываемый период евреи Вильно тоже верили, что попадут в нее.

Еврейская полиция из Вильно, посылаемая в окрестные гетто, тоже разделяла эту уверенность. Ее вес увеличивался по

мере того, как возрастал вес гетто и его администрации. Мурер, в знак своего удовлетворения деятельностью гетто и, особенно, еврейской полиции, выдал ей мундиры. Так эта полиция, до сих пор отличавшаяся от штатского населения только голубой нарукавной повязкой, приняла грозно-величавый вид.

Все было продумано, вплоть до офицерского мундира из более тонкого сукна. Даже синий цвет эмблемы с белым щитом Давида у вспомогательных полицейских имел разные оттенки – в зависимости от старшинства.

Народная поговорка о том, что одежда "создает" человека, пришлась точно на полицию: облачившись в форму, она словно переменялась. Евреи давно были научены ненавидеть форму: она ассоциировалась у них с коричневой рубашкой Черного Вайса, серо-зеленой шинелью ненавистного Мурера, темно-синими мундирами литовской "Ипатинга" – убийц из Понар. Еврейская полиция в своей темно-синей, как у литовцев, форме стала чужой и враждебной, и всякий держался от нее подальше.

Гетто в Ошмянах тоже входило в "Вильнерланд" и подчинялось Генсу и Деслеру. В нем проживало 4000 евреев, согнанных из соседних местечек. Много в нем было женщин, стариков и детей. Мужчин немцы депортировали вскоре после своего прихода. Гетто жило в нужде. Местная полиция, караулившая ворота, не позволяла провозить мешки с продовольствием. Вот и все, что до той поры было известно в Вильнюсе об Ошмянах. Но теперь пошел слух, будто Вайс сказал, что в Ошмянах много безработных евреев, и что туда выехали литовцы.

Через несколько дней наша разведка разузнала, что полиция готовится к походу в Ошмяны со специальным заданием. И действительно, полицейские отправились через два дня, чтобы вместе с администрацией гетто и служащими бюро труда организовывать и налаживать работу.

Члены ЭФПЕО понимают, что перед нами снова разыгрывается обман, направленный на сей раз против евреев Ошмян. Штаб догадывается, что готовится массовое убийство, и мы решаем действовать.

Ситуация невероятно сложная. В районе Ошмян мы не знаем ни такой организации, ни людей, с которыми можно было бы вступить в контакт. Евреи заподозрят провокатора в любом чужаке, если он явится с призывом к сопротивлению. Трудно и проникнуть в гетто.

Командование поручило Лизе Магун эту важную и рискованную задачу: под видом арийки отправиться в Ошмяны и предупредить евреев о надвигающейся акции, объяснить им, что любая акция означает гибель, организовать молодежь для побега в ближние леса, призвать к сопротивлению, если немцы захотят их отправить на истребление.

В Ошмяны прибыла еврейская полиция во главе с Деслером. Ей оказывают радушный прием.

Деслер распорядился провести поголовную регистрацию. В течение двух дней, начиная с понедельника, его полицейские и вильнюсские чиновники выдавали всем желающим "шейны". Все "шейны" — розового цвета, и лишь незаметные буквы "А" и "Т" разделяют их на две категории.

Гетто успокоилось. От волнения перешли к надежде, что все будет хорошо, тем более, что не видно ни немцев, ни литовцев...

Такой была обстановка, когда Лиза прибыла в Ошмяны. С трудом удалось ей пройти в гетто. Опознает один из вильнюсских полицейских — пропало дело. А гетто — на стороне полиции. Правильно ли штаб оценил положение, поверят ли ей евреи? И вот она объясняет, уверяет, предупреждает, что готовится ловушка, что занимаются тут не трудоустройством, а приготовлением к акции. Лиза призывает, пока возможно, бежать. Евреи ей не верят. Все получили "шейны". Лиза обращается к молодежи и начинает организовывать ее.

А тем временем между Вайсом и Деслером идут переговоры.

С 1500 человек договорились до 800, а затем — до 600, но после того, как составлены списки стариков, Деслер не может дать более 400. В конце концов, ударили по рукам: говоря словами Деслера, которые он потом сам же цитировал, "сто голов-плюс, сто голов-минус". Итак, 500! Гетто спасено.

Акция началась. О том, как она проводилась, пусть рассказывают Деслер с пособниками — документы и протоколы, которые пережили своих составителей, не нуждаются в комментариях.

“В среду в 10 утра я собрал офицеров и посовещался с ними, как проводить акцию. Обсуждали различные технические вопросы, например: что произойдет, если нам не удастся управиться с массой, и люди откажутся собраться на площади. Предложили собрать стариков в молельне. В Ошмянах — две молельни: старая и новая. Хотя я не из ортодоксов, я не хотел собирать людей, осужденных на смерть, именно в молельне. Поэтому я собрал там тех, кто оставался в живых.

Мы решили, что все евреи должны собраться на площади группами по своим местечкам — евреи из Ошмян, Ольшан и т. д. Во главе каждой общины — ее раввин. И чтобы в домах не осталось ни души.

Акция удалась. Все вышли из своих домов и пошли в молельню группами по 50, чтобы последние не увидели, что произошло с первыми.

Когда подошли первые 50, мои полицейские, присутствовавшие там, произвели селекцию, так как я хотел спасти молодежь и интеллигенцию — наше будущее.

В среду мы через каждые несколько часов перед акцией выясняли, как настроено население. Член местного юденрата сказал мне: они готовы принести жертву — лишь бы дело на этом закончилось.

Мы очутились перед новой проблемой. Вправе ли мы отбирать людей? Не лучше ли привести литовцев? Господин Генс послал мне в четверг 6 литовцев из “зондеркоманды” и выразил пожелание, чтобы они присутствовали у молельни и делали все, что им прикажут, так, чтобы казалось, будто евреев отбирают литовцы. Однако я оставил литовцев дома. Во-первых, из опасения, что евреи могут испугаться, а, во-вторых, нельзя гарантировать, что эти убийцы не откроют стрельбу, и тогда ответственность легла бы на нас.

Мы провели все своими руками. Молельню заперли. И мы направились к месту казни. Людей мы отбирали в соответствии с указаниями местного юденрата.

Собрали людей на площади и пошли по домам искать прячущихся. На площадь прибыли подводы. Мы погрузили людей и повезли. Время было — час дня. Толпу в молельне я задержал, чтобы поуспокоились. В три пополудни я прекратил акцию, собрал полицейских и тогда открыл молельню. Был

отдан приказ всем расходиться по домам и не собираться на улицах.

В тот вечер, завидев нас, люди бросались бежать. Но назавтра евреи поняли, что мы их спасли”.

Это излагает Деслер. Далее – Лев, главный его помощник:

“В продолжение акции нас сильно раздражали литовцы из “Ипатинга”, которые стояли на площади и равнодушно наблюдали. Нам казалось, что они в душе издеваются над нами и злорадствуют по поводу того, что мы делаем. Это на нас дурно повлияло”.

Ицхак Тувин, депортировавший обреченных из гетто:

“В день акции мне поручили собрать людей в хедере. Здесь составлялись списки. В большинстве – это были старики, не пригодные к работе.

Потом прибыли телеги, и полицейские погрузили людей. Я пошел в молельню к собранным там и сказал, что делать нам это очень трудно, но было бы куда хуже, если бы это делали литовцы.

В четыре часа я выехал с телегами. Со мной ехала женщина, сказавшая: “Мне 57 лет, и жизнь моя кончилась. Не так это страшно. Мы, евреи, живущие под немецким крестом, все мы обречены на смерть. Я-то свои годы отжила, но одни гибнут молодыми, другие попозже”.

Во время акции Лиза находилась в гетто. Когда она туда явилась, она не знала, как обернется дело. Но о себе, о том, что может слететь ее собственная голова, и что было бы “разумней” уйти из гетто до акции – об этом она не думала.

Молодежь откликнулась на ее призыв. В последнюю ночь, в ночь на среду, когда гетто спало тревожным сном, Лиза в последний раз встретилась с отдельными группами ошмянской молодежи, которая всего несколько дней назад представляла отчаявшихся одиночек, не видевших выхода. В ту ночь они покинули местечко, держа путь в леса, в неизвестность.

После акции полиция вернулась в вильнюсское гетто. Полицейские ворвались в ворота. Прошли по улице парадным маршем, в мундирах, с дубинками в руках. Никто из них ничего не рассказал.

Вечером тихо стало в гетто. Но наутро уже каждый еврей знал, что за эти дни в Ошмянах полицейские хлестали водку, что состоялась совместная попойка еврейских и литовских

полицейских, что полицейские вернулись с кучей часов и драгоценных камней, что Деслер и Лев нахапали золота. И еще рассказывали, что когда все было кончено и полицейские уже расселись по телегам, чтобы ехать из Ошмян в Вильнюс, их командир Драйзин затянул песню:

”Мы вас повеселили,
А теперь доброй вам ночи”...

Настроение в гетто отвратительное. Никто опять не понимает, клясть Генса или благословлять его. И он, чувствуя эту напряженность, собирает собрание, посвященное событиям в Ошмянах. Он приглашает на собрание представителей полиции, администрации, заслуженных общественных деятелей и городского раввина. На этом собрании, состоявшемся 27 октября 1942 года у него на квартире, Генс произнес следующую речь:

Господа, я вас сегодня пригласил, чтобы развернуть перед вами картину одной из ужасных трагедий нашей еврейской жизни. Сказать вам о том, что евреи вели своих братьев на смерть. Я хочу на сей раз говорить без обиняков.

Неделю тому назад пришел Вайс и приказал нам именем СД ехать в Ошмяны: в ошмянском гетто имеется 4000 евреев и прокормить всех их в гетто невозможно. Поэтому гетто необходимо сократить, отобрать людей, совсем не пригодных для работы на немцев, и расстрелять их. И первые на очереди – дети и женщины, чьи мужья были схвачены в прошлом году облавщиками. Затем – многодетные матери. Когда нам отдали этот приказ, мы ответили: ”Цум бефель!” – ”Слушаемся!”

Господин Деслер в сопровождении еврейских полицейских поехал в Ошмяны. Через два-три дня еврейская полиция заявила окружным властям в Вильнюсе, что, во-первых, невозможно депортировать женщин, чьи мужья были схвачены, потому что они заняты на работе, а во-вторых, семей с 4–5 детьми вообще не имеется. Самое большое – это семьи с двумя детьми, с тремя – редкость. Таким образом, и этих нельзя забрать. Забыл сказать, что нам было приказано депортировать 1500 человек. Мы ответили, что не сумеем обеспечить подобную цифру. Начали торговаться. Когда господин Деслер прибыл с информацией из Ошмян, цифра была снижена до 800. После того, как я с Вайсом съездили в

Ошмяны, цифра снизилась до 600, и тем временем вопрос о женщинах и детях отпал и касался только стариков. По правде говоря, в Ошмянах набралось 400 стариков. Их мы выдали немцам.

Когда Вайс впервые пришел и потребовал женщин и детей, я сказал ему, чтобы взял стариков. Он ответил: "Зимой старики так или иначе подохнут, а нам приказано сократить гетто немедленно".

Таким образом, еврейская полиция спасла всех, кто должен был остаться в живых. Погибли те, кому уже не оставалось долго жить. Да простят нас старые евреи. Им пришлось стать жертвами, принесенными на алтарь нашего будущего.

Я не хочу ограничить свое выступление лишь тем, что постигло евреев Вильнюса и Ошмян. Я только жалею, что мы отсутствовали во время акций в Кимлишках и Быстрице. На прошлой неделе там без разбору расстреляли всех евреев. Сегодня у меня побывали два еврея из Свентян и просили срочно оказать помощь. В их местечке собраны евреи Свентян, Виджей и других местечек. Вот я и поставлен перед проблемой: что будет, когда нам придется еще раз провести такую же акцию?

Мой долг сказать им: милые евреи, идите-ка по домам, не желаю я марать руки и посылать моих полицейских на грязное дело. Однако же я говорю, что в мою задачу входит замарать свои руки, потому что еврейский народ переживает теперь труднейшие времена. После того, как уже убито пять миллионов, наша задача – спасти сильных, тех, кто молод не только возрастом, но и духом. И не идти на поводу у сантиментов. Не знаю, все ли осмыслили сказанное до конца и оправдывают это и оправдают ли наши действия, после того как мы освободимся из гетто. Но такова точка зрения полиции: спасти все, что можно, не считаясь с нашими личными переживаниями.

От вас, господа, я жду моральной поддержки. Все мы хотим когда-нибудь выйти из гетто. Пока многие евреи еще не понимают той огромной опасности, в которой мы находимся. По несколько раз в день нам угрожает депортация в Понары... Что касается меня лично, то волею судьбы мне пришлось побывать на поле боя. И я страха не знал – до того

времени, пока фронт не остался позади. То же самое относится и к нам. Мы выстрадаем все это потом, после гетто. И религиозный еврей скажет: Бог спасет. А неверующий скажет себе, что спасет его общественная сплоченность. Еврейская способность выдержать ради будущего.

Розенберг на днях заявил, что задача немцев – истребить еврейство Европы. Не понимаю его. Если бы он заглянул сюда, в наше гетто, его бы обуял страх. Мы, преследуемые, прячущиеся в "малинах", убиваемые в Понарах, отлученные от своих семей, за год построили новую жизнь, куда лучше, чем это удалось арийцам. Таково еврейство. Бесстрашный дух и вера в жизнь. И мы будем бороться, чтобы не осуществились слова Розенберга. А война оправдывает средства, подчас самые ужасные. К сожалению, нам нельзя останавливаться перед любыми средствами в борьбе с врагом.

Мое желание – подвести вас поближе к жизни. Объяснить вам жизнь во всей ее наготе. Показать вам подлинную, голую сущность борьбы. Для этого, господи, я и собрал вас, далеких от полиции.

После подробных отчетов исполнителей акции присутствовавшие на собрании общественные деятели промолчали. Раввин плакал немymi слезами. Нотка сомнения прозвучала и в словах одного из пособников. Тогда Генс встал и закрыл собрание:

Как я уже сказал, я беру на себя ответственность за сделанное. Я совершенно не хочу дискуссий. Никто не вправе спорить об этих моих поступках, в прошлом и в будущем. Я позвал вас, чтобы объяснить, почему еврей обагрил свои руки кровью, и в будущем, когда придется нам, полицейским, идти – мы пойдем.

Прошло несколько дней. Гетто несколько успокоилось после ошмянского дела. Оттуда пришли известия, что жизнь там начала организовываться по образцу вильнюсского гетто. А в ближайшие гетто, входящие в состав "Вильнерланд", снова выезжают еврейские полицейские и чиновники из Вильнюса.

Однажды Генс с Деслером вызвали Иосефа Глазмана. Ему предложили отправиться в Старые Свентяны упорядочить жилищный вопрос, поскольку Глазман, после того как был освобожден от должности начальника полиции, заведовал

жилищным отделом гетто. Предложение властей могло и не вызвать подозрений, но Иосеф, наученный горьким опытом, понимал, что его задачи в Свентянах не ограничатся жилищной сферой. Он чувствовал, что власти хотят использовать его имя, чтобы успокоить евреев местечка, охваченных тревогой ввиду приближающейся акции.

Иосеф ответил отказом. Он хорошо знал позицию ЭФПЕО в отношении действий Генса, будучи сам членом штаба. Однако Деслер, который лез из кожи вон, чтобы добиться поддержки широких кругов населения гетто, был крайне заинтересован, чтобы именно Иосеф Глазман, известный общественник, подчинился его распоряжению. Отказ Иосефа заставил его прибегнуть к угрозам, а затем и к категорическому приказу. Иосеф ответил, что приказу не подчинится.

Состоялось собрание полиции, куда пригласили Иосефа Глазмана. Генс произнес большую речь, где предъявил счет "гнилой интеллигенции", напомнил о своем собственном ревизионистском прошлом и заявил, что сейчас он себя чувствует большим ревизионистом и еврейским националистом, чем когда бы то ни было. Он остановился на национальных задачах и том крупном успехе, который вытекает из факта, что именно сами евреи, а не немцы организовали жизнь в гетто. После собрания он отрядил полицейских на поездку в Свентяны и повторил приказ Иосефу. Тот стоял на своем и ответил, что все успехи, которые Генс с гордостью перечисляет, в действительности покрывают нас позором.

Полиция пришла в замешательство. Многие из ее работников были ревизионистами, как и Генс, и Глазман. Но большинству все-таки была ближе позиция Генса и милее его ревизионизм.

Но по гетто уже пошла гулять новость: Глазман открыто выступил против властей гетто. Нам ясно, что ему этого не простят. И в самом деле, полиция тотчас получила приказ арестовать Иосефа и, не найдя его на квартире, начала обыски.

Главная задача теперь – "чистка" комнаты Глазмана, куда должны прийти с обыском. В этой комнате, которая до сих пор была самым надежным местом и не вызывала никаких подозрений, находились наш тайный приемник и оружие. Теперь все зависит от быстроты действий. Все сосредотачивается в "шитуфе", куда Глазман бежал, потому что искать

его здесь никому бы не пришло в голову. Аба немедленно распределяет между членами "шитуфа" их роли. Надо проникнуть в квартиру Иосефа, убрать радио и перенести все в надежное место. Это надо проделать почти на глазах у полиции, проявляющей в тот вечер повышенную активность: с наступлением темноты уже нельзя было, как обычно, пройти по улице без "пассиршейна" — пропуска, который проверялся всеми полицейскими на всех углах.

Через несколько минут пропуска были изготовлены, и несколько товарищей направились разными путями на Рудницкую к Иосефу на квартиру. Мы торопимся и взбегаем по лестнице. Полиция еще не заявила. Уносим все — оружие, приемник, документы. Квартира — в порядке, но как с нашей поклажей пройти по улицам?

Спускаюсь вниз. Тихо и пусто, ни души, кроме полицейских, расхаживающих взад-вперед. Сначала — полицейская станция. Надо спокойно пройти мимо. Прошла. Ташу оттягивающий мне руки мешок с завернутой в него взрывчаткой в железном ящике на герметическом запоре.

Наскакиваю на полицейских "Стой, "пассиршейн"! — гавкают они издали. Надо подойти вразвалочку, помахать бумажкой и скороговоркой выложить какую-нибудь липу, оправдывающую мое хождение по ночным улицам. "А может, Глазмана видала?!" — кричит один из полицейских. "Я? Глазмана?" — разыгрываю большое удивление.

Прошла. Еще одна улица впереди. Внезапно меня освещает сноп электрического света. Только у одного человека в гетто есть подобный фонарь — Деслер! Мне ясно, кто меня освещает, хотя сама еще не вижу его. Зато я у него — как на ладони. Иду, не убыстряя шага. Деслер проходит мимо, не задерживаясь.

За полчаса все приведено в порядок. Все вещи перекочевали в надежное место. В соответствии с решением командования Иосеф возвращается на свою квартиру, и там его арестовывают и отправляют в местную тюрьму. Это уже сенсация. Как объяснить людям, что Генс арестовал Глазмана? И начинается усиленная агитация. Власти делают все, чтобы по-своему разъяснить положение вещей. Штаб ЭФПЕО решает усилить нажим на полицию и вынудить ее освободить Иосефа. К Генсу отправляются начальник организации Ицик

Виттенберг и Хина Боровская. Глава гетто знает этих людей. Ему известно, что они – из числа коммунистических вожakov и, по различным соображениям (потому что хочет обеспечить себе безопасность в будущем, при советском строе), он считается с их мнением. Но сейчас эти переговоры весьма рискованы. До сих пор коммунисты неоднократно заверяли, что они не поддерживают никаких контактов с другими партиями и тем более не предпринимают никаких действий, которые могли бы повредить гетто. Теперь эти люди пришли, чтобы вмешаться в дело, вроде бы не касающееся их, да еще выступают заступниками человека, который является их политическим противником. Генс мог догадаться, что между партиями существует и контакт, и координация действий. Поэтому наши ходатаи мотивируют свое вмешательство тем, что защищают Иосефа в общих интересах, расценив его арест как начало борьбы против всех общественников. При этом они заявляют Генсу, что "номер" не пройдет, ибо гетто не разделяет его позиции.

Администрация гетто все-таки начала догадываться, что между партиями существует какой-то контакт. Но никогда не узнать бы ей этого доподлинно, если бы не предательство.

В тот день никто из нас не предполагал, что Эстер Яффе, интимная подруга Иосефа, активистка ЭФПЕО и член штаба ревизионистов, станет подлым провокатором. Но организация охвачена напряженностью, все начеку. Трудно поверить, что Деслер, заклятый враг Иосефа, так быстро откажется от своих планов, а Генс допустит, чтобы гетто пришло к выводу, будто есть тут более сильный и непреклонный человек, чем он сам.

Через несколько дней после освобождения Иосефа по гетто прошел слух, что полиция снова вломилась к нему на квартиру и арестовала по приказу властей. Иосеф оказал сопротивление. Прохожие видели, как Иосеф боролся с вцепившимися в него полицейскими, а они с побоями тащили его в полицию.

Организация потрясена. Штаб немедленно привел в готовность несколько рот.

Гетто взбудоражено. К Генсу снова отправляется делегация. Генс отвечает, что вся эта история уже дошла до ушей

немцев и Иосефу следует уйти из гетто в собственных интересах, учитывая опасность, которая ему здесь грозит.

Штаб постановил не допустить увоза Иосефа, даже если придется прибегнуть к силе.

Отмобилизованные роты разделили на боевые отделения. Им приказано собраться на Рудницкой. На этой улице в доме № 6, в здании полиции сидит под арестом Иосеф. Полиция тщательно стережет его, за ним незаметно следят и члены ЭФПЕО, расположившиеся в укромных местах вокруг здания.

В полдень полицейские остановили движение в гетто. Жителям запрещено выходить на улицу. Все семь переулков находятся сейчас под наблюдением властей. Особенно строго охраняется Рудницкая. Дворникам строго-настрого велено держать подъезды на запоре, чтобы никто не вошел и не вышел.

Товарищи стоят наготове за запертыми воротами дворов. Лишь бы не опоздать!

На улице пусто и тихо. Внезапно раздастся грохот повозки. В ней – Иосеф в наручниках. Вокруг – сильный полицейский конвой. Полицейский понукает лошадей. От Рудницкой 6 до Рудницкой 18 расстояние небольшое. А там – ворота! Вдруг слышат: топот бегущих ног, крики, подъезды распахиваются, оттуда выскакивают наши бойцы. В мгновение ока они настигают повозку. Кучера-полицейского свалили с облучка. Кто-то прыгает на повозку, другой, держась за Иосефа, дерется с полицейским. Дорога каждая минута. Только бы убраться отсюда. Ведь всего пять домов отделяют место схватки от ворот с охраной и литовцами.

Иосеф – на земле, окружен бойцами. Один пытается снять с него наручники – напрасно. Так, скованным его уводят в глубь гетто. На мостовой валяются несколько полицейских. Их товарищи стоят в растерянности, не зная, что предпринять. Иные присоединяются к нам. Они увлечены случившимся и с изумленным почтением взирают на наших храбрых ребят.

Из домов высыпали люди. Все подъезды настезь растворены. По улицам валят толпы. И вот они видят, как Глазман спокойно проходит со скованными руками, окруженный десятками парней, по Рудницкой и Шавельской на Страшунь.

Люди присоединяются к группе, выражая свой восторг, удивление и явную враждебность к властям. Полицейских на улицах еще не видно.

Переулки, на которых собрались члены ЭФПЕО и где помещается штаб, сейчас в наших руках. Жители гетто с удивлением смотрят на парней и девушек, выстроившихся цепью и не пропускающих никого, кто не знает их пароля. Даже высокопоставленные чины администрации гетто не могут сюда пройти и вынуждены подчиниться приказу девчонки. И кого же она не пропустила? Начальника "арbeit-самта" собственной персоной — господина Бройде! Стало быть, есть подпольная организованная сила — размышляет еврей на улице. И это не только члены одной партии, потому что я своими глазами видел среди тех, кто освободил Глазмана, ревизионистов, хашомеровцев, коммунистов и членов "Ханоар хациони!"

Власти гетто созвали представителей партий на "обсуждение положения и мер по восстановлению порядка". Впервые с ними встретились все члены штаба (кроме Иосефа). На этом заседании представители ЭФПЕО заявили, что попытке властей применить против них насилие будет противопоставлена сила.

"Нас не запугает никакая демагогия, мы не согласимся с лживой и пустой "национальной политикой". Да будет вам известно, что в гетто есть сила, и вам придется считаться с нею".

Наши карты открыты.

В ТЕ ДНИ ИСПОЛНИЛСЯ ГОД СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ "штутфа". Он служил центром движения и организации ЭФПЕО. Ежедневно через наши тесные комнатки проходили десятки товарищей — от юнцов "Хашомер хацаир" и "Бней мидбар" до командиров ЭФПЕО и членов штаба. Квартира эта, которая олицетворяла для нас и дом, и кибуц, и движение, привлекала всех своих сердечной и простой атмосферой и тем, что росло и крепло в ее стенах.

В этих трех комнатах сконцентрированно отражается наша жизнь. Здесь проходят собрания пятерок (в этом случае

комната запирается на ключ, и все набиваются в нее). Здесь на тайных занятиях инструкторы обучают обращению с оружием. Здесь ежедневно размножают бюллетени ЭФПЕО, встречаются члены штаба, прячут оружие, сюда прежде всего поступают известия из внешнего мира. И здесь в урочный час прозвучит пароль мобилизации. Оглядываясь назад, можно сказать, что наш "штупф" представлял собой отмобилизованную группу бойцов, находившихся в постоянной боевой готовности. Эта отмобилизованность и напряжение ощущаются тут не только в чрезвычайные моменты, но и в серые будничные дни.

Мы жили щедрой, до краев наполненной жизнью. Изю дня в день, когда мы возвращались в гетто, обычно усталые, подавленные и голодные, нас утешала и ободряла мысль о доме, о "штупфе". И стоило переступить его порог, как мы окунались в атмосферу близости, общности, почти семейной, и в ней растворялось накопившееся за день утомление и душное ощущение рабства, преследовавшее нас в течение двенадцати часов. Лишь здесь начинался для нас настоящий день.

Не успевал, бывало, Яшка Раф сбросить с себя грязную рабочую одежду, как уже куда-то бежал. Никому из нас ни разу не доводилось видеть, чтобы Яшка в этот час не торопился, не спешил и не был занят сверх всякой меры. Ребята по этому поводу пошучивали, а он, только тряхнув своими светлыми кудрями, ветром слетал по лестнице. Никто тогда еще не знал, что Яшке, помимо его давних обязанностей инструктора, поручена должность командира отделения, и работа поглощает его целиком. Ей он отдает все свое время и энергию.

Бетти Зивкович, возвращающаяся позднее всех, никогда не успевает проглотить свою порцию гороховой похлебки, нашей постоянной еды, — она спешит на встречи, заседания, раздачу бюллетеней в ее роте, где она — на роли связной.

Хайча Тикочинская влетает в квартиру на несколько минут, передает известия, договаривается о времени занятий и исчезает. Она работает в деревообделочных мастерских секретаршей и имеет ключи от помещений. Мы пользуемся мастерскими для занятий.

Шломка Канторович возвращается с работы рано. Он никогда не торопится. Не спеша, с аппетитом ест, немного отдыхает, затем заготавливает дрова для кухни. Глядя на него, на основательные неторопливые движения и румяное лицо, начинает казаться, что, кроме этих занятий, очень тщательно выполняемых, нет у него других интересов в жизни. Но вечерами Шломка отсутствует по многу часов. Иногда его нет всю ночь. Поначалу мы прохаживались на его счет и упражнялись в остроумии по поводу ночей, которые он проводит вне дома. Он смеялся вместе с нами и ничего не говорил. Но потом мы узнали, что Шломка сидит по ночам в подземных оружейных складах, за которые он отвечает перед штабом. Это, однако, не избавляло его от наших острот, бывших как бы составной частью конспирации...

Барух, Рашка, Витка, Михаил, Лиза, Цеся, Ружка и все другие в этой компании – бойцы ЭФПЕО; каждый выполняет ответственные задания и берет на себя рискованные дела. Все вместе составляют они хашомеровский "шитуф". Этот "шитуф", прозванный бойцами ЭФПЕО "казарма", превратился в центр движения. Сюда приходили 14-летние девочки из "Бней мидбар", скауты, взрослые и даже такие, кто некогда порвал с движением. С юными велась воспитательная работа. Пели песни на иврите, слушали рассказы об Эрец-Исраэль и киббуцах, проходили скаутскую науку. Время от времени в переулках гетто устраивались скаутские игры. В таких условиях эти игры, вероятно, никогда еще не проводились.

Наши скауты, оставшиеся от группы "Авив", – взрослые, что ни говори. Почти все они принадлежат к ЭФПЕО и распределены среди боевых отделений. Однако группа "Авив" сохранилась, и Лиза, в прошлом ее инструктор, продолжает свою работу, приспособливая ее к новым условиям.

Наши взрослые, занятые поручениями ЭФПЕО, ведут агитацию среди несоюзной молодежи в гетто, организуют ее в кружки. Цель – приблизить молодежь, указать ей путь.

Порой чувство тоски по своей далекой родине донимает нас, мысли о ней щемят душу. Изредка мы ловим какое-нибудь обрывочное сведение об Эрец-Исраэль. Источником информации служит германская пресса. В немецком офицозе, тайно пронесенном в гетто, мы читаем о еврейских

кораблях, пливших в Эрец-Исраэль и подвергшихся бомбардировке; о боях между евреями и арабами; об участии ишува в военных усилиях. Все эти новости, пускай это грубая ложь и пропаганда, мы обсуждаем целыми днями на тысячу ладов. Потопили судно — стало быть, алия продолжается. И кто знает, сколько уже евреев в стране, сколько прибавилось за последние годы? Может, нас там уже миллион, а то и больше — кто знает? Ведь если не сейчас, то когда?..

Порой, когда воображение разыгрывается, кто-то вполголоса заговаривает о задачах тех из нас, кому, может быть, посчастливится остаться в живых. О, если б уцелел хоть один, чтобы рассказать все! Хотя бы один — чтобы добраться до ишува и поведать товарищам в Эрец-Исраэль, как жили мы и как погибли, о нашей связи с народом и движением, о том, как озарились для нас новым светом старые истины, о том, что мы сумеем быть последовательными до конца. И если все-таки случится чудо и единицы уцелеют, их долгом будет — выполнить завет павших.

С первого же дня нашей жизни в гетто, где нашими неизменными спутниками были нужда и голод, потребовались немалые усилия, чтобы не допустить превращения материальных забот в главное содержание бытия. Ведь в материальном смысле нам было труднее выстоять, чем другим. Единственные источники получения продовольствия — воровство и контрабанда через ворота — использовались нами в крайне ограниченном размере. Вместо продуктов питания наши товарищи проносили оружие, и для нас хорош был тот "эйнгейт", где можно было больше навредить немцам. Кроме того, наряду с членами "шитуфа", в нашем движении были десятки хашомеровцев, которые должны были заботиться о пропитании своих семей. Поэтому первой нашей заботой было обеспечение элементарных бытовых нужд. Специальная комиссия по взаимопомощи всегда была загружена сверх меры, и от ее членов требовались нешуточные энергия и инициатива.

До сих пор помню "историческое заседание", на котором решили приступить к выпечке хлеба... Помню все расчеты, все сложности, связанные с осуществлением этого решения. И помню то волнение и энтузиазм, когда Дина Розенфельд вынула из печи первые буханки, горячие и поджаристые, и торжественно разложила их на длинной кухонной скамье. Это

был всего-навсего черный хлеб с обильной примесью картофеля, и одного его килограмма должно было хватить нашим товарищам на целую неделю, но сколько гордости испытывали мы, что сумели осилить и это.

Наладив выпечку хлеба, мы решили взяться за приготовление ужинов для наших ребят. Было это в 1941 году, в самую голодную пору. Витка, жившая тогда в городе, раздобыла по дешевке большое количество картофеля. После долгих переговоров нам разрешили завезти его в гетто. Картофель был наполовину гнилой, и охранники на воротах с отвращением ретировались, как только проверили мешки. Один, весело настроенный, заметил: отбросы из гетто вывозят, но с какой поры их начали завозить?

Мороженая картошка, смерзшаяся в грязные, вонючие пласты... В хорошие времена ею даже свиней не кормили. Она и служила нам сырьем для ужинов. Мы собирались и вместе хлебали горячий жидкий суп, хорошо приправленный песней.

В гетто мы вообще пели много и по всякому случаю. Пели и в вечера, когда не было собраний и вечеринок. Просто собиралось несколько человек, и кто-то затягивал песню. И сразу все подхватывали мелодию и слова, вкладывая в них всю нашу душу, тоску и любовь. Иногда мы даже забывали о том, что брошены в гетто, и Эрец-Исраэль далека и нереальна, как сон. Особенно часто это случалось на вечерах, посвященных Эрец-Исраэль, которые устраивал союз "Брит иврит" и в которых участвовала халуцианская молодежь, сионисты и просто люди, истосковавшиеся по ивритскому слову. Здесь звучали песни на иврите, как в добрые старые времена в стенах вильнюсского кена, славившегося лучшими традициями еврейско-литовской молодежи, отзывчивой, интеллигентной, верящей в идеалы и стремящейся к ним.

Давно созданный сионистами верховный совещательный орган, в котором были представлены все организации в гетто, поставил своей целью налаживание и координацию сионистской работы. Одним из таких мероприятий было создание союза "Брит иврит". Была основана также комиссия по истории, которая собирала свидетельства об участии евреев в разных гетто. Организовали объединение литераторов, пишущих на иврите, и курсы усовершенствования в языке. Со временем этот верховный совещательный орган превратился

в координационный комитет вильнюсского гетто, оказывавший поддержку ЭФПЕО.

В этот период мы располагали точными сведениями о сионистском движении в других гетто. Эти сведения привезла нам из Белостока Хайка, а из Варшавы – Ирена Адамович.

Ирена – старый друг нашего движения. Она и сейчас, в дни страшных испытаний, поддерживает контакт с "Хашомер хацаир", встречается с Иосифом Капланом и время от времени приходит в гетто. От нее мы узнали о массовых убийствах, которые начались и на территориях генерал-губернаторства, и рейха, о ликвидации большого гетто в Люблине, об акциях в других городах. Она рассказывает о Варшаве, о том, что там затевают большое дело. От нее мы слышим о деятельности Арье Вильнера и узнаем о личности Мордехая Анелевича.

Решаем, что Ирена посетит гетто Каунаса и Шауляя, с которыми, несмотря на то, что они расположены поблизости, на той же литовской территории, у нас нет никакого контакта, и откуда доходят лишь туманные слухи.

Ирена направилась в Каунас. Она встретила там с немногочисленными товарищами, передала им привет и инструкции движения. Для ребят, отрезанных от центра, лишенных в Каунасе всяких связей с внешним миром, приезд Ирены открыл новые горизонты.

Она возвратилась в Вильнюс, представила подробный отчет о поездке и снова уехала в Варшаву продолжать работу.

Не раз я задумывалась о ней. Когда передо мной встает ее образ, я вспоминаю слышанные когда-то рассказы о "хасидей-умот-хаолам" – неевреях-праведниках, заслуживших любовь и признательность еврейского народа.

Ирена была полькой, пламенной патриоткой, ревностной католичкой и – верным другом "Хашомер хацаир". Вижу, как с желтыми заплатами на груди и спине она входит в ворота гетто, заговаривает на идиш в ответ на недоуменные взгляды охранников. В глазах у нее появляются испуг и ошеломленность, когда она попадает в шумные переулки гетто. Наконец, она добирается до нашего "шитуфа", усталая и подавленная. Она слаба, больна. Лежит на койке, ее знобит в нашей стылой, нетопленной комнате. Мы укутываем ее платками. Она смыкает глаза, чтобы чуточку отдохнуть, забыться. На ее изжелта-бледном лице печать полного изнеможения.

...Но проходит немного времени, и Ирена соскакивает с постели, будто уже отлежалась и набралась сил, и восклицает на идиш с типичным акцентом нееврейки: "Ну, хевре, мир велен махен а иещиве!" – "Давайте, ребята, на собрание!"
Время не ждет!..

И СНОВА МЫ ИЩЕМ СОЮЗНИКОВ. Не верилось, что за пределами гетто не существует никаких прогрессивных организованных сил и нет какой-нибудь революционной организации в вильнюсском подполье. Переговоры с польским националистическим союзом убедили нас, что мы напрасно на него рассчитывали. Всякий раз, когда к нам попадала их подпольная газета "Неподлеглость" ("Независимость"), мы заново содрогались от той слепой ненависти, какую дышали ее страницы, с тупой злобой клеветавшие на Красную Армию и Советскую Россию.

Остатки польской и литовской интеллигенции были разрознены и не подавали голоса. Многие встали на путь предательства. Уцелевшие коммунисты попрятались по деревням и не организовались.

Так продолжалось, пока не прибыл Витас. Тем временем коммунисты-евреи, давно организовавшиеся в гетто под влиянием ЭФПЕО, приступили к собиранию остатков своей партии в городе. Ицик Виттенберг, Соня Медайскер, Берл Шерешневский, рискуя жизнью, ходили в город в попытках наладить контакт с членами своей партии.

При посредничестве польского коммуниста Козловского удалось установить связь с Витасом. Витас, бывший председатель вильнюсского горисполкома, теперь приступил к координации работы в подполье, возглавив городскую организацию компартии. После встреч с представителями гетто был создан первый совместный комитет, куда вошли от гетто Соня Медайскер и Берл Шерешневский.

В это же время по инициативе ЭФПЕО был организован объединенный штаб для руководства партизанской борьбой на территории Литвы, в котором работали поляк, литовец и представитель ЭФПЕО – Виттенберг. Штаб возглавлял Витас.

Объединенный городской штаб признал организацию ЭФПЕО как боевой отряд гетто. Вскоре по городу начали распространяться листовки, написанные в духе, решительно отличавшемся от того, что пропагандировала газета "Неподлеглость".

Первая листовка на польском языке, отпечатанная на гектографе, была выпущена командованием ЭФПЕО еще накануне 1942 года. Поляки не подозревали, что она выпущена евреями и что ее написал Аба Ковнер. Текст, сочиненный на идиш, был переведен на польский язык. Иосеф Глазман перевел его на литовский:

ЖИТЕЛИ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ!

Враг истекает кровью на всех фронтах.

Красная Армия бьет резервные части врага.

Над окруженными германскими войсками витают смерть и уничтожение. Немецкие дивизии на полях сражений изнурены, обессилены и потеряли боеспособность.

Гитлер бросил в бой свои армии, пообещав, что в течение 14 дней они захватят Москву. Дни обернулись неделями. Недели — месяцами. Когда подошел конец лета, Гитлер приказал дожидаться осени, а когда осенью провалились все попытки сломить оборону Красной Армии, срок был перенесен на зиму. Но зима принесла немцам беду. На полях сражений остались трупы миллионов немецких солдат. В ходе непрерывных ударов Красной Армии было уничтожено огромное количество военного снаряжения.

Фронт — накануне весны. 20 миллионов советских солдат находятся под ружьем: 9 миллионов — на передовой, 11 — в резерве. Красная Армия, мощь которой усилилась благодаря новой могучей боевой технике, готовит гигантское наступление. Она обрушит на врага смертельный удар и разгромит его раз и навсегда.

Жители всех оккупированных территорий!

Страшась восстания, враг решил немедленно покончить с вами. Он расстреливает ваших лучших сынов, сотнями и тысячами угоняет их в Германию. Массы людей уже уничтожены гитлеровским террором в Варшаве, Калише, Вильнюсе, Львове.

Цеся Розенберг

Михаил Ковнер

Соня Медайскер

Лиза Магун

Шмуэль Каплинский

Абраша Хвойник

Нисан Резник

Не давайте гнать себя, как скот, на бойню! Если врагу придется ломать сопротивление каждого из нас, план его будет сорван.

Среди вас гибнут тысячи пассивных жертв. Но свобода добывается только ценой активного сопротивления.

Присоединяйтесь к партизанам! Вредите врагу!

Уничтожайте шоссе, эшелоны, заводы!

Смерть оккупантам!

Победа за нами!

Союз борцов против германских захватчиков.

Спустя некоторое время в штаб ЭФПЕО обратился Ицэле Ковальский с предложением организовать подпольную типографию. Ицэле работал в немецкой типографии, и эта мысль не давала ему покоя. Он тщательно подготовил кражу шрифтов и стащил их буквально на глазах у немцев. Через несколько дней на тайной квартире в городе была оборудована типография. Командование ЭФПЕО передало ее в распоряжение городской подпольной организации.

Жители Вильнюса, до сих пор черпавшие духовную пищу из "Неподлеглисти", вдруг стали находить листовки за подписью "Союз польских партизан" с призывом к активной борьбе против немецких оккупантов. А через несколько дней по городу была разбросана уйма листовок на литовском языке, звавших вступать в ряды партизан и принять участие в организации диверсий и саботажа. Под текстом значилось: "Союз свободной Литвы".

Наши ребята, члены ЭФПЕО, по ночам прокрадывались из гетто в город и распространяли листовки. Не раз это задание поручалось тринадцати-четырнадцатилетним подросткам, и они его выполняли с энтузиазмом и гордостью за оказанное доверие.

Тогда в вильнюсском подполье начала выходить газета "Штандар вольности" – "Знамя свободы". В ней читатели находили правдивые известия о положении на фронтах, ощущали решимость и убежденность свободной мысли. Так начала свою деятельность польская типография, организованная членом ЭФПЕО ревизионистом Ицэлем Ковальским и выпускавшая коммунистическую газету и листовки.

Окрепили связи и сотрудничество с городом. Беречь эти связи стало теперь одной из самых первоочередных задач. Штаб поручил эту обязанность Лизе Магун. Она — главный связной между городом и гетто.

По возвращении из Ошмян Лиза с удвоенной энергией взялась за работу. Она — связная своего звена, ведет воспитательную работу в группе "Авив", является членом секретариата нашего "шитуфа" и время от времени выполняет еще отдельные задания в городе.

Возложенное на нее новое поручение штаба чрезвычайно сложно и ответственно. До сих пор она выходила в город под видом арийки, без желтых заплат, с сомнительным польским удостоверением. Теперь, при новой роли, ей необходимы более надежные бумаги. На полицейских станциях в городе как раз идет выдача новых удостоверений личности. Лиза решает обзавестись таким удостоверением и отправляется в германскую полицию, заполняет анкету, заверенную подписями свидетелей-арийцев. Через несколько дней документы будут у нее в руках. Она возвращается в гетто, в "шитуф". У нее превосходное настроение. "Отличный паспорт, с ним при некоторой ловкости можно забраться в пасть к самому дьяволу! Поеду в Белосток — оттуда давно нет никаких известий".

Через несколько дней Лиза покинула гетто. На рассвете мы вместе проходим через ворота, она присоединяется к бригаде ИВО, шагаем с ней. На улице она отходит в сторону, и я помогаю ей снять со спины заплату. Она закутывается в свой "арийский" дождевик, быстро ступает на тротуар и пропадает за поворотом улицы.

Бригада продолжает обычный путь. Кто-то, занявший ее место в ряду, удивляется: "Разве эта девушка из гетто? С такой внешностью!" В момент, когда она покидает группу, все взгляды прикованы к ней с удивлением и восхищением, смешанным с тревогой. Кажется, только она одна не беспокоится и, улыбаясь мне, роняет скороговоркой: "До свидания! Постараюсь сегодня вернуться пораньше домой".

"До свидания!" Внезапно на меня нападает страх. Подмывает броситься за ней, остановить.

Всеми силами пытаюсь справиться со своими чувствами. "Что это ты так испугалась?" — уговариваю я себя. Товарищи

ходят в город ежедневно, в том числе и Лиза. Она, может быть, более чем другие умеет избежать опасности, ловка и изобретательна.

...В тот день Лиза не возвратилась. Она не вернулась больше никогда. Ее арестовали на полицейской станции при получении паспорта. Задержал ее литовский полицейский. Может, кто-то донес? Ее отправили в гестапо. Там, в подвалах, держали неделю, допрашивали, пытаюсь добиться сведений. Она не сказала ничего. После недели пыток ее перевели в Лукишки.

Мы делали что могли для ее освобождения. Привели литовцев из гестапо к знакомым в гетто, те поили их допьяна, совали деньги, пытаюсь добиться обещания, что Лизу выпустят. Литовцы лакали дорогие ликеры, принимали подношения, обещали, что сделают все. Мы подкупили даже судебного следователя, но внезапно узнали, что ее дело передано Кайзеру, главе гестапо. Принялись нажимать на Деслера, чтобы вмешался. Он отговаривался трудностями, риском для гетто... Под конец пообещал поговорить с Вайсом. Через несколько дней подкупленная нами женщина, убиравшая в кабинете начальника гестапо, увидела на папке с делом Лизы крест – смертный приговор.

Тогда мы решили подкупить охрану в Лукишках.

Несколько дней прошло в лихорадочных усилиях. С каждым часом приближался конец. В один из этих дней девушка, сидевшая вместе с Лизой и освобожденная, принесла нам скомканный обрывок бумаги:

"Дорогой Аба,

я понимаю, каково мое нынешнее положение и что оно означает. Но трудно мне примириться с мыслью, что меня увезут в Понары. Я спокойна. Знаю, ради чего отдам свою жизнь. Мне ясно, что вы делаете все для моего освобождения. Но теперь уже все пропало. Я думаю и тревожусь за Эдека.*

Передай всем ребятам привет. Жму ваши руки.

*Держитесь.
Ваша Лиза".*

Оставалось стиснуть зубы и удвоить усилия. Мы строили планы отбить ее силой в момент, когда повезут на казнь, но

* т. е. за Белосток.

все это было нереально. В конце концов, решили подкупить литовцев, которые будут выполнять приговор. Один из них за большие деньги согласился не стрелять. "Но в Понары я ее обязан доставить, — сказал он. — Дадим залп в воздух, она упадет в ров, а потом скроется".

В последний момент Вайс захотел лично присутствовать на казни. Все пропало.

17 февраля 1943 года Лизу Магун расстреляли в Понарах. Ей было двадцать два года.

Никогда не забуду этих дней глубокой скорби и безмолвия. До тех пор мне казалось, что к смерти мы уже нечувствительны, что даже она не может потрясти наши сердца. Но теперь, когда перед нами еще витал живой образ Лизы, я поняла, что даже если возможно пересилить мысль о смерти, примириться с нею нельзя.

В поминальный, тридцатый день после ее гибели Барух Гольдштейн стащил из германского блиндажа пулемет и пронес в гетто. Пулемет получил у нас кличку "Лиза". Хашомеровский "шитуф" собрал 18 тысяч рублей на покупку оружия ее имени. В память Лизы хашомеровцы передали штабу ЭФПЕО автомат и пистолет.

В уставе ЭФПЕО, выпущенном через несколько дней, говорилось:

"Пароль в случае мобилизации ЭФПЕО — слова "Лиза зовет". Услышав эти слова, каждый участник организации обязан явиться в назначенное место в полной боеготовности".

"Лиза зовет". Лиза, в пытках отдавшая свою жизнь, брошенная в массовую могилу в Понарах, — Лиза зовет. 11 марта, примерно месяц спустя после ее гибели, пришла открытка из Белостока от Зераха Зильберберга. Раскодирав ее зашифрованный текст, мы прочитали: "У нас состоялась акция. Немцы требовали выдать много евреев. Было организовано сопротивление, которое возглавил Эдек. Мы были слабы и изолированы. Лучшие наши люди погибли. Эдека нет. Начинаем все заново. ЗЕРАХ."

ПО СОСЕДСТВУ С ВИЛЬНЮСОМ НАХОДИЛИСЬ РАБОЧИЕ лагеря. Там содержались евреи из окрестных местечек, которым удалось спастись при ликвидации их гетто, или присланные немцами на торфоразработки. Такие лагеря имелись в Бездани, Раше, Бялой-Ваке, Кейне и других пунктах и административно были подчинены вильнюсскому гетто, иначе говоря, Генсу и Деслеру. Фактическая власть принадлежала литовцам, реже там заправляли делами немцы. Работа была каторжная, но бытовые условия до поры до времени были лучше, чем в гетто. Там легче было раздобыть продукты, и евреи выменивали их на свои вещи у окрестных крестьян. Евреям лагерей время от времени позволялось посещать вильнюсское гетто, особенно по воскресеньям, когда они ходили в находившуюся в гетто баню.

В последнее время немцы и там ужесточили режим. Начали часто наведываться в лагеря. Из Бялой-Ваки пришло следующее сообщение: 1 апреля явились два гестаповца, вошли в барак и вызвали двух девушек. Возле ворот девушек застрелили. Люди говорят, что эти девушки были задержаны немцами еще несколько месяцев назад, якобы, за связь с крестьянами.

Из другого лагеря бежали два еврея. На следующий день явились немцы и, убедившись на проверке, что двое отсутствуют, расстреляли на месте 16 человек под предлогом, что они были связаны с партизанами.

На днях немцы издали приказ о том, что все гетто и лагеря, расположенные в 50-километровой полосе вдоль белорусской границы, будут переведены со своего места. В гетто приказ этот объясняли страхом немцев перед растущей мощью белорусского партизанского движения. Приказ вызвал волнение и страх.

В вильнюсском гетто живет много евреев из близлежащих местечек. У этих людей, бежавших к нам при ликвидации тамошних гетто, положение не такое, как у всех: у них особые паспорта.

И вот — приказ о высылке: евреи Свентян, Михайлишек, Ошмян и лагерей обязаны перебраться в каунасское гетто, где "ощущается нехватка рабочей силы".

Ковенскому юденрату приказано отвести место для 5000

евреев из провинциальных городков. На специальных эшелонах вывешены таблички – “Каунас”.

Люди втискиваются в вагоны, втаскивают свой скарб. Тут и мебель, и вещи, и продукты. Каждому выдали особый “шейн” и проездной билет. Машинисты и поездные бригады получили пакет с маршрутом “Свентяны – Вильнюс – Каунас”. В составах почти нет конвойных. Ясный, весенний день. Четвертое апреля. Ехать недалеко, но теснота в вагонах ужасная. Поезд подходит к Вильнюсу и останавливается на станции. Здесь к составу прицепляют новые вагоны. Из вильнюсского гетто уезжают 340 евреев из провинции, также подлежащих высылке. Они нагружены узлами и пакетами. Генс в сопровождении нескольких полицейских ходит по вагонам – факт несколько успокаивающий. Поезд отчаливает и движется в сторону Каунаса.

Назавтра с рассветом на гетто обрушивается страшная новость: 4000 евреев в 84 вагонах отправлены в Понары. Там состав окружили войска. Немцы скомандовали людям выходить из вагонов и погнали их к заранее вырытым рвам. Сотни евреев, взломав запертые и опутанные колючей проволокой вагонные щиты, бросились врассыпную. Немцы открыли беглый огонь. Люди падали, одни уже больше не поднимались, другие продолжали бежать.

Дорога, поля, железнодорожное полотно усеяны телами убитых (позднее было убрано 600 трупов). Два парня из Свентян, выскочив из своих вагонов, кинулись на немцев с пистолетами в руках. Еврей напал на литовца, укусил в горло и ударил ножом. Его подстрелили в ногу, но ему удалось спастись. Женщина котелком раздробила другому литовцу череп.

В семь утра 15 спасшихся из Понар уже находились в гетто. К девяти их было уже более 30, в том числе двухлетний ребенок.

Польская женщина, жившая неподалеку от места расстрела, всю ночь слышала детский плач. Утром она вышла из дому, направилась в сторону голоса и в кучах трупов наткнулась на плачущего ребенка.

На следующий день в гетто вернулись полицейские с Генсом. Немцы им устроили сюрприз: в Понарах вывели из

вагонов, отправили в лес, а оттуда на автомобиле — в гестапо. Там для них был накрыт обильный ужин и приготовлены постели.

Генс был разбит и подавлен после своего возвращения в гетто.

Назавтра, как ни в чем не бывало, в гетто заявился Мурер и отправился обходить мастерские. И, как обычно, спросил у мрачного, подавленного Генса: "Вас гибт'с нойес?" — "Что нового?" А когда Генс ответил, что лучше всего это известно самому Муреру, тот холодно, однако успокоительно осадил: "Вильнюсского гетто это никак не коснется". Затем вошел в школу. Дети, громко разучивавшие стихотворение Бялика, бросились прятаться от него, но сопровождавший Мурера еврейский полицейский приказал им оставаться на местах и продолжать занятия. Мурер вошел в зал и около четверти часа слушал, как дети декламируют, затем спустился во двор и вдруг через окно вскочил в баню, где мылись женщины. Те бросились врассыпную, но он приказал им остановиться и, в упор рассматривая их, изрек: "Еврейские женщины слишком жирные".

Религиозные евреи гетто объявили тот день малым Судным днем. Молельный дом до отказа заполнился евреями, читавшими псалмы. Воздух сотрясаясь от рыданий.

На следующий день из гестапо поступило распоряжение выделить рабочих и землеройный инструмент. Послали 30 полицейских. Немцы привезли их в Понары и приказали собрать трупы, закопать и засыпать рвы. Эта работа продолжалась несколько дней. Впоследствии полицейские рассказывали, что немцы фотографировали, как они снимают одежду со своих расстрелянных соплеменников.

Настроение в гетто — неопишное. Это впервые немцы перестали стесняться Понар и нарочито откровенно продемонстрировали, что там происходит. Все сходятся на том, что ликвидация евреев из провинциальных гетто знаменует начало полного истребления в близком будущем. Что уготовано лагерям, которые пока еще существуют? И какова судьба евреев из Раши и Бялой-Ваки, перемещенных в Вильнюс и теперь проживающих в особых блоках на улице Завальной 4, вне гетто? Что будет с самим гетто?

Вера в Генса и местные власти поколеблена. Все знают, что они — лишь марионетки в руках Вайса и Мурера. Гетто возлагает вину на внутреннюю администрацию, на полицию. Впервые после долгого времени гетто избавляется от иллюзий. Рухнула вера в будущее. Очень многие не выходят на работу, а те, кто ходит, почти не работают. Зачем, когда все напрасно? Все равно пропали — так рассуждают люди в первые дни после “каунасской акции”.

Страх и паника усиливаются при известии о новом германском приказе: все, кто прибыл в гетто после 5 числа (то есть спасшиеся из Понар), обязаны явиться в гестапо.

В гестапо отправляются Генс с Деслером. Рассказывают о слухах, которые ходят по гетто, и просят объяснений. Гестаповцы повторяют старую песню насчет того, что вильнюсскому гетто ничто не угрожает. А если евреи дадут свое согласие, то в гетто переведут жильцов Завальной 4. Обещают, что рабочие из Раши и Бялой-Ваки вернутся на прежние места работы, когда закончится строительство шалашей, обещают, что не тронут лагеря в Кейнай.

Эти посулы несколько успокоили представителей гетто. Истолковали их так, что пока гетто ликвидация не грозит, тем более, что немцы согласились и аннулировать приказ о выдаче гестапо тех, кто пришел в гетто после 5 апреля, а вдобавок, выпускают из тюрьмы еще десять евреев.

В тот же вечер Генс собрал на совещание начальников отделов юденрата, офицеров полиции, а на следующий день — всех “колоннфиреров” — бригадиров. На этом собрании он делает обзор событий. Признает, что немцы его дьявольским образом использовали... Но предостерегает против паники, охватившей гетто, призывая восстановить порядок. Честно говоря, не в его силах сделать так, чтобы акции не повторились, поскольку число безработных в гетто значительно возросло, но навести прежний порядок необходимо. Ничто не угрожает гетто. Надо выиграть время.

Вайсу пришла в голову садистская идея — послать евреям сувениры от их умерщвленных братьев — имущество, которое несчастные брали с собой. Сначала Генс отказывался принять одежду, но затем передумал — жители гетто голодные и оборванные, а тут дают вещи и продукты. Да и как он объяснит Вайсу свой отказ, когда сам недавно ходил к нему с

просьбой о помощи гетто? Да разве не лучше, чтобы вещами пользовались евреи, а не их заклятые враги?

И несколько дней кряду в гетто приходили груженные подводы. Здесь были узлы, находившиеся в полной неприкосновенности с момента, когда их увязали руки владельцев; везли мебель, провиант, кухонную утварь, все, что находилось в вагонах. Жители гетто, глядя на разгрузку телег, проклинают тех, кто принял этот "подарочек". На улицах плачут женщины, но находятся и такие, кто непрочь пожить и ищет случая что-нибудь стянуть.

С телег на склады "зимней помощи" поступили горы вещей: детская одежда, мужская обувь, подсвечники, мешочки с филактериями, кастрюли, перины. Сегодня в гетто хлеба вдоволь, хлеба, который взяли с собой и даже не успели переломить наши погибшие братья и сестры. Теперь на столах громоздятся буханки, и комиссия по вспомоществованию торопится распределить их среди голодных. Много булок со следами крови: их выбрасывают на помойку.

ПОСЛЕ ЭТИХ СОБЫТИЙ, КАК БЫ В ОТВЕТ НА ВСЕ вопросы, мучившие гетто, появился боевой устав ЭФПЕО. Чудом сохранились эти стертые, пожелтевшие страницы; так пусть же они говорят за тех, кто ушел безвозвратно.

БОЕВОЙ УСТАВ ЭФПЕО *

I Общая часть

Боевая операция, которую мы собираемся осуществить, станет пробным камнем моральных и физических качеств членов ЭФПЕО, личной способности каждого бойца выдержать испытание.

Нам придется вступить в бой после тяжелого нервного напряжения, в панической атмосфере, после тяжких поражений, которые, возможно, ЭФПЕО понесет еще накануне боя.

* Составил А. Ковнер. Приводится сокращенный текст устава и комментариев к нему.

В трудных боевых условиях каждый боец ЭФПЕО обязан сохранять трезвость мысли, точно выполнять свою задачу и проявлять бесстрашие.

Каждое подразделение, его командир и бойцы должны готовить себя к предстоящей операции, мысленно осваивая, насколько это возможно, картину будущего боя, чтобы человек не растерялся от неожиданности и самовольно не открыл огонь, когда придет час первого боевого крещения.

Это будет достигнуто тренировкой и непрерывным личным размышлением, чтобы загодя и детально продумать любую возможную ситуацию, с которой, может быть, придется столкнуться в ходе боя.

III Мобилизация

Мобилизация есть предварительное условие боя.

Мобилизация ЭФПЕО состоит:

по приказу командования;
автоматически.

По приказу командования:

Мобилизация будет проведена по паролю.

Пароль — "Лиза зовет!"

Услышав пароль, командир обязан немедленно отмобилизовать свое подразделение и первым прибыть на мобилизационный пункт.

Каждый боец обязан немедленно прибыть на мобилизационный пункт, как только ему передадут пароль (неважно, кто передаст).

Автоматическая мобилизация:

В случае, если штаб, по непредвиденным обстоятельствам, окажется парализованным, организация ЭФПЕО обязана отмобилизоваться автоматически.

В какой ситуации должна быть проведена автоматическая мобилизация? В случае, если гетто внезапно будет поставлено под угрозу, и население ударится в панику и побежит в "малины". Такая ситуация будет оцениваться как чрезвычайное положение.

В таком случае каждый боец ЭФПЕО обязан занять

боевой рубеж, не дожидаясь мобилизационного пароля или приказа штаба.

Бегство в "малину" члена ЭФПЕО будет расцениваться при всех условиях как бегство с поля боя, т. е. как ИЗМЕНА.

IV Самостоятельные действия

Каждое подразделение, командир или боец во время боя могут оказаться отрезанными от центра и не иметь возможности получать указания от штаба.

Поэтому совершенно необходимо, чтобы подразделения, командиры и отдельные бойцы действовали в бою самостоятельно и по личной инициативе.

В случае ареста штаба ЭФПЕО возглавит запасной штаб, который будет работать по заранее разработанным инструкциям.

Запасной штаб будет сформирован заблаговременно.

В бою:

Бой должен вестись любым количеством бойцов, не считаясь с имеющимся количеством боеприпасов.

При отсутствии огнестрельного оружия бой должен вестись холодным оружием.

Сопrotивление должно быть оказано и при отсутствии всякого оружия.

Боец ЭФПЕО в час опасности обязан подавать личный пример, увлекая своим мужеством возможно большее число людей на сопротивление и борьбу.

Автоматическое оружие требует большого расхода боеприпасов, который мы не сумеем пополнить в ходе боя. Поэтому каждый боец должен по возможности беречь патроны, аккуратно целиться и вести огонь только если это оправдано. Стрелять обдуманно и в самый подходящий момент.

Воспрещается тратить даром хотя бы один патрон.

V Вооружение

Вооружение подразделения будет зависеть от его задачи и возможностей ЭФПЕО.

В силу неизбежной необходимости главным источником оружия должны стать трофеи во время боя.

VI Запасной штаб

Если штаб при непредвиденных обстоятельствах будет арестован, руководство организацией и ее текущей работой возьмет на себя запасной штаб.

Если штаб окажется выданным гестапо и все попытки его спасения потерпят неудачу, необходимо тотчас начинать борьбу и самостоятельно повести ЭФПЕО в бой.

Комментарии к уставу

Во время изучения устава в некоторых подразделениях были подняты вопросы, имеющие принципиальное значение. Иные из них продиктованы сомнениями и вытекают из слабости и отсутствия готовности принять боевую действительность, как она есть. Поэтому штаб считает своей обязанностью, независимо от того, в каких именно подразделениях столкнулись с указанными проблемами, дать исчерпывающий ответ на следующие вопросы:

Как поступит организация в случае частичной ликвидации гетто?

Как действовать бойцу, если в бою он останется один, без всяких шансов и возможности продолжать борьбу с превосходящими силами врага?

Не следует ли немедленно уходить в лес?

В чем состоит задача боя (окончательная цель)?

Можно ли прятаться в "малине"?

Ответ

Как поступит организация в случае частичной ликвидации гетто?

Организация ЭФПЕО вступит в бой в случае угрозы существованию гетто.

Возможно, в гетто будут проводиться частичные акции, носящие "местный" характер, которые будут стоить жизни единицам, десяткам или сотням.

Наша позиция состоит в том, что жизнь КАЖДОГО еврея заслуживает защиты и не может быть отдана без сопротивления в руки палачей.

Однако ЭФПЕО, не будучи крупной военной силой, способной начать открытую вооруженную борьбу с врагом, НЕ НАЧНЕТ ТАКОВОЙ В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ ОТДЕЛЬНОГО ЕВРЕЯ.

ЭФПЕО – ядро сил сопротивления уцелевшего еврейского населения и не в одном только Вильнюсе – ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ может привести к досрочному собственному уничтожению, оставив тем самым гетто без вооруженной обороны и единственной босспособной силы, каковой является ЭФПЕО.

В таком случае еврейские массы осудили бы нас как провокаторов, и мы развязали бы братоубийственную войну.

Но если преждевременное выступление – легкомыслие, запоздалое выступление также ПРЕСТУПНО.

ЭФПЕО выступит в момент акции, которая по прогнозу будет рассматриваться как начало конца.

Срок выступления установит штаб, взвесив ситуацию в соответствии с имеющимися у него сведениями.

Нехватка боеприпасов оправдывает факт, что ЭФПЕО не может действовать в любое время. Такое положение не может, однако, служить оправданием отказу от боя в момент, когда под угрозой окажется само существование гетто. В такой момент наш долг бороться любым оружием, каким только мы располагаем, и даже безоружными – голыми руками.

Как действовать бойцу, если в бою он останется один, без всяких шансов и возможности продолжать борьбу с превосходящими силами врага?

Попав в такое положение в результате боя, изолированный боец может и обязан отступить.

Если к тому времени еще будут группы, оказывающие сопротивление, боец любой ценой должен прорваться на их боевые позиции и присоединиться к ним.

Если таких групп уже не будет, бойцу следует всеми силами защищать свою жизнь.

Невзирая на готовность пасть в бою, ЭФПЕО не ставит целью гибель в бою на последнем оборонительном рубеже гетто.

ЦЕЛЬ ЭФПЕО – СОПРОТИВЛЕНИЕ, БОРЬБА И СПАСЕНИЕ.

Отсюда не вытекает, что, увидев, как неравны силы и как недостаточно его оружие, человек заранее откажется от боя.

Уклонение от борьбы в боевой ситуации по любым причинам (недостаточное вооружение, отсутствие шансов на успех и тому подобное) подобно измене.

Не следует ли немедленно уходить в лес?

Нет. Желание безотлагательно уйти в лес доказывает непонимание идей ЭФПЕО.

Идея организации еврейских партизан – общественно-национальная: организовать сопротивление евреев и постоять за нашу жизнь и честь.

Уход в этой ситуации в лес истолковывается как попытка **ЛИЧНОГО СПАСЕНИЯ**, точно так же, как отсидка в "малине" означает попытку индивидуального спасения.

Мы уйдем в лес **ТОЛЬКО В РЕЗУЛЬТАТЕ БОЯ**. После того, как мы выполним свою задачу, мы возьмем с собой как можно больше евреев и прорвемся в лес, в место, откуда продолжим борьбу с палачами и оккупантами как неотъемлемая часть общепартизанского движения.

Только в итоге боя и благодаря сопротивлению мы можем спасти вместе с нами еврейские массы.

Можно ли прятаться в "малине"?

Нет! Ответ на этот вопрос уже дан со всей суровостью в самом уставе. Бегство в "малину" при любых обстоятельствах – **ИЗМЕНА**.

Члены командования:

ЛЕОН (Ицик Виттенберг) – командир

МОШЕ (Авраам Хвойник)
ХАИМ (Нисан Резник)
УРИ (Аба Ковнер)
АВРААМ (Иосеф Глазман)

4 апреля 1943 года, Вильнюсское гетто.

На тайных собраниях в подполье мы прилежно изучали устав ЭФПЕО, пока не заучили все его пункты наизусть. Мы прониклись духом устава — духом готовности к смертельному бою.

Сила организации росла, ряды сплывались. Люди закалялись в повседневной борьбе. И хотя трудные были времена, и мы освоились с мыслью, что будет еще труднее, ничто не могло заглушить могучей песни, рвавшейся из самого сердца. В те дни эхом прокатывался по улицам гетто наш гимн, замечательная песня мужества и надежды:

Не говори: вот это мой последний путь...

Эта песня, написанная виленским молодым поэтом Гиршем Гликом, бойцом ЭФПЕО, — почти единственное, что уцелело от его плодотворной литературной работы в гетто. Она стала нашим гимном, песнью надежд и сомнений, песнью жизни и смерти.

Один из членов нашего штаба как-то заметил, что даже если от нас ничего не уцелеет, кроме этой песни (а такова уж судьба подобных песен — они не гибнут), мы останемся жить в ней свидетельством и заветом.

В ГЕТТО НАЧАЛИ ПРОСАЧИВАТЬСЯ НЕЯСНЫЕ СЛУХИ, возникли неизвестно на чем основанные гипотезы, за которыми прятались удивление и надежда: в Варшаве — восстание! На самом же деле, никто в точности ничего не знал. Люди, погруженные в обычные заботы, не обращали внимания на шепот.

О судьбе гетто в генерал-губернаторстве нам было известно очень немногое. Недавно до нас дошли известия, что волна поголовного истребления катится по местам, где еще сохранились евреи. Но о Варшаве мы не знали ничего и потому

беспокоились за это гетто и за десятки тысяч заключенных в нем евреев. Были среди нас люди, считавшие, что немцы пощадят варшавское гетто, убоявшись мирового общественного мнения, и не посмеют провести там свой план уничтожения. Но все это были лишь догадки. Что там происходит в действительности, никто не знал. И вот внезапно пришли новости, вызвавшие ужас и гордость одновременно: польский железнодорожник, ездивший в Варшаву и вернувшийся в Вильнюс, рассказал, что евреи в Варшаве дерутся. Его приятель утверждал, что в Варшаве ежедневно гибнут сотни евреев и немцев. Немцы в боях с евреями применяют самолеты и танки.

Так продолжалось более десяти дней. Затем все стихло, и уже казалось, что все услышанное — плод бурной фантазии, но после нескольких дней затишья известия хлынули с новой силой. Друзья-поляки, вернувшиеся из окрестностей Варшавы, передают, что в варшавском гетто сражаются с немцами. Всех нас охватило неопишимо лихорадочное напряжение.

И внезапно в один из вечеров прорвался смертельный вопль подпольной радиостанции "Свит":

"Слушайте, слушайте! перед лицом всего света мы объявляем: варшавское гетто гибнет в бою! Вот уже две недели в нем идут сражения между неравными силами. Две недели гетто агонизирует в огне и крови. Тысячи евреев героически дерутся с германскими палачами. На улицах Варшавы воюют стар и млад. Немцы применяют танки и тяжелую артиллерию. Позиции защитников рушатся одна за другой. Гетто бомбардируют самолеты. Каждая улица, каждый дом и каждый порог превращены в крепость, стали очагами сопротивления. Честь и слава героическим борцам! Честь и слава гибнущим в бою! Из последних сил они взывают ко всему свету: спешите на помощь! Шлите оружие!

Слушайте! Слушайте! Варшавское гетто гибнет! Варшавское гетто погибает в бою!"

В тот вечер все члены "Хашомер хацаир" построились на линейку. Не все еще слышали о восстании. В напряженной тишине прозвучало: "Варшавское гетто гибнет в бою!" — и

больше не было сказано ни слова. Было зачитано только само заявление — никаких речей и выступлений, лишь гнетущая тишина, которую никто не осмеливался нарушить. Нас тогда было много, но, мне кажется, каждый, как и я, чувствовал свое сиротливое одиночество, свою заброшенность наедине с тоскливыми мыслями. О них — наших ребятах, наших друзьях. Сердце с поразительной уверенностью подсказывало; это они — Мордехай, Тося, Арье — подняли на борьбу униженных, замученных, обреченных. Они словно вдруг выросли, наши ребята, излучая свет силы и героизма.

— Такая радость, — донесся из угла девичий шепот, — а ведь уже не верилось, что доживу до такой минуты, когда смогу с гордостью думать о своем народе и радоваться тому, что я еврейка.

Дело, поначалу бывшее лишь мечтой, возникшей в мозгу у горсточки "безумцев", превратилось в грозную действительность. Мы дожили до осуществления дерзкой идеи, родившейся в далеком от Варшавы вильнюсском гетто. Варшава, где все начиналось с некоторым запозданием, первой воплотила ее в дело, в факт, имеющий для нашего народа историческое, непреходящее значение.

Мы хорошо понимали, что это битва не за победу и не за жизнь. Мы чувствовали ее дыхание и знали, что это — последний бой в защиту нашей национальной чести и достоинства, знали, что в свои последние минуты борцы черпали силы в могучем чувстве свершившегося возмездия и вере, что из их гибели расцветет однажды новая, свободная жизнь. Что их смерть не напрасна.

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ВАРШАВЫ ПОНАЧАЛУ НЕ ВЫЗВАЛИ В нашем гетто должной реакции. Власти делали все, чтобы затушевать впечатление от варшавских событий, приуменьшить их значение (истинные масштабы восстания тогда еще никому не были известны), и заверяли, что все это не касается Вильнюса, расположенного в Литве.

Однако мало-помалу, ввиду ухудшившегося положения в округе и благодаря нашей последовательной и неустанной агитации, образ мыслей людей начал меняться. Теперь все

чаще, прямо на улицах, можно было услышать: "Придут — не дамся в руки просто так. Раз все равно умирать, пусть на тот свет вместе с нами отправятся и несколько "филистимлян"... И много евреев, но особенно неорганизованная молодежь из провинциальных городков, поговаривают о бегстве в лес, к партизанам, об открытой схватке с врагом.

А на склады ЭФПЕО поступили первые винтовки. Их купили у крестьян, но как пронести это неразбирающееся на мелкие части оружие через ворота?

Командир роты Шмулик Каплинский разработал другой план: использовать канализационные ходы.

В течение нескольких суток по ночам исчезали четыре товарища: Шмулик Каплинский, Матисс (Матитьяху) Левин, Хаим Спокойный и Аба. Возвращались они под утро, мертвые от усталости, перемазанные, со стертymi коленями. От них несло вонью. Но теперь они наизусть знали все подземные ходы и выходы, и Шмулик с Матиссом, работавшие в городской управе на канализационных работах, досконально изучили подземный лабиринт.

Шмулик ходит молчаливый, время от времени поглаживая в задумчивости свои светлые "арийские" усы — он не перестает в уме совершенствовать свои планы.

Как-то утром на улице Стефаньской, напротив ворот гетто и поблизости от немецкого поста, остановилось движение. Красный сигнал — чинят канализацию. Закрыт проезд для немецких машин, остановились прохожие. Немец шофер ругается — приходится поворачивать назад. В домах на Стефаньской перестала течь из кранов вода.

А тем временем два работника городской управы энергично вкалывают. Один снимает крышку канализационного люка, другой подает напарнику две большие трубы, и тот их быстро спускает под землю. Оба в грязных комбинезонах из мешковины; помалкивают и не выделяются ничем таким, что могло бы остановить внимание: рабочие-поляки из городской управы.

И только наш связной, находившийся в это время на улице, различал крепкую, рослую фигуру Шмулика и его светлые усы и фигуру его приятеля, тоже крепкого парня, хотя ростом пониже.

Со склада городской управы они выкрали сигнальные знаки и необходимый инструмент, а ружья засунули в трубы. Ночью они спустились в подземный лабиринт через люк на территории гетто. В потемках, утопая в вонючих нечистотах, согнувшись в три погибели, а то и на четвереньках, они медленно и осторожно двигались вперед.

Рудницкую в гетто от Стефаньской по другую сторону ворот отделяют всего несколько шагов — но это там, на поверхности, а если двигаться подземными переходами, приходится ползти часами.

Уже рассвело, когда из люка вылезли оба парня. Свет нарождающегося дня больно резанул их по привыкшим к темноте глазам и ярко высветил сталь винтовочных стволов.

Не все оружие, попадавшее в гетто, оказывалось годным к употреблению. В большинстве случаев его проносили в разобранном виде, и не раз оказывалось, что не хватает то пистолетного бойка, то детали пулемета. На складах ЭФПЕО было много такого оружия. Были там и десятки немецких ручных гранат без запалов. Порой оружие портилось из-за постоянного употребления на занятиях, непрерывной сборки и разборки. Что-то надо было придумывать.

Барух Гольдштейн, работавший на германских оружейных складах, набил руку на ремонте оружия и изготовлении запасных частей. Немцам это обошлось в изрядное количество стволов, так как Барух сначала портил оружие, а потом учился его чинить. Через некоторое время парень стал классным мастером оружейных дел.

Это он организовал подпольные мастерские в гетто. В слесарной при юденрате работали Янек Штул и Хаим Спокойный. По ночам ребята проникали в мастерскую и делали свое опасное дело. Отсюда, с улицы Рудницкой 6 Штул принес первый пистолетный боек, сработанный его собственными руками после многих проб и усилий. В другой мастерской, более надежной, Барух Гольдштейн и Шмулик Каплинский потели над изготовлением запалов для гранат. Работа не давалась, каждый день ставились новые опыты, но гранаты не взрывались. Но однажды, когда Шмулик с Абой спустились для очередной пробы в глубокие подвалы на Страшуни 6 и Шмулик метнул очередную гранату, грохнул взрыв, донесшийся даже до поверхности. Попытка оказалась удачной!

Приятели, не поверив своему счастью, метнули вторую гранату. Взрыв!..

Так склады ЭФПЕО пополнились десятками годных гранат, но штабу было ясно, что, невзирая на все усилия и успехи, нет никакой возможности вооружить всех членов ЭФПЕО, не говоря уже о неорганизованной массе. Поэтому был издан приказ о заготовке "холодного оружия". Каждый член ЭФПЕО заготовил наточенный топор.

В мастерских нарезали стальные прутья, делали кастеты, точили топоры. Но особенно мы старались над изготовлением бутылок с зажигательной смесью, прозванных нами "фонари". В тот период нескольким нашим товарищам удалось раздобыть в городе много серной кислоты. Тотчас же стали собирать выгоревшие электролампы. Жилье на улице Ошмянской 6 превратилось в лабораторию. Изя Мацкевич, Шломо Канторович, а со временем и Витка со своим отделением заняли квартиру и приступили к массовому производству.

Лампочка, заполненная кислотой, запаивалась. Две свинцовые дробинки, подвешенные на тонкой нити, разбивали стеклянную колбу во время броска, и кислота выливалась наружу. Со временем это оружие сослужило нам хорошую службу.

Однако по-прежнему основным источником вооружения были немцы. "Специализировался" на этом и Зямка Тиктин — 17-летний парнишка, один уцелевший из всей своей семьи. Однажды в Бурбишки пришли вагоны с боеприпасами и запалами для гранат, и у Зямки немедленно зачесались руки. Ни с кем не посоветовавшись, на свой страх и риск, он решил забраться в запломбированные вагоны. Убедившись, что никто за ним не следит, он сорвал пломбу, влез внутрь, обвязался патронными лентами, набил запалами карманы и соскочил на землю. Тут его заметил пиротехник Миколаускас и выстрелил. Парнишку скрутили. На него бросились одиннадцать вооруженных немцев. Они орали:

— Для кого воровал оружие?!

— Для вас, — сказал Зямка. — Отплатить вам за кровь моих отца и матери!

Немцы бросили его в застенок и по телефону вызвали начальника. Еврейских рабочих собрали на плацу. Затем произошло следующее: дверь карцера, взломанная изнутри,

распахнулась и бледный Зямка рванулся вон, мчась прямо на немцев. Те опешили. Беглец пробежал мимо и устремился к железнодорожной насыпи. Если б он успел ее проскочить!.. Пули свалили паренька.

Когда к нему подбежали, он был еще жив, несмотря на семь ран в ноги, спину, живот. Осыпая руганью, немцы снова попытались добиться от него ответа:

– Для кого воровал боеприпасы?

И Зямка, истекавший кровью, ответил:

– Убийцы! Близок ваш час! Будет вам полный расчет за пролитую кровь!..

– “Их хоб зей ин дер адоме, хавейрим, нешт некое!” – сказал Зямка еврейским рабочим, укладывавшим его на носилки. – “В гробу я их видал, отомстите им, товарищи”...

Гестапо приказало доставить Зямку в госпиталь и лечить, не жалея усилий. Совершенно необходимо выведать у этого проклятого еврея его секрет, выяснить, для кого он стащил патроны и запалы. Но из стиснутого окровавленного рта Зямки не выколотить ни звука. Он рвет на себе бинты, он хочет умереть – он знает, что его ждет.

В день смерти Зямки – 30 апреля 1943 года состоялись траурные смотры организации. Командование издало приказ сплотить ряды и усилить старания добыть оружие, невзирая ни на что, а 16 отделению, в котором состоял Зямка, было присвоено его имя: “Звено Зямки”.

СЦЕНА НА УЛИЦЕ РУДНИЦКОЙ – ОСВОБОЖДЕНИЕ
скованного Глазмана из рук полицейских – потрясла гетто.

В тот день вышли на улицы не только единомышленники Глазмана. Вооруженные топорами члены “Хашомер хацаир” дрались бок о бок с коммунистами, бундовцами и членами “Ханоар хациони” – и все за Глазмана, за ревизиониста. Тот, кто видел это, не мог не понять, что существует организованное подполье с центром, которому удалось сплотить различные отряды молодежи.

Но товарищи Глазмана были другого мнения. Эстер Яффе, близкая подруга Иосефа Глазмана, узнала от него многие

секреты штаба, организации и подпольных действий. Со временем, когда интимные отношения обоих бесповоротно испортились, эта женщина, склонная к интригам и страдающая честолюбием, собрала недовольных из числа членов ревизионистской партии, составивших по ее инициативе новую подпольную организацию.

Группа членов "Бейтара" и ревизионистов, многие из которых служили рядовыми и офицерами в полиции, были крайне недовольны Иосефом Глазманом за его согласие работать вместе с коммунистами и членами "Хашомер ха-цаир". Теперь в лице Эстер Яффе — центральной фигуры в их движении — они нашли человека, взявшего на себя инициативу по отделению от общего движения и созданию группировки, целью которой было в урочный час уйти в лес. Стремление отомстить Глазману и подорвать ЭФПЕО привело Эстер Яффе и ее группу к тому, что они, не колеблясь, просили у начальника гетто Генса защиты и покровительства в обмен на позорные услуги доносчиков. Генс с удовольствием согласился, рассматривая новую группировку как орудие против подполья. Эти люди сообщили Генсу немало секретов, в том числе указали местонахождение одного из тайных складов оружия, что привело к столкновению между ЭФПЕО и полицией.

За эти предательские действия штаб ЭФПЕО по требованию самого Иосефа Глазмана вынес Эстер Яффе смертный приговор. Однако его исполнение отложили, учитывая возможную реакцию общественности. Позднее следы Яффе затерялись, и судьба ее неизвестна.

Поначалу ЭФПЕО не принимало всерьез новую "организацию" и не выступало против нее, пока, к своему удивлению, не узнало, что к этой группе примкнули и порядочные люди, в том числе некоторые члены "Дрор Хехалуц" и "Поалей Цион".

Лишь считанные члены "Дрор Хехалуц" остались в Вильнюсе, после того как большинство участников движения во главе с Мордехаем Тенненбаумом (Тамаровым) перешло в Белосток. Центральной фигурой среди оставшихся был Иехиль (Илья) Шенбойм, состоявший в "Дрор Хехалуц" еще задолго до войны. Илья рассматривал уход в лес как единственный способ спасения и борьбы. Со своими людьми он примкнул к группировке Эстер Яффе и полицейского

офицера Натана Ринга и был поставлен во главе новой организации, со временем получившей название "Боевой отряд Иехиэля" (по имени Ильи).

В результате переговоров между представителями ЭФПЕО и Иехиэлем Шенбоймом, он склонен был к объединению, несмотря на то, что принципиально отрицал идею восстания в гетто, то есть главный тезис ЭФПЕО. Однако основные трудности возникли при обсуждении чисто практических вопросов: Илья требовал принять его группу целиком в качестве самостоятельного подразделения, а члены штаба ЭФПЕО настаивали на личной проверке каждого. Именно Глазман, который лучше других членов штаба знал своих товарищей по партии, входивших в "Отряд Иехиэля", и был хорошо осведомлен о том, как некоторые из них вели себя в роли полицейских, стал главным противником приема отряда целиком, без предварительного отбора. Хотя это была очень серьезная проблема, причем не менее сложными представлялись и другие вопросы (такие, как раздельная закупка оружия, право на самостоятельный прием новых членов и т. д.), штаб ЭФПЕО последовательно стремился к их разрешению, чтобы создать в подполье гетто единую организованную систему.

И действительно, на более позднем этапе это удалось. Группа Иехиэля примкнула к ЭФПЕО в качестве отдельного отряда, после того как приняла требование освободиться от запятнавших себя людей. Группу возглавляли Илья, д-р Лео Бернштейн и Ханан Магид. Иехиэль Шенбойм был назначен представителем отряда в штабе объединенной организации.

И снова весна. Май 1943 года. Пробуждаются новые надежды и стремления. Со всех фронтов поступают известия о поражениях врага. В тылу разворачивается и крепнет партизанское движение. В Вильнюсе стало известно о существовании бригады белорусских партизан возле Нарочи. Объединенное командование, возглавляемое Витасом, находит контакт с командиром упомянутой бригады Марковым. (Со временем установилась связь с литовской бригадой под командованием Юргиса). Так Маркову стало известно о наличии в гетто сил сопротивления. Непрочные поначалу связи укрепились.

А вокруг — беснуется все усиливающийся немецкий террор. Приходят вести об окончательных ликвидациих гетто,

массовых убийствах. В гетто перешептываются о мыле, которое немцы производят из трупов убитых евреев, проникают первые сведения о лагерях смерти.

А в вильнюсском гетто кажется, что его существование незыблемо. Те, кто полтора года назад был уверен, что обречен на истребление, полагают теперь, что Вильно уцелеет и немцы не уничтожат гетто. Но внутри самого гетто режим ожесточается со дня на день. Немцы распределяют жестяные номерные знаки и желтые удостоверения, которые называются "персонал-аусвейзен" – удостоверения личности. Только зарегистрированные жители гетто, имеющие на руках "шейн", получают удостоверение и нашейный знак. Проверка проводится теперь не только на воротах. Сформированы особые литовские отряды, которые внезапно окружают колонны возвращающихся с работы евреев и обыскивают их. Обнаруженные продукты летят на мостовую или рассыпаются литовцами по карманам. Виновных жестоко избивают.

На воротах теперь проверяют наличие нашейного знака. Этим занимается гестапо. У всех на шеях болгаются пластинки.

Все более отвратительно ведут себя и еврейские власти гетто. Хуже всего, что свои действия они стремятся оправдать мнимой заботой о евреях и существовании гетто.

Еврейские полицейские на воротах беспощадно избивают задержанных с продуктами. Своего начальника Леву евреи боятся не меньше, чем кого-нибудь из гестаповцев. Процветает бюрократия, складывается особая каста старших чиновников, сосредоточивших в своих руках административные и экономические полномочия в гетто. В большинстве это люди безыдейные, не имеющие никакого контакта с массами. Они бегло разговаривают по-немецки и по-литовски (в основном – это беженцы из Литвы и Клайпеды, то есть Мемеля), по-видимому, были чиновниками и в прошлом. Теперь они – пламенные поклонники Генса, который поддерживает их пыл продовольственными пакетами.

В такой атмосфере загнивания и террора пышно расцветают слезка, доносы. Для этой цели у Деслера имеются десятки прислуживающих ему темных личностей.

Существование организованного подполья теперь перестало быть для гетто секретом. Со дня освобождения Глазмана

власти знают, что речь идет о силе, которой не следует пренебрегать. Генсу и Деслеру известно имя командира организации, и они несколько раз приглашают штаб на встречу.

В таких случаях Деслер и Генс говорят о коллективной ответственности и об опасностях для гетто, если существование подполья станет известным немцам. "Встречи" эти отличаются дипломатическим искусством. Виттенберг, известный начальству гетто как вожак коммунистов, с которым они более всего считаются (пытаясь обеспечить себе "загробную жизнь", то есть жизнь при советской власти), отличный и опытный дипломат. После таких встреч другая сторона не становится более осведомленной, но одно понимает твердо: существует крупная организованная сила, которая в случае ликвидации окажет немцам серьезное сопротивление. Сознание этого, впридачу к сведениям, полученным от Эстер Яффе, наводит на власти страх. Они прекрасно понимают, что выступление подполья в момент акции навлечет опасность в первую очередь на их собственные головы. Пока они не объявляют ЭФПЕО открытой войны. Время от времени продолжают "встречи", во время которых Генс декларирует, что в случае окончательного уничтожения гетто (во что он не верит) он первый призовет к борьбе и сопротивлению и даже возглавит ряды борцов. Но пока нельзя действовать в этом направлении, и хранение оружия в гетто может навлечь на всех катастрофу.

Тем временем вокруг ЭФПЕО плетется плотная сеть слежки. Со всех сторон за каждым нашим движением подсматривают шныряющие глаза. Штаб, учтя это, приказал усилить конспирацию. Занятия проводились теперь только по ночам и под прикрытием караулов. В оружейные склады мы спускаемся на рассвете и выходим оттуда в поздние часы. Охрана складов превратилась сейчас в труднейшую задачу, и те, кто отвечает за склады, стали запирать оружие поглубже и всячески маскировать свои тайники.

В гетто настало время великих обысков. Их проводили под разными предлогами. Искали, якобы, припрятанное золото и продовольствие, но мы-то знали, в чем дело. Обыски шли круглые сутки. Окружали внезапно дома, задерживали людей, останавливали уличное движение. Однажды окружили

наш "штутф". Обыск. Полицейские ринулись вперед, уверенные в обильных трофеях. Взламывают доски пола, крушат стены. И, к своему великому удивлению, ничего не находят. Во время одного из таких обысков полицейские добрались до двора, где была спрятана часть нашего оружия. Тут был угольный и дровяной склад. Глубоко в земле, в углу, заваленном углем, лежали ружья и пулеметы. Обыскав соседнюю пекарню, полицейские направились сюда и начали копать землю. Эта новость немедленно распространилась по гетто. Штаб распорядился вызвать по тревоге несколько отделений. В складе продолжают копать. Работают методично, время от времени меняются, не желая слишком утруждать себя. Начали возле двери и продвигаются вглубь. Минуты тянутся, как вечность. Уже невелико расстояние до кучи угля в углу. А может, им все-таки осточертеет, и они уберутся? Необходимо выждать до последнего момента, чтобы не разоблачить себя раньше времени каким-нибудь опрометчивым поступком. Вот они уже выдохлись немного. Продолжают копать наобум, но тем не менее роют, роют, методично, словно бы нам назло.

Внезапно во дворе появилась группа трубочистов. Все черные, перемазанные. Лишь зоркий глаз мог бы распознать в двух из них бойцов ЭФПЕО. Трубочисты подняли во дворе шум; некоторые старые приятели полицейских проходятся на их счет, мол, роются здесь без толку, а они, трубочисты, набрали в одном из дымоходов на лаз, который, по-видимому, ведет в "малину" с оружием. Так удалось отвлечь полицейских и увести к "подозрительному" дымоходу. Воткнув свои лопаты в кучу угля рядом с тайником, они ушли.

Но власти не дремали: поступил приказ отправить несколько десятков евреев в литовский городок Паневежис, который был уже "юденрейн" — "очищен" от евреев.

Распоряжение о немедленном отъезде получил и Аба. Это был рассчитанный удар, и Аба переходит в гетто на подпольное положение. Его ищут. Арест Абы — дело личной амбиции Деслера. Поднята на ноги вся полиция, вся свора шпиков. Розыски идут уже пять дней, но безрезультатно. Делегация ЭФПЕО во главе с Виттенбергом обратилась к властям гетто с заявлением, что полиции не найти Абу, и он не будет выдан ни за какую цену. Взбешенному Деслеру приходится идти на

попятный. Но мы понимаем, что они не отступятся. На этот раз вышло, но сидеть сложа руки они не будут.

В Вильнюс прибыл Китель — и. о. гебитскомиссара по еврейским делам. Говорят, что он замещает Мурера, уехавшего в отпуск. Гетто опасается Кителя. К Муреру как-то уже "приноровились", Деслер знал, чем его купить. Китель же был известен как палач евреев Риги, Таллина, Лодзи.

Он приехал в Вильнюс, посетил гетто, выразил свое удивление тем, что сделано здесь евреями. Особое впечатление произвели на него театр и симфонический оркестр. Настроение в гетто чуточку исправилось: человек, интересующийся музыкой и любящий искусство, — это давало надежду.

Китель и в самом деле был артист. Певец. И был молод. Самый молодой среди своих коллег. И всегда был элегантен и никогда не повышал голоса. Но прошло немного времени, и мы познакомились с особенностями его художественного вкуса.

Лагерь еврейских рабочих в Бездани был одним из самых организованных. В нем работали сильные, молодые мужчины. Большинство из них было организовано в сплоченную группу, которая решила в случае внезапной акции оказать сопротивление и уйти в лес к партизанам. На последние гроши и проданную с себя одежду они раздобыли оружие. Склады были хорошо замаскированы, оружие спрятано глубоко в земле.

Фельдман, представитель этой боевой организации, был в контакте с штабом ЭФПЕО, но ему не подчинялся. Жизнь в Бездани текла заведенным порядком. Люди проводили весь день в изнурительном труде на торфоразработках, спали в складах, плохо питались, однако свыклись и даже болели нечасто. Посещавшие лагерь немцы выражали свое удовлетворение, наезжали туда и немецкие комиссии, изучавшие результаты труда евреев. Появлялись и гестаповцы, в том числе Вайс. Теперь лагерь посетил Китель и остался доволен. Он пообещал приехать снова.

Группа делала последние приготовления перед уходом в лес. Для каждого надо было раздобыть оружие, потому что только на этом условии их приняли бы в партизанские отряды.

Через несколько дней после первого визита Китель появился снова. Как обычно, его сопровождало несколько гестаповцев. Он тотчас приказал отозвать евреев с их рабочих мест и собрать в большом складе. Проверил число присутствующих. Произнес перед ними речь, выразив удовлетворение работой этого лагеря. "Мы умеем это ценить. Присутствующие здесь евреи получают "шейны" и продукты". Он привез с собой хлеб и бочку повидла, которые будут распределены среди рабочих. Китель закончил свое выступление, еще раз поблагодарив за хорошую работу и порядок. Приказал немедленно раздать повидло и вышел из склада.

В тот же момент по складу был открыт сильный винтовочный огонь. Внутрь полетели гранаты. Соломенная кровля загорелась. Одни были убиты на месте, другие, срывая с себя горящую одежду, вырвались наружу, но их встречали выстрелы немцев и литовцев, обложивших склад со всех сторон. Лишь немногим удалось спастись. Большинство погибло от пуль или в огне.

Так действовали немцы. Они никогда не повторялись и всегда приготавливали какую-нибудь новинку. То, что в одном гетто означало жизнь, в другом предвещало смерть. Евреи Бездани в своей готовности к катастрофе ожидали признаков, предшествовавших ей в других лагерях, чтобы выступить с оружием в руках. Но никто из них не мог себе представить, чтобы "обычное" посещение нескольких немцев (ведь Китель появился в сопровождении всего двух гестаповцев и шофера), заурядный сбор рабочих и большие порции повидла означали гибель.

ОТНОШЕНИЯ С БЕЛОРУССКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДОЙ Маркова упрочились. Весной 1943 года командование ЭФПЕО получило от Маркова письмо с призывом к молодежи уходить из гетто и присоединяться к его бригаде, но в письме говорилось, что приходиться должны только мужчины и только с оружием.

Письмо Маркова вынуждало сделать решающий выбор.

Проблема, правда, была не новой. Она возникла перед ЭФПЕО задолго до этого. Устав ЭФПЕО недвусмысленно отвергал идею немедленного ухода в лес: "Идея организации еврейских партизан, — говорилось в нем, — общественно-национальная. Необходимо организовать сопротивление евреев и постоять за нашу жизнь и честь. Уход в такой момент в лес истолковывается как попытка личного спасения. Мы уйдем только после того, как выполним свою задачу в гетто, возьмем с собой как можно больше евреев и пробьемся в лес, где продолжим борьбу с палачами и оккупантами как часть общепартизанского движения".

Однако несмотря на недвусмысленность текста устава сейчас, когда перед организацией встала реальная возможность ухода в лес, у многих начали пробуждаться скрытые надежды на возможность немедленной борьбы за жизнь, наряду с колебаниями и сомнениями в правильности прежнего пути.

Наличие реальных шансов вырваться из гетто и появившиеся разногласия требовали нового обсуждения, пересмотра и окончательного решения проблемы. Штаб вышел из этого испытания сплоченным, заново подчеркнув в своем анализе нового положения специфику борьбы евреев в партизанском движении. Назначение ЭФПЕО — борьба в гетто за спасение достоинства, а может быть, и самой жизни еврейских масс. Назначение общего партизанского движения — борьба за освобождение страны с задачей помочь регулярным войскам одержать победу над врагом. Общепартизанское движение выросло на земле своей родины, пользуется поддержкой и симпатиями населения и является носителем идеи свободы своего народа, чье физическое существование не ставится под сомнение. И если у членов ЭФПЕО действительно имеется возможность примкнуть к этому великому движению, то для десятков тысяч евреев этого пути не существует. Марков зовет лишь вооруженную молодежь, однако в гетто нет достаточного количества оружия для всех молодых людей, его не хватает даже для членов ЭФПЕО. Кроме того, что делать пожилым мужчинам и женщинам, которые составляют подавляющее большинство населения гетто и которых никто не приглашает в лес?

Цель ЭФПЕО — отнюдь не оборона гетто, и его надежда —

отнюдь не победа. Тем не менее на нем лежит долг выстоять в борьбе, на которую его обрекла судьба евреев. Отступить с этого рубежа на новые позиции — только в результате боя.

Эта точка зрения разделялась далеко не всеми членами организации, со временем расширившейся и насчитывавшей в своих рядах много молодых людей, не принадлежащих к какому-нибудь идейному движению и истолковывающих принципы ЭФПЕО более примитивно. Но не следует игнорировать и тот факт, что позиция ЭФПЕО по данному вопросу была единственной в своем роде и не характерной для других мест. На встрече между представителями организованной молодежи из Свентян и членами командования ЭФПЕО эта разница выявилась весьма заметно. Они желали присоединиться к ЭФПЕО, чтобы совместно организовать уход в лес. Представитель ЭФПЕО потребовал, чтобы в таком случае они пришли в гетто и вступили в ряды организации. Между двумя этими позициями компромисса не нашлось, и молодежь Свентян ушла в леса. Уход к партизанам был возможен из гетто, расположенных поблизости от лесов, и в этих местах часть еврейской молодежи действительно нашла дорогу к партизанам, уходя с чистым сердцем и без сомнений в своей правоте. Кроме того, это не требовало ни сложной подготовки, ни проводников — только оружия. У кого оружие было, тот уходил: порой по собственной инициативе, иногда организовано, а иногда и в результате бегства во время акции. Но в тех гетто, где их географическое положение таких возможностей не давало, подпольное движение либо вообще не возникло, либо мысль о партизанской борьбе в лесах была настолько нереальна, что совершенно не занимала местную боевую организацию, даже если и предпринимались отдельные попытки в этом направлении.

Другое дело — Вильнюс. Объективно говоря, в тот период здесь имелись все условия для ухода в лес: оружие, организация, связь с партизанской базой, обещание обеспечить проводников, личный состав, обладавший боевым опытом и прошедший военную подготовку. Боевая организация отвергла эту возможность совершенно сознательно, избрав неизмеримо более трудный и более опасный путь, и тем самым поставив

лично каждого участника движения перед тяжким духовным испытанием, а всю организацию — перед судом совести и судьбы.

В описываемое время укрепились связи между ЭФПЕО и объединенным партизанским командованием на территории Литвы во главе с Витасом, игравшие серьезную роль в расчетах и планах организации.

Поступавшие из разных источников сведения указывали на то, что дни гетто сочтены. Представители ЭФПЕО потребовали, чтобы Витас подготовил специальные отряды для диверсионных операций в городе в момент, когда в гетто вспыхнет сопротивление. Они требовали также подготовить в городе укрытия на случай, если придется предварительно прятать людей. Было решено основать в окрестностях Вильнюса партизанскую базу для диверсионных действий в округе и для использования в качестве рубежа при отступлении из гетто во время боя. Штаб передал Витасу крупную сумму денег на приобретение оружия и хранение его на одной из городских квартир. К несчастью, все сложилось так, что взамен денег мы не получили даже пистолета, и в решающий момент в городе для нас не нашлось никакого укрытия.

А гестапо зорко следило за тем, что происходит в гетто. Козловский (наладивший нашу связь с Витасом) попал в засаду и был арестован. Гестапо выслеживало центр.

Витас не ушел из Вильнюса, несмотря на опасность. Но гестапо уже знало его новый грим — окладистую бороду. Его задержали на Гданьской улице.

Зная, что он — партизанский "дед", для него оборудовали специальную пыточную камеру, рассчитывая сломить истязаниями и заставить предать товарищей. Но Витас ночью повесился в камере, завязав свою рубаху на шее и прикрепив другой конец к перекладине верхней нары.

Это была тяжелая потеря. По организации в городе был нанесен весьма чувствительный удар. Заменить Витаса было нечем. Гестапо проводило массовые аресты. Камеры тюрьмы на улице Офярной заполнились до отказа.

Мы же со смертью Витаса потеряли последнюю надежду на помощь. Над гетто и нашей организацией сгущались тучи.

8 ИЮЛЯ В ПОЛДЕНЬ В ГЕТТО ЗАЯВИЛСЯ КИТЕЛЬ. Не задерживаясь, он направился на Рудницкую 6, где помещались юденрат и полицейская станция. Там он потребовал немедленно арестовать Ицка Виттенберга. Находившийся поблизости полицейский, у которого были связи с ЭФПЕО, успел сообщить о требовании Кителя. Ицик скрылся. Полиция его не нашла. Китель уехал, а назавтра вернулся и арестовал Авербуха, полицейского офицера, осуществлявшего в тот период связь с Козловским. В рядах организации распространилась тревога. Однако на следующий день Айзик Авербух вернулся — выпустили. Ицик продолжал скрываться.

Прошло несколько суток. Известия о смерти Витаса и массовых арестах моментально дошли до нас, и в гетто распространился слух о готовящейся акции — депортации в лагеря 2 тысяч человек.

15 июля Генс пригласил к себе Виттенберга, Хину Боровскую, Абу Ковнера и Хвойника для беседы о положении гетто. Встреча назначена на девять часов вечера в доме у Генса. Еще до этого срока все члены штаба и несколько человек актива уже находились в помещении штаба на улице Ошмянская 8. Давно мы не собирались вместе. Кто-то предлагает отпраздновать это событие — вместе поужинать. Громкие разговоры, шутки заставляют не замечать время. Миновало девять. Связной, который должен был сообщить последний срок, еще не появился. Сначала мы не обратили на это внимания. В десять поступило известие, что встреча откладывается на более поздний час. Все напряжены до предела, но стараются не выдавать своих чувств. Продолжаем оживленную беседу.

Перед полуночью получаем известие, что Генс ждет. Кто-то предлагает, чтобы ребята прихватили с собой оружие. Предложение отвергается. Выходят Ицик, Аба, Хина и Абраша. Остаются Рашка, Витка, Шмулик и я. Сидим и ждем, не размыкая рта. Девушки от усталости и напряжения задремывают. Через 20 минут входит полицейский (член ЭФПЕО Иосеф Хармац в полицейской форме) и зовет Шмулика. Выходят. У нас, оставшихся в комнате, воображение лихорадочно работает. Что-то происходит. Шмулик не возвращается. А время идет. У нас нет больше сил ждать. Надо

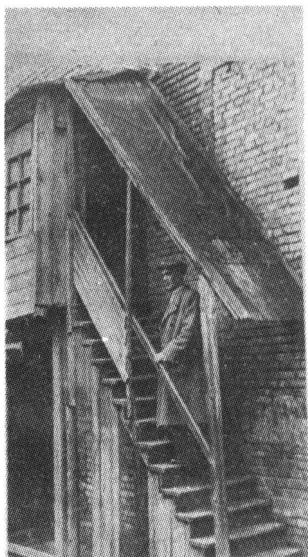
Яшка Раф

Изька Мацкевич

Илья Шенбойм

Лестница, по которой спустился Виттенберг 16 июля.

(На фотографии Берл Шерешневский).

Шмерке Кочергинский и Тевка Гальперин читают бюллетень ЭФПЕО.

выяснить, что случилось. Мы с Рашкой спускаемся на улицу. Гетто окутано мраком. Улицы безмолвны. Ни живой души. Только на углу стоят полицейские, требующие предъявить "пассиршейн" – пропуск. Ищем Шмулика. Дошли до улицы Страшунь. Никого. Вышли на Рудницкую. Он стоит. У дома номер семь стоит Шмулик и смотрит на запертые ворота дома номер шесть на противоположной стороне. Там теперь находятся члены штаба.

Товарищ, который пришел за ним, рассказал ему, что Деслер только что отправился к воротам гетто. Деслер, в полночь – к воротам гетто? В первый момент мы не можем понять связи между всем этим. Но уже отдан приказ: мобилизовать товарищей! Выставить караулы! Объявить состояние готовности!

В воздухе носится еще никем не произнесенное слово "предательство". Затем мы отчетливо слышим стук сапог – к нам приближаются гестаповцы в сопровождении еврейских полицейских. Они входят в ворота шестого номера. Дворник отпирает. Мы слышим голос Левы, начальника охраны на воротах, приказывающего дворнику никого не пускать.

Все происходит молниеносно. Дорогá каждая минута, секунда. Мы распределяем между собой обязанности. Рашка и Шмулик поднимают на ноги товарищей, которые проживают по соседству. У ревизионистов этой ночью вечеринка. Там находятся Иосеф и некоторые другие бойцы ЭФПЕО. Кто-то из нас должен остаться на месте и следить за квартирой Генса.

Я стою против запертых ворот Рудницкой 6. Силой мне туда не вломиться. Уговоры на дворников не подействуют. Внезапно я вспомнила про потайные переходы. Бегу на Рудницкую 16, оттуда на улицу Кармелитов 5. По свалке можно выбраться на Рудницкую 6. Тихо. Ярко светятся окна. Значит – там. Осторожно приближаюсь. Уверена, что где-то рядом полицейские, они не должны меня заметить. Я уже на ступеньках возле двери. На другой стороне двора замечаю полицейского, расхаживает, сторожит. Я прижалась к стене дома в ожидании и тревоге: за этой дверью члены нашего штаба.

Улавливаю голоса, пытаюсь разобрать, но говорят по-литовски. Вдруг звук открывающейся двери. Нырять в сторону. Выходит гестаповец, держа оружие наизготовку, за ним

спокойно шагает Ицик. На руках у него наручники. За ним литовцы. Я душу в себе крик и собираю все силы, чтобы не выдать себя. В этот момент желаю только одного: чтобы Ицик почувствовал мое присутствие, заметил меня. Я впиваюсь в него глазами — хочу передать взглядом, что мы наготове и не дадим его в обиду. Но он, глядя перед собой, безмолвно проходит. Все совершилось в мгновение ока. Ушли. И снова я одна на ступеньках. Я будто окаменела. Скрип отворившихся ворот возвращает меня к действительности. Вот они и вышли. От Рудницкой 6 до номера 16, где ворота гетто, идти недалеко. А если выведут за ворота — все пропало.

Во дворе движение усилилось. Полицейские мечутся с фонарями в руках. Но теперь мне все безразлично. Я бегу к воротам, отталкиваю дворника и выскакиваю на улицу. За мной стук шагов, крики. Я подбегаю к Рудницкой 7 с криком: "Товарищи! Командира арестовали! Все к воротам! Отбить его!" Окна во дворе распахиваются. Разбуженные высовываются, спрашивают, что произошло. Ответить некому. Все бегут и выскакивают на улицу. Шаги и крики: не выдадим командира!

Ицик услышал голоса. Он понял смысл приближающегося топота. Он рванулся из рук конвоя и побежал в сторону голосов. Гестаповцы бросились за ним. Но тотчас же их схватили, повалили наземь, начали бить. В потемках мы с трудом различаем фигуры наших бойцов, дерущихся с охраной. А затем уже ничего не разбираем, кроме толпы, которая валит валом, а впереди бежит освобожденный Ицик. Он приказывает собраться на Ошмянской 3, где наши склады и наши товарищи.

Гетто наполняется полицейскими. Литовцы бегут по улице со стрельбой. Из окон в страхе выглядывают заспанные лица.

Столярные мастерские на улице Ошмянская 3 теперь в нашем распоряжении. Здесь сейчас находятся все, кого мы успели мобилизовать. Ицик мерит комнату широкими шагами. Руки у него еще скованы, но в голосе чувствуется спокойствие, когда он приказывает: "Освободить штаб! Мобилизовать всю организацию!"

Горстка бойцов снова спешит на Рудницкую 6, вооружившись топорами. Впереди, с пистолетом в руке — Иосеф. Он

готов на все: "Если командование арестовано, мы проникнем в квартиру Генса и свершим над ним суд!"

На Рудницкой 6 тишина. Только у Генса горит свет. Заглядываем в окна: они там. Напряженно ждем, впившись глазами в медленно отворяющуюся дверь. Выходят Хина, Хвойник и Аба. Они потрясены. От нас они узнают, что Виттенберг освобожден. Коротко рассказываем обо всем, что произошло. Это была засада. После того как гестапо увело Виттенберга, Генс объявил им: "Вы свободны". "Ты предатель, — сказали ему, — и заплатишься за это". Генс ответил: "Я не мог поступить иначе — произошла измена. Козловский рассказал гестапо, что в гетто существует партизанская организация во главе с Виттенбергом. Я, Генс, в качестве представителя гетто был вынужден его арестовать".

Мы поняли, что так просто от Виттенберга не отступятся и что организация — накануне роковых событий.

Под покровом ночи была проведена всеобщая мобилизация. Связные отрядов обходят дома всех бойцов ЭФПЕО, полиция тоже приведена в готовность. На улице Шпитальной во время проведения мобилизации арестовали Рашку с Виткой.

Штаб освещается. Теперь уже несомненно, что война объявлена, и обе стороны не отступят. Арест Ичика — предлог для начала борьбы ЭФПЕО перед полной ликвидацией гетто. Отряды направляются в условленные пункты, часть — в оружейные склады, другая — к штабу. Шмулик Каплинский со своей группой нападает на полицейские станции и отбивает наших задержанных товарищей. Полиция ошеломлена и почти не оказывает сопротивления. Печатаем на машинке воззвание к населению гетто.

Напряжение этой ночи возрастает с каждой минутой. Поступают известия о том, что отмобилизована вся полиция. В 3 часа ночи Генс созывает совещание бригадиров; там же присутствуют могучие громилы из преступного мира. Генс использует это отребье в качестве вспомогательной полиции.

Командование решает укрыть Виттенберга в надежном месте. Светает. Полицейские стерегут на всех углах. Командира переодевают в длинное черное платье и платок. Выхожу с ним. Идем на улицу Страшунь 15 в хорошо замаскированную

комнату-тайник. Перед домом — полицейский пост. Мы идем бодрыми шагками. Я держу руку Ицика в своей и чувствую, как она вздрагивает. Доходим до поворота. Полицейские с некоторой подозрительностью посматривают на странную пару. Мы продолжаем свой путь с независимым видом, что-то громко рассказываю семенящей рядом со мной "старухе". Прошли. Никто нас не остановил.

В маленькой комнате на улице Страшунь 15 облегченно вздыхаем. Помогаю Ицику стащить с себя платье. Молчит. Прощаюсь рукопожатием. Он говорит мне коротко: "Будьте мужественны и держитесь. Запоминай, сообщай новости, только самые важные и через надежных людей. Передай всем привет!"

Выхожу и слышу за спиной скрип поворачивающегося ключа. Ицик остается один, смертельно усталый, лишенный возможности действовать в эти решительные минуты, как будто со связанными руками в ожидании удара топором, занесенным над его головой.

Созванное Генсом совещание бригадиров собирается на Рудницкой 6. У входа каждого тщательно проверяют полицейские. Никто здесь не знает, в чем дело. Предполагают, что предстоит акция и ждут, что скажет Генс. А он умеет с ними разговаривать. Каждое его слово падает на плодотворную почву. И он рассказывает, как спокойно в гетто жилось, убеждает, что гетто ничто не угрожает, если только будет восстановлен порядок. Но есть люди, которым хочется этот порядок нарушить и навлечь катастрофу на все гетто. "Немцы требуют лишь одного человека, — говорит он, — Виттенберга! Получат — все будет как было. Нет — истребят нас всех, все наше гетто! Из-за одного человека подохнут ваши дети и жены! Из-за кучки рехнувшихся, которым до судьбы гетто и дела нет, пропадем мы все. Помогите нам выдать Виттенберга, спасите ваших детей и жен."

Еще не кончилось собрание, а мы уже знаем его результаты и наше собственное положение.

Ранний утренний час, но гетто уже не спит. Мы стоим наготове на улице Ошмянской. Сюда приходит известие, что собрание закончилось лозунгом: "Хватайте Виттенберга!"

Этот лозунг, подхваченный толпой, предводительствуемой группой преступников, прокатывается по улицам гетто. На

Ошмянской буйствует толпа, разгоряченная страхом, жадной насилия. Она — как стая хищников, ищущих жертву. Над гетто взвился вопль: "Где Виттенберг? Выдайте нам Виттенберга!"

Часть толпы пробует проникнуть на Ошмянскую 8 в помещение штаба, но разбивается о живую стену бойцов. Тогда, вооружившись топорами и железными прутьями, толпа устремилась в сторону Ошмянской 3, осадила мастерские, где забаррикадировались наши бойцы. Толпой командует полицейский. Кто-то выстрелил в воздух, ненадолго толпа рассеивается, чтобы сразу же собраться с удвоенным зарядом злобы.

Командование распорядилось пока не применять огнестрельного оружия. Батальон на Страшунь 6 получает приказ переместиться на Ошмянскую и поддерживать осажденных. На улице — всеобщая свалка. Перебегая с места на место, я слежу за густой толпой, вижу окровавленное лицо Баруха, который из последних сил отбивается от нескольких уголовников, пытающихся его связать.

На Немецкой 3 по приказу штаба готовят оружие. Наши бойцы раскапывают в подвале тайник, достают и проверяют винтовки и пистолеты. Шпик заметил подозрительное движение и вызвал полицейского. Тот собирается спуститься в подвал. Его добром предупреждают, чтобы не шел, но он не обращает внимания на предостережения. Выстрел. Полицейский падает.

Обстановка на улице накаляется. Генс объявляет, что все рабочие, забрав своих жен и детей, должны отправляться на свои объекты. Это объявление напоминает времена акций и усиливает страх толпы.

Теперь на бойцов ЭФПЕО на улице Ошмянской кинулись не только уголовники, но и толпы рабочих во главе со своими бригадирами. Обе стороны готовы на все. Люди окончательно потеряли рассудок и соображение. Толпу надо утихомирить любой ценой. Вдолбить ей правду. Протрезвить распаленные жадной крови мозги. Необходимо во что бы то ни стало избежать братоубийственной войны в гетто.

Бойцы, давно завоевавшие в гетто прочный авторитет, выходят на улицу и пробуют воздействовать на массы. Ошмянская превращается в агитпункт. К толпе обращаются

Соня Медайскер, Доджик Видучанский, Рашель, Хая Тикочинская и другие.

Доджик выступает, кричит, словно силится влить в свои слова всю душу и пыл молодости: "Не верьте им! Они вас обманывают! Виттенберг – только предлог. Вспомните ковенскую акцию. Они собираются здесь устроить второе Ковно. Они хотят уничтожить нас, потому что нас боятся и боятся нашего сопротивления в час несчастья! Не верьте, что с выдачей Виттенберга все будет спасено. Виттенберг хотел постоять за вашу жизнь и достоинство. Выдачей Виттенберга они пытаются спасти только свою шкуру, и плевать им, что гетто находится на пороге уничтожения. Ответ один: "вооруженный отпор врагу!"

Соня говорит спокойно, но в сердца проникает правда, которую излучает ее прямой честный взгляд: "Кому вы собираетесь навязать войну? Неужели нам? Да понимаете ли вы, что означает такая война?!"

На улице ощущается перемена. Напряжение спадает. Слова подействовали. Уголовники, грузчики, все, кто вел себя наиболее агрессивно, отступили.

В это время Деслер публикует телефонограмму из гестапо, что если Виттенберг к назначенному сроку не будет выдан, в гетто войдут немцы.

Новость потрясает сердца. Если Виттенберг не пойдет, говорят евреи, пойдём мы – погибнет все гетто!

В штаб приходят депутации от юденрата, от еврейских общественников. Они рассказывают пугающие вещи: Китель звонил в гетто уже трижды; Виттенберг должен быть доставлен в гестапо ЖИВЫМ в течение дня, в противном случае гетто дорого поплатится.

И гетто бушует. Гетто нас ненавидит. Оно хочет силой заставить нас выдать нашего командира. Внезапно гетто узрело в нас врагов, изменников, провокаторов!

Нам навязывают войну. Мы готовы. Но не против немцев эта война. Между нами и немцами встали массы гетто. Прежде чем бороться с врагом, нам придется начать междоусобную войну. Из этой-то войны мы выйдем победителями – ведь у нас есть оружие. Но как повернуть это оружие, оплаченное кровью наших бойцов, против своих ослепленных братьев! Как убедить их, что гетто – на пороге окончательного

истребления, что арест Виттенберга — подлый ход, в проведении которого с немцами сотрудничают еврейские власти гетто? Мы понимаем, что если сейчас в гетто войдут немцы, массы выступят на их стороне и против нас, видя в нас виновников гибели тысяч евреев.

Все гетто ждет теперь решения штаба. Ждет его и организация. А в маленькой комнате, сидя взаперти, дожидается вестей с улицы и слова своих товарищей Ицик Виттенберг.

— Принести в жертву Виттенберга, командира организации, ради мнимого спокойствия гетто?

Деслер сообщил срок, назначенный гестапо, — шесть вечера! Полиция шныряет по гетто, ищет Виттенберга. Штаб решает отправиться к Ицику и вместе с ним определить, как действовать. На чердаке дома номер шесть на улице Ошмянская, куда Ицик перебрался из предыдущего своего укрытия, начинается совещание, беспримерное по своему трагизму. Виттенберг принимает решение. Он говорит: "Я сам наложу на себя руки. Гетто успокоится, немцы получат Виттенберга — но мертвого. Отдаться в руки гестапо живым? Пособить победе предателя Деслера? Нет, никогда!"

Немцы, однако, требуют живого Ицика. Известие о решении командира молниеносно распространяется среди членов организации. Ощущение бессилия и кровавого безумия.

А там, наверху, меняют тем временем решение. Ицик примирился с мыслью сдать гестапо ЖИВЫМ.

Совещание окончено. Ицик отдает последние распоряжения. Назначает своего преемника — Абу; еще немного, и настал срок.

По гетто ветром несется новость: Виттенберг предает себя в руки гестапо. Виттенберг добровольно идет на смерть. Гетто облегченно вздыхает. Имя Виттенберга у всех на устах: "Герой! Честь и слава Виттенбергу!"

И он идет с поднятой головой, не сгибаясь, вольный человек. Он идет с улицы Ошмянской на Рудницкую 6. Сзади пристыженно плетется полицейский, рядом шагает один из товарищей. В последний раз проходит он неторопливым шагом по Ошмянскому переулку мимо бойцов, которые отдают ему честь, по Рудницкой, где вчера его так дерзко освободили друзья. Он, старый коммунист, испытанный боец

за свободу и социализм, теперь идет принять смерть, как принимали ее его отцы и деды, взывая к Всеблагому.

И вот — конец пути. Рудницкая 6. Канцелярия Деслера. Приходится ему, Виттенбергу, еще раз взглянуть в лицо предателя. Деслер обещает, что если Виттенберг будет стоек, его освободят. Ицик устал, изнурен, не произносит в ответ ни слова. Попросил об одном: передать в тюрьму таблетку цианистого калия — нет желания долго мучиться.

Выходят. В воротах ожидает Китель.

Конец! Гетто "спасено". Отныне можно дышать полной грудью. Жертва принесена. На улицах возобновляется движение. Полицейская станция освобождает тех, кто был задержан по подозрению в принадлежности к ЭФПЕО.

И мы снова и снова повторяем: "Конец, конец!" Командир выдан, принесен в жертву мнимой безопасности гетто.

Это было 16 июля, перед вечером.

Мобилизацию отменили, но никто из нас не в состоянии остаться теперь в одиночестве, идти к себе, как вчера и позавчера. Собираемся в "шитуфе", сидим, молчим. Спускается ночь, и входящие уже не уходят. Ложатся на пол, на скамейки, укладываются на столах. Лишь бы не расставаться! Только не возвращаться в дома, где люди нас сторонятся, где нас не хотят понимать. Мы изолированы в гетто; нас разделяет кровавая жертва. Мы почти физически ощущаем тяжесть стены, выросшей сегодня между нами и гетто.

В камере гестапо сидит Он и ждет смерти.

В полдень приходит ошеломляющее известие: Виттенберг скончался еще до допроса. Он умер на рассвете. Тело, вынесенное из камеры, было синим. Но ведь мы еще не успели передать ему яд! Похоже, что Виттенберг перед выходом из гетто был отравлен Генсом и Деслером, которые опасались, что на допросе он может поставить их под удар.

ТОТ ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ, БЕССПОРНО, ЯВИЛСЯ ПОВОРОТНЫМ пунктом в жизни ЭФПЕО. Отныне все события разделились на то, что произошло до 16 числа, и что было после. Мы потеряли не только своего командира, но и надежду, что гетто

на нашей стороне и в решающую минуту поддержит нас — надежду, вселявшую смелость и толкнувшую нас к идее массового сопротивления. В этой новой ситуации усилилась критика курса ЭФПЕО и его целей.

Последующие события и их стремительное развитие еще больше увеличили эти сомнения и колебания. Не успели наши товарищи оправиться от потери и вернуться к обычному образу жизни и занятиям, как перед нами встали новые проблемы, требующие решения.

Мы едва вступили в борьбу, а уже накануне боя оказались у всех на виду. Наша численность, вооружение, боевой потенциал больше не были секретом. Почти несомненно, что гестапо известно о последних событиях, и оно не упустит случая ликвидировать нас, не затронув при этом гетто — пока. Тем самым они еще раз убедят евреев, что покорным рабочим ничто не угрожает. А гетто отреагирует безразличием. Многие вообще, надо полагать, облегченно вздохнут, когда избавятся от "подстрекателей", "науськивавших" на борьбу и "ставивших всех под удар".

Наши предположения подтвердились немедленно, на следующий же день. Власти гетто вызывают штаб ЭФПЕО и объявляют, что гестапо стало известно о существовании организации. Оружие, которое мы храним, навлечет на гетто катастрофу. Они не собираются отвечать за это, а посему требуют передачи наших складов. Генс добавляет, что надежно припрятает оружие и в урочный час использует его.

В нынешних условиях главная забота штаба — как бы выиграть время. Для видимости оно принимает требование еврейских властей, и переговоры продолжают. Власти уверены, что организация пошла на попятный и борется теперь только за более выгодные условия капитуляции.

Штаб поддерживает эту иллюзию. Сейчас важно одно — выиграть время. Между нами и властями нет и не может быть взаимопонимания. Никогда организация не откажется от оружия, даже если придется драться. Но переговоры продолжают.

После тщательного обсуждения возникает мысль о необходимости уходить из гетто. Организация должна примкнуть к партизанским отрядам Маркова. В те дни в гетто как раз находились два его посланца.

Нелегко решиться на это, нелегко покинуть нашу боевую позицию — гетто — без боя. Но перед нами — реальная опасность уничтожения нашей организации еще до того, как представится возможность вступить в бой с главным врагом — немцами, когда дело дойдет до массовой ликвидации гетто. В любой день на нас может обрушиться роковой удар.

Характерно, что именно Иосеф Глазман был за немедленную и полную эвакуацию ЭФПЕО. Это было следствием глубокого разочарования и пессимизма. Иосеф больше не верил в гетто. Мы потерпели неудачу, говорил он, гетто в нас не нуждается, оно против нас. Мы вправе бросить его и идти своим путем. Перейдем на другие боевые позиции.

Казалось, он прав. Все мы переживаем разочарование, все настроены пессимистически. Но то, что решается сейчас, противоречит основным принципам ЭФПЕО. И на заседаниях секретариата "Хашомер" постановили: сопротивляться идее эвакуации из гетто. Решение обосновано на уверенности, что настроения гетто мимолетны и могут перемениться. Теперь гетто нас побаивается и даже ненавидит, потому что опасается исходящей от нас угрозы своему существованию. Но придет день (а мы знаем точно, что он придет) всеобщего уничтожения, и вот тогда гетто будет искать у нас убежища, спасения и защиты. События 16 июля показали всем, что в гетто имеется вооруженная сила, которая в минуту бедствия выступит против врага. Мы уверены, что массы будут увлечены этой организованной силой, увидев в ней шанс на спасение. Мы потерпели поражение на первом этапе борьбы, во вступительной фазе, но нельзя на этом основании допустить, чтобы наш уход в лес был бегством. До сих пор мы считали, что такой уход должен быть следствием вооруженной борьбы. Сейчас, в новых условиях, нужно, чтобы ушла только та группа наших бойцов, которым нельзя оставаться здесь, чтобы они создали в лесу партизанскую базу как вспомогательный пункт для предстоящей борьбы в гетто. Но ЭФПЕО, боевая организация, останется на месте, невзирая на чрезвычайно осложнившиеся обстоятельства.

В организации и штабе идут бурные дискуссии. Мысль об уходе в леса — очень заманчива. Ведь она обещает новую жизнь, борьбу. И хотя споры ведутся с идеологических позиций, нужно признать, что немалую роль играет вновь

пробудившийся инстинкт самосохранения. Никто не признает этого открыто, но глубокая перемена, совершившаяся в душе товарищей, слишком очевидна, чтобы нуждаться в словесных подтверждениях.

В первом же после 16 июля инструктаже штаб проанализировал сложившееся положение и наметил линию действий на будущее.

В частности, в решении штаба говорилось:

”В результате трагической ситуации, в которой мы очутились, командир организации Виттенберг предал себя в руки гестапо добровольно и с нашего согласия. История, возможно, возложит вину на нас. Может быть, что со временем никто не сумеет войти в наше положение и понять этот наш поступок и то, что он был продиктован сознанием великой ответственности за гетто, за массы, против которых **МЫ НЕ МОГЛИ И НЕ ИМЕЛИ ПРАВА СРАЖАТЬСЯ.**

Велико потрясение, испытываемое организацией. Память о Виттенберге будет жить в нашем народе, а нам послужит навсегда примером высокого героизма. Его имя будет присвоено первой боевой группе ЭФПЕО, которая уходит в лес. Там, в бою с врагом, она отдаст последнюю почесть нашему командиру.

Организация остается в гетто и будет продолжать работу, невзирая на трудности.

Ничто не может сломить наш дух и свести на нет наши усилия”.

ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ ОТРЯД ЭФПЕО, НАПРАВЛЯВШИЙСЯ В лес к партизанам. Ему предстояло пробраться в Нарочь. Перед ним простиралось 200 километров незнакомого, запутанного пути, усеянного вражескими заставами. Штаб разработал подробный план похода.

В эту ночь никто из нас не сомкнул глаз. Под покровом темноты со складов перебросили оружие. Уходящие собрались неподалеку от ворот гетто — в комнатах комиссии вспомоществования. Укладывали вещи, набивая котомки как можно туже, чтобы их размер не вызвал подозрений, переоделись в замызганную рабочую одежду.

Мы ждали сигнала с улицы. Там теперь спешили на работу и под присмотром полиции строились по "эйнгейтам" сотни евреев. Сейчас в толпу должна затесаться еще одна группа, не отличающаяся от прочих: бригада, идущая на лесоповал. На одежде желтые заплаты, в руках пилы и топоры, у каждого свой "шейн" и номерной знак; тут же и бригадир — "колонфирер", о чем свидетельствует его нарукавная повязка. В дорогу их сопровождает полицейский в форме. Да, полицейский в форме. Словом, обыкновенная бригада, ничем не привлекающая внимания.

Но мысленным взором я вижу длинные тяжелые патронные ленты, которые намотал на себя под одеждой Изя Мацкевич, и разобранные части пулеметов, упрятанные в рабочие рубахи. Я чувствую вес боезапаса, отягощающего Хайчу Тикочинскую, слышу щелчки взведенных курков: пистолеты готовы к бою.

С улицы влетает связной. Пора! Попарно товарищи выскальзывают во двор, обращенный забором к городу. Там теперь дежурят наши посты. "Отряд имени Леона"* в составе 21 человека выходит через старые заржавленные ворота, за пользование которыми грозит расстрел. Группой командует Иосеф Глазман.

На улице ребята строятся и продолжают путь под видом бригады еврейских рабочих. Ушли.

Это было в пятницу 24 июля.

В этот же день от группы вернулся связной. Из его донесения мы узнали, что все прошло по плану. Ребята без приключений выбрались из города. Мы вздохнули с облегчением: опасный участок — позади.

А назавтра, в субботу, в гетто после полудня появился Китель. Он напрямик направился в "арbeitsamt" на Рудницкой 6 и потребовал список людей, ушедших к партизанам. Наша разведка донесла о требовании Кителя еще до того, как слух об этом распространился по гетто.

Через несколько часов стало известно, что группа в нескольких десятках километров от Вильнюса попала в засаду. В стычке погибло девять человек, в их числе — братья Гирцка и Левка Гордоны, Изя Мацкевич, Роза Шерешневская, Хаим

* Подпольная кличка Виттенберга.

Спокойный, Мулька Хазан, Рахель Боракисская, Зундель Лайзерсон.

Китель потребовал арестовать семьи беглецов и бригадиров групп, в которых они работали. Еврейские полицейские выполнили приказ немцев. В понедельник в гетто вошли гестаповцы, окружили тюрьму и увели с собой тридцать два заключенных, в том числе пять бригадиров. В тот же день все они были расстреляны в Понарах.

То, как Генс с Деслером вели аресты и как они отвечали на мольбы людей, чье родство с ушедшими в лес было только фиктивным и основывалось исключительно на "шейнах", показывало, что власти гетто решили использовать это происшествие, чтобы натравить на нас людей. Было также очевидно, что они хотят запугать желающих уйти в леса. Поэтому Деслер пожертвовал пятью лучшими бригадирами. Он знал, что отныне каждый бригадир будет следить за своими рабочими во все глаза и превратился в его, Деслера, пособника.

Только через пять месяцев мы узнали от Каммермахера (бригадир подневольных рабочих в гестапо), что засада, в которую попали наши товарищи, не была случайной: Деслер заподозрил группу, готовившуюся к уходу, и доложил об этом гестаповцам.

На следующий день после казни тридцати двух Китель снова посетил гетто. Он выступил на собрании бригадиров в зале театра и начал так: "Вчера я расстрелял в Понарах пять бригадиров. Каждого из вас ждет, возможно, такой конец..."

После собрания мы услышали о новых распоряжениях и правилах, введенных в гетто с целью наведения порядка.

Этот "порядок" базируется на поголовном контроле, распространенном на все население гетто по принципу круговой поруки. Гетто поделено на четыре полицейских участка. Каждый участок подразделен на блоки, а блоки, в свою очередь, — на дома, квартиры и комнаты. В каждую комнату назначено лицо, которое несет ответственность за жильцов. Проживать в комнатах могут только прописанные. Каждый отвечает за своего соседа. Если кто-нибудь вечером вовремя не возвращается домой, об этом следует немедленно донести в полицию, иначе будут наказаны все проживающие и в комнате, и в квартире.

Ответственный за комнату подчинен ответственному за квартиру, тот — начальнику блока и т. д. и т. п. Все начальники блоков — прислужники Деслера.

Та же система введена в "эйнгейтах": каждая бригада поделена на десятки во главе с ответственным, подчиненным бригадиру. Десять отвечают за каждого: сбежит в лес один — поплатятся девять остальных.

Каждое утро десятник выстраивает своих людей на поверку, и если кто-нибудь отсутствует без справки врача, об этом должно быть сообщено в полицию.

Находятся люди, которые оправдывают новый порядок. А "Новости гетто" — официальный печатный орган юденрата, который служит властям рупором для пропаганды их курса и обработки общественного мнения, 1 августа, через пять дней после засады и три дня после казни тридцати двух помещает статью, озаглавленную "Скорбь и гнев":

"Тысячи цветущих жизней, вырванные из наших рядов, поглощены огненной пастью массового уничтожения.

Много слез пролили мы по безвинным жертвам кровавых событий. У нас сжимались кулаки в протесте против жестокой судьбы, злодейской воли, напрасной ненависти. Порой мы возвышали голос и роптали на самого Всевышнего, предъявляя к нему претензии, подобно рабби Леви-Ицхаку из Бердичева: "Чего Ты хочешь от своего народа Израилева? За что ополчился Ты на свой народ?"

Во всех этих случаях мы имели дело с внешней силой, над которой у нас не было никакой власти. Сила эта значительно превосходила нас, и перед нею мы были беспомощны. И в самой этой неодолимости судьбы заключалось нечто такое, что утешало и смягчало страшную боль, невзирая на трагизм событий.

Другое дело — случай с 32 казненными, которых мы внезапно потеряли в прошлый понедельник. Здесь нас лишили возможности предаться даже тому отчаянию, что проистекает от сознания неизбежности судьбы. Тут абсолютно ясно, что эти жертвы были излишни и что смерть их — на совести у тех, кто своим безответственным поведением заставил безвинных людей заплатить жизнью за чужие грехи.

Наряду с чувством глубокой скорби по поводу гибели безвинных мужчин, женщин и детей наше сердце полнится гневом на тех, кто пренебрег заботой обо всем гетто и его важной ролью и при этом хорошо понимал, что ставит под угрозу самое существование гетто и прежде всего — жизнь своих же близких. Вот кто несет ответственность за пролитую кровь и все трудности, испытываемые нами теперь в результате такого поведения.

Так пускай же пролившаяся кровь станет последним предостережением нам всем и напомнит, что нам дана лишь одна дорога: дорога труда. По ней мы должны идти вместе, плечом к плечу. Пусть пролитая кровь послужит предостережением бригадирам, "колонфирерам", десятникам, а также каждому еврею — без промедления докладывать о каждом случае отсутствия человека в бригаде, доме, квартире, комнате. Тут нет места сантиментам и родственным чувствам. Это — вопрос долга, долга людей, на которых возложена важная задача. Подобно батальонному офицеру они обязаны докладывать о каждом явлении, грозящем обернуться для нас бедой. Такое сообщение не является доносом, как полагают многие, живущие фальшивыми понятиями диаспоры. Это — долг жителя гетто".

ЛОЗУНГ: "КАЖДЫЙ ОБЯЗАН ДОКЛАДЫВАТЬ ОБО ВСЕМ, подобно батальонному офицеру" упал на плодородную почву. Вскоре все гетто превратилось в клетку, кишашую шпиками, соглядатаями и доносчиками всех мастей. Теперь нам приходилось остерегаться не только профессиональных полицейских и сыщиков — каждый житель гетто видел в нас своих губителей, поставленных вне закона.

В блоках жильцы протрупуывают подозрительными взглядами молодых людей, поздно возвращающихся домой и чем-то неуловимым отличающихся от своего окружения. Власти увеличивают количество платных агентов. Но более всего нам досаждают недавно появившиеся шайки.

Эти шайки сколочены из малолеток в возрасте 12—15 лет, как правило, беспризорников, пробавляющихся нищенством и

воровством. Теперь власти организовали их и превратили во вспомогательный отряд Деслера. Шпионить за нашими бойцами, следить за ними на улицах, часами сидеть на крыльце у квартиры — было для них увлекательным спортом.

И опять возобновились поиски оружия. Однажды мы заметили шпика, который набрел на след нашего склада на улице Немецкой 31. Теперь тайник уже был недостаточно надежен, и мы решили переместить его. Но сделать это было невероятно трудно, потому что двор, куда переселился наш хашомеровский "шитуф", находился под неусыпным наблюдением самых отменных шпииков.

...Раннее утро. Как всегда, надо вскакивать, не выспавшись — и на работу. На дворе "шитуфа" оживление: ребята, один за другим, поспешно уходят, все с сумками и котомками и все в одном направлении.

Шпики насторожились, и как только прошел со своим узлом пятый по счету парень, за ним увязался последний филер, поставленный следить за двором. Сначала товарищи, провожаемые "хвостом", шли вместе, затем расстались, обменявшись загадочными жестами. Шпики вызвали полицию. Ребят задержали и повели в участок. Их узлы и сумки сложили на столе, но ребята не допускают досмотра: обыск по правилам должен производиться офицером. И на каком основании их вообще задержали?!

Участок окружает усиленный наряд полиции. Затем появляются и офицеры во главе с Бернштейном. Без долгих разговоров они принимаются за дело и... ничего подозрительного не находят. Они развязывают и рвут узлы, извлекая, к своему удивлению, лишь мужские и женские рубашки. Каждая такая находка сопровождается потоком проклятий.

Задержанные спокойно наблюдают за всей этой процедурой. Они объясняют, что собирались пронести вещи за ворота, чтобы выменять на хлеб. А так как это запрещено, пришлось принять некоторые меры предосторожности...

В это время оружейный склад с Немецкой 31 переброшен в другое место.

Штаб умножает свои усилия по приобретению оружия. Наши склады растут. По большей части оружие покупается у поляков и литовцев за большие деньги. Деньги же мы добываем самыми разными путями, как правило, противоза-

конными. Тут и подделки, и махинации, позволяющие нам черпать средства из касс... юденрата и полиции. Мы не раз со злорадством представляли себе, как вытянулось бы лицо у Генса, узнай он, на чьи деньги мы покупаем оружие.

В разросшихся складах теперь круглосуточно дежурят товарищи, в обязанности которых входит уход за оружием. Они его смазывают, разбирают, собирают и после проверки снова прячут в землю. Дефектное оружие отсылается в наши мастерские и быстро ремонтируется.

По ночам идут занятия по стрелковому делу для новичков, вступивших в ЭФПЕО. Штаб организации* разработал новую программу боевых действий. Она отличалась от предыдущей, носившей оборонительный характер, и основывалась на четырех пунктах: 1. Атака, 2. Оборона, 3. Диверсии, 4. Спасение.

Основные силы организации сосредоточены на оборонительных позициях внутри гетто. Но в задачу наших отрядов входит и нападение на врага за пределами гетто. Одновременно подпольной организации, действовавшей вне гетто, поручалось проведение крупных диверсионных актов для отвлечения немцев и достижения политического эффекта, что было не менее важно, чем практические достижения.

Исходя из предпосылки, что после первой стычки немцы, возможно, отступят из гетто, чтобы вернуться с подкреплениями, штаб предусматривал не продолжать оборону улиц в таком случае, а использовать паузу для прорыва и увода в леса возможно большего количества людей из гетто.

Было решено организовать две боевые базы, с которых отряды будут посылаться в оборону или в атаку — в зависимости от обстановки.

Наряду с этим запланировали атаку по улице Рудницкой — ключевой позиции гетто. Здесь будут введены в действие наши основные силы. Центральной позицией был выбран дом № 11, откуда концентрированным пулеметным огнем можно взять под контроль улицу и ворота гетто. Были расписаны места расположения метателей гранат и снайперов. Запланировали создание специальных групп для особых поручений во время атаки, обороны и последнего этапа нашей борьбы.

* От коммунистов в штаб вместо Ицика был введен Каплан, а место Иосефа Глазмана заняла Люба Зискович.

Этот план открыл перед нами новые возможности, способствовал поднятию духа. Теперь становилось ясно, что бой и сопротивление в гетто вовсе не обязательно повлекут за собой гибель и уничтожение, что сопротивление может принести свободу и спасение большому числу людей, у которых до сих пор не было никакого выхода.

В те дни пришло первое письмо Иосефа из лесов Нарочи. Он писал: *"Из партизан, которых мы нашли в лесу, и из нашей группы мы организовали еврейские партизанские отряды. Если бы здесь были все бойцы ЭФПЕО с их оружием, мы могли бы создать сильную еврейскую боевую бригаду"*.

В ГЕТТО БЫЛО МНОГО ЕВРЕЕВ ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ городков. Одни пришли сюда до каунасской акции, другие бежали из лагерей и местечковых гетто, стертых с лица земли. У "провинциалов" нет прав, которыми пользуются жители Вильнюса. В момент катастрофы они будут козлами отпущения, потому что у них нет рабочих "шейнов" и их прописка в качестве жильцов сопряжена с большими трудностями. Большинство размещено в разрозненных лагерях и живет в грязи и скученности. Население гетто свыклось с таким разделением на законных жителей и посторонних. "Провинциалы" находятся в гетто на нелегальном положении, и немцы прекрасно осведомлены об этом. Учитывая специфическое положение этих людей, штаб ЭФПЕО решил сформировать из них партизанские отряды и немедленно отправить в леса. Нам было ясно, что если акция будет направлена только против "провинциалов", наш призыв к бою и сопротивлению не встретит никакой поддержки. Жители гетто не встанут на защиту пришельцев, пока им самим не будет угрожать опасность. Организация и переброска в лес "провинциалов" были поручены Соне Медайскер и мне.

Вначале мы столкнулись с множеством трудностей: перед нами была разношерстная, разрозненная масса, из которой следовало выбрать наиболее надежных ответственных людей. Но для отбора нет никаких критериев, кроме первого впечатления, интуиции, а в редких случаях — рекомендации. Работа-

ем в дикой спешке. Малейшее опоздание может решить участь этих людей. Одна из тяжелых проблем, по-прежнему, — оружие. У очень немногих выходцев из Свентян имелись пистолеты, а мы хотим каждую пару бойцов снабдить хотя бы одним пистолетом. Трудно, однако, раздобыть даже этот минимум. Оружие выделяется со складов ЭФПЕО, и получающие остаются в неведении о его источнике.

Наша разведка обследует дороги, устанавливает места сосредоточения немцев, ведутся даже переговоры о том, чтобы заполучить на несколько часов немецкие грузовики. Штаб отправляет к Иосефу связного с требованием прислать проводников. Наши спецы готовят "шейны" и пропуска. Инструкторы обучают "провинциалов" пользованию оружием и наставляют, как вести себя в пути.

Через неделю после того как было принято решение, из гетто ушла первая группа. Ее участники собрались в ночь перед уходом и вместе провели время до рассвета, возвещающего для них наступление нового дня. Пришел попрощаться и Аба. В комнате все еще было непроглядно темно, и никто не видел его лица. Слышали только голос, обратившийся к ним, единственным уцелевшим от своих семей и местечек, последним беженцам из гетто Лиды, Свентян, Ваки и Ошмян, стертых с лица земли. Он говорил о силе угасших сердец, о пламени, которое еще вспыхнет из пепла, о мести, о нашей мести.

На заре, держа путь в лес, вильнюсское гетто покинули сорок парней, уроженцев разных городков и местечек.

За две недели ЭФПЕО сколачивает и отправляет в леса пять вооруженных партизанских групп, составленных из провинциальной молодежи. За две недели в леса Нарочи ушло двести человек.

НАПРЯЖЕННОСТЬ В ГЕТТО УСИЛИВАЕТСЯ СО ДНЯ НА ДЕНЬ. Отчаяние и надежда сменяют друг друга. Новое наступление Советской Армии (август 1943 года), ее стремительный рывок на запад, освобождение новых городов, в том числе Харькова, продвижение на север создают в гетто обстановку нетерпеливого ожидания, веры в возможность выжить. Пере-

даваемые из уст в уста сводки Совинформбюро обсуждаются на все лады, вызывают споры доморощенных стратегов о том, с какого именно направления Советская Армия вступит в Вильнюс. По-видимому, с севера, ведь это совершенно ясно: Полоцк, Великие Луки, Двина — просто рукой подать!

А театр в гетто ставит новый водевиль. По вечерам толпы устремляются на спектакль, осаждают окошко кассы, и узкие переулки гетто оглашаются теперь звуками новой песни, которую на сцене исполняет актер Яша Бергольский. Эту песню распевает все гетто — дети в школе, молодежь на улицах, рабочие на объектах, женщины в очередях, артисты на подмостках. Песня на идиш*.

Организации "Тодт" требуется все больше и больше рабочей силы. Ее "эйнгейты" — ныне самые крупные. Ежедневно в колонны выстраиваются тысячи евреев. Властям гетто приказано сократить число работающих в других "эйнгейтах" и перевести их в организацию "Тодт". До сих пор главным источником рабочей силы были лагеря евреев из провинции. Теперь евреев хватают на улицах и посылают в Порубанек. Работа там — каторжная, побои, издевательства. Из гетто до Порубанека — 7 километров в один конец.

В те дни в гетто стало известно о новом приказе гебитс-комиссара ликвидировать несущественные с военной точки зрения объекты, где используется труд евреев.

Этот приказ вызвал панику. Начали поговаривать о депортации в рабочие лагеря. Евреи, потерявшие работу на прежних местах, пытаются устроиться в мастерских гетто. Иные надеются отсрочить, насколько это возможно, ликвидацию "эйнгейтов". Заинтересованы в этом и немцы, у которых работают евреи, потому что после ликвидации "эйнгейтов" все надзиратели и надсмотрщики будут отправлены на фронт. Однако гестапо не заинтересовано в отмене приказа. Но пока тысячи евреев еще выходят по утрам на работу.

* Подстрочный перевод: сотни поколений жили, строили и наделись, пока этот меч не начал рубить и сечь, и нас повели, как скот, под "эйн, цвей, дрей"... Мы позволили гнать себя, как баранов, а у шага ведь совсем другой звук и это совершенно другая песня, когда шагаешь, куда прикажут. Но скоро, братья, вы услышите другой такт, и те, кто сегодня хоронится, зашагают с нами — не в одиночку — под "эйн, цвей, дрей". Улочки гетто покинут и стар и млад, и по-другому зазвучит шаг, потому что будешь знать, зачем шагаешь...

6 августа люди, как обычно, вышли из ворот гетто, но часа через два пришли тревожные новости о том, что произошло, а к десяти утра вернулись первые беглецы, спасшиеся из рабочих колонн. Они рассказали, что колонны в городе были окружены силами СС, литовской и эстонской полицией, которые погнали их к составу, уже поданному к вокзальному перрону.

После обеда в гетто явились беглецы из Порубанека. Путь на работу обошелся без происшествий. Но когда пришли в Порубанек, их окружили полицейские части и эстонцы, погнавшие людей к вагонам. Рабочие отказывались идти. Женщины кинулись на немцев с кулаками. Многие призывали к бегству. Толпа начала удирать. Немцы, которых ярость женщин сначала ошеломила, открыли огонь по бегущим. Десятки были подстрелены на бегу. Многие, даже умирая, призывали из последних сил к побегу. Многим удалось бежать. Схваченных разъяренные немцы загнали прикладами в вагоны.

Тех, кто направился назад в гетто, поджидали у ворот немецкие машины.

В четыре пополудни колонны вернулись в гетто. Среди них не было рабочих главных "эйнгейтов": Порубанека, железной дороги, "баутелагера" и других.

Как только прошел слух об их возвращении, переулки наполнились толпами: люди шпалерами выстроились у ворот, испуганно рассматривая входящих. А когда оказалось, что вернулись лишь немногие, улица огласилась плачем. Одна за другой возвращались группы. Бледные, подавленные, молчаливые люди быстро проходили мимо тесного ряда ожидающих и спешили в свои квартиры. Иногда из рядов выскакивали женщина или ребенок и с радостными восклицаниями бросались к мужу или отцу.

Спустилась ночь, но люди по-прежнему стояли на улицах, еще надеясь на возвращение близких. Но они не вернулись.

Рабочие "баутелагера" тоже не вернулись сегодня.

Иду по Рудницкой мимо седьмого номера. Здесь жили работавшие в Бурбишки и их семьи. Это – их блок, один из самых просторных в гетто дворов. Здесь всегда было шумно и оживленно. Совсем недавно решили посадить цветы. Уже начали копать грядки – замечаю я на ходу. Хотели заставить плодоносить землю гетто. Строили планы на будущее. От

мысли об этом хочется кричать. Но там, во дворе, тихо. Женщины, матери, дочери сидят на земле, на ступеньках, на камнях — безмолвно-немой плач. Так сидят, когда выполняют "шиву" — поминальный обряд. Так скорбели наши отцы, когда теряли близких. Женщины все здесь, вместе. Наверно, ни одной не осталось в комнате: невозможно вынести все это в одиночку. Так они пытаются защититься от самих себя, — мелькает у меня в уме.

По приблизительному подсчету, сегодня депортировано около двух тысяч человек. В отличие от всех прежних акций, на сей раз это — рабочие.

Среди депортированных из "баутелагера" был и Барух. Все попытки освободить его ни к чему не привели.

Много месяцев спустя, в период, когда каждый из нас жил с ощущением, что он последний чудом уцелевший, внезапно появился Барух. Он рассказал нам о событиях того дня.

6 августа. Колонна, насчитывавшая 95 человек, вышла на работу. По пути, на Радуньском мосту они наткнулись на части СС (командовал ими Нойгебойер — начальник гестапо), которые окружили колонну и повели в направлении железной дороги. В колонне послышались крики: "Евреи! Не пойдем!" В мгновение ока люди побросали свои мешки, прорвались через ряды эсэсовцев и побежали к Понарской. Неожиданно с этого направления появился отряд эстонцев и перегородил дорогу. Все улицы были снова заблокированы, людей окружили и повели к составу. Но они продолжали сопротивляться и отказались войти в вагоны. Солдаты накинута на них, беспощадно колотя прикладами. Появился Майер, один из начальников гестапо, и заверил, что их отправляют в Эстонию на непродолжительное время на работу. Тем временем подошли новые группы евреев из работавших на Порубанеке и железной дороге. Много было женщин и детей, избитых до крови конвоировавшими их солдатами. Затем дали суп и хлеб. До супа не дотронулись из боязни, что отравлен. Люди в вагонах были уверены, что их везут на смерть. "Мы решили сопротивляться, — рассказывает Барух. — У одного из нас нашелся топор, и мы тотчас же начали взламывать пол. Имелось в виду, что если нас повезут в направлении Понар, мы придушим караулы, заберем оружие и сбежим. Но

большинство боялось коллективной ответственности и было против попытки бегства.

К вечеру состав тронулся. Окошки были забраны колючей проволокой, в каждый вагон сел караульный. Поезд шел на огромной скорости в сторону Двинска. Когда отъехали от Вильнюса, потихоньку взломали оконные решетки. Около Свентян решили прыгать. Бросили жребий. Первым выскочил Баран. Но мы упустили из виду, что вагон прицеплен к платформе с кухней под охраной солдат. Те заметили, что выскочил Баран, и открыли огонь. Благодаря большой скорости поезда и темноте, ему удалось спастись, но другим уже нельзя было прыгать из этого вагона.

На следующий день прибыли в Виювари, оттуда — в рабочий лагерь.

Итак, — не Понары”.

Согласно приказу, все ”эйнгейты” были расформированы, работу в городе прекратили, и лишь на некоторых объектах осталось по 3—5 евреев. На улицах запрещено собираться группами из пяти и более человек, на это требуется специальный ”шейн”. Вся рабочая сила заперта в пределах гетто. Погоня за работой в мастерских юденрата по своим масштабам теперь напоминала погоню за желтым ”шейном” и местом работы вне гетто полтора года назад.

От групп, депортированных в лагеря в Эстонии, приходят письма, все одинакового содержания: ”Здоровы, работаем, жить можно”. Некоторые зовут к себе свои семьи. Первые письма вызвали бурную радость. Ведь это означает, что их отправители живы. Правда, каторжно работают, но к этому уже привыкли. Главное — живы и, кто знает, может быть, доживут до победы!

Начинается эпопея посылок в Эстонию. Люди расходуют последние копейки и шлют одежду и продукты. Юденрат организует отправку посылок. Теперь гетто живет, в основном, двумя вопросами: приняли ли вас в мастерскую и какую посылку отправили вы в Эстонию.

А письма из лагерей стали другими. Они уже не были написаны знакомым почерком и не вызывали радости и надежды. Все женщины, чьи мужья были депортированы, дети, у которых немцы забрали отцов, получили повестки явиться в трехдневный срок на Шавельскую 1, для отправки к

своим близким. Повестки пришли тысячам, новым тысячам, обреченным на ссылку. Пространство на углу улиц Шавельской и Страшуни, рядом с самым большим в гетто кафе, отгородили веревкой. Кафе превратилось теперь в сборный пункт для отъезжающих. Возле веревки дежурят еврейские полицейские, один стоит у входа в кафе. В сущности говоря, трудно было назвать происходящее "акцией" — все делалось на виду у всех. Мимо обреченных на депортацию равнодушно проходили толпы евреев, знавших, что им-то опасность не грозит, их не депортируют.

В гетто в это время не было ни единого немца, все делалось руками еврейской полиции. После объявления срока отправки являлся еврейский полицейский со списком и уводил людей. Тех, кого не было в списке, не трогали. Люди начали прятаться. Снова ожили "малины". Снова евреи валяются по подвалам или замуровывают себя в толщу стен.

На сей раз "малины" не помогли. Еврейская полиция, не найдя подлежащего отправке, забирала других жильцов той же комнаты — круговая порука! Вместо каждого скрывшегося теперь брали двух-трех и предупреждали: если в течение 24 часов не появится разыскиваемый, отправят заложников. Этот прием оказался действенным.

У евреев гетто достаточно развито чувство коллективной ответственности, и если разыскиваемый отказывался выйти из "малины", за него брались соседи, насадая с уговорами, а родственники заложников просто грозили, что донесут о местонахождении "малины".

Спрятаться удается одиночкам. День за днем на улицах гетто я вижу одну и ту же сцену: медленно бредут маленькие группки людей с узлами за спиной, иногда под присмотром полицейского, а то и сами. Порой помогают поднести вещи знакомые; у веревки, огораживающей угол Шавельской и Страшуни, вещи складывают, взволнованно прощаются. Иногда расставание короткое, иногда затягивается — смотря по настроению полицейского, который, как правило, не склонен разрешать устраивать тут "представления". Вроде бы обычное прощание перед поездкой с пожеланиями доброго пути, но звучит оно теперь совершенно по-другому. Редко услышишь "до свиданья", и почти всегда — "держитесь, евреи, мы их переживем!"

Еврейские власти в гетто уверенно смотрят в будущее. Они заявляют, что теперь промышленность в гетто разовьется еще больше. Занятие получают все безработные, и значение гетто для немцев еще более возрастет. Действительно, мастерские укрупняются, но это не успокаивает людей. На улицах все чаще услышишь обрывки разговоров об акциях и ликвидации. А новости, доходящие с фронтов, подогревают надежды, стремление во что бы то ни стало выжить.

Конец августа 1943 года. Фронты приходят в движение. Все чаще — известия о победах Красной Армии, об усилении деятельности партизан. В гетто рассказывают о крупных партизанских отрядах, которые действуют в пределах вильнюсской области, об их доблести и потерях немцев. Этим евреи объясняют концентрацию латышей и эстонцев в Вильнюсе. Полагают, что немцы готовятся к большой облеве на партизан. Город кишит войсками.

Эти новости приносят те немногие, кто все еще ходит в город. Известия комментируются на все лады. Сильны, значит, партизаны, раз немцам пришлось сконцентрировать такие силы. Евреи шутят: если советские будут бить их на фронте, а партизаны — в тылу, возможно, что про нас они и позабудут... Это к добру — так успокаивает себя гетто и в ту ночь — ночь на 1 сентября, когда только на Рудницкой 17, поблизости от ворот, не дремлют посты ЭФПЕО.

В СРЕДУ 1 СЕНТЯБРЯ, В ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА ГЕТТО внезапно окружено. Прежде чем люди проснулись и успели сообразить, в чем дело, в гетто вошли отряды вооруженных эстонцев и двинулись по улицам. Неопишуемая паника охватила всех. Люди выскочили из домов, беспорядочно, бесцельно заметались. Еще момент, и начнется бегство в "малины". Несут плачущих со сна детей, наскоро связанные узлы, мешки, пакеты. В толпе пробегают связные ЭФПЕО, выкрикивая пароль: "ЛИЗА ЗОВЕТ!"

Приказ штаба о мобилизации выполняется быстро. "Лиза зовет!" — звучит на улицах и в домах, созывая бойцов на мобилизационные пункты.

Уже выпущена и расклеена на улицах листовка штаба:

Евреи! Оказывайте вооруженное сопротивление! Немецкие и литовские вешатели вошли в гетто. Они явились убивать нас. Еще немного, и нас, колонну за колонной, погонят через ворота.

Так были угнаны сотни в Судный день! Так угоняли в ночи белого, желтого, розового "шейна".

Так увели наших братьев и сестер, матерей и отцов, наших детей.

Так были депортированы на смерть эти десятки тысяч! Но мы не пойдём!

Мы не подставим шею, как скот на бойне!

Евреи, защищайтесь с оружием в руках!

Не верьте лживым обещаниям убийц.

Не верьте словам предателей. У каждого, кто будет уведён за ворота, одна дорога — в Понары. А Понары означают смерть!

Евреи! Нам нечего терять, ведь так или иначе нас настигнет смерть. Кто может верить, что останется в живых, когда душегубы уничтожают нас с последовательной систематичностью.

Лапы палача настигнут каждого. Бегство и трусость не спасут.

Только вооруженное сопротивление может спасти нашу жизнь и нашу честь.

Братья! Лучше пасть в бою в гетто, чем быть угнанными, как скот, в Понары. И знайте: в стенах гетто есть организованные еврейские силы, которые поднимут вооруженное восстание.

Поддержите восстание!

Не прячьтесь по углам и "малинам". Палачи переловят вас, как мышей.

Евреи! Выходите на улицу! У кого нет оружия, пусть поднимет топор, а нет топора — возьмет лом, дубину, палку!

За отцов наших!

За наших убитых детей!

За Понары.

Бейте палачей!

Бейте этих собак на улице, во дворе, в каждой комнате, в гетто и вне гетто!

Евреи! Нам нечего терять! Свою жизнь мы спасем, только если уничтожим убийц.

Да здравствует свобода! Да здравствует вооруженное сопротивление! Смерть убийцам!

Штаб Объединенной Партизанской Организации – ЭФПЕО
1 сентября 1943 года,
Вильнюсское гетто.

Люди останавливаются, читают воззвание и... спешат в "малины". В гетто успел распространиться слух, что немцы затребовали 3000 мужчин и 2000 женщин на работу в Эстонию.

Штаб, застигнутый врасплох неожиданным оборотом событий, быстро оправляется от растерянности. Учтя, что потребуется около часа, чтобы извлечь спрятанное в земле оружие и распределить его среди бойцов, штаб отдает приказ не концентрировать всех членов организации в одном месте и назначает разные пункты сбора: первому батальону – на улице Страшунь 6; второму – на Шпитальной 6. Эти пункты находятся поблизости от главных складов ЭФПЕО.

Мобилизация проводится за четверть часа. В 5.30 все бойцы ЭФПЕО уже на своих позициях. Штаб в настоящий момент находится на улице Страшунь 6. Он готовится осуществить заранее разработанный план: захватить позицию на Рудницкой 11 и открыть концентрированный огонь по входящим в гетто немцам, поставив таким образом гетто перед свершившимся фактом – началом вооруженного сопротивления.

Второй батальон, насчитывающий около ста человек, находится на Шпитальной 6 и ждет оружия, которое извлекает со складов специальное подразделение. Но прежде чем оружие попадает в батальон, он оказывается окруженным немцами. Брат Генса и один из бригадиров – Гейман впустили немцев во двор с черного хода. Батальон взят в кольцо. Бойцы ЭФПЕО защищаются, но они совершенно безоружны. Немцы уводят их в направлении ворот.

На коротком отрезке между двором и воротами командир батальона Гриша Ципелевич приказывает своим людям бе-

жать и пробиваться к основным силам на улице Страшунь. По сигналу бойцы батальона набрасываются на немецкий конвой и спасаются потайными ходами. Все это происходит в считанные мгновения. 25 бойцам удается пробраться на улицу Страшунь, и от них мы узнаем о случившемся. Тотчас штаб отправляет вооруженную группу с приказом отбить у немцев остальных. Группа возвращается с пустыми руками. Большая часть второго батальона, все, кому не удалось бежать, в том числе и Гриша, уже во время схватки с конвоем были увезены из гетто на автомобилях.

К шести утра немцы, вошедшие в гетто, разделились на небольшие группы. Вооруженные автоматами немецкие посты заняли ключевые позиции на всех углах и во всех дворах. По переулкам ходят немецкие патрули, патрули на каждом перекрестке, а снаружи к гетто стянуты крупные силы врага.

Внезапное вступление немцев в гетто, впервые примененный способ захвата и то, что в эти считанные минуты мы не успели снабдить оружием всех мобилизованных, заставили штаб изменить тактику. Вместо того, чтобы занять все намеченные ранее позиции, решено сконцентрировать бойцов на глубоко эшелонированном рубеже и повести за него бой.

Потеря большей части второго батальона была для нас тяжелым ударом. С учетом этой потери и было принято решение сконцентрировать все силы в одном месте.

Наша разведка, действующая в гетто среди приближенных к местным властям полицейских чинов, получила информацию, что еврейские власти намереваются провести акцию собственными руками и выдать требуемое количество людей при условии, что немцы выйдут из гетто.

Генс и Деслер, видя, что, несмотря на внезапное появление немцев и увод части наших бойцов, боевая бригада не собирается складывать оружие, а наоборот — готовится к вооруженному сопротивлению, решили опередить беду этим предложением, которое они сделали немцам. Полицейские уже ходят по улицам и уговаривают мужчин ехать по доброй воле. Евреи начинают верить, что смерть им не грозит. Много мужчин соглашаются ехать добровольно. Это ставит штаб перед непредвиденным положением. План снова приходится менять.

И вот новый план:

1. Страшунь 6 – наш боевой центр.

2. Позиции на улице Страшунь 8 и в блоке, что напротив дома на Страшунь 7, прикрывают подступы к главной баррикаде.

3. Наш передний край на этой улице – блок на Страшунь 12. Напротив дома № 15 – наблюдательный пункт.

4. Позиция на улице Страшунь 12 должна перекрыть улицу, не допуская на нее врага.

5. После первой стычки на этой позиции следует перевести бой на всю территорию гетто при поддержке основных сил на улице Страшунь 6.

6. В случае, если позиция на переднем крае не устоит, и оборона баррикады окажется бесполезной, защитники подорвут стену гетто на улице Страшунь 6 и будут пробиваться в город.

8 часов утра. Бойцы ЭФПЕО вместе с некоторым числом неорганизованной молодежи, перешедшей теперь на нашу сторону, строят баррикаду на улице Страшунь. Специальному звену поручено любой ценой переправить оружие со склада на улице Шпитальная.

Я выхожу на улицу вместе с группой девушек-бойцов. По одиночке проскальзываем под носом у полицейских. Склад находится в доме № 9. У дома № 11 – пост эстонцев с пулеметом. Улица пуста. Всякий, кто здесь появится, неизбежно привлечет внимание. У нас приказ – принять все меры предосторожности, но в случае неудачи – стрелять и не сдаваться живыми.

Извлекаем из земли оружие. Михаил Ковнер и Данка Лубоцкий приготовили все необходимое для его транспортировки. Беремся за укладку. Под просторным пальто у каждой на боку сумка, набитая гранатами и патронами.

Все готово. Снова одна за другой выскальзываем на улицу. Не торопясь, спокойно, каждая из нас проходит мимо эстонского караула, лишь вздрагивает рука, сжимающая в кармане заряженный пистолет.

В течение получаса большую часть склада удастся перебросить к баррикаде. Оружие раздают бойцам, а мы возвращаемся на склад за остатком.

На углу Шавельской, близ Шпитальной навстречу мне выбегает Ася Биг. "Там что-то случилось, — говорит она дрожащим голосом. — Немцы во дворе!" "Пошли туда, Аська", — говорю я, и мы бежим. Вот и двор, где наш склад. Тихо. Эстонский караул переместился поближе ко двору и пулемет повернут в ту сторону.

Мы прокрадываемся внутрь. Ничего не заметно. Входим в квартиру, где находится лаз на склад. Квартира пуста. Боже, где Данка?! Но склада они не нашли, грязные половицы, прикрывающие лаз, на месте. Оружие у нас.

Из какой-то квартиры во дворе внезапно раздаются голоса немцев. Выскакиваем и прячемся в нише дома № 11. Выжидаем. Вдруг чей-то крик и немецкие ругательства. Во дворе, что напротив, стоит Данка, окруженный немцами. Один из немцев навел на него пистолет. Издали ясно различаю лицо Данки, его тщедушную фигуру и до ужаса внятно слышу: "Проклятый еврей! Где оружие?" Данка мне близок, это один из самых надежных наших бойцов, но сейчас не могу думать о нем, о грозящей ему опасности, и о том, что немцы от него, конечно, не отстанут. Он-то будет молчать, даже если молчание будет стоять ему жизни. И вот я слышу его голос. Данка требует, чтобы его отвели в полицейский участок на Рудницкую. Он хочет говорить с еврейской администрацией. Догадываюсь, что он пытается увести немцев отсюда во что бы то ни стало. Стоим, вжавшись в нишу, охваченные нервным ознобом. Немцы колеблются, затем соглашаются. Мы видим, как они уходят, подталкивая Данку прикладом автомата.

А на баррикаде расставили бойцов, распределили задачи, раздали доставленное в целости оружие. На всех его не хватает, выдали только боевым подразделениям на позициях.

Основные силы сосредоточены на баррикаде в районе библиотеки "Мефицей-Хаскала" и примыкающей к библиотеке бани. Блоки на улице Страшунь 7 и 8 находятся в руках бойцов ЭФПЕО. Передовая позиция в доме № 12 в полной боевой готовности.

Позади баррикад наши подруги готовят кипяченую воду. 15-летние девочки таскают сюда камни и складывают их в кучи. Здесь собраны железные прутья, палки, бутылки с серной кислотой, наши "фонари", топоры. На крыльце дома

№ 7 оборудовано пулеметное гнездо. У окон приготовились наши гранатометчики.

Из гетто доходят новые слухи. Генс приказал мобилизовать мужчин в возрасте от 13 до 20 лет и старше 40. Гетто несколько успокоилось. Рабочие, составляющие основную массу населения, остаются на месте! Генс в сопровождении полицейских расхаживает по улицам и лично уговаривает мужчин ехать на работу, понукает и торопит женщин, чтобы готовили своим мужьям припасы в дорогу.

Наша разведка докладывает, что сотни мужчин вызвались ехать добровольно. Тех, кто прячется, полицейские вытаскивают силой. Рабочие "эйнгейта" ХКП вышли сегодня на свой объект. Их семьи переведены в специальный блок вне гетто на улице Субочь 37, где раньше были советские женщины. Много евреев за большие деньги и благодаря протекции сумели присоединиться к семьям рабочих ХКП и таким образом покинуть гетто.

Командиром позиции на улице Страшунь 12 назначается Иехиэль Шенбойм.

На баррикадах люди напряженно ждут. Все начеку. Командир передовой позиции на Страшунь 12 имеет приказ: если на улице появятся немцы — открыть огонь!

Минует час за часом. И вот посты сообщают о приближении немцев. Илья отдает последние приказания. "Как только выстрелю, открыть огонь!"

Из окна следим за немцами, которые входят на улицу Страшунь и приближаются к нам. Илья подает сигнал и стреляет первым. Мы открываем беглый огонь. Швыряем в окна гранаты в наступающих немцев. Те отвечают сильным огнем. Первым погибает Илья Шенбойм, командующий позицией. Немцы поспешно ретируются, и стрелять больше не в кого. Внезапно поступает донесение, что немцы намереваются взорвать дом, в котором мы засели. Бойцы получают приказ отступить и присоединиться к основным силам на улице Страшунь 6. Очень скоро до нас доносится грохот взрыва. Взорван весь блок, в котором размещалась наша позиция. Тут же становится известно, что немцы ушли из гетто, забрав с улицы Страшунь своих раненых.

Наступил вечер. Ждем утра в уверенности, что немцы обязательно отреагируют на вчерашние события. Мы, однако,

ошиблись. Еврейские власти заинтересованы в том, чтобы немцы к нам не подходили. Генс с Деслером знают, что это только начало сопротивления и что оно разгорится с появлением немцев. Власти гетто прекрасно понимают, что наша борьба ставит под удар их собственные головы. И они сделают все, чтобы провести акцию своими руками – “без шума”.

На следующий день немцы и эстонцы в гетто не показываются. Только крупные войсковые силы обложили гетто со всех сторон.

4 сентября в субботу Генс объявил о мобилизации женщин. Все жены и матери, чьи сыновья и мужья отправлены в Эстонию, должны последовать за ними. Применить силу пришлось лишь к немногим – большинство согласилось ехать по доброй воле.

А мы – на баррикадах. Одни залегли возле пулеметов, другие сжимают в руках гранаты, ожидая минуты, когда подойдут немцы.

В тот период в гетто выходила газета на идиш “Новости гетто”, где, освещая ход событий, еврейские власти обнажили свое истинное лицо; в статье, озаглавленной “Развитие событий с 1 по 5 сентября”, было напечатано:

”1 сентября, в среду, в пять часов утра в гетто прибыли представители германской тайной полиции и СД в сопровождении значительного количества вооруженных эстонских солдат. Они потребовали, чтобы администрация гетто отобрала для работы в Эстонии 3000 мужчин и 2000 женщин.

Гетто охватила страшная паника. К нашему счастью, глава гетто господин Генс и начальник полиции господин Деслер сумели убедить представителей германских властей вывести из гетто солдат и поручить мобилизацию рабочей силы еврейской полиции. Это спасло положение. В соответствии с распоряжением, отданным главой гетто, мобилизации прежде всего подлежали мужчины в возрасте до 20 лет и старше 40, то есть те, кто не обременен маленькими детьми.

В пятницу утром во дворе юденрата состоялось большое собрание, на котором глава гетто дал анализ положения и сообщил, что подчинение германским властям позволит спасти все гетто. Любые другие действия* приведут к уничтоже-

*Генс заявил без обиняков: “Пойдете за боевой бригадой – пропадете все”.

нию гетто. Под влиянием его слов сотни мужчин выразили готовность ехать. Однако в нескольких местах дело дошло, к сожалению, до эксцессов, в результате чего были разрушены три дома (на улицах Страшунь 12 и 15 и Дисненской 5) и под развалинами погибло много ни в чем не повинных людей.

4 числа, в субботу, началась мобилизация женщин. На большом собрании во дворе юденрата глава гетто призвал женщин, чьи мужья уже отправлены в Эстонию, ехать за ними в следующем порядке: сначала бездетные женщины, за ними матери с одним ребенком и под конец – многодетные матери. Еврейская полиция взяла на себя отправку вещей.

Большинство женщин согласилось ехать по доброй воле. Однако в послеобеденные часы безответственные лица начали распространять ложные слухи и тем самым вызвали у женщин тревогу. Еврейской полиции во многих случаях пришлось прибегнуть к принудительным мерам. Из гетто в Эстонию уехало в общей сложности 2200 женщин.

Всего в Эстонию за все дни акции было отправлено 7130 человек. Теперь наше гетто насчитывает приблизительно 10 200 жителей. Это число уменьшится, когда 340 рабочих ХКП вместе с семьями – всего около 800 человек – покинут гетто (перейдя в специальный блок).

Председатель совета бригадиров господин К. Капланский, намеревавшийся сопровождать депортированных в Эстонию, был вынужден остаться в соответствии с особым указанием представителей германских властей*.

Надо отметить, что в последней партии мужчин было много интеллигенции, в том числе 28 учителей, 44 врача и т. д. Тем самым ресурсы интеллигенции в гетто сократились. Наряду с этим мы лишились многих специалистов, владевших важными профессиями, и их отсутствие сильно сказывается в нашей жизни, строящейся на новых основах”.

Вечером 4 сентября чрезвычайное положение в гетто было отменено. После завершения акции Киттель созвал еврейскую полицию и заявил:

”Обещаю, что отныне в течение шести месяцев все будет спокойно”.

*Чтобы доказать гетто, что с депортированными ничего плохого не случилось, с ними посылались авторитетные люди – бригадиры, которые, возвращаясь, передавали приветы и самые успокоительные известия.

5 сентября вокруг гетто уже не было войск, но для нас ворота были на запоре. На улицах гетто тихо. Глава гетто Генс в тот день издал новые приказы и распоряжения:

“Отправка людей на работы в Эстонию завершилась. В гетто будет налажена мирная жизнь и нормальная работа на следующей основе:

1. Работа в городе отменена. Это значит, что отныне евреи будут работать только в мастерских гетто.

2. К работе будут привлечены все, способные ее выполнять.

3. Я призываю всех жителей гетто спокойно вернуться домой*, соблюдать порядок и выполнять все мои указания.

4. **ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ:** объявляю, что виновные в воровстве и растаскивании чужого имущества будут наказываться смертной казнью”.

6 числа глава гетто объявил о регистрации всех жителей. В этом объявлении, в частности, говорилось:

Дабы восстановить порядок и зафиксировать положение оставшихся жителей, объявляю общую регистрацию всего населения гетто. Регистрация будет проведена ответственными за дома в течение одного дня.

Особые блоки для рабочих ХКП в городе и в военном госпитале. Ввиду того, что работы в городе упразднены, ХКП и военный госпиталь оборудовали на улице Антокольской жилье для занятых на этих объектах евреев. В блок госпиталя уже на этой неделе переселятся 63 еврейских рабочих. В блоке ХКП поселятся 300 еврейских рабочих со своими семьями и 40 человек служебного аппарата, во главе которого будет поставлен бригадир Кулиш.

По тем же причинам на прошлой неделе пришлось переехать в “Кайлис” рабочим, занятым на расположенном там заводе. Одновременно из “Кайлиса” переведены в гетто те, кто работает здесь.

В “Кайлисе” в настоящее время проживают 1250 человек.

Отдел промышленности гетто. После упразднения работ в городе необходимо развивать и расширять собственными силами промышленность в гетто, чтобы обеспечить высвободившимся трудоспособным квалифицированным рабочим и

* Имелись в виду сотни евреев, мобилизованных нами и посланных в особые боевые точки.

чернорабочим работу. Рассчитываем принять в промышленность гетто 2000 новых рабочих.

Механические мастерские имеют многочисленные заказы и обеспечены работой на месяцы вперед. Во время массовых депортаций в Эстонию механические мастерские лишились более 100 специалистов и подручных. Сейчас прилагаются усилия, чтобы восполнить их отсутствие, но вряд ли это удастся.

Теперь мы живем в закрытом гетто. Особенно обострился продовольственный вопрос. С депортацией 7000 человек наша экономическая база поколебалась. Это, однако, не должно нас пугать. Постепенно мы изучим способы существования, невзирая на тяжелые условия. Придется еще более ограничить потребности. При этом мы обязаны воздержаться от спекуляции и контрабанды. Безответственные элементы в первые же дни вступили на этот путь, который им дорого обойдется. Они могут поплатиться и жизнью. Довольствуйтесь малым, лишь бы остаться в живых!

ПОСЛЕ ЭТИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЕ гетто поуспокоилось.

В гетто считают добрым предзнаменованием приезд комиссии Тодта, собирающейся открыть в гетто фабрику по производству средств импрегнирования. Перед этим комиссия запросила Нойгебойера, стоит ли делать в гетто капиталовложения. Тот заверил, что все будет в полном порядке. Деслер подтверждает достоверность этого известия, которое распространяется с быстротой молнии и ободряет всех, кроме нас: мы живем, сознавая, что для нас передышка будет продолжаться не шесть месяцев, а считанные дни, максимум недели. Теперь мы имеем дело с новой повадкой гестапо, и это не случайная перемена. Существование в гетто боевой бригады для гестапо уже не тайна. Оно столкнулось с нами лицом к лицу 16 июля (Виттенберг), 25 июля ("группа Леона") и 1 сентября. Поэтому гестаповцы и повели себя иначе.

Они знали, что попытка массовой ликвидации всех виленских евреев натолкнется на массовое же сопротивление,

возглавленное боевой бригадой. Немцы опасались повторения Варшавского восстания, поэтому на сей раз депортации не имели целью немедленное истребление людей. Это был первый случай, когда немцы, ликвидируя гетто, увозили евреев не в неизвестном направлении, а в лагеря на работу. Предварительно эти места были обследованы еврейскими комиссиями. Из лагерей приходят письма и приветы от тех, кто был забран раньше. Отправители писем зовут своих родных приезжать к ним, потому что "здесь кормят и не расстреливают".

И хотя евреи не очень-то верили в возможность просуществовать в лагерях, но они находились вблизи линии фронта, а это давало надежду выжить. В одном из писем, полученных из лагеря Виювари, говорилось. "По ночам тут слышно, как храпит медведь /русские/. За золотую десятку можно перейти к дяде /в Россию/".

Депортация в Эстонию на работу, по мнению евреев, не означает гибели и уничтожения. По крайней мере, не сразу!..

Если бы не этот новый немецкий метод, и евреи оказались бы перед единственным выбором – Понары, я не сомневаюсь, что искра, которую мы высекли (первая баррикада на улице Страшунь), превратилась бы в пламя восстания, отчаянного массового сопротивления. Но здесь не было Понар, не было даже немцев. Была "отправка на работу", проведенная евреями же. Мы со своих баррикад провожали глазами людей, бредущих со своим скарбом к поезду, и они печальными взглядами прощались с нами, последними, единственными, кто обрек себя на то, чтобы остаться в агонизирующем гетто, лишенном всякой надежды выжить. Немало матерей изошло горячими слезами после того, как все их обращенные к сыну доводы и уговоры покинуть баррикаду оказывались безрезультатными. Так они и ушли, рыдая, сломленные мукой и отчаянием, но тем не менее с затаенной надеждой выжить или хоть спасти остальных детей*.

И опять мы очутились в новой ситуации: если последние партии виленских евреев будут направлены не в Понары, а в эстонские лагеря, если акция будет проведена еврейской

* Впоследствии один из бригадиров, работавших при гестапо, – Каммермахер – сказал одному из наших: "Я не одобрял сопротивления, был вашим противником. Но если евреи, которых отправили в Эстонию, а не в Понары, уцелеют, это будет ваша заслуга".

полицией, то конец надежде, что бой, который начнем мы, малая горстка бойцов, превратится в массовое сопротивление. А ведь это было нашей целью. К ней стремилась и призывала организация ЭФПЕО, и только такая цель могла обрести в будущем общенациональное значение. Она могла бы также открыть путь к спасению для сотен евреев — при штурме ворот и нашем отступлении к лесу в ходе вооруженной борьбы. Но возможности такой больше нет, и штаб постановляет:

1. Перебросить всю боевую бригаду из гетто в лес.

2. В случае, если нас опередит ликвидация гетто с помощью германских вооруженных отрядов, а не отправка евреев в рабочие лагеря, мы прекратим отход и начнем борьбу в гетто.

3. Если немцы попытаются атаковать нас (а по информации, которой располагает Генс, немцам наши позиции известны), мы будем драться до конца, независимо от числа бойцов на баррикадах.

4. Поэтому, осуществляя переброску в лес, мы не снизим бдительности и на позициях.

Можно было ожидать, что такое решение окажется неожиданностью для ЭФПЕО и потрясет его бойцов как противоречащее всему прежнему курсу боевой бригады, но этого не произошло. Только немногие ощущали трагизм создавшейся ситуации. Это был результат глубокого психологического процесса, начавшегося давно, ускоренного последними событиями и достигшего ныне своей высшей точки.

Казалось, ничего не изменилось — ЭФПЕО идет своим путем. Но в душах наших людей произошли серьезные перемены: глаза, свыкшиеся с мраком смерти, начали различать свет, сердце — шанс на жизнь.

Эти мысли пришли к нам потом, когда напряжение спало. Пока же мы срослись с нашими баррикадами, готовы были защищать их до последнего. И все же действительность невольно заставляла осмысливать новое. Благодаря этому многим бойцам удалось избежать тяжкого душевного надлома.

Штаб разделил организацию на группы, которые будут уходить из гетто через короткие промежутки времени. Уход партизанских групп в условиях гетто — всегда нелегко, а теперь — почти невозможен. Гетто закрыто наглухо, окруже-

но караулами литовцев, а внутри охраняется еврейской полицией. В городе уже нет евреев-рабочих, так что появление еврея сразу привлечет внимание. Мы не знаем маршрута. Проводники, прибывшие из Нарочи, ориентируются только в отдаленных от Вильнюса местностях, где уже имеются партизанские базы. Но главной проблемой теперь снова становится оружие. До сих пор все усилия прилагались к тому, чтобы пронести его в гетто, теперь мы бьемся над тем, как его вынести. Выдать его на руки – значит поставить под угрозу и оружие, и бойцов. В случае, если кто-нибудь попадетсЯ, нашему делу конец.

Штаб бьется над этим вопросом. Витка Кемпнер отправляется в город. Потемневшие было волосы теперь опять светлые, "арийские". Штаб поручил ей найти надежный маршрут для групп, организовать их уход и переброску оружия.

Чтобы выйти в город, приходится ползти через подземные "малины" и карабкаться по крышам и трубам. Под видом арийки Витка снова одолевает десятки километров в день, изучает дороги, их надежность, возможность по ним пройти. Она часто натывается на поляков, тычущих в нее пальцами, как на еврейку. Она ходит мимо полицейских участков и германских казарм. Не раз у нее проверяют документы.

Ее донесения позволили штабу организовать операцию и построить ее с учетом реальной обстановки. Дорога найдена. Неподдалеку от города Витка обнаружила место, пригодное для сбора групп. Не решена, однако, проблема оружия. Нет шансов вынести его из пределов гетто без того, чтобы не подвергнуть все дело риску провала.

Штаб проводит несколько экспериментов, но неудачно. И когда все возможности окончательно, кажется, исчерпаны, рождается новая идея: оружие провезут... мертвыми.

Из ворот гетто по нескольку раз на день увозят гробы с покойниками. Смертность в последнее время увеличилась, и полицейским с литовцами на воротах уже надоело проверять гробы и заглядывать под каждую крышку, зажимая нос. Миновав ворота, телега с ящиком сворачивает в сторону еврейского кладбища. И стоит ей выехать из гетто, а тяжелым створкам ворот – со скрипом за нею затвориться, как возчик, встрепенувшись на облучке, принимается нахлестывать лошадей...

Оружие доехало при покойнике до кладбища. Здесь уже дожидается Витка. Юный "могильщик", боец ЭФПЕО Иехуда Кушинский заранее вырыл "могилу", и Авраам Роткин закапывает в нее сталь. Ночью сюда придет группа бойцов ЭФПЕО и получит оружие. Отсюда, с этого еврейского кладбища в Заречье, отряд возьмет курс на лес.

Еврейское кладбище давно уже не видывало живого еврея, не слыживало еврейской речи. Последний раз это было в памятную "ночь желтого шейна": спасшаяся из Понар беременная свалилась здесь в корчах родовых мук и к небесам взлетел писк еврейского младенца, явившегося на свет посреди могил.

14 СЕНТЯБРЯ УТРОМ ГЕНС ПОЛУЧИЛ ПРИКАЗ ЯВИТЬСЯ к начальнику гестапо Нойгебойеру. Вскоре от Деслера узнали, что Генс застрелен. Деслер утверждал также, будто начальник гестапо заявил Генсу, что "в гетто имеется организация евреев-партизан, борющаяся с нами", и возложил на главу гетто ответственность за сопротивление.

Все ли правда в словах Деслера, мы не знаем. Но смерть начальника гетто безусловно предвещает беду, а возможно, и близкий конец. Генс свое дело сделал, и больше он им не нужен.

Остался Деслер. Опираясь на свои подлые связи с гестапо, он самоуправствовал под боком у Якова Генса — теперь и он потерял уверенность. Немцы приказали ему занять место Генса и принять дела, но от страха за свою шкуру он бежал из гетто в заранее приготовленное убежище.

Впоследствии партизанка Минна Свирская по заданию командования отряда "Мститель" явилась на тайную квартиру Деслера в пригороде Вильнюса, но ее опередили немцы, которые набрели на его убежище случайно. Деслер получил пулю от своих немецких господ.

Отправка отрядов в лес продолжается. За несколько дней ушло пять групп — около 150 человек. Всем им предстоит добраться до Нарочи, в белорусскую бригаду Маркова. Перед ними — долгий трудный путь.

В трудные дни после решения об уходе в лес на улице Страшунь, на баррикаде состоялось заседание хашомеровской ячейки. Постановили, что уйдем последними. Мы хотели пробыть здесь, пока не уйдут все наши. Но в глубине души, пряча эту мысль от самих себя, мы ждали продолжения боя в гетто, который, может быть, окажется неизбежным. Все мы находились на баррикадах — и те, кто уходил, и те, кто оставался. Здесь совершались последние приготовления. Отсюда начинали путь наши ребята, не зная, доведется ли еще свидеться с оставшимися.

С баррикады ушел первый отряд. Его напутствовали слова командира:

”Еще немного, и вы отправляетесь.

В течение двух недель, что мы стояли здесь, на этом последнем рубеже, мы были не слишком щедрыми на слова. Молча мы сжимали холодную сталь, совершая про себя последнюю молитву: пусть враг подойдет к нам, пусть появится перед баррикадой. Выйти к нему навстречу в город нам уже не по силам. Но здесь мы еще способны до конца постоять за себя и за других. Однако властям гетто удалось все-таки убедить немцев, что им не стоит входить в гетто.

Грузовики не катят больше в Понары. Мы знаем — гестаповцам известно про Страшунь б. И мы понимаем смысл их молчания. Они хотят депортировать евреев так, чтобы это имело вид добровольного отъезда, а уже потом стереть в порошок наши баррикады и нас самих.

Но такого боя не хотим мы!

Мы не желаем погибать за последний в гетто камень, да и не имеем права, ибо выросли и поднялись в бунте и задешево не отдадим жизнь.

Бойцы! Мы покидаем баррикады, так будем бороться в траншеях.

Смотрите — по ту сторону улицы — уже дома без дверей, уже окна, как мертвые глазницы, а толпы на тротуарах не только плачут, они нас жалеют и бросают в нашу сторону жалостливые взгляды. Послушайте их сострадательные разговоры — это о нас, добровольно обречших себя на смерть. И этих-то евреев мы любили, ненавидели, боролись, будили их. Но труднее всего вынести эту слепоту, которая поразила их в последнее время. Возможно, однако, что в одном они не

ошибаются: Эстония – не Понары! Там ближе до фронта, а значит и до чуда освобождения. И может быть – дай бог, чтобы так было, – дорога теперь не ведет к неизбежной смерти.

А мы – мы уходим туда, где ежедневно гибнут люди в бою, и, быть может, день освобождения встретим не мы, а те, кого сейчас увозят. Но мы боролись не только ради того, чтобы сохранить жизнь, но и за то, чтобы вернуть ей потерянный смысл. И жизнь тех, кто останется, будет освящена этой смертью. Из-под земли к нам несется не дозвучавший до конца крик: не отступите! Помните: "до последнего дыхания" – так гласило наше первое воззвание. Было это давным-давно. Два года кровавой борьбы прошло с тех пор. Мы не отступимся до последнего дыхания. А быть может – и до рассвета".

Штаб назначил срок выхода последнего отряда. От командования Литовской партизанской бригады поступило распоряжение нашей боевой бригаде сосредоточиться неподалеку от Вильнюса на новой базе, которая послужит очагом партизанских действий в округе. Приказ этот был передан через городское подполье и явился для нас тяжелым ударом: если бы мы его получили за несколько дней до ухода отрядов!* Новая база была расположена всего в 40 км от Вильнюса. Здесь можно было бы сконцентрировать сотни неорганизованных и безоружных евреев, для которых путь на Нарочь был закрыт. Теперь же большинство членов ЭФПЕО уже находились в Нарочи.

Новое распоряжение вызвало разногласия в штабе. Одни требуют послать последний отряд – вопреки недвусмысленному приказу – в Нарочь на соединение с основными силами бригады, чтобы сформировать там крупное еврейское боевое соединение; другие считают, что отныне наша задача – спасение возможно большего числа евреев, а это осуществимо только в том случае, если база не будет слишком удалена от Вильнюса. Поэтому стоит разделить силы ЭФПЕО.

*Через несколько недель мы узнали, что этот приказ, роковым образом повлиявший на судьбу наших товарищей, семь дней пролежал в кармане у одного из членов подпольного горкома. Когда он, наконец, спохватился и передал приказ штабу ЭФПЕО, три наших отряда уже находились на пути в Нарочь, а из гетто были депортированы тысячи евреев.

Такое решение и вынес штаб.

Новая база означает новый маршрут. Штаб посылает Тайбл Гелблум разведать дорогу и найти в городе проводников. Вместе с Полем Багрянским она уходит из гетто через подземную "малину" и берет направление на Рудницкие леса.

В четверг 23 сентября гетто снова окружили войска и полиция. К утру Китель сделал следующее заявление:

"Два года назад было основано вильнюсское гетто. Оно выполнило свою задачу. Отныне мы в нем больше не нуждаемся. Евреи Вильнюса будут переведены в Шауляй и Эстонию. Там не хватает рабочей силы".

В границах гетто нет ни одного немца. Еврейская полиция во главе с Беняконским (назначенным немцами на место Деслера) ходит по дворам и призывает евреев выходить из домов для отправки в Эстонию на работу.

Китель пообещал еврейской полиции перевод в Шауляй в качестве награды за организацию и аккуратное проведение эвакуации.

Приказ об эвакуации застал нас еще на улице Страшунь 6. Мы находимся в состоянии полной боевой готовности. Штаб проводит последнее короткое совещание: если не удастся за несколько часов уйти из гетто, нас окружат. Гетто группами покидают последние его жители.

Шмулику Каплинскому приказано проверить подземные переходы и отыскать самое удобное для выхода в город место. Соня Медайскер, Витка и Зельда Трегер получают задание обеспечить в городе безопасный выход на поверхность и организовать переброску отрядов к месту назначения.

Шмулик вернулся в полдень и сообщил, что ценою больших усилий и риска несколько десятков человек могут пройти. Возможны, однако, и сюрпризы, которые нельзя заранее предусмотреть. В случае дождя никто не выберется живым из канализационных труб, потому что они узкие и крутые.

Штаб направляет первую группу на Немецкую 31. Там в механических мастерских — потайной вход в канализационную сеть. Туда надо добраться и нам. Каждый боец получает оружие, патроны, гранаты. Группы отправляются одна за другой. Страшунь 6 пустеет. Точно призраки бродят здесь

последние из оставшихся на баррикаде. Спустя несколько минут исчезают и они.

Я покидаю баррикаду с замыкающей группой. Древние книги с пожелтевшими от старости страницами – безмолвные свидетели моих немых молитв и погребенных надежд – только они и останутся здесь со своей тайной. Теперь только они будут стеречь баррикаду. Я уношу с собой долю их сиротства и молчания в дорогу, смысла и конца которой не знаю...

Посреди улицы вдруг возникает мать Рашки и Блюмы Маркович. Она благословляет нас: "Идите, девочки, идите..." Мне худо от вонючей гари и дыма, но, глянув Рашке в лицо, я догадываюсь, что мне теперь легче: я уже давно без мамы.

Гарь и копоть разрушенных стен Страшуни преследуют меня, в горле першит, глаза слезятся, и я уже не могу понять, извне ли меня пропитало душной горечью пепла, или во мне самой что-то перегорело и кончилось навсегда.

Далека дорога до места сбора – двора, откуда нам уходить в лес. Между этим двором и первым воззванием пролегли почти два года. Два года, подаривших мне жизнь, полную борьбы, неудач, успехов и ощущения причастности к правому делу. Кончилось ли все это, или я просто не в состоянии видеть перспективу?

Над головой захлопнулся канализационный люк. Ноги вязнут в нечистотах. Мы – в подzemелье. Надо мною – пустые улицы гетто. Впереди – длинный ряд бредущих гуськом фигур. Я не вижу лиц: в подземном канале – мрак, и цепочка людей извивается без начала и конца. С трудом понимаю чей-то обращенный ко мне шепот: "Нас 150, пройдем ли?" Спереди по цепочке передаются приказы: "Двигаться за светом!", "Вперед!" Бледный свет фонаря указывает дорогу: Узкая труба обжимает мне плечи, не пошевелить рукой. "Шесть минут тому назад миновали границу гетто", – сообщает идущий передо мной, и я механически передаю это идущему за мной. В голове обрывки мыслей, далеких воспоминаний, картинки из читанных в детстве книг, но надо всем одна-единственная забота: не замочить увязанные на груди патроны и оружие и не отстать.

Труба сечением в метр с лишним внезапно заканчивается, и начинается круглая гладкая труба диаметром не более семи-

десяти сантиметров. Ползу. Одежда покрывается жидкой грязью. Пот заливает глаза. "Если хлынет дождь, мы не выберемся", — внезапно вспоминаю слова Шмулика Каплинского.

Вдруг остановка. Кто-то упал в обморок. Проход закупорен. Двигаться вперед нельзя, но нельзя и передохнуть. Люди нервничают. Но вот движение возобновилось. Потерявшего сознание перенесли в одну из боковых труб — его вынесут замыкающие.

Я утрачиваю чувство времени, а в какие-то моменты забываю и смысл пути. Спереди приходит приказ: "Приготовиться к выходу!" — первые уже наверху. Один за другим выныриваем из тесного люка. Ноги ступают на твердую почву. Инстинктивно ощупываю одежду — мокрая, в комьях грязи. Хорошо, что уже стемнело, а ведь из гетто мы вышли при свете дня. Двор, в котором мы находимся, мне незнаком. Пусто и тихо, но за поломанной оградой, на той стороне улицы литовский полицейский участок. Звук шагов. Люди прижимают к земле и к стенам. Чей-то шепот возле калитки: "Янина!" — "Наши!" Это Соня, Зельда, Витка и с ними два человека из города в форме литовских полицейских. Им удалось найти в городе укрытие. Нам надо попасть на улицу Субочь, в пустой Пушкинский дворец.

Мы уходим группа за группой. Необходимо поддерживать между группами связь, не все знают путь, не знаю его и я. Иду с Рашкой Маркович. Внешность у нас обеих — типично еврейская, а еще эта одежда! Город залит светом, причем приходится идти по главным улицам, где кишмя кишат немцы и литовцы. Мы громко разговариваем, смеемся. Близ улицы Субочь путь перерезывает ослепительный свет прожекторов: неподалеку отсюда на площади немцы собирают евреев гетто для депортации. Прохожие бросают в нашу сторону подозрительные взгляды.

Наконец — Пушкинский дворец. Все-таки добралась! Вижу моих товарищей, и бурная радость охватывает меня. Снова вместе! Но тут же выясняется, что это не так. Многих не хватает. Может быть, все они в "Кайлисе"*? Было, правда,

*"Кайлис" — меховая фабрика. Работавшие на ней евреи жили в домах вне гетто и находились там еще некоторое время после того, как гетто было окончательно ликвидировано.

такое указание — кто не найдет дорогу на Субочь или не сумеет ее благополучно пройти, должен идти в "Кайлис" и там дожидаться. Сердце разрывается между отчаянием и надеждой. Надо ждать, надо и немного отдохнуть. Возможно, завтра уже пойдем дальше.

Нахожу свободное местечко в подвале изъеденного сыростью и плесенью старинного дворца. С потолка свисают лохмотья паутины. Запах неприютности и разрухи. Лежим на полу вповалку, бодрствуем и молчим. Я уже не чувствую усталости от пути по подземельям, забыла о пережитом во время ходьбы по городу. Я уже не думаю о том, выберемся ли мы отсюда и каким образом. Одна мысль сверлит мозг и не дает покоя: что случилось с теми, кто не пришел?

Как бесконечно долго тянется эта ночь, первая ночь вне стен гетто! На рассвете в город, в "Кайлис" уходит Зельда. Мы, запертые в подвале, долго ждем ее возвращения.

В "Кайлисе" Зельда действительно нашла некоторых, заблудившихся в дороге. Тогда выяснилось, кого нет. Не было Хвойника, Янкеля Каплана, Аськи Биг и старшего сына Виттенберга. Все четверо по дороге на Субочь наскочили на немецкий патруль. Их задержали и потребовали документы. Они ответили выстрелами и наповал уложили немецкого офицера, но их скрутили. Немцы отвели их в Росу — место концентрации евреев гетто перед отправкой в Эстонию. Утром на площади на глазах у потрясенных евреев ребят повесили*.

Я вижу перед собой Хвойника. Как мучился он сомнениями, уходить ли ему в лес! Он боялся, что со своей парализованной рукой будет обузой в отряде. Он — член штаба, человек благородной души, всеми нами любимый, как мог он опасаться своей физической слабости? И ведь не подвела его в решающий момент рука, но думал ли он, что убедится в этом в последнюю минуту своей жизни? Подле него была Аська — его подруга. Они избегали разговоров о будущем. Может быть, как раз вчера они начали надеяться, строить планы — и погибли.

Возле меня лежит Рашка Маркович и молчит. О чем она теперь думает? О матери, которая вчера благословила ее с

* Из рассказов очевидцев мы впоследствии узнали, что их допрашивали и что гестапо было известно об их принадлежности к штабу.

сестрой в дорогу и теперь осталась одна в умирающем гетто? Или о своих больных ногах, покрывающихся кровоподтеками от долгой ходьбы? Ведь это она заявила мне еще там, на баррикаде: "Оставьте меня, дайте мне гранаты, только в гетто я могу жить и умереть". И вот она здесь. Я впервые вижу ее бездеятельной. Впервые не бежит она сообщить о занятии, передать указания, вручить бюллетень. Она кутается в свое красное пальто, прячет лицо от посторонних глаз и гнетуще-странно молчит.

Спертый, душный воздух. От нас несет потом и грязью. Нельзя ни выйти наружу, ни отворить дверь.

Смотритель дворца, встретивший нас позавчера молчаливым согласием, нынче утром заявил, что мы должны немедленно уходить. Сами не уйдем — выгонит. Ждем Тайбл Гелблум, которая по всем расчетам уже должна была возвратиться из лесу.

В полдень оттуда пришел посланец — Ванька из коммунистического подполья, и принес страшное известие: Тайбл убита. Попала в немецкую засаду. Погибла, почти достигнув леса. Теперь все дороги под контролем, и нет прохода в лес. Проводники не придут.

Из угла до меня доносится сдавленный плач. Пространство подвала полнится безмолвным горем и безысходностью.

Витка уходит из дворца. Она идет в сторону города, чтобы разведать путь на Рудники. В город, в "Кайлис" во второй раз отправляется Зельда — за боеприпасами и хлебом.

В углу подвала засветили свечу. На полу расстелена карта, на ней компас. Над картой согнулся Аба. Его рука медленно и неуверенно прочерчивает по зеленым пятнам карты красную линию.

На третью ночь принимается решение уходить. Звучат негромкие четкие команды, даются последние указания. Отдельными звеньями нужно выбраться на окраину. Каждое звено разделено надвое и будет двигаться параллельно по двум тротуарам. Звенья уходят через пятнадцатиминутные промежутки. Место встречи — крест в роще, что за Радуньским мостом. Кто-то вспоминает, что по дороге придется идти мимо католической святыни — раки остробранской мадонны — и, стало быть, не забыть снять шапки.

Уходят первые звенья. Вот и мой черед.

Дворцовый двор пустеет. Там и сям мелькают чьи-то тени. Улица Субочь длинна и по большей части пустынна. Шаги идущих — слегка неуверенные и торопливые — не вызывают здесь удивления и не привлекают внимания. Поздно вечером на окраине прохожие всегда торопятся. Улицу кутает осенний сумрак. Накрапывает дождь. Какой удивительно свежий и сладкий воздух после долгих часов, проведенных среди плесени, грязи и духоты, — воздух вольного мира! Мы дышим полной грудью. Но вот уже центр города, весь в огнях, и озаренная электрическим светом статуя остробранской святой Марии в сверкании своего оклада из драгоценных камней. Здесь всегда людно, и все крестятся, замедлив шаг и обнажив голову. Дождь усиливается; может быть, он поможет евреям благополучно миновать христианскую святыню? Этот участок проходим парами и, входя в ворота, не знаем, что ожидает тех, кто позади, и какова участь передних.

Мы ныряем в боковые переулки и проходим. И снова — окраина, лай собак, отголоски редких выстрелов (случайных или по цели?) и проливной дождь. Вдали возникает крест, а перед ним — Радуньский мост. Парочки идут обнявшись, словно спешат на ночное приключение. Караульного нет, вероятно, сбежал от дождя куда-нибудь под укрытие.

Люди прячутся в мокром кустарнике близ креста. 10 часов вечера. Темно, хоть глаз выколи. Тихая переключка. Уже 11, а шестого звена все еще нет. По зарослям прокатывается шепоток — ждать до 12! За пять минут до полуночи люди встают, вынимают припрятанное оружие. Вдруг — звук приближающихся шагов — и пароль. Слава богу, пришли! Все тут!

Вдоль шоссе узкой полосой тянется перелесок. Продираемся сквозь чащу. Мокрые ветки хлещут по лицу, ноги то и дело скользят. Но вот роща кончилась, приходится пересечь шоссе. Прибавляем шаг. Уже есть отстающие. Им помогают. Дышим, как запаренные. Внезапно из потемок выныривают огни — стало быть, приближаемся к селу. Высылаем вперед разведчиков. Отряд замедляет шаг. Разведчики быстро возвращаются и сообщают, что впереди — мост, охраняемый часовыми. Стоп! Но обойти его невозможно, другой переправы нет. Короткое совещание наших командиров, и по колонне проходит четкий приказ: "Рассредоточиться! Приготовить гранаты!"

Идем по шоссе, не скрываясь. Печатаем шаг. Гранаты и оружие наготове. Тело послушно напряжено, сердце замерло. Вот и мост. Входим на него в боевом порядке и проходим — в с.е. Не раздастся ни единого выстрела и, кроме наших шагов, — ни звука. Часовых на мосту нет*. Опасность миновала.

Снова втягиваемся в рощу, огибаем шоссе. Скоро начнет светать, а дороги в лес никто не знает. Судя по карте, мы приближаемся к Меречанке, реке в районе болот.

От колонны отделяется группа разведчиков и уходит на поиски проводника, который согласился бы провести отряд через эту незнакомую и опасную местность. Лай собак свидетельствует о близости жилья. Поход затягивается. Укрываемся в роще и ждем возвращения разведчиков.

Мы находимся близ хутора со странным названием "Сорок татар". По сведениям наших командиров на хуторе живет человек, который должен согласиться провести отряд. Разведка его находит. Ромек Кужминский готов вести нас за золотые червонцы, но только не ночью. Он утверждает, что до рассвета добраться до надежного места невозможно и предлагает ждать следующей ночи.

Колонна идет к хутору и окружает колодец. Люди взахлеб пьют воду. Мы уже давно страдали от жажды.

Пробиваются первые лучи солнца. Колонна расположилась в роще. Дождь давно перестал, с ног сброшена мокрая, а у некоторых и расползшаяся обувь. Под деревьями расстелены пальто, чулки, рубахи — авось на солнце немного пообсохнут.

Тянутся долгие, пустые часы. Кто-то пробует забыться, кто-то осматривает свои стертые, израненные ноги, и всех донимает голод: лишь тут, во время вынужденной остановки вспомнилось, что вот уже вторые сутки, как у нас не было во рту маковой росинки. К отряду прибавились двое. Это — врач Шломо Гурфинкель и его жена Эмма. Они прятались на хуторе и вышли, когда узнали, что поблизости есть группа евреев, отыскивающая дорогу в лес. Они тоже хотят уйти к

* Впоследствии от крестьян из ближнего к мосту села мы узнали, что караул в ту ночь бросил свой пост. Заслышав маршевый шаг, часовые решили, что идут крупные силы партизан, и пустились наутек.

партизанам. Оба молоды и полны энергии. У д-ра Гурфинкеля имеется с собой саквояж с медицинскими инструментами.

Вечереет. Возвращается Ромек с разведчиками*. Перелесками выходим к болотам и далее, по узким мосточкам, называемым в этих местах "кладкой", приближаемся к речке Меречанке. По одному пускаемся вброд. И тут перед нами внезапно открывается густая зелень огромного топкого болота. Не успеваем прийти в себя от этого зловещего сюрприза, как Ромек заявляет, что через болото он людей перевести не может. Он-де неважно себя чувствует и предлагает помочь поискать другого проводника.

Мы стоим между рекой и болотом. Неподалеку находится село Мацела – то самое, где погибла Тайбл. Близ села – немецкий гарнизон. Село надо непременно обойти стороной, но единственный путь для этого – через болото.

Разведчики уходят с Ромеком на поиски нового проводника, и нам не остается ничего другого, как снова ждать, предаваясь невеселым мыслям. Утомление, которое во время ходьбы как-то преодолевается, сейчас свинцом растеклось по всему телу. Кажется, больше не будет сил продолжать дорогу и заставить ноги идти вперед.

Разведчики возвращаются с каким-то темнолицым недотепой. Парень даже с трудом понимает, чего мы от него хотим. Неужели он выведет отряд через болото? И все же пускаемся в путь. Разведчики с мальцом – впереди. Безмолвное болото, не подававшее до сих пор ни малейших признаков жизни, словно проснулось, как только нога человека ступила на его поверхность. Оно расступается, затягивает вглубь, в трясины...

Мы по горло в болотной жиже. Ноги тщетно ищут опоры, руки, пытающиеся уцепиться за какой-нибудь торчащий сук, хватают воздух, тело теряет равновесие. Трясина засасывает ботинок, нога с трудом вырывается из плена босой. Люди оскальзываются, проваливаются с головой.

Двигаться дальше невозможно. Проводник заблудился или вообще не знает дороги. Через это громадное болото есть лишь одна надежная тропа, и, если ее не отыскать, нет

* В группе разведчиков – Витка Кемпнер, Шмуэль Каплинский и Вульц.

никаких шансов добраться до цели. Командиры приказывают прекратить движение. В грязи, босые или в одном уцелевшем башмаке, потные и мокрые люди выбираются назад на узкий перешеек и ждут результата разведки.

Время идет. Несколько человек бьются в болоте в поисках спасительной тропы, а проводник пробует убедить нас, что можно пройти через Мацелу, и когда его предложение отвергается, объявляет, что больше сделать ничего не может. На него сыплются угрозы, уговоры, обещания повисить вознаграждение — а поиски тем временем продолжаются. И вдруг желанная тропа — извилистая нитка бревен, вьющаяся по болоту, — обнаруживается.

Вооружившись заготовленными на привале шестами, мы по одному вступаем на этот "мост" шириной в ступню. Люди оступаются, проваливаются в жижу, но шест, протянутый идущим сзади, помогает выбраться. Надо спешить. Если поход через трясину до вечера не кончится, придется заночевать тут же, прямо на "мосту"... Не все выдерживают этот тяжкий путь. Кто-то останавливается, не в силах больше двигаться. Его принуждают продолжать путь угрозами и силой.

Через несколько часов мучительной ходьбы, казавшейся бесконечной, мы, наконец, ступили на твердую почву опушки векового бора. Он вырос перед нами, как дивное видение, как чудо, на которое мы уже и не надеялись. Пасший коров старик посохом показал нам, куда идти.

Мы — на границе партизанского края. А вот и широкий грунтовой тракт, испещренный следами ног, лошадиных копыт и колес. Это — "копана"* — главная из дорог, ведущих к партизанским базам. По бокам "копаны", как стража, выстроились, переплетаясь кронами, могучие дубы, ели и березы с густым подлеском — темная сплошная чашоба, непроницаемая для солнца и человеческого глаза. А сама дорога сверкает разноцветьем палой листвы, расстелившейся широкими коврами по оранжевому песку.

* "Копана" — насыпь, сделанная тут для прокладки большой шоссейной магистрали до начала германо-польской войны. Строительство шоссе затеял Пилсудский, часто приезжавший сюда с многочисленной свитой на охоту. Для этого он и начал строить дорогу, облегчавшую доступ в богатые охотничьи угодья.

“Стой! Кто идет?” – раздается внезапно окрик по-русски. “Партизаны. ЭФПЕО”, – отвечает наш командир, не зная другого пароля. Из-за деревьев точно по волшебству возникает человек. Шапка советского образца, усы, автомат. Человек бежит и падает в объятия к первому подошедшему. Должно же было так случиться, что первый партизан-часовой, которого мы встретили в лесу, оказался Тевкой Гальпериным, членом ЭФПЕО, ушедшим несколько месяцев тому назад из гетто в Нарочь! Сегодня он первым принимает своих товарищей на пороге новой главы в истории их тяжелой борьбы.

Этот раздел был написан через тринадцать лет после выхода в свет первого издания книги "Пламя под пеплом" и дается здесь отдельной главой, завершающей повествование.

Изложение событий основано на подробных свидетельствах участников сопротивления, в большинстве случаев опрошенных мною лично, а также на документах из архивов "Морешет" и "Яд ва-Шем".

Автор.

В РУДНИЦКИХ ЛЕСАХ

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА, КОГДА ГРУППА ЭФПЕО пришла в Рудницкие леса, в этом районе было еще мало партизан. Первые базы были заложены лишь недавно и служили главным образом очагами развития партизанского движения на месте.

Большое опоздание, с которым тут началась партизанская война, объяснялось значительным расстоянием от фронта, непосредственной близостью к крупному городскому центру (Вильнюсу), а также изобилием местечек и сел, населенных, в основном, литовцами, которые, как правило, сотрудничали с оккупантами. Кроме того, Рудницкие леса не были сплошным лесным массивом, где можно передвигаться с места на место, не пересекая при этом магистральные шоссе и не встречая сильных вражеских гарнизонов. Все это привело к тому, что только во второй половине 1943 года с общим ростом партизанского движения и после побед Советской Армии, вызвавших существенную перемену в умонастроениях местных жителей, этот район подключился к организованной партизанской борьбе.

В этот период из лесов Нарочи сюда пришел авангардный отряд Литовской бригады. В задачу отряда входило основать в этой местности базу партизанского движения, которое со временем своими действиями и уже одним своим присутствием обеспечит принадлежность этого района (включая Вильнюс) к будущей Литовской республике. Такая задача и методы ее решения с первого же момента обусловили особый

и весьма сложный характер деятельности как авангардного отряда, так и самой Литовской бригады, появившейся позже. Партизанам приходилось не только воевать с противником, но и бороться с сопротивлением гражданского литовского населения и одновременно завоевывать его симпатии и доверие к будущему советскому строю и его нынешним посланцам. Они должны были заниматься агитационной, политической и организационной работой в сети, простиравшейся до Вильнюса. Поэтому партизанское командование в лесу являлось и центром коммунистического подполья в городе, и вся его деятельность проходила в тесной связи с городом. Во главе литовской группы стоял Гаврис, литовский коммунист. Он пока еще не занимался партизанскими боевыми операциями, а налаживал связи с городом, зондировал почву среди местного населения и строил базу. Он ждал прихода партизанских частей из Нарочи с их постоянными командирами и оружием.

Совершенно другой характер имел еще один отряд, базировавшийся в Рудницких лесах. Это была малочисленная спецгруппа советских парашютистов, укомплектованная из старых партизан с большим боевым опытом. Спецгруппа пользовалась в лесу совершенно автономным и независимым положением, не выказывала никаких симпатий Литовской бригаде и действовала по указанию Москвы. Командовал спецгруппой капитан Алеко, но самой популярной и известной в ней фигурой был Гройловский из Олькиник, по прозвищу "Батя".

21 апреля 1943 года из Вильнюса вышла во главе с Борисом Фридманом группа евреев, принадлежавшая к "Отряду Иехиэля". На пути в Рудницкие леса группа напоролась на немцев и погибла почти целиком. Спасся только ее проводник — Митька Бастумский, и еще два человека.

Спецгруппа капитана Алеко обосновалась в этих местах только во второй половине 1943 года. С нею прибыл и Батя в качестве начальника разведки. В начале сентября, после гибели Иехиэля Шенбойма во время боя в гетто, в Рудницкие леса ушли еще три группы из "Боевого отряда Иехиэля". Начальником организации был назначен тогда Эльханан Магид. Связи с лесом постоянно поддерживал Хаим Сольц, уроженец Олькиник, в прошлом лесоторговец, который в то

время находился в гетто и лично знал Батю. В лесу скопилось более 70 человек, в том числе много женщин и пожилых. Все их вооружение состояло из шести винтовок, по пистолету на каждого, да гранат. Еду они сначала покупали у крестьян, но когда на месте собрались все, пришлось изыскивать другие, партизанские способы добычи продовольствия. Наставлял их Митька Бастумский, у которого был более продолжительный опыт жизни в лесу (в прошлом – тоже лесоторговец, он знал окрестности и раньше пришел в лес – еще с группой Бориса Фридмана). Через несколько дней, когда ребята уже освоили искусство добывать провиант по-партизански, Митька со своей группой, насчитывающей десять человек, покинул лес. Командиром был назначен Натан Ринг, офицер полиции в гетто. Он был членом штаба организации "Иехиэль", но за ним числилось много подлых дел и прежде всего – проведение акции в Ошмянах. Люди это, конечно, знали. Группа установила связь с парашютистами Алеко и надеялась присоединиться к ним. Такая надежда основывалась, главным образом, на личном знакомстве Хаима Сольца с Батей и симпатиях последнего к евреям. Первая встреча между капитаном Алеко и еврейской группой оказалась в высшей степени драматичной. Капитан приехал повидать людей и посмотреть, насколько они пригодны для партизанской службы. Но человек, отрекомендовавшийся командиром группы, был одет в полицейский мундир. Алеко закатил Рингу пощечину.

Через несколько дней капитан сообщил, что не может принять в свое боевое подразделение группу, где много женщин и небоеспособных мужчин. Он заявил, что лес – не место для прятков; он командует партизанами и готов взять с собой двадцать парней, способных носить оружие. Остальным он предложил перебраться в другое место и разбить там семейный лагерь. На это люди ответили, что они не могут бросить женщин и стариков без оружия и защиты и не согласны на предложенный раздел. Лишь немногие решились на то, чтобы все-таки покинуть стоянку евреев и уйти к парашютистам. Возможно, что на этот шаг их толкнули тяжелые условия существования в лесу, но главное – отсутствие перспективы сражаться, ибо впоследствии некоторые из

них снискали уважение как мужественные партизаны и прославились своей героической гибелью.

Теперь для всех стало несомненным, что нет шансов быть принятыми в партизаны и надо приниматься строить базу своими силами. Была проведена реорганизация, отобрано двадцать пять парней, способных ходить в продовольственные экспедиции, и назначены командиры, в том числе Эльханан Магид, Шломо Бранд и Янек Фауст. И пока они размышляли, какой характер должна носить их деятельность, сомневаясь в возможности просуществовать в лесу в качестве боевого партизанского подразделения, в лес пришла первая группа членов ЭФПЕО — 70—80 человек.

”Новички” и ”старожилы” встретились со смешанным чувством — радости по поводу того, что евреев в лесу прибыло, и скорби оттого, что так мало их — последних из ликвидированного гетто. Старожилам приход пополнения сулил новые возможности, а новичкам лес теперь казался уже не таким чуждым и враждебным.

На следующее утро Хина Боровская и Аба Ковнер отправились к комиссару Литовской бригады Гаврису. Этому походу предшествовали ночные прения и резкие споры между членами штаба ЭФПЕО и руководством группы ”старожилов”. Мнения разошлись по вопросу о будущем еврейского лагеря и его главной задаче. Руководители группы считали, что в основном надо рассчитывать на связь с парашютистами, как на реальную силу в лесу, и не идти на сближение с Литовской бригадой. Еврейский лагерь, по их мнению, не может сам обеспечить свое существование из-за специфического контингента, не позволяющего сформировать нормальное боевое подразделение, и поэтому нуждается в защите; ему необходим сильный тыл. Литовцы, дислоцирующиеся значительно дальше, не могут этого гарантировать. Командиры же ЭФПЕО настаивали, чтобы еврейский лагерь превратить в обычный партизанский отряд внутри организованной партизанской бригады. По этой причине, а также потому, что между бойцами гетто и Юргисом, командиром Литовской бригады, поддерживались давние связи, естественно присоединиться именно к этой бригаде, которая готовится на днях перейти со

своей временной базы в Нарочи в Рудницкие леса и будет действовать, главным образом, в окрестностях Вильнюса.

Боровская и Ковнер сообщили Гаврису о приходе группы бойцов ЭФПЕО и об их желании основать еврейское партизанское подразделение, признанное главным партизанским командованием. Они категорически настаивали на этом, поскольку организация ЭФПЕО уже ранее была признана составной частью общепартизанского движения, действующей на территории гетто. Они просили реализовать это признание в условиях леса, сформировав самостоятельное еврейское подразделение. Гаврис, который временно исполнял обязанности командира бригады, сердечно их встретил, но подчеркнул, что все вопросы будут окончательно утрясены после прибытия комбрига из Нарочи. Пока же он назначил Абу Ковнера командиром еврейских партизан, а Хину Боровскую – политкомиссаром. Он обещал также свое содействие, чтобы получить их утверждение в этих должностях из Москвы.

На этой первой встрече был поднят вопрос и об оружии для группы. Ответ Гавриса был обескураживающий – оружия нету. Со временем, может, появится. Евреи должны добыть себе оружие сами. Никаких установок и указаний военного характера Гаврис не дал. Он предоставил Ковнеру и Боровской полную свободу действий, словно желая проверить и убедиться, одолеют ли евреи трудности, связанные с их первыми шагами в лесу, и многого ли они стоят на деле. Он лишь посоветовал сначала обосноваться и только затем приступить к боевым операциям. Но, как уже говорилось, это был скорее совет, чем приказ.

На первом общем смотре, проведенном утром следующего дня, Аба Ковнер объявил состав нового командования. Он также объявил, что не будет отдельного семейного лагеря и деления в зависимости от пола и способности носить оружие. Еврейский лагерь будет боевым подразделением с армейским режимом и обязательной для всех военной дисциплиной. Он сказал, что необходимо искать место для новой базы и как можно скорей ее построить, потому что здесь слишком близко к "копане". Перед отрядом – две ближайшие задачи: добыть оружие и вывести евреев гетто в лес.

У многих решение командиров вызвало удивление, возмущения и даже сопротивление.

Идея оставить место, расположенное поблизости от базы парашютистов капитана Алеко, казалась опасной и недостаточно продуманной значительному числу людей, а превращение лагеря в военный отряд, подчиненный суровой военной дисциплине, пришлось не по вкусу семейным людям. Многие женщины не рассчитывали на то, что им придется стать бойцами и партизанами. Они пришли в лес спутницами своих мужей, и хотя были готовы ко всем невздам и опасностям, не считали необходимым внезапно превратиться в солдаток и подчиняться правилам военного распорядка. Но главные трудности были вызваны сменой командования. Прежние командиры усмотрели в новых назначениях личную обиду и пытались отнестись к этому за счет партийных интриг (Боровская была коммунисткой), несмотря на то, что хорошо знали политический облик Абы Ковнера и его положение в качестве признанного командира ЭФПЕО в гетто.

С такими и подобными этим проблемами новому командованию пришлось столкнуться с первого же дня. Возможно, что если бы командование имело возможность провести широкую разъяснительную работу и терпеливо дожидаться, пока страсти улягутся, люди быстрее поняли бы необходимость подчиниться новому положению. Но выжидать было некогда. Командование понимало, что именно первые дни и недели решают облик отряда: либо сразу и с самого начала удастся доказать, что такой еврейский лагерь — с его разношерстным составом, нехваткой оружия и специфическими проблемами — имеет право на существование в качестве партизанского подразделения и сможет выполнять свои задачи, либо всем станет ясно, что в подобном виде эта группа людей небоеспособна и, следовательно, ее надо расформировать. Это значило подтвердить концепцию капитана Алеко (которая сама по себе была вполне законной и общепринятой до того времени во всех партизанских отрядах), а именно — что необходимо отделить годных носить оружие от негодных, дабы первые могли присоединиться к любой партизанской части, в то время как вторые должны разбить отдельный семейный лагерь и жить из милости и в полной зависимости от доброй или злой воли партизан, оперирующих поблизости.

Поэтому командование с первого же дня начало твердо

осуществлять свои решения, несмотря на множество помех, которые чинились со стороны самого же населения лагеря.

Приступили к закладке новой базы. Место для нее было выбрано в глубине леса, на маленьком островке посреди болота. Подход к острову был тяжелый и опасный, добраться туда можно было только по узкому, рассыпающемуся от гнили дощатому настилу: с точки зрения безопасности — идеально, но условия жизни — кошмарные: сырость, грязь, землянок не выкопать, провиант доставлять по хлипкому настилу — мұ́ка. Но соображения безопасности были важнее всего. Это было единственное место, которое можно было выбрать под стоянку еврейского лагеря среди враждебного окружения, на местности, где было мало партизан.

На островке выросли шалаши, которые сооружались из веток, обложенных мхом. Ни дать ни взять — летний скаутский лагерь, а приближалась ветреная и дождливая осень. Люди делали все возможное, чтобы превратить эти хлипкие будки в жилище, которое защитит от ветра и холода близкой зимы. Строго соблюдавшийся распорядок трудовой повинности позволил создать запас дров для топки и приготовления пищи. Деревья приходилось валить на большом расстоянии от лагеря (чтобы не выдать вырубками местонахождение базы) и доставлять на остров по ненадежному "мосту".

Были назначены инструкторы по стрелковому делу. В лагере было много людей, которых надо было обучить хотя бы элементарным навыкам обращения с оружием. Начались занятия. На следующий же день после первого смотра командование занялось организацией разведки. Несколько бойцов во главе с Хаимом Сольцом, который знал местных крестьян, отправились искать людей, подходящих для роли осведомителей еврейского партизанского лагеря. Надо было срочно наладить связь хоть с несколькими крестьянами, хорошо ориентирующимися в окрестностях, знающими местное население и готовыми сообщать разведчикам о событиях в этом районе — передвижениях немцев, настроениях в селах. Ясно было заранее, что такой крестьянин, даже если он согласится, помогая нам, подвергать риску жизнь свою и своей семьи, не станет этого делать только из симпатии к евреям или к

партизанскому движению (и главное — не предадут ли эти люди, можно ли полагаться на них?) .

Строительство новой базы только началось, быт лишь начал налаживаться, разведка едва родилась, но группа людей уже отправилась на первую операцию — добывать оружие. По сведениям разведки в заречном селе Дорогоже живет семья, сотрудничающая с оккупантами, у которой есть винтовки и пулемет.

Несколько человек во главе с Абой Ковнером, вооруженные, кто по-настоящему, а кто деревянными "ружьями", пришли ночью в село. Инсценированными громкими "приказами" было создано впечатление, будто дом окружен крупными силами партизан. При неверном свете лучины в доме прищельцы объявили, что пришли изъять у хозяев оружие. Хозяйка ударилась в плач, хозяин поминутно крестился, уверяя, что оружия нет и никогда не было, взрослые сыновья помалкивали. Наши ребята, для которых это был первый опыт такого рода, почти что поверили. Хозяйка позвала всех к столу. Они уселись и принялись не спеша уминать хлеб, запивая молоком. Внезапно командир вскочил и приказал поднять руки вверх, встать к стене и выдать оружие. В ответ — вой и клятвы, что говорят истинную правду. Ребята скомандовали всем мужчинам выходить во двор, женщинам было сказано, что их мужей и сыновей поставят к стенке, если оружие не найдется. Раздался выстрел (во дворе выстрелили в воздух), женщины заголосили еще громче, но не признались. Ребята уже готовы были поверить и уйти, как вдруг часовой во дворе заметил, что один из задержанных пустился наутек. Его настигли в момент, когда он шарил под порогом. Там оказались две винтовки, якобы все, что есть, но теперь уже больше веры не было. Хозяйку вывели во двор и велели запрягать коня, угрожая его забрать, если не будет выдано все оружие. Это подействовало. Крестьянка сдалась. Она была готова отказаться от всего, только не от коня. Трясущимися руками вынесла она партизанам еще две винтовки, которые были спрятаны на чердаке.

ЭТА ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ ОЧЕНЬ ОБОДРИЛА ВСЕГДА ЛАГЕРЬ. Кроме практической пользы, которую она принесла (четыре винтовки были серьезным подспорьем при нашем уровне "вооружения"), и громкой огласки, она доказала надежность наших осведомителей, явившись для них первым испытанием, а для нас — основой для разработки новых операций.

Тем временем Зельда Трегер по поручению ЭФПЕО была занята в Вильнюсе организацией отправки в лес группы бойцов, еще остававшихся в "Кайлисе". Соня Медайскер, которая по решению компартии осталась в городе продолжать подпольную работу, действовала среди неорганизованной еврейской молодежи в "Кайлисе", готовя ее к побегу.

Внутри блока ответственным группы членов ЭФПЕО был Иосеф Хармац, пришедший сюда с другими бойцами в ночь ухода из гетто. В течение нескольких суток они прятались на чердаке здания, в нижнем этаже которого размещались канцелярии германского окружного комиссариата, и только чудом спаслись. Группа, вышедшая в путь всего через несколько дней после ухода первой, насчитывала 53 человека. В нее входили последние из остававшихся в городе членов ЭФПЕО и ребята, буквально в последнюю минуту выразившие желание присоединиться к партизанам. Приход группы в лес вызвал радость и волнение. Из рапорта, поданного командованию, выяснилось, что в жилмассиве, окружающем "Кайлис", и в ХКП евреи продолжают работать, как обычно. Соня поддерживает с ними связь, и есть надежда организовать там дополнительные группы для отправки в лес.

Несмотря на тяжелые условия, нехватку оружия и большую численность лагеря (уже перевалившую за принятый среди партизан размер), командование решило отправить в город посланцев за новыми людьми. Тут отпали все соображения безопасности вместе с материальными и военными резонами — основной нашей задачей стало спасение евреев. В те дни даже скептики и недовольные убедились, что подобная спасательная операция оказалась возможной только благодаря наличию отдельного, автономного еврейского отряда с самостоятельным командованием.

В Вильнюс были посланы две партизанки — Дина Розенвальд и Доба Девельтов. Им было поручено установить связь с Соней и быть проводниками для уходящих групп. С арийскими документами девушки покинули базу и направились в сторону города. Но они еще плохо ориентировались в лесу, заблудились, наткнулись на засаду латышских солдат и были арестованы как еврейки, пособничающие партизанам. Они клялись и божились, что они польки, приехавшие из Вильнюса на село за продуктами. Это не помогло. Латыши привели их в Мацелу, где находился литовский пост. Там их долго допрашивали и, ничего от них не добившись, решили везти назавтра в центральный полицейский участок в Рудники.

В полночь в помещении, где находились арестованные, сменилась стража. Новый караульный был пьян и сразу уснул. Доба воспользовалась этим и бежала через окно. На следующий день она вернулась на базу и рассказала о своих приключениях, но о судьбе Дины она ничего не знала.

На следующий день полицейские привезли Дину в Рудники. Ее опять долго допрашивали, но благодаря своему хладнокровию и хитрости, она убедила следователей в том, что перед ними — полька. Она потребовала себе в провожатые полицейского, который отвезет ее в Вильнюс. Она не собирается пасть жертвой новых недоразумений. Назавтра она уже была в Вильнюсе и через несколько дней возвратилась на базу с группой из сорока евреев с "Кайлиса". Добу Девельтов послали в город вторично. На этот раз она беспрепятственно прошла маршрут, связалась с коммунистическим подпольем, передала и получила информацию и вернулась в лес с оружием, которое посылало партизанам городское подполье.

Зельда Трегер, недавно прибывшая в лес с первой группой из "Кайлиса", ушла в город с заданием штаба бригады. Она выполнила задание, а по возвращении доставила еврейскому лагерю медикаменты, письма, документы и агитационные материалы для штаба бригады.

Дина Розенвальд второй раз ушла в Вильнюс, чтобы опять привести евреев. С ней пришло еще сорок человек.

Теперь в нашем лагере насчитывалось уже более 300 человек. Меньше чем за месяц число еврейских бойцов в Рудницких лесах достигло приблизительно 250. С новой остротой встали старые проблемы — организационные, хозяйственные, проблемы безопасности.

Сначала лагерь был поделен на два отряда: партизанский устав не допускал крупных формирований. С приходом пополнения был основан третий отряд, затем — четвертый. Все четыре отряда составили еврейскую бригаду. Ею командовал Аба Ковнер, по совместительству командовавший также первым отрядом, названным "Мститель". Командиром второго отряда — "К победе" — был Шмуэль Каплинский, третьего — "Смерть фашизму" — Яков Пренер, четвертого — "Борьба" — Абраша Ресель.

В то время все люди были еще сконцентрированы на одной базе. Операции проводились совместно. Организационное разделение не привело поначалу к каким-либо существенным фактическим переменам, но уже тогда было ясно, что неправильно и опасно держать в одном месте такое количество людей. Главная и самая большая трудность заключалась в обеспечении продовольствием 300 с лишним человек. Кроме того, по-прежнему не хватало оружия. Две последние группы прибыли совершенно безоружными, а того, что имелось в лесу, было недостаточно для самых элементарных нужд. В этих условиях добыча провианта и оружия превратилась в дело первостепенной важности, требовавшее не меньше хитроумия, дерзости и риска, чем настоящая боевая операция.

Вылазки за продовольствием необходимо было с точки зрения безопасности проводить крупными вооруженными группами. Это диктовалось близостью литовских гарнизонов и враждебностью жителей окрестных сел, опоясывавших лес. Нельзя было ходить за провиантом в ближние села, чтобы не восстановить их против себя, не выдать расположение лагеря и не ставить в затруднительное положение проживающих в этих селах осведомителей. Если же село симпатизировало партизанам и сотрудничало с ними, то в нем вообще нельзя было брать продукты. Оставались далекие, враждебно настроенные села, но в такие рейды надо было ходить хорошо вооруженными. В то же время нельзя было оставлять без средств обороны базу, и вопрос, что же

предпочтительней, часто разрастался до масштаба серьезнейшей и мучительной проблемы. Такое положение побудило командование централизовать хранение оружия, оставив на руках у бойцов только пистолеты*. Тот, кто отправлялся в рейд или караул, получал ружье со склада и по возвращении был обязан его вернуть. Эта система позволила привлечь к операциям большое число людей, которые, таким образом, приобретали боевой опыт, а главное — уничтожила различия и конфликты между горсткой вооруженных людей (а потому у — "бойцов" и "кормильцев") и всей остальной безоружной массой.

Но не только нехватка оружия затрудняла продовольственные рейды. В этом районе, где пока было еще мало партизан, складывалось впечатление (в значительной мере обоснованное), что продукты у крестьян забирают только евреи. А поскольку даже для удовлетворения минимальных нужд лагеря в продовольствии требовалось очень много, партизанам приходилось часто ходить в села, навещая одно и то же село, известное своими богатыми запасами, по два и по три раза кряду. Крестьяне, которые, естественно, не желали расставаться со своим добром и делали это только со страху, конечно, иногда прикидывали, зачтется ли им это в случае победы Красной Армии. Но если в русских партизанах они видели представителей этой армии и ее авангард, то никогда не считали такими представителями партизан-евреев, за которыми не было никакого государства и никаких вооруженных сил и некому было оплатить их счет. Поэтому на первых порах крестьяне пытались оказывать нам сопротивление, а убедившись в решительности и твердости еврейских бойцов, нашли более эффективное средство — они обратились к германским властям с жалобой на еврейских "бандитов", прося у немцев защиты. Последние в этом, разумеется, не отказали. Немцы были настолько уверены в преданности крестьян, что не поколебались раздать им оружие для "самообороны" и организовать их для этой цели.

Между несколькими селами была налажена связь, чтобы

* Система "коллективного" оружия была из ряда вон выходящим явлением на фоне порядка, принятого во всех партизанских отрядах, где оружие являлось личным, и только вооруженный человек считался партизаном.

оповещать друг друга о любом замеченном движении партизан, его направлении и численном составе группы. Через гонцов или с помощью сигнальных ракет известие передавалось очень быстро, и не раз бывало так, что группу неожиданно обстреливали, прежде чем она добиралась до цели. И даже если бойцам удавалось проникнуть в нужное село, провести операцию и отступить, забрав с собой обоз, враг подстерегал его на обратном пути, и все, что было добыто ценой огромных усилий, а порой и крови, вполне могло быть потеряно.

Штаб бригады предложил евреям скрывать во время операции свою национальность, выдавать себя за русских, литовцев или поляков. Но евреи не могли да и не хотели воспользоваться добрым советом, и все усилия направляли, в основном, на совершенствование своих действий, изобретение новых уловок и повышение боеспособности.

Между тем, положение со снабжением лагеря обстояло из рук вон плохо. Как ни бились, что ни изобретали и сколько ни ходили в рейды бойцы, они не могли удовлетворить даже самых элементарных нужд лагеря. Почти единственной пищей, которой питались люди, была пресная болтушка из ржаной муки, пузырившаяся на костре в больших чугунах. Эта несоленая, без капли масла баланда не сходила с нашего стола, сколоченного из тонкого кругляка, и приходилось заставлять себя есть ее. Хлеб был драгоценной редкостью и отпускался только больным крошечными, точно отмеренными пайками.

Все "припасы" концентрировались на главном складе, и ответственный за склад (Генрих Загайский) отпускал их на кухню согласно количеству людей, находившихся в тот день на базе. Норма питания была равной для всех (кроме больных), без различия в чине, звании и положении. Это было равенство полуголодных. Люди теряли силы, многие заболели. Начала свирепствовать цинга, распространились желудочные заболевания, поносы и фурункулез, не щадивший даже самых крепких (зато почти бесследно исчезли другие хронические недомогания, которыми многие страдали до прихода в лес).

Не лучше обстояло дело и с жильем. Летние шалаши не могли защитить от холода и дождя. Скучная одежда, которую

мы не снимали с себя ни днем, ни ночью, тоже не спасала. Днем еще можно было погреться у костра. Ночью, очнувшись от тяжелого сна, люди обнаруживали, что лежат в воде, в жидкой грязи, а дождь все льет и льет, и холод пронизывает до костей. У кого хватало энергии, тот вскакивал и посреди ночи бросался искать место посуше, "изобретатели" предпочитали конопатить щели и отводить льющуюся сквозь крышу воду, а многие, проснувшись, просто меняли позу, подбирали ноги, чтобы уберечь от воды хотя бы обувь, и засыпали снова. Утром начинали сушить одежду, а ночью — опять дождь и грязь, и все сначала.

Появилась реальная угроза эпидемии. Распространилась чесотка. Санитарное состояние лагеря было ужасающим. Не было мыла, сменного белья. Позднее парни меняли свои нателные рубахи у крестьян, но пока об этом не могло быть и речи. В более выгодном положении находились женатые мужчины — им стирали жены. Холостяки же, которых было большинство, просто выкидывали кишевшие вшами рубахи, после того, как не снимая носили их несколько недель.

Первым распоряжением, изданным, когда автор этих строк была назначена старшиной лагеря, были установлены коллективные стирки и женщинам вменено в обязанность обстирывать всех бойцов. Так как мыла не было, в воду во время кипячения белья добавлялась зола, а для дезинфекции белье прожаривалось старым утюгом, добытым в селе во время одного из рейдов.

Так налаживал свою жизнь наш большой лагерь. И несмотря на мучительные трудности, люди не пали духом. Они закалились и приспособились к тяжелой обстановке. Именно тот режим, которого ранее опасались, внес порядок и организованность в лагерную жизнь.

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ МИНОВАЛО С ТЕХ ПОР, КАК большинство бойцов собралось на острове, а база уже была построена. Людей обурежала жажда борьбы, и все мечтали о боевых операциях, которые станут возмездием за гибель тысяч евреев, о новых рейдах по спасению евреев. И хотя главные проблемы все еще дожидались своего разрешения, а

количество оружия не увеличилось, штаб приступил к разработке партизанских операций. Группа бойцов отправилась на первое диверсионное задание – перерезать телефонную связь на шоссе, ведущем в Вильнюс. Весь лагерь провожал их добрыми пожеланиями. Многие завидовали уходящим.

Я тоже иду. Со времени моего прихода в лес я впервые покидаю базу, успевшую превратиться в мой дом. В группе – около двадцати парней и две девушки. Передо мной шагает Хася Варшавчик. Мы хорошо понимаем, что в зависимости от того, как будет проведен рейд, решится не только наше собственное боевое будущее, но и общий вопрос о привлечении девушек к таким операциям. Многие парни поглядывают в нашу сторону с сомнением и тревогой – дорога длинная, привалов мало: выдержим ли поход и не задержим ли всю группу? Выходим к “копане”. Пока идем вольно, уверенные, что здесь ничто нам не угрожает. Настроение отличное, мысль, что мы, группа еврейских партизан – на боевом задании, окрыляет нас и будоражит воображение. Неожиданно издали послышались шаги. Берем оружие на изготовку. Разведчики уходят вперед. Слышим окрики. Идем к разведчикам, и перед нашими глазами предстает группа партизан, только что пришедших в Рудницкие леса. Обмениваемся приветствиями и, по обыкновению, ищем еврейские лица. Замечаю приближающегося к нам человека. Он спрашивает, кто мы, и, когда отвечаем, что мы еврейские партизаны, интересуется, нет ли среди нас “Ури”. Этот вопрос поверг меня в изумление: кто этот человек и откуда ему известна подпольная кличка Абы Ковнера?

Аба выходит из рядов и идет ему навстречу. Рассматриваю пришельца: низенький, круглолицый, по-славянски длиннорусый, с автоматом. Оказывается, это – Юргис, командир бригады. Он прибыл из Нарочи с членами своего штаба и группой бойцов и находится на пути к бригадной базе. Это – первая встреча двух командиров. Ковнер надеялся увидеть среди спутников Юргиса и членов ЭФПЕО, но таковых не оказалось. Он спрашивает о них. Юргис говорит, что не взял с собой вильнюсцев и что он это объяснит после. Услышав, что группа евреев направляется на партизанскую операцию, он спрашивает у Абы, не может ли тот поручить кому-нибудь командование, чтобы проводить его, Юргиса: он хочет с Абой

переговорить. Ковнер передает командирские обязанности кому-то из заместителей и остается с Юргисом, а мы продолжаем путь.

Юргис видит нас на марше. Он поражен, удивляется, что при таком плохом вооружении группа выходит на боевую операцию, но одновременно взволнован нашим партизанским обликом и говорит об этом вслух. Он забрасывает Ковнера вопросами о характере еврейского отряда, его составе и численности. Для него — сюрприз, что не был основан семейный лагерь. Ковнер пытается узнать подробности об отряде "Месть" в Нарочи. Ответы Юргиса по этому поводу почему-то очень сдержаны. Он рассказывает, что не все люди из Вильнюса находятся вместе и что вскоре прибудет группа во главе с Глазманом. Ковнер выражает удивление по поводу того, что эта группа не пришла вместе с Юргисом, и тот отвечает, что группе назначен другой маршрут и она наверняка явится в ближайшие дни.

Юргис хочет знать, что произошло в гетто, но особенно интересуется судьбой Генса. Сообщение, что Генса больше нет в живых, его очень расстроило. На вопрос Ковнера, чем объясняется такой интерес, Юргис ответил, что Генс был офицером литовской армии и знал местонахождение тайника с большим запасом армейского оружия. Юргис все время надеялся, что с помощью Генса удастся это оружие извлечь и снабдить им партизан. Он допытывается у Абы, не слыхал ли тот случайно об этом тайнике и не рассказал ли кому-нибудь Генс о его местонахождении.

Тут Ковнеру вспомнилась одна из бесед, состоявшихся у членов штаба ЭФПЕО с Генсом. Глава гетто в тот раз потребовал прекратить всю подпольную работу, чреватую, по его мнению, опасностью для гетто. Вместе с тем он тогда же заявил, что в урочный час он, Генс, сам возглавит восстание: военного опыта у него побольше, чем у его собеседников, а оружие он изыщет. Члены штаба отнеслись тогда к этим словам Генса как к пустому бахвальству. И только теперь, из разговора с Юргисом, Ковнеру стало ясно, что Генс говорил правду и имел возможность вооружить массы евреев в гетто, что, возможно, повернуло бы весь ход событий. Но Генс верил немцам до последнего момента, а

когда разуверился, было уже поздно. Однако не менее странными показались и надежды Юргиса, советского командира, на Генса, бывшего литовского офицера, человека, который, руководя гетто, сотрудничал с немцами.

Разговор вернулся к более близким и актуальным темам. Юргис делает кое-какие намеки по поводу будущей структуры партизанских отрядов в этом лесу. И хотя ничего конкретного он не говорит, можно догадаться, что комбриг категорически против существования отдельного еврейского подразделения. Ковнер не разделяет этого мнения. Командиры долго и взволнованно спорят. Юргис приводит многочисленные и разнообразные аргументы, ссылаясь прежде всего на опыт в Нарочи. Доказано, что существование отдельного еврейского отряда усиливает антисемитские настроения среди окрестных крестьян. Он подчеркивает, что эта опасность особенно актуальна для этого района, где к евреям всегда относились с бóльшей враждебностью, чем на белорусских землях. Кроме того, он считает, что обособленность не идет на пользу боеспособности отряда, включающего штатский элемент. Он также намекает (и Ковнер еще не догадывается о смысле этого намека), что такой отряд может натолкнуться на враждебное к себе отношение и со стороны партизан.

Все эти доводы основаны, якобы, на личном опыте Юргиса, но есть и соображения принципиального порядка. Согласно общепринятому в Советском Союзе взгляду, структура партизанского движения должна строиться наподобие структуры союза советских республик — по территориальному принципу. Каждая, временно оккупированная врагом, территориальная единица имеет свое национальное партизанское движение. Рудницкие леса принадлежат Литве, и действующее на месте партизанское движение должно превратиться в будущем в движение по освобождению Литвы. Поэтому в рамках этого движения обязаны сражаться с оккупантами все граждане республики, без различия национальности и вероисповедания. Обособленность может быть объяснена, по его мнению, только различными целями. "Разве в войне с фашизмом у евреев существует какая-то обособленная цель?" — спрашивает советский командир у еврейского командира.

Ковнер, к тому моменту еще не знавший, что Юргис — сам

еврей*, ответил, что, хотя отдельной цели нет, существуют особый смысл и значение в том, что евреи сражаются именно как евреи, мстя за то, что сделано с ними как с народом и что не имело примера в отношении других литовских граждан. Не граждане Литвы истреблялись, а литовские евреи, и жажда возмездия, которая воодушевляет еврейских партизан, настолько сильна и оправдана, что справедливость требует признать и оценить ее. "Мы хотим продолжить в лесу начатое нами в гетто и доказать, что горсточка уцелевших от тех беззащитных масс, которые были уничтожены без сопротивления, будет и дальше сражаться с палачами — как евреи и сыны своего народа. Что касается антисемитизма, то нет никакой разницы, существует или не существует отдельный еврейский отряд. В той мере, в какой евреи будут встречаться с неевреями в смешанных отрядах, нет никакой уверенности, что последствия этих встреч будут только положительными и не снизят боеспособности евреев".

Юргис стоял на своем, но согласился оставить вопрос открытым до его подробного изучения. Он выразил желание посетить еврейскую базу и встретиться с людьми.

Весь этот разговор происходил по дороге на базу бригады. Когда они прибыли в лагерь, Юргис внезапно спросил Ковнера, является ли тот членом коммунистической партии. Ковнер ответил отрицательно. "Верно, — отозвался Юргис, которому теперь вспомнилось это обстоятельство. — Вы ведь член "Хашомер хацаир"?" — "Да", — ответил Аба, и тут в уме у него сверкнула догадка, что Юргис еврей: название "Хашомер хацаир" он произнес не так, как оно пишется и выговаривается по-русски, и не на литовский лад. Это было произношение еврея.

Неужели Юргис решил маскироваться и не обнаруживать своего истинного облика? Он продолжал беседу, не подозревая, что то, как он произнес два ивритских слова, находится в некотором противоречии с его холеными славянскими усами, и начал интересоваться, каким образом можно установить связь с городом. К его удивлению, оказалось, что такая связь уже налажена и еврейские партизанки поддерживают ее надежно и регулярно. Он рад этому, он нуждается в

* Вскоре стало известно, что Юргис — еврей-коммунист из Литвы и его подлинная фамилия Зиман (Зиманас).

этих девушках и просит прислать их для прохождения службы в штабе бригады. Ковнер отказывает. Он объясняет, что задача этих партизанок – доставлять из города евреев. Он не против того, чтобы они работали и для штаба бригады (собственно, они уже делают это), но не может вывести их из подчинения еврейскому отряду.

Юргис высказывает еще некоторые мысли и соображения. Он нуждается в лесной типографии, требуется также наладить изготовление фальшивых документов. Может ли он рассчитывать на помощь? И снова Юргису приходится удивляться – на еврейской базе, оказывается, уже действует мастерская по выпуску таких документов и есть специалист по этому делу (Габик Седлис). Что касается типографии, то в гетто, говорит Ковнер, у ЭФПЕО была подпольная печатня, позднее переданная городскому подполью, но организовавший ее полиграфист (Ицхак Ковальский) тоже находится в отряде, и еврейские партизаны готовы наладить типографию в лесу и участвовать в издании газеты.

Через несколько дней Юргис прибыл на базу еврейских партизан. Перед этим группа бойцов возвратилась с первой диверсионной операции, успех которой превзошел все ожидания. Командование было занято планированием новых диверсионных актов и подготовкой хозяйственных рейдов. В лагере царил подъем, бойцы добровольно брались за любую задачу, невесело было только некоторым членам командования – назревали серьезные тревоги.

В честь визита Юргиса был устроен торжественный смотр с участием всех бойцов, построившихся в длинные ряды. Юргис приветствовал партизан, говорил о боевом братстве, о задачах борьбы. В заключение люди спели на идиш гимн ЭФПЕО. Те, кто стоял подле Юргиса, заметили, что на глаза у него навернулись слезы – что-то слишком сильные эмоции для литовского партизанского командира... Тогда же Юргис неофициально намекнул командованию на нежелательность пребывания такого большого лагеря в одном месте и на необходимость срочно запланировать рассредоточение сил. Но пока это еще не было приказом.

Группа, которая, по словам Юргиса, должна была прийти из Нарочи, все не появлялась. Это было странно и тревожно. Юргиса забрасывали вопросами по этому поводу, но он не

знал, что отвечать. И когда прошло еще некоторое время, а никаких вестей из Нарочи от Глазмана и его людей по-прежнему не было, члены командования обратились к Юргису с просьбой разрешить отправить группу бойцов в Нарочь, чтобы установить связь с отрядом "Мечь" и выяснить, что случилось с Глазманом. Юргис уклонился от четкого ответа. Он тянул с этим как только мог, отделяваясь отговорками, и под конец отказался удовлетворить просьбу как непрактичную и неосуществимую.

Знал ли он что-нибудь и скрывал или сам ничего не знал? Трудно было себе представить, что у штаба бригады нет информации из Нарочи, хотя там находятся приданные бригаде подразделения. Со времени, когда туда ушли люди ЭФПЕО, миновало уже несколько месяцев, а связи с ними все не было. Известие о предстоящем приходе в Рудники Глазмана с маленькой группой тоже вызвало сомнения и различные догадки. Ведь известно было, что Глазман — один из инициаторов и организаторов Нарочского отряда "Мечь": какова же участь этого отряда, и как могло случиться, что Глазман, начальник отрядного штаба, оставил своих людей и двинулся в Рудники? И если группа ушла из Нарочи одновременно с Юргисом, как понять, что она до сих пор еще не появилась?

Ответы, которые давались на эти настойчивые вопросы, только усиливали смятение.

В леса Нарочи ушли лучшие люди ЭФПЕО. Большая часть оружия, добытого нашей организацией ценой огромных усилий и жертв, тоже была направлена в Нарочь. Там с бойцами находились три члена штаба ЭФПЕО (Иосеф Глазман, Нисан Резник и Лева Зискович). Там возник еврейский партизанский отряд, все командиры которого — евреи. На создание этого отряда дали разрешение и Марков, командир Белорусской бригады, и "литовец" Юргис. Что же там стряслось? Что кроется за словами Юргиса о приобретенном им в Нарочи "отрицательном опыте?"

ПЕРВАЯ ГРУППА БОЙЦОВ ЭФПЕО УШЛА ИЗ ВИЛЬНЮССКОГО ГЕТТО в леса у озера Нарочь 24 июня 1943 года. Она была названа "группой Леона" в память командира ЭФПЕО Виттенберга, который пал геройской смертью неделей раньше. Эту группу, состоящую из 21 человека, возглавлял Иосеф Глазман, член штаба ЭФПЕО. Проводником должен был служить еврейский партизан Шая Гертман, присланный с этой целью командиром Белорусской бригады Марковым. Бойцам выдали пистолеты, несколько винтовок, гранаты и пулемет — существенную долю того мизерного количества оружия, которым располагало ЭФПЕО. Разобрав его и спрятав под одеждой, бойцы по одному прокрались за забор гетто через боковой ход со двора на Рудницкой 6, а затем, построившись как обычная рабочая бригада лесорубов (такие бригады ходили временами в ближние леса, и группа прихватила с собой пилы и топоры), двинулись в путь "под присмотром" еврейского полицейского в мундире — члена ЭФПЕО Зунделя Лейзерсона. Группа благополучно прошла через Вильнюс и без приключений добралась до Новой Вилейки. Здесь к ней примкнуло несколько местных евреев, улизнувших от немецкой охраны.

К вечеру бойцы остановились на привал в роще, километрах в трех от города. Главная опасность миновала. Люди извлекли оружие, собрали пулемет и освободились от желтых заплат. Глазман разбил их на две группы, поручив одну Изе

Мацкевичу, другую — Хаиму Лазару. Командиры получили приказ собрать у бойцов все личные документы и уничтожить их. Настроение было приподнятое. "Из затравленных евреев, — вспоминает Шломо Канторович, — мы внезапно превратились в свободных людей, бойцов, с единственной мыслью — отомстить за пролитую кровь и за унижения. В той роще мы словно заново родились, будто сразу освободившись от кошмара жизни в гетто".

Возможно, что это чувство уверенности, овладевшее беглецами, когда на привале в роще они дожидались вечера, заставило их позабыть о бдительности и о мерах предосторожности, которые они привыкли соблюдать в гетто: неподалеку ходили со стадом подпаски, но члены "группы Леона" их не задержали...

С наступлением темноты двинулись дальше. Вперед ушли пять разведчиков — Муля Хазан, Зундель Лейзерсон, братья Гордоны и Изя Мацкевич. Дорога вела к селу за мостом на речке Вилейкс, через который надо было перейти. Двигавшийся позади отряд залег в нескольких стах метрах от моста, ожидая сигнала. Разведчики уже были на мосту, и бойцы последовали за ними, когда с противоположного берега по ним открыли огонь. Произошло замешательство. Вся группа повернула назад, отстреливаясь из пистолетов. Лишенные всякого боевого опыта, люди потеряли самообладание. Разведчики еще сопротивлялись, но скоро стрельба прекратилась. Тут выяснилось, что во время бегства потеряна связь, многих недостает и неизвестно что с ними — ранены, убиты или заблудились. Шая Гертман утверждал, что отряд окружен и предлагал разделиться на звенья по 3—4 человека в каждом, чтобы легче было пробраться в лес. С ним не согласились. Люди не хотели расставаться друг с другом, тем более что не у всех имелось оружие и никто не знал, какая судьба постигла отсутствующих. Пока искали выход, внезапно обнаружилось, что исчезли проводник и его жена. Ошеломленные беглецы принялись аукать и сигналить зажженными фонарями, не считаясь с опасностью. Но проводник не вернулся, а с ним пропала и единственная имевшаяся в отряде карта.

Пришлось поскорей убраться подальше от злополучного моста и забиться в чащу. Нашлись и такие, кто в приступе отчаяния решил вернуться в гетто. Эти люди покинули группу

и ушли в сторону города. Глазман, сломленный пережитым, словно лишился способности руководить людьми. В нем трудно было узнать человека военной закалки и командира, каким он был в гетто, но он понимал, что дороги назад нет. От отряда, который вышел с ним, осталась половина, но эти оставшиеся были полны решимости идти дальше, невзирая ни на что. У нескольких бойцов имелся список с названиями сел по дороге на Нарочь - решили руководствоваться им. Прежде всего надо было как-то перебраться через реку в обход моста. Два крестьянина, которых они остановили, рассказали, что отряд выдали подпаски, потому-то он и попал в засаду на мосту. По их словам, несколько человек сумели прорваться, но были убиты на противоположном берегу, двоих застрелили на мосту. Немцы приказали жителям села не предоставлять убежища раненым и сообщать в полицию о каждом замеченном подозрительном лице.

С помощью этих крестьян был найден брод, и бойцы переправились через реку. Днем прятались, двигались только по ночам. Поход, рассчитанный на шесть суток, растянулся на две недели. До партизанских баз Маркова в лесах вокруг озера Нарочь добралось менее пятнадцати человек, вконец истомленных и обессиленных. Изя Мацкевич, братья Гордоны, Зундель Лейзерсон, Муля Хазан, Роза Шершневецкая, Рахель Боракисская и Хаим Спокойный не пришли с ними.*

К тому моменту, то есть к августу 1943 года, в этих лесах находился центр крупного и организованного партизанского движения. В бригаду Маркова входило уже несколько отрядов. Здесь обосновалась также Литовская бригада под командованием Казимира и Юргиса и базировалась спецгруппа советских парашютистов.

Такое скопление партизанских сил объяснялось выгодными географическими условиями: озеро окружено обширными труднопроходимыми густыми лесами, которые тянутся на большие расстояния, до Латвии на севере, смоленских лесов на востоке и минских на юге. Местность заболоченная, с

*На теле Изи Мацкевича, который находился в числе пяти, отправившихся на мост и погибших, немцы нашли документы бойцов: Мацкевич взял их, но не уничтожил. Так гестаповцы узнали имена бежавших и на следующий день нагрянули в гетто с обысками. Семьи бойцов были казнены, и расстреляны пять бригадиров из "эйнгейтов", где работали беглецы.

большими "островами" среди топей, удалена от больших транспортных магистралей – железных дорог и шоссе. Все это как нельзя лучше подходило для ведения партизанской борьбы и притягивало, с одной стороны, белорусское партизанское движение, размещавшее свои базы от Смоленска до Нарочи, а с другой – литовское на его начальном этапе, так как часть этой территории входила в состав довоенной Литвы.

Соединение Маркова, получившее наименование Ворошиловской бригады, состояло из отрядов "Истребитель", "Чапаев", "Пархоменко", "Комсомольский" и др. Число бойцов бригады перевалило за тысячу. Начала заново формироваться и Литовская бригада, значительно уступавшая по численности Бригаде Маркова.

В большинстве отрядов Маркова воевали и евреи. Прославился, например, командир разведки "Чапаева" Ицхак Блат. Он несколько раз ходил через немецкие линии во вражеский тыл. Человек беспримерной храбрости, он стал одним из первых партизан, удостоенных советских военных наград. Кроме боевых операций, в которых он участвовал, Ицхак Блат сыграл важную роль в спасении евреев из гетто городка Глубокое Витебской области и заботился о людях, ютившихся в лесу в так называемых "семейных" землянках. В тот же отряд была принята группа еврейских парней из Свентян, и некоторые из них (Моше Шутан, Шая Гертман, Израиль Вольфсон и Форустан) были впоследствии посланы командиром "Чапаева" Садыкиным в Вильнюс за подкреплением и оружием.

Крупной фигурой среди партизан-евреев был комиссар (а затем и командир) отряда "Истребитель" Подольный. Москвич, лейтенант Советской армии, по профессии инженер, он побывал у немцев в плену, но бежал из эшелона с военнопленными, направлявшегося в Германию, и пришел в лес. Однако, невзирая на наличие партизан-евреев в "Чапаеве", "Истребителе", "Суворове" и других отрядах, абсолютное большинство евреев, которые добрались до Нарочской пуши, жило в вышеупомянутых семейных землянках и шалашах в тяжелейших условиях, и соплеменники-партизаны могли им помочь лишь немногим.

Да и сами партизаны-евреи далеко не во всех отрядах чувствовали себя на равной ноге с русскими бойцами. Мысль

об основании отдельного и самостоятельного еврейского отряда, способного разрешить многочисленные наболевшие вопросы, овладела многими умами и, складываясь в ходе встреч и разговоров между партизанами, превратилась в отчетливое стремление. С приходом в лес вильнюсских бойцов ЭФПЕО во главе с Глазманом появилась ячейка, которая могла бы взять на себя практическое осуществление этой задачи, если бы удалось добиться от партизанского командования в лесу соответствующего разрешения. Глазман уже в гетто был сторонником этой идеи и теперь, считая себя представителем ЭФПЕО в лесу, начал действовать. Он доказывал Маркову объективную необходимость формирования еврейского отряда, заручился поддержкой Юргиса, с которым был знаком еще до войны, и в конце концов настоял на своем: еврейское партизанское подразделение в Нарочских лесах стало фактом. Оно было поставлено под начало еврейского командования в составе: Бутинас, литовский еврей, парашютист, специально откомандированный Юргисом — командир отряда; Иосеф Глазман — начальник штаба и Борис Гронеман — старшина. Отряд насчитывал около семидесяти бойцов в двух ротах под командованием Хаима Лазара и Гирша Гительзона.

На торжественном построении с участием командиров других партизанских отрядов бойцы-евреи принесли присягу, и Марков произнес перед ними пламенную речь, закончив ее следующими словами: "Кому как не вам биться с фашистами, чтобы отомстить за пролитую кровь ваших братьев? Постарайтесь же стать хорошими бойцами, мужественными и верными. Мы вам поможем всеми средствами, которыми располагаем, — инструкторами, оружием и руководством". Он предложил присвоить отряду символическое название "Мечь".

Это событие стало центральным не только для бойцов самого отряда, но и для партизан-евреев в русских и литовских подразделениях и евреев во всем этом районе. Еврейская молодежь, которая до сих пор не имела перспектив быть принятой в состав партизанских частей и томила в семейных землянках и шалашах, пошла в отряд. Даже те, кто бежал в лес только в надежде выжить, не могли больше оставаться в стороне. Еврейские партизаны, рассеянные по разным отря-

дам, начали добиваться перевода в "Месть", несмотря на то, что в этом им упорно отказывали командиры. База "Мести" очень скоро превратилась в место встреч всех еврейских партизан в лесу. Здесь можно было найти сочувствие и ободрение, поговорить на идиш, узнать последние новости из разных углов пуши, но главным образом -- из вильнюсского гетто.

В личном составе отряда было много виленских евреев. Еще до его сформирования из гетто пришла группа молодежи, организованная Моше Шутаном и Форустом. Вскоре после прихода группы Глазмана партизаны-проводники Шломо Иехильчик и Мордехай Файгель привели из гетто 28 человек. В этой группе было много гродненцев, бсжавших в Вильнюс после ликвидации гродненского гетто, часть которых побывала по пути и в гетто Белостока.

Новый отряд принялся энергично организовывать свой быт. На базе построили землянки, шалаши, начали проводить занятия по стрельбе. Командование бригады (тем временем, между Юргисом и Марковым шел спор, кому из них должен подчиняться отряд) поручило ему охрану посадочных площадок, сбор сбрасываемого с воздуха снаряжения и поиск приземлившихся парашютистов. Группы бойцов вместе с другими партизанами участвовали в диверсиях на железнодорожных линиях. Вскоре отряд принял участие в крупной операции под командованием Маркова, к которой было привлечено большинство партизанских подразделений в лесу, -- разгроме немецкого гарнизона в местечке Мядзе. Операция завершилась успешно, и бойцам "Мести" досталась часть взятых у немцев трофеев. Участвовал еврейский отряд и в операции в местечке Кобильники. Разведка "Истребителя" донесла, что в местечко должна прийти германская войсковая часть на смену отведенной в тыл полиции. В штабную землянку был вызван еврейский партизан Меир Хадаш, который был родом из Кобильник, и ему поручили роль проводника и разведчика.

Хадаш отправился в Кобильники, зашел в дом на окраине, перепугав хозяев, увидевших перед собой партизана-еврея, да еще земляка, и разведал обстановку. Во время последующей атаки он служил проводником сторожевого охранения и привел бойцов на станцию, которую было приказано взор-

вать. Местечко сожгли, запалив прежде всего дом бургомистра. Горели дома тех, кто пособлял и радовался уничтожению местных евреев, так что легко представить, с каким удовлетворением бойцы "Мести" возвратились на свою базу.

Однако самостоятельные операции и крупные диверсии были им в то время не по силам. Прежде всего, в отряде ощущалась острейшая нехватка оружия. То, что имелось, было, в основном, принесено из гетто. Марков, торжественно обещавший помочь оружием, слова не сдержал. В отряде было много безоружных, а также женщин, в отличие от других партизанских подразделений. Дружественное отношение со стороны русских и литовских партизан вскоре изменилось. Бойцы "Мести" начали то и дело наталкиваться на оскорбления, насмешки и откровенные антисемитские выпады. Тем не менее они верили в скорые перемены к лучшему. Глазман с согласия Маркова отправил посланцев в Вильнюс, требуя присылки из гетто новых, вооруженных групп. В результате этой миссии, возложенной на Александра Богена (Юргис дал ему еще и свое особое задание), Гильмана и Моше Рудницкого с 8 по 13 сентября 1943 года штаб ЭФПЕО отправил из гетто в Нарочские леса пять групп.

Еврейские партизаны из отряда "Месть", естественно, радовались каждому новому подкреплению. Встречи были волнующие, но после того, как первое волнение проходило, новичкам задавался ошеломляющий вопрос: почему они взяли курс на Нарочь вместо того, чтобы идти в Рудницкие леса? И действительно, откуда было новоприбывшим знать, что в то самое время, когда они одолевали расстояние и бесчисленные опасности на 200-километровом пути до Нарочи, Литовская бригада распорядилась основать партизанские базы в Рудницких лесах близ Вильнюса и приказала штабу ЭФПЕО направлять людей туда.

На базе отряда все время продолжалось строительство примитивного жилья, чтобы обеспечить кровом новичков, приходивших почти каждый день. Соорудили баньку, землянку амбулатории (в ней работала д-р Гордон из Вильнюса), продовольственный склад для заготовки продуктов на зиму. Отряд насчитывал уже 230 человек. В это число входили еврейские семьи из окрестных сел и множество людей, не пригодных к ношению оружия. Бойцов разделили на пять

взводов по тринадцать человек в каждом. Принесенные из гетто три пулемета, немного винтовок и автоматов по-прежнему составляли главную часть отрядного арсенала. И все-таки время от времени бойцы ходили на боевые задания, и еще до того, как вооружение пополнили последние прибывшие из гетто группы, отряд принял участие в операции всей бригады против польских националистов.

В это время в лес прибыл из Москвы партийный работник (некто Климов), присланный для контроля за партизанской деятельностью в этом районе. Евреи, которым пришлось с ним встретиться, очень быстро обнаружили, что этот представитель центрального партийного аппарата категорически и принципиально против существования отдельного подразделения еврейских партизан. Его установка заключалась в том, что, поскольку партизанское движение строится в соответствии с республиканской структурой Союза, евреи, граждане Белоруссии и Литвы, должны войти в состав белорусских и литовских партизанских частей. Он исходил также из того, что нельзя выделять евреев, чтобы не играть на руку утверждениям германской пропаганды, будто партизаны — евреи и бандиты, и не оттолкнуть от себя антисемитски настроенное население. Позиция Климова вызвала у еврейских партизан мрачные предчувствия. Они перестали верить в будущее своего отряда, который, хотя и разросся, постепенно утрачивал облик боевого подразделения; все более походил на большой семейный лагерь.

Иосеф Глазман начал переговоры с Юргисом, собиравшимся перебазироваться в Рудницкие леса, чтобы организовать там новую литовскую бригаду, и предложил послать туда группу партизан "Мести" в качестве авангарда. Членам ЭФПЕО в "Мести" было уже известно, что их товарищи, еще остававшиеся в Вильнюсе, получили приказ концентрироваться в Рудницких лесах и не идти в Нарочь, — поэтому так сильно было желание попасть на новую базу и соединиться с ними. Но Юргис это предложение отверг под тем предлогом, что у него нет достаточно оружия, чтобы снабдить им еврейские подразделения, хотя в лесу все знали, что в смысле вооружения Литовская бригада обеспечена лучше других и ей постоянно перебрасывают по воздуху дополнительные партии оружия.

Пока члены ЭФПЕО метались между сомнениями и надеждой, в лес прибыла еще одна группа их товарищей, — последняя, перед тем как события приняли новый оборот, — а с нею Нисан Резник. После его прихода было созвано совещание штаба "Мести" с участием Иосефа Глазмана, Бумы Боярского, Левы Зисковича, Нисана Резника и некоторых младших командиров. Глазман сообщил, что, по его сведениям, штаб бригады принял решение расформировать отряд еврейских партизан и разбросать по другим отрядам его личный состав. Он полагал, что ждут только удобного предложения и собираются использовать сумятицу, сопровождавшую приход каждой новой невооруженной группы евреев, чтобы заявить, что еврейские командиры не способны справиться с положением. Марков за все это время не только не помог вооружением, но еще отнял несколько автоматов, после того как их удалось "выбить" с огромными усилиями у Юргиса. Глазман считал, что в подобных обстоятельствах невозможно оставить отряд в его прежнем виде, и предложил потребовать у Маркова провести немедленную реорганизацию "Мести", превратив ее в смешанное подразделение. Предложение было принято. Однако, как выяснилось в тот же день, командование бригады уже вынесло окончательное решение расформировать отряд.

23 сентября на базу отряда пришло распоряжение приготовиться к смотру, на который прибудет комбриг Марков. В полдень построили около 260 человек при оружии. Комбриг приехал в сопровождении нескольких работников своего штаба. Он обошел строй, а затем выступил и заявил, что на базе "Мести" есть много людей, необученных и лишенных всякого боевого опыта, однако имеющих оружие. В то же время, продолжал Марков, нечем вооружить множество отличных, испытанных партизан. Их и нужно прежде всего обеспечить. Когда с "Большой земли" подбросят достаточно снаряжения, можно будет дать его и личному составу "Мести", а до тех пор ему придется нести тыловую службу, на роли хозвзвода, обслуживающего партизан. В отряде останутся несколько вооруженных бойцов, в задачу которых будет входить добыча продовольствия для всего личного состава. В заключение Марков объявил, что вооруженные бойцы "Мести" будут слиты с белорусским отрядом "Комсомоль-

ский”, который реорганизуется в “Первый комсомольский кавалерийский отряд имени Ворошилова”.

Белорусы, с коими предстояло “слиться”, к этому моменту уже появились и пока держались в стороне. Во время смотра рядом с Марковым стоял Шаулевич, назначенный командиром новоиспеченного отряда. “Месть” была расформирована и разоружена немедленно. Обойдя ряды, Марков приказал отобрать оружие у многих, прежде всего у девушек из ЭФПЕО, которые пришли с оружием из гетто. Тут же он роздал его белорусским партизанам. Покончив с этим, он поинтересовался, есть ли вопросы. Бася Зивкович, боец ЭФПЕО, член “Хашомер хацаир”, принесшая оружие из гетто, не выдержала и взорвалась: “Мы пришли сюда не прятаться, а сражаться. Нам дорого досталось наше оружие, и по какому же праву его отбирают? Наши девушки показали себя в бою еще до того, как явились в лес”. Марков усмехнулся и промолчал. Перед ним стояла маленькая девчушка с детским личиком, на котором были написаны негодование и обида. В гетто, помогая советским военнопленным, она не раз рисковала жизнью. Теперь Марков постановил, что она недостойна носить оружие.

Затем он приказал выйти вперед ремесленникам. Из строя невооруженных вышли портные, сапожники, швеи, фотографы, кожевники и заготовщики — более 60 человек. Это был будущий хозвзвод, и Марков распорядился, чтобы они покинули базу и перешли в другое место. Оставленное им вооружение состояло из двух поломанных ружей и пяти пистолетов. С помощью этого “арсенала” хозвзвод должен был оборонять себя и прокормить шестьдесят человек. Командовать этим взводом Марков назначил Бориса Гронемана.

В строю еще оставались те, у кого не было ни оружия, ни какой-либо специальности. Этих Марков свел в “рабочую роту” с задачей обслуживать все партизанские отряды в лесу. Ни в одном партизанском стане не было ничего подобного: это была не только первая, но и единственная “рота” такого рода.

На этом, однако, еще не закончилась несправедливость и глумление: новый командир Шаулевич продолжил конфискацию оружия у евреев. Он отобрал пулемет у бойца Бургина, а у Михаила Ковнера — его автомат. К другим он полез в

карманы, забирая пистолеты и говоря, что выдаст ружья — в лесу они, мол, сподручней. Так принесенные из гетто пистолеты, автоматы, пулемет были отняты у евреев и отданы белорусам "в законном и официальном порядке".

На следующий день разоруженным людям приказали явиться к штабу бригады. Туда их препроводили под конвоем. Вызывали по одному. Разговаривал с ними Шаулевич в присутствии своих штабников. Он объявлял входившим, что, поскольку отряд недостаточно вооружен, а ожидается карательная операция немцев, он должен позаботиться о покупке оружия для своих бойцов. Поэтому евреи должны сдать все ценные вещи, деньги и золото. Ему требуются часы, кольца, сапоги и кожанки. Тут же евреев обыскивали и стаскивали с них сапоги. Реквизиция продолжалась несколько часов. Дожидавшиеся своей очереди не подозревали, что происходит в штабном блиндаже, потому что "обработанных" выводили через другой ход и отправляли подальше от места действия... К полудню все было кончено. Люди бродили по базе, как оплеванные, преследуемые насмешками и издевками белорусов. В тот день никто не пошел за обедом и не притронулся к еде. Расформирование отряда и способ, каким его ликвидировали, усиливающиеся слухи о приближении немецких войск и предстоящей облаве — все это снова напомнило о гетто, о днях и ночах акций, о кошмаре, от которого люди еще не освободились.

Для многих это потрясение совпало с их первыми днями пребывания в лесу. Они еще не успели вкусить партизанской жизни и понять обстановку. У них не было никакого практического опыта и никакой предварительной подготовки, которые помогли бы им устоять перед целой горой осложнений и разочарований. Они пришли в лес из гибнущего гетто, прямо с баррикад ЭФПЕО, с надеждой на борьбу, с мыслью о еврейском боевом отряде. Буквально на пороге все эти мечты разлетелись вдребезги. Несколько членов ЭФПЕО взяли в белорусский отряд ("Комсомольский"), остальным, то есть большинству, пришлось уйти с базы, построенной собственными руками, в "хоззвезд", подавив все свои мечты о борьбе и мести, чтобы заняться пошивкой штанов для партизан и их

командиров или изготовлением колбасы. Юноши и девушки, которые провели в гетто два года в борьбе, не могли примириться с этим, но были бессильны что-либо изменить. Тем более что в решающий момент они оказались лишенными всякого руководства. Человек, которого они считали своим командиром и который еще со времен гетто был для них авторитетом, бросил их на произвол судьбы: Иосеф Глазман с кучкой самых близких друзей ушел с согласия Юргиса в Литовскую бригаду. Во время злополучного смотра и расформирования "Мести" его уже не было в отряде.

Командир "Мести" Бума Боярский был назначен взводным в отряд "Комсомольский" и вместе с Богеном, назначенным командиром отделения, получил приказ добыть коней, чтобы превратить своих пеших партизан в кавалеристов. "Хозвзвод", изгнанный с базы, принялся налаживать свой быт на новом месте. И в то время, как он лишь приступил к строительству, а "рабочая рота" все еще не знала, куда ее пошлют и что с нею будет, началась немецкая карательная экспедиция.

В штаб Маркова поступили сведения, что с двух направлений движутся крупные силы немцев. Отрядная разведка подтвердила это известие. Тогда был отдан приказ уходить из леса, оставив на базах лишь отдельные группы для встречи и отсылки партизан, находившихся в этот момент на боевых заданиях.

На базу "хозвзвода" официальное извещение об облеве поступило ночью. В потемках спешно распределили паек. Молодым приказали перевести в укромное место бригадный госпиталь и немедленно покинуть базу. Остальные, забрав свои пожитки, двинулись на свою старую базу, переименованную теперь в "Комсомольскую". Там они услышали, что крупные соединения немцев, литовцев и эстонцев, оснащенные танками, артиллерией и разведывательными самолетами, идут на лес и что все партизанские отряды с их штабами уходят, готовясь к бою.

Отряд "Комсомольский" тоже был наготове. Его командир Шаулевич отдавал последние распоряжения перед выходом в путь. Кроме бойцов, сюда собралось множество евреев из семейных землянок с женами, детьми и стариками. Долгие

месяцы они просидели в этих землянках, терпя ужасные лишения и находясь в полной зависимости от покровительства партизан. Теперь, прослышав про облаву, они бросились на ближайшую базу, умоляя пожалеть детей и не оставлять их немцам. Тут же находились и люди из "рабочей роты", которых исключили из отряда буквально в последний момент.

Шаулевич взял с собой всех белорусов, в том числе и тех, у кого не было оружия, из евреев же забрал только вооруженных. Остальным — среди них и тем, у кого накануне он сам же отобрал оружие и кто до сих пор официально числился в отрядном резерве, он приказал оставаться на месте. Он посоветовал им укрыться от немцев на болотах и оставил им два негодных ружья.

К утру партизаны покинули базу. Несколько человек кинулись вдогонку, умоляя не бросать их на верную смерть. По трем девушкам из ЭФПЕО — Басе Зивкович, Мире Шведской и Шпринце Шварц, пытавшимся идти за отрядом, по приказу командира был открыт огонь из автомата. Из всех женщин он взял только одну, отдавшую его жене свое золотое кольцо.

Оставались болота, но и там спасти могло только чудо. Однако другого выхода не было, и только несколько человек решились идти за сто километров в Кажанские леса. Этот невероятный путь проделали в одиночку Мира Шведская с Шпринцей Шварц. На третий день блужданий к ним, правда, присоединились двое знакомых парней — Гросс и Свирский, но затем оба повернули в другую сторону. Через двое суток девушки узнали, что их бывшие попутчики наскочили на пьяных партизан, застреливших Моше Гросса; Свирскому удалось спастись. Когда же на шестые сутки Мира с Шпринцей добрались до Кажани, где базировались литовские партизаны, оказалось, что немцы закончили прочесывать Нарочь и идут сюда. Литовский комбриг Казимир, уже сидевший в телеге, рассказал, что видел Глазмана с его людьми и послал их в Рудницкие леса; он разрешил девушкам присоединиться к группе Глазмана, которая находилась неизвестно где, и пообещал принять их в Литовскую бригаду, если Мира с Шпринцей дойдут до Рудников. А затем оставил их одних в лесу, в кольце облавы..

Лес был полон беззащитных одиночек, безоружно и бесцельно двигавшихся навстречу своей судьбе. Люди гибли, и некому было рассказать об их смерти. Группа партизан случайно наткнулась на восемь виленских евреев. Меир Хадаш, находившийся в этой группе, попробовал заступиться за своих соплеменников, прося командира, чтобы тот позволил их взять с собой. Не помогло. Тогда Хадаш попросил разрешения провести их хотя бы в безопасное место. В этом ему тоже было отказано. Как стало известно позднее, все восьмеро погибли в лесу.

О судьбе "хоззвода" имеются свидетельства Меира Шумахера и Ицхака Рогалина.

Посланные на выручку бригадного госпиталя еврейские парни были использованы на переноске раненых, которых сопровождали врач и санитары. Сначала раненых везли на телегах, потом, добравшись до болот, понесли на носилках, а когда начали вязнуть, бросили носилки и потащили раненых на себе. Санитары-белорусы за всю дорогу и не подумали подменить носильщиков-евреев, а когда те выбились из сил, принялись понукать их и осыпать бранью, прохаживаясь по поводу их еврейского происхождения. Наконец, вышли из болота на остров. Тут врач построил евреев и объявил, что на этом их задача закончена и они должны убираться на все четыре стороны. Никакого задания и, разумеется, никакого оружия им не дали. И это в момент, когда к болотам уже подходили немцы.

Что касается отряда, которым командовал Шаулевич, то он взял курс на север, на уже упомянутые Кажанские леса, полагая, что, двигаясь в этом направлении, он уходит от немцев. По звукам неуклонно усиливавшейся орудийной стрельбы Шаулевич своевременно обнаружил свою ошибку. Тогда он построил отряд на перекрестке лесных дорог и предложил партизанам рассыпаться по лесу и так прорываться через окружение. Затем он повернулся к партизанам-евреям и приказал им убираться из отряда и из этой местности. Приказ был отдан в столь категорической форме, что никто не осмелился возразить. Шаулевич увел отряд в неизвестном направлении, а "вычищенных" евреев, которые остались стоять, как потерянные, на перекрестке, спасло лишь то, что среди них оказалось несколько человек из окрестных сел:

они вспомнили про маленький островок на гиблом болоте, куда немцам, не зная тропы, не добраться...

Иосеф Глазман со своими людьми также шел в это время на Кажанские леса. Его группа из лично отобранных им восемнадцати человек была хорошо вооружена. В пути к ним присоединилось еще семнадцать евреев из числа бродивших по лесу уроженцев здешних мест. Однако группа заблудилась и в результате пришла в Кажан лишь через двенадцать суток, когда тамошний лес был уже взят в кольцо карателями. Казимир отругал Глазмана за проволочку и выразил свое удивление по поводу того, что Юргис не направил группу в Рудницкие леса.

7 октября под вечер Глазман повел своих людей обратно на Нарочь, намереваясь прорваться в Рудницкие леса. На следующий день группа угодила в немецкую засаду. Из тридцати пяти человек уцелела только молодая девушка из Свентян Юлия Гольдберг. Она притаилась в высокой ржи, слыша разрывы гранат, стрельбу, стоны раненых. Люди отбивались до последней минуты. Когда все было кончено, раздался голос немца, по-видимому офицера, приказавшего снять с мертвого компас (компас имелся только у Глазмана). Затем Юлия услышала мольбы раненого, просившего немцев прикончить его, и узнала голос своего отца, тоже находившегося в группе.

Крестьяне похоронили погибших в братской могиле. Они нашли залитое кровью коричневое пальто, принадлежавшее Хаиму Лусскому, пробитую пулями фуражку Лёвы Зисковича и семейные фотографии одного из бойцов, перемазанные кровью и грязью. В числе тридцати четырех погибли Глазман, Лева Зискович, Хаим Лусский, Михаил Ковнер, Мирьям Бернштейн и Моше Браузе.

Карательная операция в Нарочских лесах продолжалась семь дней. Предав огню окрестные села и прочесав территорию, немцы перебросили войска в Кажанские леса. Операция не привела к разгрому партизанских отрядов и не причинила им больших потерь. Но судьба евреев, отрезанных от партизанских соединений, была трагичной: многим, пытавшимся уйти от облавы группами и в одиночку, это не удалось, и они оказались главными жертвами карательной операции.

Уцелевшие начали возвращаться, собираясь там, где некогда была их база — база отряда "Месьт". Партизаны еще не вернулись в лес, отряд "Комсомольский", унаследовавший от "Мести" ее базу, тоже не возвратился. Лагерь был сожжен и разрушен, земля утыкана гранатными осколками. Голодные, оборванные, изможденные люди, несмотря на весь пережитый страх и лишения, радовались встрече друг с другом. Одни надеялись, что после облавы отношение к евреям изменится и будет легче попасть в партизанский отряд. Другие после пережитого больше не надеялись ни на что. Так или иначе, всем пришлось снова кочевать по лесу, по оставленным партизанским базам в поисках остатков продовольствия и предметов первой необходимости, чтобы как-то просуществовать. Организовали общий котел, делили скудный паек, но запасы иссякали. Сожженные шалаши и землянки не могли служить укрытием от холода, усиливавшегося с каждым днем. Борьбу за существование было вести легче, объединившись в маленькие группы, по признаку родства, или приятельских связей, или сходству идеологии, — и такие группы появились. Каждая подыскивала себе место стоянки подальше от баз, то есть от возможной беды. Иные лачуги снабжались тайниками на случай прихода непрощенных гостей. У Меира Шумахера и Ицхака Рогалина остались пустые кобуры: набив их соломой, они в таком "вооруженном" виде ходили по ночам в села добывать провиант.

Партизаны бригады Маркова, вернувшись в лес, прежде всего взялись за восстановление разрушенных баз. Белорусы из отрядов "Пархоменко" и "Кутузов", обосновавшиеся неподалеку от еврейских землянок, решили проблему строительных материалов очень просто. Эти материалы, в первую очередь, окна и двери, они отнимали у евреев, объясняя насилие тем, что они воюют и погибают вместо евреев и поэтому им полагается жить получше.

Вернулся отряд "Комсомольский" с Шаулевичем, а также те партизаны-евреи, которых он прогнал из отряда в критический момент, когда, уходя от облавы, наткнулся на немцев. Теперь он потребовал, чтобы они вернулись в отряд. Наученные горьким опытом, они не спешили, опасаясь, что их зовут только затем, чтобы отнять у них оружие. Шаулевич пригрозил объявить их дезертирами, что означало смерть. Пришлось

идти в отряд. Тут их опасения немедленно оправдались: начались попытки разоружить их — хитростью, угрозами, как угодно. Отняв пулемет и все боевое оснащение, какое имелось, евреев снова выгнали из отряда. На этот раз парни пробовали сопротивляться; один из них категорически отказался сдать пистолет. Тогда партизанский командир, некий Крысов избил его и приказал двум партизанам отобрать у него пистолет силой.

После того, как количество вернувшихся евреев увеличилось, Шаулевич снялся с места и ушел, оставив на базе более ста безоружных человек. С этого момента их стоянка превратилась в объект постоянных набегов и грабежа. Дня не проходило без того, чтобы у евреев чего-нибудь не отбирали. Каждый взводный знал, что здесь он может безнаказанно разжиться сапогами, одеждой, любым обнаруженным предметом. Приходили, устраивали повальный обыск и забирали все подряд — часы, обувь, все что попадется.

...В начале декабря 1943 года в одну из землянок, где ютились евреи, пришел посланец из отряда Калачева — отряда, который входил в бригаду некоего Монахима. Посланец объявил, что ему требуются двенадцать человек для выполнения боевого задания. Если участники выдержат это испытание, их примут в отряд. Парни, которых до сих пор никто не брал, естественно, обрадовались и без долгих размышлений отправились с посланцем в штаб отряда. Там их принял комиссар и произнес перед ними следующую речь: "У евреев в СССР было много золота. Когда советская власть потребовала это золото, они его не сдали. Пришли немцы и забрали у евреев несметные сокровища. Евреи не хотят воевать. Вам придется доказать, что евреи умеют драться". На следующий день два командира (один был офицером Советской армии) повели их на задание, о сути которого они еще ничего не знали. Командиры были вооружены автоматами, у евреев на двенадцать человек имелось два пистолета с несколькими обоймами, принесенных еще из гетто. Сначала им приказали соорудить завал на шоссе, которое вело к немецкому посту. Когда они это сделали, их похвалили и поручили устроить другой завал, а также подорвать два моста поблизости от немецкого гарнизона. Объяснив, как действовать, оба командира отправились пьянствовать в ближнее село. Евреи

остались без огневого прикрытия, но задачу выполнили. Так они и продолжали сооружать по ночам завалы, минировать дороги и разрушать телефонную сеть — без своих командиров.

По прошествии двух недель им, наконец, объявили, что они успешно справились с делом и пора возвращаться на базу. Там комиссар сказал, что за отсутствием командира отряда вопрос об их приеме в ряды партизан придется отложить. Назавтра их отправили на очередные две недели в другой район и снова без оружия. И тут они успешно выполнили задание. После этого на базе им выдали письмо Калачева, адресованное, якобы, комбригу с рекомендацией принять их в отряд. Но оказалось, что письмо адресовано... командиру еврейской базы с распоряжением дать им какое-нибудь занятие. Тогда парни обратились к самому комбригу. Монахим предложил им заняться строительством конюшни на базе... Ребята возмутились: "Мы шли сюда воевать, а не строить конюшни". Евреи способны изготавливать мыло и свечи, изрек в ответ комбриг. Но воевать?.. "Были у меня в бригаде два еврея, думал, неплохие партизаны. И что же? Взяли и подорвались на минах по собственной неосторожности. Вот и урок", — закончил нотацию Монахим и отправил парней восвояси. Пришлось возвращаться в землянки.

Другая группа из тех же землянок, отчаявшись добиться чего-нибудь на месте, решила попытать счастья в другом районе. Пришедший с востока еврей-партизан рассказал им, что в той местности партизанит много евреев и там можно попасть в отряды. Он был согласен взять с собой вооруженных. Шесть бывших членов ЭФПЕО, все из "Хашомер хацаир", решили попробовать. Они вышли в путь с тремя пистолетами, у провожатого имелась еще винтовка. Спустя неделю, когда они очутились на территории другой бригады, на них напала группа партизан и отняла все оружие. Теперь не имело смысла продолжать путь — без оружия их все равно бы никто не взял. Решили идти назад. Приладили себе что-то вроде пистолетных кобур, дабы не выглядеть совершенно беззащитными, и двинулись в обратную дорогу.

Однако по лесу уже пошел слух о группе невооруженных евреев, которые бродят по окрестностям. Маскарад с кобурами не помог, внешность парней и девушек выдавала их

происхождение. Они голодали и мерзли, и придя однажды ночью на хутор и переночевав в баньке, решили утром зайти к крестьянину попросить хлеба. Тот их радушно принял и посадил за стол. Внезапно дверь отворилась; вошло несколько крестьян в тулупах и, прежде чем ребята успели сообразить, что происходит, дверь оказалась на запоре, а из-под тулупов появились топоры.

Единственный, кому удалось увернуться от топора, свалить нападавшего и бежать, был Шломо Канторович. Ночь он провел в лесу, наутро вернулся на ферму и нашел шесть трупов. Тела его товарищей были обезглавлены.

Так погибли Яша и Мера Раф, Моше Чух, Хая Тикочинская, Эстер Ландау и их проводник. Они поплатились жизнью только за то, что не могли примириться с жизнью беженцев, не хотели прятаться в лесу, а хотели воевать и бороться.

СО ВРЕМЕНИ ПРИХОДА В РУДНИЦКИЕ ЛЕСА ТРЕХ еврейских отрядов прошло несколько недель. За это время партизаны сумели сорганизоваться, построить базу и до некоторой степени увеличить свой арсенал оружия. Проводились рейды за продовольствием, заготовки и диверсии, имевшие чисто боевой характер.

Связь с антифашистским подпольем в городе надежно поддерживалась еврейскими партизанками. Зельда Трегер уже несколько раз мерила дорогу в город и обратно. На девушек была возложена задача согласовывать работу штаба бригады в лесу и центра городского подполья. Связь с лесом от имени городского центра была сосредоточена в руках Сони Медайскер, и партизанки доставляли ей указания и информацию из штаба бригады. Соня по распоряжению еврейского командования продолжала готовить евреев "Кайлиса" к уходу в лес.

Мужество еврейских девушек-воинов, чьи дела выходили за рамки привычных партизанских действий, наполняло гордостью сердца еврейских бойцов и высоко ценилось в штабе бригады и соседних отрядах. Капитан Алеко, командир соседней с еврейскими подразделениями спецгруппы парашютистов, предложил еврейскому командованию совместно провести в городе крупную диверсию. У парашютистов в то время имелось много взрывчатки, но осуществить операцию сами они были не в состоянии и поэтому попросили еврейское

командование выделить в их распоряжение несколько девушек-партизанок. Идея была заманчивой: провести диверсию в самом центре немецкого Вильнюса, где почти нет евреев, — что могло быть ближе сердцу еврейского партизана-виленца? Одно условие штаб, однако, поставил: операция должна быть самостоятельной, и мины обеспечат парашютисты. Капитан Алеко согласился. Он понимал, что в данных условиях никто, кроме евреев, не возьмется за такую опасную операцию.

В канун Судного дня из лагеря вышли Витка Кемпнер, Хая Шапиро, Матитьяху (Матис) Левин и Исраэль Розов, держа путь на Вильнюс. В чемодане у Витки были спрятаны магнитные мины с часовым механизмом. Задача группы состояла в повреждении городской электросети и системы водоснабжения. Через два дня все четверо пришли в Вильнюс. Тут оказалось, что городское подполье не позаботилось ни о месте ночлега, ни о квартире для подготовки и выхода на операцию: Не имея другого выбора, они отправились в "Кайлис", хотя знали, что это может поставить под угрозу и людей, и боевую задачу. К их счастью, среди полицейских, охранявших ворота "Кайлиса", было несколько членов ЭФПЕО.

В тот вечер состоялась встреча с Соней Медайскер. Она сообщила, что организована группа, дожидаящаяся отправки в лес. Партизанам было поручено проводить ее после диверсии на базу.

В течение дня оба бойца и Хая Шапиро оставались в "Кайлисе". Витка Кемпнер вышла в город, чтобы окончательно определить, какие объекты взрывать. Необходимо было в тот же вечер совершить диверсию и возвратиться в лес, чтобы не навлечь беду на людей "Кайлиса" или на городское подполье.

К вечеру бойцы покинули "Кайлис" и на улицах города смешались с толпами гуляющих. Для маршрута были намеренно выбраны самые оживленные места и центральные бульвары. Витка прошагала в паре с литовским юношей-подпольщиком, присланным Соней, по улицам Ожешкова, Малиновской, Зигмунтовской. Хая Шапиро со своим литовским "кавалером" повернула на улицу Субочь. Гуляя, парочки приблизились к трансформаторам. Тут литовские "кавалеры" отошли на некоторое расстояние от своих "дам". Остовы

трансформаторов были покрыты краской, магнитные мины не притягивало к железу. Девушкам пришлось сцарапывать краску ногтями на виду у разгуливающих немцев и эсэсовцев. Витка прикрепила мины к трем трансформаторам, Хая Шапиро — к одному.

Оба парня — Матис Левин, водопроедчик, хорошо ориентировавшийся в системе городского водоснабжения, и Израэль Розов отправились в другую часть города. Смешавшись с прохожими, они добрались до люка шахты подземного магистрального водопровода. Люк находился на середине мостовой. Левину и Розову удалось спуститься вниз и затворить за собой чугунную крышку. Перед ними оказался целый переплет труб, который они и заминировали. Незамеченными бойцы улизнули из шахты и закрыли люк.

Группа подрывников с жадным нетерпением ждала результатов операции. Спустя несколько часов в разных местах города прогремели сильные взрывы, и Вильнюс погрузился во мрак. Город оказался отрезанным от источников электро- и водоснабжения. На улицах воцарились испуг и паника.

К этому моменту обе партизанки находились уже за городом в перелеске, а с ними — шестьдесят человек, готовых к походу в лес. В группе было много неорганизованных людей, примкнувших в последние часы, когда стало известно о возможности выбраться из города. Все вооружение группы состояло из нескольких пистолетов. Среди шестидесяти было много женщин и мало бойцов.

Люди нервничали от долгого ожидания. Назначенный проводник все не являлся, а всякая проволочка в этом опасном месте, на близком расстоянии от города, где только что была проведена диверсионная операция, была чревата бедой. Витка отправилась на поиски проводника. После долгих розысков он нашелся — тот самый Ромек, что уже не раз доставлял группы евреев в лес. На сей раз его пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился вести столь большую и небооруженную группу по маршруту с бесчисленными немецкими заставами.

Путь по болотам, нелегкий и для опытных партизан, был крайне тяжел для горожан. Люди теряли силы, и не раз приходилось останавливаться. Под конец некоторых пришлось посадить на телегу с вещами и везти. Поход затянулся.

А когда совершенно обессиленные люди подошли к лесам, их ждал новый сюрприз.

Партизаны с еврейской базы, направлявшиеся на задание в город, случайно встретились с идущими в лес. Бойцов эта встреча удивила: оказывается, в последние дни из штаба бригады поступил приказ, запрещающий еврейскому командованию приводить в лес новые группы евреев. Партизан Митька Липпенгольц заявил, что у него есть личное указание еврейского командования вести все группы, которые ему встретятся на подступах к лесу, окольными путями. Необходимо остерегаться, чтобы идущие в лес евреи не попались крестьянам на глаза, и двигаться в обход других партизанских отрядов, поскольку там известно о новом приказе.

Люди, которые уже было облегченно вздохнули после двух ночей ходьбы и считали, что они "дома", оказались вынужденными скрываться и на территории партизанского края. На исходе третьих суток группа благополучно добралась до лагеря. С ее приходом число еврейских партизан достигло почти 400. Был сформирован еще один отряд, названный "Борьба". Командиром назначили Арона Ароновича, активиста ЭФПЕО в "Кайлисе", который пришел в лес с одной из последних групп.

Однако переброска новых групп евреев в лес стала недозволенным делом. Приказом штаба бригады увеличение численности еврейского лагеря было запрещено. У штаба, по-видимому, имелись серьезные причины для принятия подобного решения, в том числе соображения безопасности, политические и экономические, но можно не сомневаться, что немалую роль сыграло тут еще и опасение, как бы этот лес, окруженный литовским населением, настроенным враждебно и антисемитски, не превратился в пристанище для евреев.

Еврейскому командованию пришлось согласиться с приказом, но это согласие было чисто формальным; на деле никто не собирался его выполнять. Связи с городом действовали по-прежнему. Посланцы партизан продолжали ходить в "Кайлис" (и не только туда). В этот период Зельде Трегер после мучительных усилий удалось проникнуть и в ХКП и установить постоянный контакт с некоторыми из заключенных этого концлагеря, охранявшегося очень строго, причем исключительно немцами. В результате этого контакта в ХКП

возникла боевая ячейка, и надежда, что со временем и евреи ХКП сумеют добраться до леса, стала близкой и реальной. Из "Кайлиса" крупные группы теперь больше не могли уйти — немцы усилили охрану, но побеги маленьких групп и отдельных людей не прекращались. Проводниками у них были еврейские партизанки.

Непрестанное увеличение лагеря требовало решения множества серьезных проблем. Основной из них по-прежнему была проблема оружия. Ведь большинство людей приходило в лес безоружными или в лучшем случае — с пистолетом. От штаба бригады не было никакой помощи. Партизанские методы добывания оружия не помогали удовлетворить даже самую насущную необходимость, возможности для применения этих методов были весьма ограниченные: в районе размещались крупные германские гарнизоны, которые нелегко было уничтожить, учитывая, что на 400 наших партизан имелось чуть больше двадцати винтовок, а от штаба бригады не было никакой помощи.

Было решено приобретать оружие любыми средствами, в том числе и его покупкой. В тот период партизанские отряды платили осведомителям золотом, еврейские партизаны решили заплатить золотом за оружие.

Разведчики, среди которых было и несколько жителей окрестных сел, сумели найти контакт с посредниками, обещавшими оружие в обмен на золотые монеты. Штаб объяснил людям положение и потребовал сдать червонцы, если они имеются. Но большинство партизан пришло в лес с пустыми руками, а очень многие и прежде не имели за душой ни гроша. Людей, еще сохранивших ценности, было ничтожно мало. И они немедленно сдали в штаб все, что имели, — кто часы, кто — монеты, кто — ценное украшение. Однако нашлись и такие, кто не хотел расставаться со своим золотом ради общего дела. Но, когда после первой сделки с посредниками появилась новая возможность купить оружие, а заплатить за него было нечем, штаб снова обратился к людям и на сей раз решил не спускать тем, кто прячет золото, прекрасно понимая при этом, что от количества оружия зависят и общая безопасность, и их собственная жизнь.

Хранение и ремонт оружия тоже требовали больших забот. Большая часть оружия, принесенного из гетто, нуждалась в проверке и починке. Имелись купленные по случаю разрозненные детали, которые, казалось, нельзя использовать. Но в еврейском лагере нашлись умельцы, старавшиеся привести в порядок каждый ржавый ствол и найти применение каждому металлическому обломку. Такими умельцами оказались члены семьи Пенеусовых. Отец Шмуэль и его сыновья Боря и Абраша (а с ними и мать Анна) были металлстами высокого класса. Придя в лес, они приступили к делу, и их мастерская очень скоро превратилась в самый важный в лагере объект, а ее слава облетела все партизанские отряды, вызывая уважение и зависть. Ремонтировать оружие носили сюда и партизаны Литовской бригады, и парашютисты. Ремонт подчас требовался сложнейший, и владельцы оружия сами не верили, что можно его исправить. Но семья Пенеусовых творила чудеса. Плата взималась негодным, с точки зрения владельцев, оружием. Оно тоже постепенно обогатило лагерный арсенал.

Сложной и трудной жизнью жил еврейский лагерь, но, вопреки всем трудностям, непрерывно разрабатывались и подготавливались партизанские вылазки. После первых успешных действий по разрушению телефонных и телеграфных линий, сначала на пересекающем лес шоссе, а затем и вдоль железнодорожных путей, было решено приступить к разрушению мостов.

В качестве первой цели был намечен мост близ села Дорогожа на шоссе на магистраль Гродно — Вильнюс, служившей важной транспортной артерией для немецких колонн. Штаб разработал подробный план операции и представил на утверждение комбригу Юргису. Юргис выразил удовлетворение по поводу самой инициативы, но предупредил еврейского командира, что тому грозит опасность быть втянутым в бой с хорошо вооруженной немецкой частью, расположенной в соседней деревне по другую сторону моста. Командование рассчитывало взорвать мост в ходе молниеносной операции. Аба Ковнер, разработавший этот план, надеялся получить взрывчатку от штаба бригады. Группа партизан была послана в рейд на фабрику химикалий в местечке

Олькеники. Бойцы, ворвавшиеся на фабрику, выкатили бочки с горючим и на подводах доставили на базу. Следующей ночью к мосту отправился отряд под командованием Абы. Вооруженные двумя пулеметами, несколькими винтовками и гранатами, сорок человек скрытно приблизились к месту операции. По обе стороны от моста и поблизости от него расставили боевое охранение и выбрали наблюдательные пункты. Но мост обледенел, бревна пропитала сырость, и все попытки поджечь их закончились неудачей. Командиру пришлось, невзирая на риск, снять часть людей из охранения, чтобы сколоть снег и лед. После долгих трудов нескольким бойцам удалось забраться из-под моста на опоры и разложить на бревна смолистые еловые ветки. Облитые бензином конструкции загорелись, но, как только появилось пламя, немецкий гарнизон был поднят по тревоге, и немцы, открыв стрельбу, начали приближаться. Группа боевого охранения остановила врага, и только получив приказ, отошла на край горящего моста. Немцы пустили в ход минометы, но люди не отступили и под минометным огнем держались до тех пор, пока мост не начал разваливаться. После длительной перестрелки отряд без единого пострадавшего вернулся на базу.

Разработка новых операций продолжалась. Партизаны ждали боевых действий, а в штабе бригады снова был поднят вопрос о правомерности существования еврейской партизанской части. Юргис и его коллеги считали, что она не может существовать в настоящем виде. По их мнению, столь плотная концентрация партизан на узком и, с точки зрения партизанской активности, еще не освоенном участке была весьма опасна. Кроме того, в соответствии с инструкциями из Москвы, штаб планировал приблизить базы Литовской бригады к Вильнюсу, чтобы создать больше возможностей для партизанских действий в самом городе и его окрестностях. Наверняка имелась в виду и еще одна цель — рассредоточить крупный еврейский "очаг", и на его месте основать базу литовских партизан, но вслух утверждалось, что рассредоточение необходимо исключительно по соображениям безопасности, и что также с хозяйственной точки зрения трудно и нежелательно содержать около четырехсот человек в одном месте.

Хина Боровская и Аба Ковнер пытались добиться отмены готовящегося приказа, но когда бригадная разведка донесла, что немцы вот-вот начнут прочесывать лес в ходе крупной карательной операции против партизанских баз в Рудницком районе, был издан приказ, по которому два из четырех еврейских отрядов должны были переместиться на более отдаленные базы.

На совещании в еврейском штабе было решено перебросить отряды "Смерть фашизму" и "Борьба" за 80 километров от лагеря – в Начейские леса, где, по имевшимся сведениям, партизанское движение было очень активным. Два других отряда должны были основать базы поближе к Вильнюсу, по соседству с железнодорожной веткой на Ландворово.

Оружие поделили. Отряды, уходящие в Начею, получили одиннадцать винтовок, два автомата, пистолеты и гранаты. Примерно такое же вооружение было оставлено первому и второму отряду.

Походом в Начею командовал Арон Аронович; командир четвертого отряда Берл Шерешневский стал политкомиссаром обоих отрядов, Хаим Лазар – командиром разведки, в состав командования входил и Шломо Бранд. На смотре с участием еврейских партизан, а также представителей штаба бригады Аба Ковнер объяснил, почему решено рассредоточить базы, и пытался ободрить людей, но настроение было подавленное.

"Мы уходили с чувством горечи, – пишет Ицхак Куперберг. – У нас было впечатление, что мы уже не вернемся к нашим товарищам и что от нас хотят отделаться. Прощание вышло грустное. Не обошлось и без слез".

И хотя было известно, что в Начейских лесах действуют не только русские, но и еврейские партизаны, и жизнь там значительно налаженней и сытней, а приходившие из Начей еврейские партизаны говорили о возможности основать там новые отряды, – все это не могло рассеять уныния и тревоги.

Миновало несколько дней. От ушедших в Начею не было никаких известий. Бригадная разведка, вернувшаяся из Ландворовских лесов, донесла, что по соображениям безопасности нельзя основать партизанские базы в этих негустых перелесках. Обоим отрядам было разрешено оставаться на месте только поменяв базы.

В эти же дни Особый отдел главного командования в лесу провел тайное следствие по делу нескольких бывших полицейских гетто. В результате, некоторые из них были осуждены и расстреляны, в том числе Натан Ринг. Это повергло в смятение весь лагерь, но особенно — бывших полицейских. Они начали опасаться и за свою жизнь. Вмешательство Абы Ковнера положило конец следствию, производившемуся без согласования с еврейским командованием.

Осень подходила к концу. Холод со дня на день усиливался, почти не переставая лили дожди. Сильные ветры трепали лес, врывались в жалкие шалаши, наводя уныние на усталых людей, истосковавшихся по теплу и отдыху. Однажды разыгралась буря совершенно невероятной силы. Ночь, проведенная лицом к лицу с беснующейся стихией, осталась у меня в памяти как одно из самых глубоких переживаний в лесу.

Во время бури два человека были ранены. Рухнувшим вековым деревом придавило Анну Пенеусову и Сеню Риндзюньского. Их высвобождали при бешеном ветре под проливным дождем. Два фельдшера — Эмма Гурфинкель и Ханна Азгот оказали раненым первую помощь. Но нашего врача Шломо Гурфинкеля в лагере не было. Его вызвали к одному из связанных в село в восемнадцати километрах от базы. Никто не мог понять, как ему удалось отыскать в лесу дорогу и пройти по ней одному во время бури, а затем благополучно возвратиться на базу через завалы бурелома. Буря продолжала бесноваться. Лагерную кухню снесло первым же рухнувшим деревом, которое при падении накрыло ее целиком. Разведенный огонь ежеминутно задувало, и только сверканье молний, бороздивших небо, освещало чан с кипятившимся в нем операционным инструментом.

С помощью игл, сохранившихся еще со времен гетто, врачу удалось зашить рану на голове у Анны Пенеусовой. Состояние Сени было хуже — мышца и нерв правой руки повреждены, нога сломана в двух местах.

Когда буря затихла и кончилась эта ночь, вид леса и лагеря, за несколько часов до неузнаваемости изменившийся, потряс и ошеломил людей. Повсюду громоздились вырванные с корнем могучие стволы, забаррикадивав все тропы и разрушив все, что тут было с таким трудом построено.

Однако в те дни мы были заняты завершением строительства новой базы и переброской туда лагерного имущества: в глубине девственного леса, куда еще не ступала нога человека, были открыты блиндажи, в которых можно было спокойно встречать приближающуюся зиму.

ОТ УШЕДШИХ В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ В НАЧЕЙСКИЕ ЛЕСА отрядов "Смерть фашизму" и "Борьба" по-прежнему не было никаких вестей. В обоих отрядах насчитывалось сто одиннадцать человек, в том числе около тридцати пяти женщин. Как стало известно позже, после двух ночей тяжелого, утомительного пути отряды вышли в район Начейских лесов. В лесу царил сумрак и нелегко было отыскать дорогу. Люди то и дело теряли друг друга из виду. Продвигаться вперед удавалось только благодаря одному парню из этих мест, который хорошо ориентировался в лесу и знал, что партизанские базы находятся неподалеку. Но разведка, отправившаяся разузнать обстановку, вернулась со страшной вестью: трое суток назад этот район был взят в окружение немецкими, литовскими и украинскими подразделениями; они прочесали лес, вышли к базам партизанских отрядов в пуще и разгромили их. Часть партизан прорвала окружение и ушла, но немецкие патрули, вероятно, еще прочесывают окрестности.

Люди пришли в отчаяние. Движение в дневное время пришлось прекратить. Изможденные, голодные, дрожащие от холода бойцы растянулись на мокрой земле и задремали, несмотря на опасность.

Рассказывает Ицхак Куперберг:

"Сон сморил всех, и мне кажется, что усталость не могли побороть даже часовые. Очнувшись, я испугался, так как не увидел подле себя своего товарища. Неужели все ушли и бросили меня одного? Внезапно я заметил мою сестру. Она возникла... из-под снега, который толстым покровом замел ее и весь наш отряд. Возможно, что эта стихийная маскировка спасла нам жизнь, потому что неподалеку мы обнаружили следы людей..."

После привала голод усилился. Разделили припасы — вышло по две картофелины на человека. Их съели сырыми — нельзя было разводить огонь. Командиры решили повернуть назад и уходить той же дорогой, что пришли. Повел нас Исраэль Шмерковиц, 17-летний подросток, бежавший с отцом в начале войны из Айшишки и долгие месяцы проскитавшийся вместе с ним по селам и лесам. Он знал тут каждую тропу и каждого крестьянина. Не раз он выручал отряд из беды. Исраэль привел нас к большому блиндажу, брошенному партизанами. Наконец-то мы могли приготовить что-нибудь горячее. Отсюда мы послали людей по деревням за продуктами. Им удалось раздобыть несколько подвод с мукой, хлебом и мясом, но на обратном пути на группу напали польские националисты, державшие под контролем всю округу. Группа бежала, побросав провиант. Людям удалось добраться до лагеря и поднять тревогу. Надо было немедленно уходить. Мы слышали выстрелы поляков и бегом отступили в район болот. Моше Сарахан, который стоял в карауле, был застрелен.

Поход длился шесть недель. Командиры послали в штаб Литовской бригады связных за указаниями. Связные явились к Юргису, и тот посоветовал им ждать в надежде, что в ближайшие дни поступит оружие. Но когда прошла неделя, а оружия все не было, Юргис выдал им 30 золотых рублей на покупку винтовок и сказал, что если отрядам не удастся обосноваться на новом месте, пусть возвращаются в Рудники. Придя в Начею, связные уже не нашли отрядов.

Мы отчаялись и не знали что предпринять. Из Рудницких лесов не поступало никаких известий. Наши командиры собрались на совещание и решили, что нам необходимо возвращаться в Рудники: в данных условиях нет никакой возможности основать новую базу. Но самим командирам, по-видимому, неудобно возвращаться, и поэтому они объявили, что останутся на месте. Они отобрали себе группу бойцов из числа самых лучших и хорошо вооруженных, а остальным приказали возвращаться”.

Разочарованию людей не было границ. Им предстояло во второй раз проделать тот же тяжкий и опасный поход, но теперь без командиров. Они отказались возвращаться, боясь, что это будет расценено как измена, за которую они могут

поплатиться жизнью. Но командиры настаивали на выполнении своего приказа. Руководство группой возвращающихся было возложено на трех бойцов — Иму Лубоцкого, Гиршку Варшавчика и Гиршку Левина. Все трое не хотели принять на себя ответственность вести через болота и буреломы девяносто человек, сломленных, истощенных, подавленных, имея на всех четыре ружья. Но и у этих троих не было выбора. Вся их надежда была на Исраэля Шмерковица, и он действительно не подвел. Отряд без потерь добрался до Рудницких лесов. Но физическое и и душевное состояние людей было неопишваемое. Большинство пришло больными, многие отморозили ноги. Трех бойцам пришлось ампутировать пальцы на ступнях. Их приход и состояние вызвали у бойцов в Рудниках тяжелое потрясение. Трудно было узнать в этих людях воинов, вышедших отсюда всего несколько недель тому назад. О состоянии людей и результатах их похода был подан рапорт командиру бригады. Юргис заявил, что разберется с делом, а пока предлагает, чтобы один из троих принял на себя командование отрядом. Эту должность принял Има Лубоцкий.

Люди временно поселились на месте старой базы, рассчитывая строить новую стоянку по соседству с двумя старыми отрядами. И благодаря помощи продовольствием и оружием со стороны этих отрядов, и после первых удачных продовольственных рейдов с одолженным оружием люди несколько приободрились. Перевод на новую базу, где можно было прозимовать, еще более улучшил настроение.

Со временем из Начеи вернулась и "группа командиров" в составе двадцати человек. Отряды отказались их принять. После проведенного Юргисом разбирательства командиры были разжалованы и рассредоточены по разным отрядам. Во главе третьего отряда был поставлен Авраам Ресель (Шавринский), а Има Лубоцкий остался командиром четвертого отряда.

ОДИН ИЗ САМЫХ БЕДСТВЕННЫХ И НАПРЯЖЕННЫХ периодов нашей жизни в лесу завершился, а тем временем первый и второй отряды усилили партизанскую деятельность. После успешных диверсий на телеграфных линиях, разруше-

ния мостов и сооружения завалов на лесных дорогах еврейские партизаны расширили свои планы. Оружия по-прежнему не хватало, не было взрывчатки, но люди мечтали о крупных операциях. Их притягивало железнодорожное полотно. Пока еще, правда, нельзя было взрывать эшелоны, но чтобы повредить пути, много взрывчатки не надо. С помощью меновых сделок с капитаном Алеко евреи заполучили немного этого дефицитного "товара".

Большая группа партизан вышла на операцию с задачей вывести из строя телеграфную линию вдоль железной дороги и сами пути. Командование группой было поручено Эльханану Магиду. Он разделил своих людей на три части. Две группы должны были начать пилить телеграфные столбы с двух концов участка, двигаясь навстречу друг другу. Одновременно третья группа закладывает тол в стыки рельсов. Еще до того, как отряд дошел до места диверсии, Магид мобилизовал в соседнем селе нескольких крестьян с пилами и приказал приступать к делу.

Выбранный для диверсии участок простирался на километр, и решающее значение имела быстрота действий, так как неподалеку был мост и немецкая застава поблизости. После того, как все столбы были свалены и обе группы, встретившись в намеченной точке, залегли, обеспечивая прикрытие, были заложены шашки и к делу приступили подрывники. По сигналу они в обоих концах участка выскочили на полотно и начали запаливать фитили, передвигаясь бегом от заряда к заряду. При первом же взрыве, раскаты которого были слышны далеко вокруг, группа попала под обстрел. По рельсам застучали пули. С немецкой заставы взлетели в воздух осветительные ракеты. Под градом выстрелов, ярко освещенные подрывники продолжали запаливать фитили и не ушли с насыпи, пока не взорвали последний заряд.

Продолжались операции и по добыванию продовольствия, припрятанного крестьянами.

В одну из ночей группа отправилась в село Дейново. Командир группы Митька Липпенгольц расставил посты и распределил людей по звеньям. Звеньями пошли по домам. Продукты были собраны, погружены на телеги, и бойцы приготовились в обратный путь. Внезапно из села послышались выстрелы. Когда стрельба прекратилась и люди с обозом

ушли, группа бойцов приблизилась ко двору, откуда прозвучали выстрелы, и нашла тело Данки Лубоцкого, одного из лучших бойцов, одного из первых членов ЭФПЕО в гетто. От чьей руки он погиб и каковы были обстоятельства его смерти, выяснить не удалось. Неподалеку от лагеря вырос первый могильный холмик на новой базе.

Вскоре мы узнали, что Данка убит литовскими партизанами, разыскивавшими в ту же ночь в селе агента гестапо. Завидев свет в одном из домов, они подошли и заглянули в окно. Увидев людей, не похожих на крестьян, они открыли огонь в уверенности, что им удалось изловить опасного агента.

ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЕ ШЛА СВОИМ ЧЕРЕДОМ. Группы отправлялись в рейды, возвращались и уходили снова. Лагерь превратился в базу, откуда шли на боевые операции. Подчас на задание уходил один человек, без провожатых, без единого спутника, который разделит бы с ним одиночество в дороге. Это были связные, в основном девушки.

По соглашению между командиром бригады Юргисом и командиром "Мстителя" Абой Ковнером в задачу группы еврейских девушек-партизанок входило, в частности, поддержание связи между штабом бригады в лесу и городским подпольем. Подполье, возглавляемое несколькими литовскими коммунистами, испытывало невероятные трудности. Оно знавало измену, доносы, периоды распада и бездеятельности. После основания партизанских баз в непосредственной близости от литовской столицы подполье в известной мере активизировалось. Штаб бригады служил ему надежным тылом и центром. Соня Медайскер осталась в городе на роли уполномоченного по связи с лесом. Партизанки ходили на встречу с ней. Она, еврейка, являлась представителем коммунистического подполья литовской столицы, они — еврейские партизанки, были посланцами Литовской бригады...

Вскоре после того, как Витка Кемпнер осуществила в Вильнюсе диверсию и привела с собой в лес большую группу евреев, она была снова послана в город с поручениями от Юргиса и Гавриса. Она должна была доставить черновики

листовки с призывом к населению восстать против оккупантов и примкнуть к партизанскому движению. Листовку предстояло отпечатать и распространить в городе (со временем, благодаря усилиям двух еврейских партизан, печатников по профессии — Ицхака Ковальского и Габика Седлиса — была налажена типография в лесу). Кроме того, Витка должна была передать руководителям подполья инструкции, а также золотые монеты для финансирования работы в городе. Еврейское командование снабдило ее списком медикаментов, в которых нуждался доктор Гурфинкель. "Оснащенная" таким образом Витка вышла в знакомый путь.

"Я уже подходила к Бялой-Ваке, — рассказывает Витка Кемпнер, — когда повстречала крестьянку, напрасившуюся ко мне в спутницы. Я знала, что в селе стоит немецкий гарнизон, но не могла отказать крестьянке, потому что это вызвало бы подозрения. Идем, болтаем с ней, а расстояние до моста, охраняемого немецким постом, все сокращается. Внезапно моя "спутница" подзывает одного из полицейских и шепчет ему что-то на ухо. Подозрительно, но отступить уже некуда. С деланным спокойствием иду своей дорогой. Ко мне подходят двое литовских полицейских и задерживают меня на том основании, что я — еврейка. Показываю им свои арийские документы, а они заявляют, что хорошо помнят меня еще со времен гетто, когда несли охрану на воротах и видели меня входящей и выходящей из гетто... Повели в гарнизон к начальнику. Как избавиться от листовок и других материалов, которые на мне? Я попросилась в уборную, порвала листовки и выбросила в выгребную яму. Начальник гарнизона, немец, меня допросил, и мне почти удалось убедить его, что я — нееврейка, но во время обыска, которому меня подвергли полицейские, нашелся список медикаментов. Говорю, что это лекарства для сельской амбулатории, но они посчитали список доказательством, что я не только еврейка, но еще и партизанка. Начальник решил отправить меня в Вильнюс на допрос в гестапо. Полицейские, которые меня конвоировали, показали мне, к моему изумлению, обрывки листовки, выкинутые мною, прочли по-литовски куски из воззвания. Повезли меня на телеге, посадив между двумя вооруженными полицейскими. Говорю им, что не хочу в гестапо, пусть лучше сразу застрелят — не помогает.

Едем дальше. Вдали уже показались городские окраины, еще немного, и моя участь будет решена. В голове лихорадочная мысль: только не сдаваться, бежать! Погибнуть всегда успею. Внезапно всплыла странная, почти сумасшедшая идея. Я снова заговорила с "проводящими", но теперь повела другой разговор и приняла другой тон. Заявила, что я действительно партизанка, и поэтому им стоит помочь мне. Стала доказывать, что Красная Армия идет вперед и поражение немцев неизбежно. Для их же пользы им лучше присоединиться к победителям, не то их настигнет месть партизан. У нас имеются подробные списки тех, кто сотрудничает с врагом. От имени партизан я обещала, что в случае моего освобождения это им зачтется. Кроме того, я рассказала, что многие полицейские-литовцы уже примкнули к советским партизанам.

Оба молчат, как будто и не слышат. Продолжаю монолог, а телега все катится и катится, еще немного – и въедем в город. И вдруг заговорили, принялись со мной спорить. Нельзя, мол, партизанам верить, нельзя полагаться на их обещания. Факты есть факты, говорят они, и хотя Красная Армия продвинулась, немцы пока стоят прочно. Рассказываю им новости с фронта, чтобы подкрепить мою позицию, но они уже больше не отвечают, да и я уже больше не в состоянии продолжать говорить и убеждать. Все мои усилия пошли прахом, мы уже в городе, неподалеку от здания гестапо.

Телега останавливается. Полицейские приказывают мне слезть. Они отводят меня в боковой переулок и там суют что-то в руку. Мое удостоверение! Ошеломленная, я на какой-то миг не понимаю, что мне говорят, когда старший по званию заявляет, что хочет встретиться с моим командиром. Кроме того, он запрещает мне в будущем ходить мимо их заставы. Оба исчезли. Я осталась одна на улице. До здания гестапо от этого переулка всего несколько десятков метров..."

Удостоверение, список медикаментов и обрывки листовки – снова в руках у Витки (вернули все, кроме золотых монет, которые, вероятно, так и оставили у себя в карманах). Она выполнила поручение и передала Соне Медайскер материалы и инструкции. Соня ей сообщила, что придется провести в лес посланца из каунасского подполья. Витка вернулась на базу с

ним и доставила доктору Гурфинкелю пакет с медикаментами. По возвращении она передала в штаб бригады рапорт с своей миссии и рассказала о своем аресте и чудесном освобождении. Там этот рассказ, однако, возбудил подозрения... Витку допросил Станкевич, начальник особого отдела бригады. Он взвешивал каждое ее слово и, в конце концов, освободил.

Зима в разгаре. Лес, лесные тропы и найденные партизанские дороги — все укрыло толстой пеленой снега. Каждый шаг оставляет четкий след. Ходить поблизости от сел стало опасно. Каждый рейд требовал теперь детальнейшей разработки и длительной подготовки. Всякая разница между хозяйственными и диверсионными операциями исчезла — ныне заготовки были сопряжены с не меньшим риском, чем боевые операции. Села хорошо организовались и вооружились, их жители действовали заодно с поляками или немцами с ближних застав. Проблема снабжения становилась все острее. Оружия тоже не стало больше, и партизаны, ходившие на заготовки, частенько возвращались с пустыми руками. Эти операции сопровождалась и потерями.

В феврале 1944 года группа бойцов отправилась добывать для лагеря провиант. Дойдя до намеченного села, бойцы окружили его, расставили посты и патрульных. На обратном пути их атаквали крупными силами. Они открыли ответный огонь, но не смогли одолеть врага, превосходившего их числом и вооружением. Три партизана пали на поле боя — Хаим Шлякман, Миклишинский и Рашка Маркович.

Один из бойцов рассказывал в лагере, что видел Рашку бегущей и стреляющей из ружья. Она двигалась в полный рост, и ее красное пальто на фоне снега служило, конечно, отличной целью. Блюма Маркович, старшая сестра Рашки, молча выслушала этот рассказ. Быть может, в эту минуту ей, как и многим другим, знавшим Рашку со времен хашомеровского кена и восхищавшимся ею в гетто, подумалось, что не могла Рашка не стрелять и не в ее натуре было гнуть спину. Всю жизнь она прожила с гордо поднятой головой, так встретила она и свою смерть.

Положение в районе со дня на день все более осложнялось. В результате продвижения Красной Армии на более отдаленных от нас территориях наш район превратился в место сосредоточения разношерстных мятежных войск и различных банд. Казалось, все черные силы, какие только были в стране, стеклись сюда, и тут начались свирепые столкновения между белополяками, литовцами Плехавичуса, казаками — все они основали здесь свои базы. Акции белополяков должны были в урочный час установить факт принадлежности Вильнюса и его окрестностей к независимому польскому государству. Литовцы Плехавичуса, прислужники нацистов, вели борьбу против литовских партизан, провозгласивших Вильнюс столицей Литовской советской республики после освобождения. Села с польским населением служили базами белополякам и помогали Армии Краевой: литовские деревни в большинстве сотрудничали с Плехавичусом. Вдобавок в окрестностях появились власовцы, в том числе конные отряды казаков, подкрепленные танками и артиллерией. И поляки, и литовцы, и русские угнездились в лесу и захватывали пункты, служившие до сих пор партизанам в качестве транзитных точек или источником продовольствия. Все они вместе в ту пору фактически являли собой главную и непосредственную угрозу партизанскому движению.

В штабе бригады задумались над ответными мерами. Было ясно, что если не предпринять решительных действий, большинство сел может выйти из повиновения бригаде, и если не реагировать на случаи убийства партизан, вся партизанская деятельность будет поставлена под угрозу и пошатнется престиж бригады. Своими организованными выступлениями против партизан было известно литовское село Конюхи. Его жители активно сотрудничали с немцами и литовцами Плехавичуса. Полученное оружие они распределили среди окрестных крестьян и организовали их. Само село было большим и хорошо укрепленным: партизаны остерегались подходить к нему. Жители Конюхи ходили в засады, захватили двух партизан из литовских отрядов и замучили их.

Штаб бригады решил провести против села крупную карательную экспедицию. Командир одного из литовских отрядов Шилас проник в Конюхи под видом офицера войск Плехавичуса, явившегося организовать караульную службу. Будучи

литовцем и военным, он не возбудил подозрений. Он изучил все посты и слабые места обороны. На основе его донесения штаб бригады разработал операцию. В ней участвовали группы бойцов из всех лесных партизанских отрядов, в общей сложности около ста пятидесяти человек, в том числе около сорока еврейских бойцов. Командовать операцией был назначен советский офицер из отряда Шиласа. Командиром еврейских воинов был Яков Пренер.

Часть партизан окружила село и вошла в него. Другая, куда входили и еврейские партизаны, осталась за селом в засаде с целью помешать подходу подкрепления из германского гарнизона. Местом засады было выбрано сельское кладбище. Партизаны, ворвавшиеся в село, двигались с трех направлений. Согласно плану, центральная штурмовая группа должна была со стрельбой пробиться вперед, а фланговые – поджечь село. Но левый фланг еще только приближался к своей цели, а литовцы уже открыли огонь. Началась рукопашная. Многим литовцам удалось улизнуть из села, и они бросились бежать в направлении германского гарнизона. Они наскочили на засаду, были перебиты и лишь некоторые спаслись.

Видя, что попытка взять Конюхи врасплох не удалась, командовавший операцией офицер послал связных с приказом снять засаду и перебросить людей на подмогу у дерущимся. Два вестовых из литовских отрядов пройти не сумели, и тогда командир послал третьего – Поля Багрянского, который служил связным между командным пунктом и засадой. Багрянский пробился и доставил приказ. Еврейские партизаны покинули засаду и пошли в бой. После ожесточенной схватки сопротивление сельчан было сломлено. Партизаны жгли дом за домом, от партизанских пуль погибло много крестьян, женщин и детей. Очень немногим удалось спастись. Село было стерто с лица земли.

Назавтра из Вильнюса на место прибыло в сопровождении солдат гестаповское начальство. Были сфотографированы развалины и тела убитых, а затем снимки опубликовали в качестве доказательства зверств "красных бандитов", безжалостно уничтожающих мирное население.

Сама операция и германская пропаганда взбудоражили всю округу. Штаб бригады предпринял контрмеры – по селам

была распространена листовка, в которой рассказывалась правда о селе Конюхи и содержалось предупреждение, что всех сотрудничающих с врагом ждет такой же конец, зато те, кто помогают партизанам, будут вознаграждены.

Можно предположить, что на крестьян подействовали не столько увещания, агитация и листовки, сколько страх перед местью партизан. История села Конюхи надолго укротила другие села по всей округе.

Эта карательная операция и способ ее проведения вызвали в еврейском лагере глубокое недоумение и резкую критику со стороны многих бойцов. Люди помнили, что когда советские и литовские командиры добивались расформирования еврейских отрядов, они, в частности, мотивировали это тем, что евреи с их мстительными чувствами возбуждают гнев сельского населения. Поначалу Юргис тоже оперировал доводами такого рода. Еврейское командование в Рудницких лесах не допускало никаких актов коллективной мести по отношению к целым селам. Еврейские партизаны не рисковали жизнью, чтобы, изловив предателей и коллаборационистов в их укрытиях, доставить их в лагерь в качестве пленных и потом уже объявить, что месть партизан неминуемо наступает предателей. Поэтому жестокая операция, разработанная и проведенная военно-политическим командованием штаба бригады, в ходе которой убивали без разбора мужчин, женщин и детей, вызвала такую реакцию. Многие из участвовавших в ней еврейских бойцов вернулись на базу потрясенными и подавленными.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЕЙДОВ ПРИ ХРОНИЧЕСКОЙ НЕХВАТКЕ ОРУЖИЯ И УГРОЗЕ РАСФОРМИРОВАНИЯ ЕВРЕЙСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ – это были постоянные и основные наши задачи. Но перед командованием стояли и другие, чисто специфические проблемы, от решения которых в немалой степени зависели как боевые качества всего еврейского соединения, так и моральный облик каждого человека, сам образ жизни его в лесу. Непросто было сплотить постоянно меняющуюся массу самых

разных во всех отношениях людей. Бойцы ЭФПЕО, которые были основателями еврейской боевой части и ее становым хребтом в нравственном и идейном смысле, со временем оказались в меньшинстве. В лагерь пришли люди не только различных, но и противоположных взглядов. Здесь были юнцы и старики, бывшие жулики и бывшие коммерсанты-богачи, неграмотные и интеллигенты – все слои населения довоенных еврейских местечек и городов и затем – гетто. Были здесь братья Сарахан* из семейства носильщиков, прозванных в гетто "Ди штарке" ("сильные"). Младший, Песах, едва умел читать и писать, но был добряком и полюбился всем. Были в лагере два брата Перлыштейны – Фелька и Мотька – один 17, другой 19 лет, уроженцы здешних мест. Ребята бежали из своего села во время акции, долго блуждали по лесам и селам, пока однажды не встретили группу партизан, с которой и явились в лагерь. Внешне не похожие на евреев, с трудом понимавшие идиш, впадая в ярость, приступы которой охватывали их достаточно часто, они принимались проклинать "жидов" и "жидовские порядки". Очень трудно давались партизанская дисциплина и режим этим юным дикарям, которые выросли буквально в лесу, в подполье у хозяев-литовцев, чьи руки были обагрены еврейской кровью. Проводники они были замечательные и знали каждую лесную тропу. Оба возгордились этим своим положением и требовали соответствующего вознаграждения по своему вкусу, то есть лучшей пищи, двойного пайка хлеба или мяса, а главное – освобождения от всех работ в лагере, участвовать в которых они считали ниже своего достоинства.

Крупным богачом был до войны Генрик Загайский – старший кладовщик на складе провианта. Это был единственный человек, знавший сроки еврейских праздников, и не раз он устраивал бойцам приятный сюрприз в виде торжественного обеда по случаю праздника. Так жили вместе Сарахан и Загайский, Фелька с Мотькой и адвокат Минна Свирская, "Файвка-Метла" и закончившая университет Дина Абрамович, коммунисты и ревизионисты, бывшие полицейские и члены ЭФПЕО, хашомеровцы и представители "золотой молодежи", супружеские пары рядом с мужчинами, чьи

* Старший брат – Моше Сарахан погиб во время похода в Начею.

жены погибли, и женщинами, потерявшими всех своих близких, люди, одержимые жадной борьбой и мести, и перепуганные обыватели, искавшие в лесу лишь спасения от смерти и не желавшие больше рисковать.

Все это создавало неисчислимые и повседневные трудности, требовавшие постоянного внимания и осторожности, вызывавшие необходимость лавировать между гибкостью и суровостью. Мотьку приходилось воспитывать и словом, и делом, чтобы он понял, что ему не причитается премии за то, что он боец. Других надо было убедить, что во время продовольственных рейдов нельзя отбирать у крестьян лишнее и уносить "сувениры", предупреждая, что виновные понесут кару за мародерство. Одновременно приходилось заботиться и о том, чтобы добытая у крестьян одежда распределялась не по усмотрению того, кто ее взял, и не по степеням родства, а так, чтобы те, кто не покидал лагеря, тоже не ходили оборванными. А главное — прекратить самовольное распределение хлеба. Хлеба не хватало всегда, поэтому было введено строжайшее нормирование, и запасы хлеба хранились под замком, но по лагерю время от времени начинали ходить слухи, что кто-то прячет хлеб, принесенный из рейда, тайно делится с приятелями и родными или съедает его сам. Три партизана, возвратившись с вылазки, во время которой было добыто много провианта, в том числе и хлеб, попытались укрыть часть драгоценных трофеев и спрятали за лагерем в кустах несколько буханок. А когда вечером один из троих вышел из лагеря и направился к тайнику, его издали увидели командир и комиссар отряда, совершавшие обычный ежевечерний обход. Парня схватили, он признался в содеянном и выдал своих сообщников. Новость молниеносно распространилась по лагерю. Трое партизан были отданы под суд и приговорены к смертной казни условно. Воровство прекратилось. То, чего так долго не удавалось добиться увещаниями, было достигнуто благодаря суду и приговору.

То, что в лагере было много женщин и женатых пар, тоже порождало разнообразные проблемы, характерные только для еврейских отрядов. Партизанские подразделения, как правило, комплектовались исключительно из мужчин. В некоторых отрядах женщины выполняли специальные поручения

или работали на кухне. В таких отрядах положение девушек было чрезвычайно сложным, а подчас и невыносимым. Среди них лишь единицы завоевали себе равноправное с мужчинами положение бойца: таких партизаны уважали. Большинство же страдало от презрительного отношения и неуважения, так как, по распространенному мнению, роль женщины в лесу сводилась к удовлетворению полового голода "мужиков". Это ставило еврейскую девушку в советских партизанских отрядах перед тягчайшими испытаниями. Ей приходилось не только бороться за свое право воевать, но и оберегать свое личное достоинство и женскую честь. Она вынуждена была жить в постоянном нервном напряжении, остерегаться на каждом шагу и хорошо взвешивать свои слова и движения. Не каждая была способна долго выдержать такое. Нередко приходилось пасовать перед домогательствами "знаменитого" командира или "геройского" партизана, подкрепленными угрозой мести в случае отказа. Находились и девушки, которые сознательно решались на связь с каким-нибудь партизаном, чтобы обеспечить себе защиту от посягательств других, добиться нормального к себе отношения и лучших условий жизни. Те же, что не сдавались, а таких было много, жили чрезвычайно трудно как в нравственном, так и в материальном смысле.

Иным было положение в еврейских отрядах. Проблем, донимавших еврейских девчат в советских отрядах, для еврейской женщины в Рудницких лесах почти не существовало. Большинство девушек — членов ЭФПЕО или других бывших молодежных движений и политических партий — участвовало в партизанских операциях и в формировании облика еврейской боевой части. Почти не было такого боевого или хозяйственного рейда, диверсии или засады, которые прошли бы без участия девчат. И на командирских должностях здесь встречались женщины, а особые задачи, выполняемые группой еврейских девушек-связных, вызывали к ним уважение всех бойцов.

Хина Боровская, член штаба, служила политкомиссаром в отряде "За победу", Витка Кемпнер командовала разведгруппой, Ружка Корчак была старшиной отряда "Мститель", Зельда Трегер — постоянной связной между штабом бригады и городским подпольем, и с нею работали на связи Дина

Ицель Ковальский

Зельда Трегер

Гришка Горвиц

Эльханан Магид

Розенвальд, Доба Девельтов, Хая Шапиро, Лена Зац. Нюся Лубоцкая — член разведгруппы — сыграла активную роль в освобождении советских военнопленных. В большинстве партизанских операций принимали участие сестры Рашка и Блюма Маркович, Хася Варшавчик, Хава Глезер, Фанни Йохелес, Сара Фирер, Ружка Корчак, Минна Свирская, Тамара Рашель, Сима Зак, Соня Толерант, Шехтер, Люба Медведская, Фейга Мильштейн, сестры Хая и Това Мазе, Шуламит Левин, Рахель Циммерман и другие. Кухней и снабжением в лагере заведовала энергичная, хозяйственная Песя Шенбойм.

Однако в отрядах было немало женщин, которые по возрасту, состоянию здоровья или своим взглядам на жизнь в лесу и роль женщины в ней, не могли да и не хотели выполнять поручения за пределами базы. Это были, как правило, замужние и в том числе пожилые женщины, и их поведение не вызывало недовольства в еврейском лагере. Но иной была позиция руководителей партизанского движения в лесах. Они считали, что личные и интимные связи снижают боевой дух и отрицательно влияют на боеспособность партизан. Вдобавок, говорили они, существует опасность, что неженатые начнут завидовать женатым. Поэтому любой партизанской базе полагалось быть чем-то вроде военного лагеря со строжайшим режимом и дисциплиной. Когда же советское командование обнаружило отряд, чья внутренняя жизнь противоречила этим принципам, оно принимало меры вплоть до разлучения семей и перевода одного из супругов в другой отряд.

Еврейское командование, зная о том, что наличие в лагере семей не снижает боеспособность отряда, не могло пойти по такому пути. Большинство супружеских пар вступили в брак еще до прихода в лес: это были стабильные семьи с общим и давним прошлым, но штаб бригады неоднократно указывал еврейскому командованию на серьезность положения и предупреждал, что, если замужняя женщина забеременеет и родит, ребенок будет умерщвлен (аборт в условиях леса был невозможен), мать изгнана из отряда, а командир отряда пойдет под суд.

Будничной, но непрестанной заботой было поддержание элементарной чистоты в лагере. Скученность людей, нехватка белья и мыла, отсутствие у некоторых навыков личной

гигиены требовали неослабного внимания доктора Шломо Гурфинкеля. И благодаря его железной настойчивости и постоянной требовательности, он сумел справиться с грязью и неожиданно вспыхивавшими заболеваниями. Доктор взял на себя надзор за кухней и тщательно следил за соблюдением всех правил санитарии во время приготовления пищи. Он требовал построить баню с горячей водой, и когда таковая появилась, был издан приказ, сделавший посещение бани обязательным для всех. Регулярное умывание горячей водой и дезинфекция одежды паром очень быстро улучшили санитарное состояние лагеря: вшивость (этот верный спутник войны) пошла на убыль и почти исчезла. Постепенно улучшились и условия работы самого врача. Сначала вся амбулатория состояла из хлипкой скамьи, служившей кушеткой для обследования больных. На новой базе была построена специальная землянка, совмещавшая в себе амбулаторию и госпиталь, с деревянным полом и широким окном. На столе красовался... электрический стерилизатор – партизанский трофей, принесенный Гурфинкелю добывшим его бойцом. Здесь 24-летний доктор, вся практика которого сводилась к работе в больнице гетто, делал сложные и тяжелые операции.

Укрепление отрядов, постепенное приспособление к жизни в лесу, твердое желание большинства людей придать этой жизни достойные формы способствовали зарождению и развитию боевого товарищества. Усилилось сознание взаимной ответственности и еврейской партизанской миссии, возродились надежды на будущее. Трудно сказать, в какой именно момент свершились эти перемены в душах людей, но они наступили. Возрождение надежд, жажды жизни будили личные мечты и планы. В тайниках души люди начали строить планы на будущее.

Вокруг еще полыхала война, продолжались рейды, каждый из которых грозил смертью, любой день мог стать последним для всего лагеря, и тем не менее надежды и любовь брали свое, молодые люди клялись друг другу в верности и обсуждали свою будущую совместную жизнь.

С другой стороны, люди снова вспомнили о различии мировоззрений и идеологий, которое долго не проявлялось в тяготах быта и борьбы. Но по мере того, как жизнь входила хоть и в опасную, но прочную колею, все острее становились

идеологические споры. Кто-то вслух помечтал о Флориде, и вскоре Флорида стала символом определенных стремлений – удрать сразу же после освобождения в спокойное, красивое место, где можно легко разбогатеть и больше не страдать из-за того, что ты еврей. Люди устали от своего еврейства, от антисемитизма и были уверены в своем праве на богатство и покой. Хотя эта точка зрения разделялась немногими и воспринималась остальными как детский лепет, она, безусловно, была одной из примет того времени. Другие, главным образом комсомольцы и коммунисты, считавшие себя поборниками советского строя, который будет здесь установлен, тоже хотели отделаться от своего еврейства, полагая, что в коммунистическом мире они будут полноправными гражданами. Их единственная задача – помогать строительству этого режима, открывающего перед каждым человеком и каждой нацией невиданные возможности и решающего раз и навсегда “проклятый еврейский вопрос”.

Носители этих взглядов, поначалу воздерживавшиеся от пропаганды, со временем крайне активизировались. Партийные и комсомольские ячейки, возникшие уже в самом начале жизни в лесу, повели агитацию и взяли на прицел несоюзную молодежь, вербуя ее в комсомол и в партию. Они выступали от имени советской власти и ее армии и ставили знак тождества между партизанским движением и компартией.

Немногие вступили в комсомол. Большинство увиливало, как могло, невзирая на постоянный нажим. В лагере начался устанавливаться атмосфера страха и подозрений, появилась слежка за определенными людьми. Напряженность достигла критической точки за несколько месяцев до освобождения, когда начальник особого отдела бригады Станкевич раздал партизанам анкеты с вопросами о партийной принадлежности и социальном происхождении...

Большинство членов еврейских лесных отрядов не связывало свое будущее ни с Флоридой, ни с проектируемой Литовской советской республикой. Люди, которые никогда не были сионистами и в мирные времена не имели никакой связи с Эрец-Исраэль, заговорили о необходимости своего, еврейского, отечества и о новой в нем жизни. Несомненно, что на такой поворот в настроениях повлияли десятки членов халуцианских и сионистских движений в отрядах, не скры-

вавших своих политических и национальных взглядов, хотя они и не вели организованной пропагандистской работы. Но и без нее для большинства евреев сионизм не был абстракцией, и желание уехать в Эрец-Исраэль возникло не как плод идеологических раздумий, а как осуществление мечты о своем еврейском доме, где они не будут беззащитны, а их национальность не будет служить поводом для ненависти и убийств. И все чаще люди собирались по вечерам вокруг костров и часами пели песни. В ночном сумраке, среди русских партизанских песен и песен на идиш, звучали и ивритские песни, песни Эрец-Исраэль, вплетаясь в общий тон, в единую мелодию томления и печали, оплакивающую прошлое и взывающую к будущему.

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ МИНОВАЛО С ТЕХ ПОР, КАК из района Начеи отряды вернулись в Рудницкие леса, но они уже успели построить себе базу в шести километрах от стоянки отрядов "Мститель" и "За победу" и реорганизоваться. Командиры Абраша Ресель и Има Лубоцкий приложили много усилий, чтобы сплотить людей обоих отрядов (общая база, общий котел, смешанные оперативные группы) и повысить их боеспособность. Отряды, насчитывавшие около ста пятидесяти человек, были поделены на боевые отделения под начальством опытных партизан - Мотеля Гопштейна, Якова Штуля, Неньки Толеранта, Гирша Левина, Моше Сольца, Нахума Кагановича (последний служил также заместителем командира роты) и других. Группы, составленные из партизан обоих отрядов, начали ходить сперва в продовольственные рейды, а затем и на диверсионные операции и в засады. А когда самая трудная организационная работа была проделана и начались активные партизанские действия, на базе появились двадцать русских и литовских партизан. Они сообщили, что присланы штабом бригады, чтобы командовать еврейскими отрядами и повысить их боеспособность. Они утверждали, что у командования отрядов нет достаточного боевого опыта, действия отрядов малоэффективны, поэтому требуется реорганизация и, прежде всего, смена командования.

В тот же день был проведен смотр. В ряды встали новые бойцы, вооруженные винтовками, автоматами и ручными пулеметами. Еврейские воины молча глядели на это богатство, слушая приказ, означавший ликвидацию самостоятельных еврейских подразделений.

Все совершилось неожиданно с необыкновенной быстротой. Даже еврейские командиры, среди которых имелись и коммунисты, не были предупреждены о решении Юргиса и его штаба, давно искавших повода покончить с самостоятельностью еврейских отрядов. Однако, никто не мог представить себе, что это будет осуществлено так грубо и неожиданно, механическим присоединением двадцати русских и литовцев к ста пятидесяти евреям.

В тот же день было сменено командование. Место Абраши Реселя, то есть пост командира отряда "Смерть фашизму", занял Крауклис, литовский коммунист и парашютист: Реселя вернули в отряд "За победу", где он числился прежде. На место Имы Лубоцкого пришел Шилас, командир литовского отряда "Перкунас", откуда его временно перевели на должность командира "Борьбы". Иму Лубоцкого назначили командиром отделения... Весь средний и младший комсостав, за небольшим исключением, был заменен русскими и литовцами. Среди них выделялся своей грубостью и непрерывным бахвальством некто Колосов, отрекомендовавшийся майором-танкистом.

В первый же день на базе установилась напряженная атмосфера. Бойцы, которые привыкли к независимости и знали своих командиров еще со времен гетто, тяжело переживали случившееся. Прибавка вооружения, правда, открывала возможность для более крупных операций, но создавшаяся в лагере обстановка вполне могла вызвать деморализацию и подрыв боевого духа еврейских партизан. Новые командиры более или менее удовлетворительно относились к бойцам, но время от времени отпускались ядовитые замечания. Затем на базе было запрещено разговаривать на идиш. Пришельцы намекали на неумение евреев драться, критиковали присутствие в лагере женщин. Не все еврейские воины сумели выдержать это испытание. Одни стали льстецами и угодниками при новых командирах, другие, снедаемые горечью и отчаянием, впали в безразличие. Перемены коснулись и

отношений между двумя отрядами. Каждый из них был объявлен отдельным подразделением с расчетом развести их по разным базам (что позднее и было выполнено).

Среди распоряжений, изданных новым командованием, был приказ, запретивший совместное проживание супружеских пар. Операция по разъединению семей была проведена молниеносно, причем в некоторых случаях командование, не довольствуясь разлучением супругов в пределах лагеря, переводило одного из них в другие места — к Юргису или в "Перкунас".

Партизанская активность в этот период действительно усилилась, но произошло это благодаря лучшему вооружению отрядов. Бойцы охотно ходили на операции. Там забывались обиды повседневной жизни и возвращалось чувство самостоятельности, потому что невзирая на присутствие русских или литовских начальников, инициатива по-прежнему принадлежала еврейским бойцам, досконально изучившим окрестности.

Не раз партизаны с горькой усмешкой выслушивали оперативные наставления начальника штаба*, который, тыча пальцем в карту, указывал маршрут. Однажды боец с удивлением увидел, что начальник ткнул прямо в немецкий гарнизон, и сказал об этом. Тот, смутившись, повторил задачу, а затем громовым голосом скомандовал: "Кругом! Шагом марш!" Партизаны, естественно, сами приняли решение относительно того, как выполнять боевое задание.

Прошел месяц. Людям пришлось приспособиться и примириться с новой ситуацией в лагере. Их словно лишили чувства свободы. В отряде, насчитывавшем около девяноста евреев и десяти русских и литовцев, евреи ощущали себя неравноправным меньшинством. Тесные связи с еврейскими отрядами "Мститель" и "За победу" слабели. Приказа, запрещавшего посещение баз этих отрядов, правда не было, но бесконечные вопросы, связанные с этим, и препятствия, чинимые начальством, привели к тому, что люди все реже общались с друзьями в других отрядах.

В это время произошли новые перемены в составе коман-

* Этот начальник штаба оставался на своем посту вплоть до освобождения. Позднее он был арестован в Вильнюсе как власовец.

дования. Командовать "Борьбой" был назначен Василенко, до того служивший в этом отряде начальником штаба (Шилас вернулся в свой отряд). Новое назначение пробудило у бойцов некоторые надежды. Василенко был русским евреем (его подлинная фамилия, как выяснилось позднее, была Васлиницкий), капитаном Красной Армии, по профессии инженером. В начале войны он участвовал в строительстве укреплений в Севастополе, служил на кораблях военно-морского флота. Он попал в плен к немцам и был отправлен в Каунас в знаменитый Девятый форт*. В это время немцы использовали там группу евреев и военнопленных для сжигания трупов казненных — заматали следы. Василенко, сориентировавшись в сооружениях форта, предложил вырыть подземный ход и бежать. После нескольких месяцев невероятного труда восьмидесяти заключенным удалось бежать из крепости. Одна группа добралась до гетто, с нею и Василенко. Здесь он установил связь с местным подпольем и ушел в лес вместе с группой еврейских бойцов из Каунаса, выбравшейся в Рудницкие леса. Сначала он находился в русском отряде, а затем его перевели на командную должность в еврейские отряды.

Как только он появился, партизаны инстинктивно учуяли его национальное происхождение. Он никогда не признавался в том, что он еврей, ни разу не произнес ни слова на идиш и не выказывал особого интереса к участи своего народа. Этот молчаливый сорокалетний человек не сделал ни малейшей попытки сблизиться со своими подчиненными, всегда держал бойцов на дистанции и обращался с ними круто. Василенко завел в отряде суровый режим и железную дисциплину. Перед выходами на операцию он напутствовал бойцов одной и той же фразой: "Запомните, что в случае неудачи последствия будут тяжелыми"...

Одной из популярных в лагере фигур был русский "майор" Василий Колосов. В продолжение многих вечеров бойцы должны были выслушивать его хвастливые рассказы о том, как он в качестве командира танкового отряда был высажен с воздушным десантом в лес, чтобы взорвать железнодорожный мост через Неман на линии Тильзит — Каунас, как за ним гнались немцы, а он — один в поле воин — все-таки ушел. В

* Место истребления литовских евреев.

отряде он любил раздавать краткие непререкаемые приказы и приходил в бешенство, если к нему обращались с просьбой отменить их.

Однажды на оружейном складе пропал пистолет. Это вызвало в лагере большое волнение, начались разбирательства, обыски, заподозрили оружейников, но пистолет как в воду канул. Гирш Левин, бывший в ту ночь начальником караула, говорил, что подозревает людей, приходивших к штабному офицеру Колосову. Гости знали пароль. Колосов приказал впустить их на базу и пропьянствовал с ними всю ночь. Левин был уверен, что кто-то из них вертелся около оружейного склада, и доложил о своих подозрениях Колосову. Тот разразился ругательствами, с криком обвинил в воровстве евреев и пообещал возмездие виновным. Обстановка в лагере накалилась, местный особист Шломо Беккер обратился к начальнику особого отдела бригады Станкевичу с просьбой расследовать дело. Через несколько дней пистолет нашелся, но слух о том, что пистолет был уворован одним из ночных гостей Колосова, не исчез. Станкевич вызвал этого "гостя" на допрос, и тот, полагая, что его оговорил Колосов, заявил начальнику особого отдела, что Колосов служит немцам. Майор, будучи заброшен в тыл с задачей взорвать мост, совершил измену и пошел на службу к врагу. В одном из немецких училищ он читал лекции по тактике танковых войск в Красной Армии. Когда же советские войска начали наступать и продвигаться вперед, Колосов из училища сбежал и присоединился к партизанам.

Вся эта история, державшаяся в строжайшей тайне, стала известна бойцам лишь после того, как Колосов с группой партизан и Станкевичем отправился на "важную операцию" в Нарочь, откуда майор уже не вернулся. Колосов, проделавший весь путь в компании особиста, ни о чем не подозревал, пока не дошел до взлетно-посадочной площадки в лесах Нарочи, где его арестовали, разоружили и отправили самолетом в Москву. Вернувшиеся из Нарочи бойцы оказались свидетелями этого события.

Има Лубоцкий и Гершон, вернувшиеся после ареста Колосова, принесли с собой письма еврейских партизан, о которых долго ничего не было известно, но еще существенней было оружие, которое группа принесла из Нарочи — два автомата, две

винтовки и более пятисот патронов, пополнивших арсенал отряда. Оружие так и сверкало и было с иголки новым, как и полагается вооружению, присланному из Москвы и сброшенному на парашютах для партизан.

Спустя несколько дней другая группа двинулась в Налибокские леса – тоже за оружием. В тот период все прибывавшее по воздуху оружие сбрасывалось в лесах Нарочи и Налибок. Туда же поступила партия, предназначенная для отрядов в Рудницких лесах. До Нарочи было около двухсот километров опасного пути. От пяти человек, ушедших в Налибоки, не было никаких известий. Позже мы узнали, что все они погибли в пути в бою с белополяками. Позднее в Нарочь отправилась еще одна группа, составленная на сей раз из бойцов всех четырех еврейских отрядов. Из этой группы тоже не все вернулись. Среди погибших были еврейские партизаны Хаим Луковер, Исраэль Розов, Гершон, Гринер, Шварц и другие.

Во время одной из первых операций "Борьбы" погиб Шалом Бреслин, когда его группа напоролась на засаду. Моше Левин погиб, когда его группа возвращалась с удачных заготовок, сопровождая на базу несколько подвод с провиантом. Левин вел одну из подвод, его лошадь отстала и Левин оказался далеко позади обоза. Русский командир, который командовал рейдом, оставил его одного, а сам ушел вперед. На партизана напали рыскавшие по окрестностям польские националисты и убили его. От рук поляков погибли партизаны Миликовский из Айшишки и Макс Розевич из Вильнюса.

Усиленная активность националистических польских банд, их появление в лесу и контроль над маршрутами партизан вызывали у бойцов "Борьбы" тревогу. Не давала покоя и мысль об измене. Хотя никаких доказательств не было, бойцы подозревали двух молодых поляков, пришедших в лагерь с литовскими партизанами – Володьку, сына крестьянина из ближнего села, и Метек, у которого был дом, где жила его мать, которую Метек часто навещал. Подозрения все усиливались, и люди отправлялись на операции с тяжелым сердцем. Володька и Метек часто служили проводниками. Однажды Володька не вернулся в лагерь – во время вылазки он незаметно улизнул и исчез. Взбешенный командир отряда Василенко отругал командира группы и пригрозил, что тот

поплатится собственной головой, если не найдет беглеца. Тот отправился в лес на поиски и вернулся с пустыми руками.

Неделю спустя группа из отряда "Борьба" отправилась на задание. Успешно его выполнив и дойдя на обратном пути до партизанского района, бойцы, зная по опыту, что тут им опасность не грозит, спокойно продолжали путь. Так они достигли ручья Вышынче (так называемого ручья партизан). Вдруг по ним был открыт огонь из засады. Отстреливаясь, партизаны перешли ручей. Стрельба прекратилась. Собравшись на другом берегу ручья, бойцы установили, что с ними нет Тома Рашель. Люди вернулись к месту засады, откуда уже убралась напавшие на них поляки, и тут нашли мертвую Тому со следами жестоких надругательств на теле. Смерть Тома, а главное, обстоятельства ее гибели потрясли бойцов.

Налеты польских националистов учащались. Один из осведомителей отряда, проживавший в ближнем селе, был убит. Старуха-крестьянка рассказала, что видела Володьку в немецком гарнизоне и что он сотрудничает с немцами и поляками. Она заявила партизанам, что не боится предателя — она старый человек, не боится смерти и поступает так, как ей велит совесть. Через два дня после того, как крестьянка передала информацию о Володьке, в село пришли поляки и сожгли ее дом. Бежавшие в лес крестьяне рассказали, что среди налетчиков видели Володьку. Теперь уже не оставалось сомнений, что и засада поляков, в которой погибла Тома, была делом его рук.

Попытки его разыскать не дали результатов. Шло время, огневая сила отряда увеличилась, прибавилось много оружия (наконец, его начали сбрасывать и в этом районе), и отряд расширил свою боевую деятельность. Одна из групп, вышедшая в дальний рейд, случайно задержалась по пути на русской партизанской базе. Тут они, к своему великому изумлению, узнали, что Володька находится в местном отряде. Эта новость была немедленно передана Станкевичу, который его арестовал и доставил на базу "Борьбы". На допросе он сознался, что служил польским националистом, был заслан ими в лагерь партизан с шпионской целью и организовал засаду. От него узнали, что Тома была тяжело ранена первыми же выстрелами, поляки надругались над раненой и пытались заставить ее выдать сведения о вооружении отряда. Они замучили Тому, ничего от нее не добившись.

Приговор военного суда был зачитан перед строем бойцов. Он гласил: "За измену родине и товарищам по оружию Владимир приговаривается к смерти". Приговор был тут же приведен в исполнение.

ЛИКВИДАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРЕЙСКИХ ОТРЯДОВ "Смерть фашизму" и "Борьба", обнаружение предателей среди нееврейского состава этих отрядов вызвали глубокую горечь и в других еврейских отрядах - "Мститель" и "За победу", где люди тоже начали опасаться за свою самостоятельность, и не только потому, что психология еврейских партизан сложилась под воздействием идей об особом призвании еврейского партизана и национальном значении еврейской боевой части.

С некоторых пор все шире распространялись слухи о жизни еврейских партизан в литовских отрядах Кости, на расстоянии всего нескольких километров от баз "Мстителя" и "За победу". Было известно, что большинство бойцов литовских отрядов составляет еврейская молодежь из Каунаса, пришедшая в лес хорошо вооруженной и доставившая с собой по приказу командования большую часть необходимого для партизанского лагеря снаряжения. Тем не менее литовские командиры и бойцы, хотя их было меньшинство, сумели сделать невыносимой жизнь своих товарищей евреев. Унижения, презрительное отношение, неприкрытый антисемитизм, а под конец и человеческие жертвы — таков был удел еврейских партизан в литовских отрядах. Словно специально для подтверждения этих слухов возникли аналогичные инциденты и в спецгруппе капитана Алеско. В ней было лишь несколько евреев, тех, что по собственному желанию поступили в отряд парашютистов перед приходом в лес членов ЭФПЕО и созданием еврейского подразделения. Волевые люди и хорошие солдаты, они во главе с прославившимся подрывником Люлей Варшавчиком быстро завоевали авторитет. Казалось, эти люди не должны были чувствовать себя ущемленными или униженными. Но однажды стало известно, что партизана Залмана Токера, задремавшего в карауле, приговорили к смерти. Ни один партизан не взял бы под защиту часового, уснувшего на

посту, но все знали, что такое случилось не раз и, хотя виновные наказывались, никто еще до сих пор не поплатился за это жизнью.

Через некоторое время в еврейском лагере узнали, что расстрелян и партизан Моше Эпштейн. Группа, в которой он находился, попала во время вылазки под сильный огонь немецкой засады. Пуля ударила в ружье Эпштейна и выбила его из рук партизана. Произошло это в момент поспешного отхода и когда Эпштейн пришел в себя, возвращаться за винтовкой было поздно – местность захватили немцы. На базе капитан Алеко приказал ему идти на поиски оружия и пригрозил, что, если он вернется без винтовки, его ждет расстрел. Эпштейн отправился на поиски, приходил и в еврейский лагерь – просил выручить его из беды, но отдать ему винтовку из жалкого местного арсенала было невозможно. Ему предложили не возвращаться к парашютистам и остаться в еврейском отряде с расчетом, что со временем еврейское командование замнет эту историю. Эпштейн предложения не принял, вернулся, и капитан Алеко сдержал свое слово... То, что партизанское прошлое Эпштейна было безукоризненным и что спецгруппа никогда не испытывала нехватки в оружии, по-видимому, не имело никакого значения.

Расстрел двух партизан вызвал гнев и возмущение еврейских бойцов, но с точки зрения партизанского устава, выполнившие смертный приговор были правы и наверняка отрицали бы всякую антисемитскую подоплеку своих действий, хотя для всех это было очевидно.

Однажды группа бойцов вернулась из разведки и рассказала, что в селе Жегарино повстречалась с русскими партизанами. Те, увидав на одном из еврейских бойцов немецкий шлем, поинтересовались, откуда он у него. "От немца", – звучал ответ. "Как же вы добираетесь до немцев?" – спросил русский с издевкой. "Тем же способом, как ты добрался до своей немецкой шинели"... Началась ссора с бранью и проклятиями, и тут один из русских партизан заорал: "Я укокошил уже десятки и сотни евреев и отправлю на тот свет еще. Двадцать два года ходил я в Союзе, как слепой, но в немецком плену у меня открылись глаза, и теперь я все понимаю".

Вернувшись на базу, бойцы подали жалобу в особый отдел, рассказав об инциденте и категорически требуя наказать партизана, который бахвалился тем, что убивал евреев. По тому же вопросу обратились и к Гаврису. Гаврис только пожал плечами: "Просто хулиган". В особом отделе жалобой вообще не занялись, и "хулиган" не только не был наказан, но расхаживал по лесу как герой, которого никто и пальцем не смеет тронуть.

Однако боевые действия еврейских партизан усиливались, невзирая на все более тяжелую обстановку в лагере. После разрушения дорог, железнодорожных путей, телефонных и телеграфных линий, поджога мостов и уничтожения предателей и коллаборационистов пришла очередь вражеских эшелонов. Взрывчатка, которой так долго добивались, была, наконец, получена. В операцию просилось множество желающих. С базы вышла группа из шести человек во главе с комиссаром "Мстителя" — Дидиалисом (Исер Шмидт). Это был литовский еврей, коммунист, который в отряде парашютистов был наиболее опытным минером.

Группа покинула базу в полдень. В ней была и одна женщина — автор этих строк. Перед выходом Дидиалис изложил нам детали операции и объяснил механизм заряда и взрывателя. Задание надо выполнить этой же ночью и наутро вернуться в лагерь. До места назначения было около шестидесяти километров. Мы шли форсированным маршем и не сбавляли темпа, несмотря на тяжелый мешок с взрывчаткой за спиной. Путь лежал через лесную чащу, которая никого уже больше не пугала. Мы хорошо знали участок горелого леса, где, как скелеты, торчали высокие черные стволы, так что снеговая пелена, укрывшая бор, не могла изменить жутковатого вида этого кладбища деревьев, растянувшегося на многие километры. Теперь нам были ведомы все секреты топких болот и укромных гатей, звериных и охотничьих троп.

Вышли к речке Меречанке. Поодиночке осторожно перебираемся по бревну, перекинутому над руслом. Один неверный шаг, и я оказываюсь в воде. Ружье — вот единственное, что после этой "ванны" осталось у меня сухим. Дидиалис убеждает меня вернуться на базу, говоря, что не будет отвечать, если я схвачу воспаление легких. Я отказываюсь.

Настроение у ребят приподнятое, из лесу мы уже вышли и приближаемся к жилым местам. Мокрую одежду на мне прихватило морозом, я вся заиндевела. Между тем свечерело, скоро совсем стемнеет. Молим небо, чтобы оно послало нам непроглядную ночь, без звезд и осветительных ракет. Наконец, перед нами железнодорожное полотно.

Выбрали место за несколько десятков метров в редком кустарнике, уложили тол, протянули до кустарника веревку и бесшумно залегли. Мы не знали в точности, сколько придется ждать и когда это ожидание кончится. Слух ловил каждый шорох, каждый далекий отголосок, сердце молило, чтобы наконец появился желанный эшелон. Время почти не двигалось, все тело одеревенело от мороза. Шепотом передается приказ — будем ждать еще четверть часа.

Возникший вдалеке стук колес разом выводит нас из забытья. С чувством облегчения сжимаем оружие. Слышится пыхтенье локомотива, а вот и он сам. Как из-под земли у рельс вырастает немецкий патруль с зажженными фонарями.

”Дергай!” — звучит команда. ”Отступить!” Мы медленно отползаем. Мощный взрыв заставляет нас вскочить на ноги. Мы стоим перед эшелонем, охваченным огнем, и слышим крики людей и стоны раненых. Мы не в состоянии покинуть это место, не насытившись зрелищем содеянного нами. ”Бежим!” — раздается чей-то крик. С насыпи в нас стреляют, в небе шарят прожектора, и мы со всех ног летим вперед, не разбирая дороги. Тянет взглянуть назад, но теперь всеми нами завладела одна мысль, как бы уйти живыми.

Не знаю, сколько продолжался этот бег, но когда больше не стало слышно проклятий и стонов и издали доносились только одиночные выстрелы, а мы снова сошлись вместе, все шестеро, живые и невредимые, не было уже никакой нужды говорить, чем явилась эта ночь для каждого из нас.

Вскоре после этой диверсии другая группа под командованием Абы Ковнера вышла на подрыв эшелона на линии Варшава — Смоленск. Под откос слетели паровоз и одиннадцать вагонов с солдатами и боеприпасами.

С этой поры операции по подрыву вражеских поездов начали становиться все более частыми и заняли центральное место в планах штаба и действиях партизан.

Партизанская активность в масштабе всей пуши причинила врагу значительные потери, парализовала важные транспортные артерии и нанесла ущерб крупным складам снабжения. В территорию, контролируемую партизанами, входили все новые села; она приближалась к району Вильнюса. Немцы уже не ограничились тем, что сконцентрировали в этом районе крупные силы с подкреплениями в виде литовцев Плехавичуса, власовцев и белополяков, но, как и в других партизанских районах, повели облаву на Рудницкие леса. Для этого они перебросили сюда регулярные войска численностью в дивизию с приданным вооружением и полевой артиллерией. К подготовке они привлекли и литовцев, и власовцев. Германские полчища начали приближаться к лесу.

В отрядах была объявлена тревога. Бойцы еще были заняты последними приготовлениями к уходу со своих баз, когда на лес обрушился сильный артиллерийский огонь. Сотни партизан со своим личным оружием и снаряжением начали поспешно выбираться из окруженного и обстреливаемого бора, пробиваясь в другие леса. На лесной окраине, где по сведениям разведки можно было прорвать кольцо, отряды сосредоточились, ожидая условного сигнала. Здесь было относительно спокойно. Артобстрел либо прекратился, либо отдалился настолько, что его уже не было слышно, и люди использовали передышку каждый на свой лад: дремали, перематывали портянки, закусывали или просто наслаждались коротким отдыхом. Но время шло. Было отдано распоряжение приступить к варке горячей пищи. С наступлением темноты занялись приготовлениями к ночлегу. Никто не понимал что происходит. Разведчики уходили, возвращались и уходили снова. Внезапно, по причинам, известным одному только германскому штабу, войска, осаждавшие лес, были отозваны и переброшены на другой фронт, не причинив партизанам и их базам серьезного ущерба. Отряды вернулись на свои базы. В числе немногих людей, потерянных партизанами в столкновении с немцами в начале облавы, был Батя — старый партизан, одна из самых ярких и выдающихся фигур в наших лесах.

ПРОДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ПРОДОЛЖАЛОСЬ. Это вселяло надежду на избавление от германского ига, на новую жизнь, но одновременно вызывало тревогу за судьбу последних уцелевших евреев Вильнюса, заключенных в "Кайлисе" и ХКП. Все попытки вызволить их и привести в лес оканчивались до сих пор неудачей, и для еврейского командования и бойцов было ясно, что отныне каждый новый день может оказаться для узников роковым и любая проволочка приведет к их гибели.

Из 1500 евреев концлагеря ХКП в лес не выбрался никто, хотя в этом лагере имелась организованная подпольная группа, поддерживавшая с лесом постоянную связь. Зельда Трегер, которой удалось наладить и осуществлять этот контакт, много раз встречалась с представителем группы Люсином Шапиро. В январе 1944 года он предложил ей встретиться с "лагерфюрером" — еврейским главой лагеря Колишем, и попытаться уговорить его содействовать побегу. Хотя Зельда и сомневалась в пользе такого свидания, она согласилась, полагаясь на мнение подпольщиков из группы ЭФПЕО. Встреча состоялась на квартире одной христианки близ лагеря, и участвовали в ней актер Яша Бергольский, Фима Минц, Люсик Шапиро, Зельда Трегер и Колиш; Зельда, выступая от имени еврейских партизан, пыталась убедить Колиша, что сейчас — самое подходящее время для ухода в лес. Колиш отвечал, что он сам решит, какое время для этого подходит, и сам уйдет с бойцами в лес, когда наступит срок. Ему напомнили, что Генс в свое время рассуждал подобным же образом, и он, Колиш, тоже может промахнуться, подобно Генсу. Колиш стоял на своем. Встреча не дала желанных результатов и только ухудшила положение: Колиш приказал полиции следать за "неблагонадежными людьми".

Члены ЭФПЕО не отказались от своего плана и, убедившись, что шансов на уход из концлагеря нет, начали копать подземный ход под лагерным забором в направлении арийской части города. Работа, которую необходимо было делать в абсолютной тайне, длилась несколько месяцев. Люди выгребали землю голыми руками, рассовывали ее по карманам и таким способом выносили из "блока". Ребята копали по ночам и теряли силы, потому что после этих ночных "смен" их ждала дневная каторга. От дневного труда время от

времени освобождал лагерный врач Миша Файгенберг, член группы ЭФПЕО, выдавая фиктивные справки о болезни. Он же заготавливал пакеты с медикаментами и медицинским инструментарием, которые Зельда Трегер доставляла в лес еврейским отрядам. Доктор Файгенберг сумел наладить контакт с немецким военным фельдшером, приходившим в лагерь, и, в обмен на драгоценности, золото, меха, собираемые членами ЭФПЕО, получал от него лекарства и препараты. Через некоторое время в лагере стало известно, что копают подземный ход. Дошло это и до лагерной администрации и полиции, а также до евреев, служивших в гестапо — бывших полицейских офицеров в гетто Нико Драйзина и Айзика Авербуха*. В результате Люсик Шапиро был арестован, доставлен в лагерную тюрьму и там тяжело избит Колишем.

Обнаружение подземного хода и усиление охраны отодвинули надежду на побег, и когда Зельда Трегер приходила за сведениями об обстановке, ей всякий раз говорили, что пока уйти невозможно.

Наступил апрель. Штаб "Мстителя" настаивал на том, чтобы был назначен срок побега. Из концлагеря, наконец, сообщили о согласии, и на партизанской базе были проведены все приготовления для приема группы. Зельду Трегер послали в город наблюдать за последними приготовлениями в лагере, а на следующий день туда же отправилась и Витка Кемпнер, которой поручили вывести группу на окраину леса, где ее встретят партизаны.

Обе партизанки встретились с Соней Медайскер и обсудили подробности операции. Соня рассказала, что ситуация в городе осложнилась, гестапо выслеживает подпольщиков, и городской центральный комитет решил продолжать переброску людей в лес. Под слежкой находились и Соня, и подпольщик Кароль, так что они оба тоже собирались покинуть город. Трое девчат договорились о месте очередной встречи и расстались. Зельда Трегер отправилась в ХКП и передала Люсику Шапиро план побега и маршрут к месту сбора за городом, поблизости от Понар. Днем ухода было выбрано следующее воскресенье. Наутро Зельда Трегер по-

* Городское подполье по настоянию Зельды Трегер осуществило покушение на жизнь этих двух предателей, в результате которого оба были ранены. Немцы положили их в госпиталь и вылечили.

шла на условленное место встречи с Соней. На улице Заречье 3 у дома стоял незнакомый человек, но Зельда узнала на нем одежду Кароля. На фасаде и тротуаре она заметила выбоины от пуль. Зельде удалось сохранить хладнокровие и пройти мимо дома, не остановившись.

Через несколько часов выяснилось, что днем раньше улица была окружена гестаповцами, одетыми в штатское. Они устроили засаду Каролю, направлявшемуся домой, позволили ему войти внутрь, а затем взломали дверь. Находившаяся в комнате Соня бежала в погреб и пыталась застрелиться выстрелом в рот. Кароль пробовал защищаться, но тоже был схвачен. Соню немцы отвезли в госпиталь и приставили к ней стражу. Через несколько дней Соня Медайскер скончалась от ран.

С ее смертью мы потеряли выдающегося борца, безукоризненного человека, чья безграничная преданность, самоотверженность и скромность служили всем нам примером.

Потрясенные трагической гибелью Сони, Витка и Зельда Трегер продолжили начатое дело. Днем они вышли из города, чтобы еще раз разведать дорогу, по которой вечером поведут беглецов из ХКП, и сообщить ожидающей в селе Данилишки группе сопровождения, чтобы была готова к приему людей. Они шли по единственной, пролежавшей близ Понар дороге, по которой благополучно прошли вчера. Но сегодня они уже издали заметили гестаповцев и по их усиленной суете поняли, что здесь что-то произошло. Когда девушки пришли в село, осведомитель рассказал, что ночью из Понар бежали евреи, и немцы с литовцами ведут поиски в окрестности. По его словам, этой ночью нельзя будет перевести людей через Ваку из-за поднявшегося в ней уровня воды. Однако в сложившейся ситуации эта подробность уже не имела никакого значения. Девушки посоветовались с группой сопровождения и, посчитав, что уход узников из ХКП в момент, когда немцы рыщут в поисках свресев, заранее обречен на провал, решили отложить побег. Зельда отправилась в город сообщить людям ХКП об изменении плана. Группа сопровождения и Витка остались на месте, невзирая на близость немцев, прочесывающих территорию вокруг Понар. Зельда добралась до ХКП. Беглецы еще не ушли: оказалось, что о планируемом побеге узнали немцы, которые выставили караул на входе в подкоп.

Еще до возвращения Зельды в Данилишки село было окружено гестаповцами, искавшими беглецов из Понар и партизан. Группа сопровождения и Зельда спрятались на чердаке амбара. Ко двору подошли немцы, и бойцы опасались, что крестьянин выдаст их, зная, что за укрывательство партизан расстреляют его самого и его семью. Прятавшиеся слышали, как немцы, обыскивая дом, кричат на хозяина, а тот молчит. Немцы вошли в амбар. Витка, Янек Мерсик, Залман Сакер, Мотька Перльштейн и другие приготовили гранаты. Сверху они наблюдали за тем, как немцы обшарили амбар и вышли.

Крестьянская семья, давно помогавшая партизанам, героически выдержала испытание. Бойцов спасли преданность хозяина и сметка его жены. Но после того, как немцы убрались, оставаться на месте было нельзя. Хозяин не хотел еще одного такого "визита", и группе пришлось покинуть убежище. И хотя немцы еще прочесывали местность, группа благополучно вернулась на базу и сообщила штабу о бегстве людей из Понар. Из лагеря тотчас отправилось крупное боевое подразделение с задачей найти беглецов, собрать их и привести в лес. Спустя два дня бойцы возвратились, приведя с собой одиннадцать человек — девять евреев и двух военнопленных русских. Они рассказали нам о своей судьбе в Понарах.

После ликвидации гетто и по мере приближения фронта немцы начали заметать следы своих преступлений. Они привезли в Понары русских из тюрем и группу евреев, пойманных после ликвидации гетто и посаженных в Лукишки. Немцы приказали им сжечь трупы, а пепел смешать с песком. Палачи не говорили: "труп" или "покойник", они говорили "фигура"... Заключенных они разделили на отдельные группы с одинаковой задачей: раскапывать рвы, вынимать тела, доставлять их к месту сжигания, заготавливать дрова для костров, рассеивать золу и пепел и уничтожать последние следы. Массовые могилы были разрыты, и сооружены громадные пирамиды из переложенных дровами трупов. В каждой пирамиде было около четырех тысяч человеческих тел. Костры запаливали тряпьем, пропитанным маслом и бензином. Пирамиды горели от семи до десяти суток, пока не испепелялись все останки. Золу развеивали и смешивали с землей.

Зондеркоманда содержалась в подземном блиндаже с толстыми каменными стенами и проволочным ограждением поверху. Спускались в него по лестнице. По ночам выход из блиндажа и пространство вокруг него освещались прожектором. Внутри имелись нары, кладовка, кухня и уборная. После работы сажали на цепь. Кормили обильно. В числе узников были три женщины, готовившие еду.

Случалось, что узники находили во рвах трупы своих жен, родителей и сжигали их собственными руками. В Понары были отправлены и советские военнопленные. Тут после ликвидации гетто были убиты священники вильнюсской католической семинарии, а под конец — и сотни литовцев, чьи руки были обгарены еврейской кровью. После того, как эти подонки отказались ехать на фронт, немцы приказали снять с них ремни, срезать с одежды пуговицы и прогнать через город в Понары — туда, где совсем недавно эти литовцы истребляли евреев.

С первого же дня члены зондеркоманды задумали бежать. После тщательной подготовки они начали копать туннель восьмиметровой длины.

В одну из апрельских ночей подземный ход был готов. Люди двинулись в него босыми. Оставив в блиндаже свои прикованные к цепям сапоги, они благополучно выбрались и бросились бежать. Немцы открыли огонь. Из восьмидесяти человек, вырвавшихся наружу, уйти удалось только сорока. Немцы вызвали гестапо и обложили местность. Одиннадцать человек были разысканы партизанами и добрались до леса.

Много недель беглецы из Понар не решались приблизиться к бойцам: от людей зондеркоманды несло трупной вонью, тошнотворным запахом горелого человеческого мяса. Часами мылись они в бане, их одежду без конца перестирывали и кипятили, но пока для них не раздобыли новой, к ним невозможно было подойти. Очень долго их сопровождало зловоние. Лишь возмездием, лишь кровью убийц можно было смыть запах загубленных и сожженных и вернуть бывшим узникам зондеркоманды и всем еврейским партизанам силы и волю жить.

ВЕСНОЙ ПОСТУПИЛИ ПЕРЕБРОШЕННЫЕ ПО ВОЗДУХУ партии оружия, которые разом изменили положение всей бригады и привели к большим переменам в отрядах "Мститель" и "За победу".

До тех пор оба отряда фактически не получили из штаба бригады ничего: попытки доставить оружие из Нарочи и Налибок, где его сбрасывали для партизан в Рудницких лесах, закончились гибелью большинства бойцов, вышедших на это задание. Того, что приносили вернувшиеся невредимыми, было мало. Два первых самолета, отправленных из Москвы в Рудницкие леса, немцы сбили близ фронта (одна партия оружия была сброшена в Налибокских лесах), и в Москве долгое время воздерживались от повторения этих попыток. И вот после долгих месяцев ожидания пришла радостная весть о предстоящей доставке оружия.

По приказу штаба бригады было обозначено место сбрасывания. В установленный срок группы партизан из всех отрядов образовали оцепление вокруг площадки и перекрыли все подступы и дороги. Появившийся в небе самолет сначала кружил на большой высоте, сигнали разноцветными ракетами; еще несколько виражей — и от него отделились тюки с оружием и снаряжением. Бойцам поручили собрать и доставить тюки в штаб бригады. Из этой партии отряды "Мститель" и "За победу" получили тюк поврежденных (при падении) винтовок и несколько автоматов: начальство заявило, что оружия поступило мало, дать надо всем, а поскольку у евреев есть мастерская и хорошие оружейники, они смогут починить винтовки.

Между тем оружие по-прежнему прибывало в больших количествах, и еврейские партизаны, подобно остальным, ходили в сторожевое охранение вокруг посадочной площадки. Однажды там произошел любопытный случай, ставший предметом разговоров в лагере. Во время спуска грузов доктора Гурфинкеля сильно ударило по глазу падающим мешком. Врача пришлось срочно доставить на ближайшую базу для осмотра. В повозке, которая везла его и его жену Эмму на базу бригады, находился человек, только что приземлившийся с самолета. Впотымах нельзя было разглядеть его лицо. Внезапно парашютист задал какой-то вопрос — и, к удивлению Эммы, голос оказался, во-первых, женским, а

во-вторых, очень знакомым. Тут же выяснилось, что это ее бывшая соученица Минна Маршак, посланная сюда из Москвы в качестве радистки. От нее Эмма узнала, что в штабе литовского партизанского движения в Москве находится их общая подруга Люба Кроник, которая сидит на приеме радиопередач из Рудницких лесов... Эмма, Минна, Люба – все три стали литовскими партизанками... Лишний раз это подтверждало факт, что Литовская бригада состоит в основном из евреев и значительно меньшего числа литовцев. А в штабе бригады, теперь, перед освобождением, готовы были на что угодно, лишь бы затушевать производимое таким положением впечатление. После того как два отряда – “Смерть фашизму” и “Борьба” – уже были превращены в нееврейские (это определялось не числом еврейских бойцов, а национальностью командиров), штаб искал случая подчинить своему прямому контролю и два оставшихся еврейских отряда. Повод, наконец, представился.

Продолжавшие поступать в леса партии оружия распределялись по различным подразделениям и частям. Своей доли не получали только еврейские отряды. Протесты командования против подобной практики не помогали. Однажды, когда с самолетов была сброшена новая партия оружия, часть тюков отнесло в сторону. Партизаны получили приказ искать пропавшие мешки. После долгих поисков нашелся весь груз, кроме одного тюка, на который большинство искавших уже махнуло рукой.

В ту ночь группа еврейских бойцов возвращалась с операции и по дороге на базу набрела на этот тюк, залетевший далеко от площадки. Бойцы тотчас установили, что это – мешок с оружием, и решили не передавать его в штаб бригады, а нести в лагерь. На этот поступок их толкнуло чувство протеста против постоянной дискриминации. Командиры Хина Боровская, Аба Ковнер и Дидиалис приняли у них оружие, но запретили впредь поступать так.

Тем временем в штабе бригады выяснили, что существенная часть сбрасываемого с самолетов снаряжения не доходит до складов. Началось расследование. Вел его начальник особого отдела Станкевич. В одном из бывших еврейских отрядов он обнаружил прибывшее с последними партиями обмундирование, в том числе сапоги и т. д. Командир отряда тут же

переложил вину на своих подчиненных. Начались допросы с угрозами. Во время одного из них Станкевич узнал, что в еврейских отрядах имеется оружие из последней сброшенной партии, и круто взялся за дело: С целой свитой следователей он приехал на еврейскую базу и направился в штаб. В первом же заявлении, сделанном Абой Ковнером с согласия всех членов штаба, Ковнер чистосердечно изложил всю правду. За его подчиненными не водились такие поступки, хотя всем было известно, что другие партизаны растаскивают бинокли, сапоги и обмундирование, не нуждаясь в оружии. В конце концов у евреев лопнуло терпение, и они принесли найденное оружие в штаб отряда. На требование Станкевича назвать имена виновных Ковнер ответил отказом. Станкевич, который уже до того арестовал несколько еврейских партизан, заявил Ковнеру, что арестовывает его по приказу штаба бригады. Следователи потребовали от Ковнера сдать личное оружие, увели из лагеря и отправили для содержания под стражей в штаб отряда "Смерть фашизму".

Следствие велось в трех направлениях. Партизан, арестованных в лагере, допрашивали, пытками стремясь вырвать у них признание, что они воровали оружие по непосредственному приказу Ковнера. Избитые партизаны (наиболее тяжело был избит партизан Саня Ниселевич) не сдались. Оба политкомиссара — Хина Боровская и Дидиалис, после того как им пригрозили исключением из партии, вышли из игры, возложив прямую ответственность на Ковнера.

Абу Ковнера посадили под замок. Станкевич допрашивал его лично и требовал назвать имена партизан, виновных в краже оружия. Аба отвечал, что если бойцы заслуживают суда, он в качестве командира сам отдаст их под суд. Но поскольку он задним числом одобрил их поступок, он их Станкевичу не выдаст.

В продолжение следствия Аба возмущенно указывал на несправедливость отдачи под суд именно еврейских бойцов, в то время как Станкевичу хорошо известно, что растаскиванием снаряжения занимались и в других отрядах. В подтверждение своих слов он указал на ящик под койкой (в штабной палатке вышеуказанной базы) с новенькими биноклями. Но Станкевича это не интересовало. Он настаивал на том, что отказ Абы назвать имена виновных — есть попытка организо-

вать заговор против партизанского движения, а на это ответ один — пуля. Дабы усилить впечатление от своей угрозы, он поинтересовался, есть ли у Абы родственники за границей и какие у них адреса. Но у Абы никаких заграничных родственников не было.

Следствие продолжалось несколько дней. Напряжение в лагере достигло предела. Люди начали шептаться о том, что Станкевич хочет расстрелять Абу. Неожиданно к Ковнеру прямо в арестное помещение явился бригадный комиссар Гаврис и спросил, готов ли Аба принять командование боевой операцией: к лесу приближаются крупные вражеские силы.

“Чем командовать?” — спросил Аба Ковнер. “Вашим отрядом”, — был ответ.

Озадаченный этим предложением и еще более — ответом комиссара, противоречившим тому, что делал и говорил Станкевич, Аба пытался понять, что же происходит. И действительно, Гаврис не отрицал, что Станкевич требует для Абы высшей меры наказания и имеет достаточно полномочий, чтобы его расстрелять, но сказал, что в штабе бригады есть и противники этого (позднее стало известно, что наиболее решительным противником Станкевича в этом вопросе был сам Гаврис), о чем в Москву послана соответствующая радиограмма. Гаврис потребовал освободить Абу до прихода ответа из Москвы. По его приказу Абу выпустили и вернули ему личное оружие.

Вскоре пришел ответ из Москвы по делу Абы Ковнера. Москва не утвердила приговор, однако по решению штаба бригады, по-видимому, согласованному со столицей, Ковнер был снят с должности командира отряда, и на его место был назначен Петрайтис, литовский офицер, коммунист. Сняты были и Шмуэль Каплинский с Хиной Боровской (из прежнего состава командования остался только комиссар “Мстителя” Дидиалис). Их заменили Абрашей Реселем и Иосефом Хармацом: первый был назначен командиром отряда “За победу”, второй — его комиссаром и начальником особого отдела.

Оба отряда, невзирая на перемены в составе командования, не утратили своего облика. Истины ради, следует отметить, что, хотя действиями Станкевича во всем этом деле, несомненно, руководили антисемитские мотивы, смена еврейского командования преследовала не столько антиеврейские, сколь-

ко политические цели. В интересы литовского партизанского движения входило, чтобы это движение, которое борется за освобождение Литвы от оккупантов, носило накануне освобождения национальный характер и чтобы высокий процент евреев в его составе не слишком колол глаза. В соответствии с этим курсом литовцем был заменен накануне освобождения и командир второго отряда Ресель.

В МАЕ И ИЮНЕ 1944 ГОДА С ФРОНТА ШЛИ ВЕСТИ О непрерывном наступлении Красной Армии, которая все более приближалась к нашему району. Партизаны теперь были хорошо вооружены, и это давало возможность бить врага в тылу и усилить боевые действия. Но чем ближе был День Победы, тем тяжелее становилось положение. Смежные с партизанскими базами районы теперь кишели германскими войсками, которые занимали новые рубежи и стали предпринимать беспощадные карательные экспедиции, чтобы обеспечить себе тылы и безопасность линии снабжения от диверсий. Именно сейчас, когда было достаточно оружия, партизанам пришлось опасаться, как бы немцы не ринулись на них и не уничтожили. Район напоминал кипящий котел, где в яростном усилии уничтожить друг друга сталкиваются противоборствующие силы.

В район прибыли венгерские солдаты и заняли местечко Рудники, наиболее близко расположенное к базе "Мстителя". Группа бойцов, возвращающаяся с задания, заметила подозрительное движение в лесу. Беник Левин, младший среди разведчиков, не получив отзыва на пароль, открыл огонь. Враг, который, по-видимому, подстерегал партизан, отвечал стрельбой. Беника ранило. Венгры -- это оказались они -- обратились в бегство, наскочили на группу бойцов отряда и понесли тяжелые потери. Только часть их прорвалась в Рудники, многие были убиты и ранены.

В тот же день они повезли своих раненых из Рудников в Яшуни. Машина наскочила на мину, заложенную другой группой партизан, и подорвалась.

Все шире развертывались операции по подрыву вражеских эшелонов. Спецгруппа капитана Алеко взорвала паровоз эшелона с советскими военнопленными. Освобожденных

пленных направили в отряд "Борьба" и после допроса включили в состав этого отряда.

Позднее на подрыв эшелона вышли пять еврейских бойцов того же отряда. Задание они выполнили успешно и без потерь. Эшелон взлетел на воздух. По дороге на отдаленную базу они остановились в селе, расположенном на контролируемой партизанами территории, и заночевали. На рассвете часовой заметил большую группу людей, приближавшихся к селу со стороны леса. Он поднял товарищей, и пока те пытались разобраться, кто идет (не свои ли партизаны), по ним открыли сильный огонь. Отстреливаясь, ребята начали отход в сторону болота. Трое из них были ранены, в том числе Мотель Гопштейн, командир группы. С тяжелой раной он пытался идти по болоту. Товарищи хотели взять его на руки и понести, но он отказался, не желая быть им обузой, и попросил, чтобы они его застрелили. Бойцы колебались — как можно поднять на него руку, — тогда Гопштейн, отдав им свой автомат, сам приставил пистолет к виску...

Четверым удалось спастись и добраться до ближайшей партизанской базы.

В другой операции погиб партизан Люля Варшавчик. В лесу он был одним из лучших подрывников и имел на своем счету множество успешных диверсионных актов. Его имя широко прославилось среди партизан.

В те дни немцы возобновили движение автомобилей по шоссе Гродно—Вильнюс на смежном с лесом участке. Об этом донесли в штаб разведчики отряда "За победу" Меир Воложский и Меир Лихтензон. Новость была тревожная. За этот участок шоссе велась затяжная борьба. Еврейские партизаны уже не раз выводили его из строя. Сначала они разрушили мосты и перерезали телефонную связь. Немцы построили новые мосты, а рядом с каждым — блиндаж со сторожевым постом. Евреи и эти мосты взорвали, опять вынудив немцев убраться подальше от партизанской базы. Но спустя некоторое время движение машин возобновилось, и шум их был слышен даже в лагере. Каждое утро по этому отрезку шоссе проходили разведывательные броневики, моторизованные патрули прочесывали лес.

Штабы отрядов решили нанести удар по патрулям и окончательно парализовать движение немцев по шоссе. Опера-

ция проводилась крупными силами, оснащенными новеньким оружием (в отрядах тогда уже имелись два противотанковых ружья). Командовал Петрайтис. Ударную группу первого отряда возглавлял Эльханан Магид, второго – Ицхак Чужой. Бойцы залегли вдоль шоссе, имея на флангах расчеты ПТР. Согласно приказу, в случае появления немецких машин с правого фланга расчет с противотанковым ружьем открывает огонь, а второй отряд, засевший на расстоянии около четырехсот метров от первого, пойдет в атаку. И действительно, первый броневик появился с правой стороны. Бойцы второго отряда позволили ему доехать до середины отрезка, и противотанковый расчет открыл огонь. Первыми же выстрелами броневик был подбит, застрял и загородил дорогу двум шедшим за ним грузовикам. Из горящей бронемашины на землю упал выброшенный из кабины труп водителя, его место за рулем занял другой немец, которому удалось пробиться вперед и увести броневик, невзирая на ожесточенный огонь. Бойцы ринулись на грузовики. Водитель с сидевшим в кабине офицером были убиты на месте. Немцы пытались выскочить из кузова и отбить атаку гранатами. Ицхак Чужой с одним литовским партизаном, впрыгнув в водительскую кабину, начал стрелять по второму грузовику. К машинам со всех сторон сбежались партизаны, и сопротивление немцев было сломлено. Тех, кому не удалось бежать, уложили на месте. Евреям достались богатые трофеи: два пулемета, много винтовок, боеприпасы и снаряжение. Бой занял лишь несколько минут. Упоенные возмездием бойцы отступили в лес, опасаясь, как бы улизнувший от них броневик не вызвал подмогу.

В стычке участвовал и Мотель Зайдель, спасшийся из Понар. Этот человек, нагледевшийся на костры трупов, теперь жадно смотрел на очистительный огонь, на искаженные лица немцев, молящих о пощаде. И не он один. В шуме боя, среди града пуль, стонов гибнущих немцев и "ура" наших бойцов, до меня доносились возгласы: "За маму!", "За брата!", "За Понары!"...

Неисповедимы, однако, партизанские судьбы. Эта операция, поднявшая боевой дух нашего лагеря и вселившая новые надежды, тоже чуть было не закончилась трагедией.

За несколько дней до этого группа бойцов во главе с Абой

Ковнером ушла на подрыв эшелона в отдаленный район. Они заминировали намеченное место пути, напрасно прождали ночь и в надежде, что немцы, может быть, возобновят движение назавтра, остались на месте. Однако и следующая ночь прошла безрезультатно. Эшелона не было. Тогда после долгой ходьбы они пришли на железнодорожную станцию. И тут — пусто.

На третью ночь немцы напали на их след, и на четвертые сутки похода группа решила возвращаться на базу. Она достигла смежного с партизанским районом участка шоссе в то самое утро, когда здесь шел бой с немцами. По приближающимся был открыт сильнейший огонь. Группе удалось спастись, причем люди были уверены, что наскочили на немецкую засаду.

Лишь на базе они узнали, что на сей раз это были их же товарищи — еврейские партизаны.

Вскоре после этого эпизода на операцию вышло крупное подразделение. По дороге бойцы попали в немецкую засаду, и только с большим трудом им удалось вырваться и бежать, спасая жизнь. Во время бегства группа из пяти человек оказалась отрезанной от своих. Не имея другого выбора, эти пятеро вернулись на базу. Капитан Василенко гневно встретил бойцов и приказал им в тот же день свалить столбы телефонной линии на шоссе Вильнюс—Солечники. Капитан не дал им в подмогу ни одного человека, и впечатление в лагере было такое, что Василенко заинтересован не столько в диверсии, сколько в том, чтобы наказать бойцов. С этим чувством их и провожали — Иму Лубоцкого, командира группы, Нахума Рудашевского, Нахума Гальперина, Пайковского (из Айшишки) и Гринберга. Капитан предупредил людей, чтобы не возвращались не выполнив задания. Бойцы не вернулись. Через некоторое время мы узнали, что все пятеро погибли. Как донесла разведка, столбы, которые они начали пилить, были заминированы, и люди подорвались на минах.

А Советская армия приближалась к границам Литвы. Из партизанского штаба в Москве потоком шли радиogramмы с приказами и распоряжениями. Партизанские лагеря готовились к изгнанию оккупантов. В соответствии с планом они должны были участвовать в освобождении столицы Литвы, а до решающего наступления — вывести из строя дороги,

которыми враг мог бы воспользоваться для отступления, и предотвратить переброску его подкреплений к разваливающемуся фронту.

Еженощно бойцы выходили на диверсии, и "рельсовая война" велась в полную силу. На всей этой обширной территории – от Нарочских лесов и до пространств Литвы, в том числе районов Вильнюса и Гродно, железнодорожные линии были охвачены огнем.

Еврейские партизаны проникли в леса, известные своей враждебностью, и разоружили их жителей. Крестьяне даже не пробовали сопротивляться и безропотно капитулировали перед еврейскими партизанами.

В одну из ночей перед освобождением в лес пришла группа евреев из Вильнюса, спасшихся из ХКП, и среди них – врач Миша Файгенберг. Он рассказал, что последние вильнюсские евреи расстреляны. Немцы, которые терпели поражения на фронтах и которых били в тылу, за считанные дни до своего окончательного разгрома в Вильнюсе успели довершить уничтожение виленского еврейства.

Три дня и три ночи концлагерь ХКП был окружен немецкими войсками. Люди искали укрытия в "малинах". Большинство членов организованной группы спустились в подземный ход, который был открыт давно, но выход из которого был блокирован. Немцы с несколькими еврейскими полицейскими прошли по лагерю, приказывая евреям выходить из своих убежищ и собраться на плацу. С помощью предателя еврея Нико Драйзина они обнаружили подземный ход и скомандовали прятавшимся выходить. Те начали стрелять (в группе имелось несколько пистолетов). Немцы забросали ход гранатами и газовыми бомбами, убив всех, в том числе подпольщиков Люсика Шапиро, Савву Гурьяна, Волка, Шиловицкого, Татарского, Шера и других. Евреев, прятавшихся в других местах, посадили на грузовики и привезли в Понары. От всех евреев ХКП уцелело около двухсот человек в "малинах", оставшихся нераскрытыми. 2 июля 1944 года немцы ликвидировали "Кайлис", куда до того перевели восемьдесят евреев, работавших в военном госпитале в Антоколе. 1500 евреев, населявших блок, были расстреляны в Понарах. В живых остались два человека – доктор Бурак и Леон Зельткович.

Потрясенные этими известиями, наши бойцы решили ответить на него разгромом удиравших из Вильнюса немцев, первыми среди которых были старшие офицеры со своими семьями и награбленным еврейским имуществом. Только это могло несколько успокоить ярость людей.

Группа бойцов из отряда "За победу" вышла к железнодорожному полотну километрах в пятнадцати от города и заминировала рельсы. Назавтра разведка сообщила, что мина не сработала. Та же группа во главе с Меиром Лихтензоном и партизаны Иехизль Варшавчик и Шимон Лусский на следующую ночь вышли на повторную операцию. Они нашли несработавший заряд и добавили порцию взрывчатки. На следующий день стало известно, что, наскочив на мину, взлетел на воздух большой эшелон. В нем ехало несколько сот офицеров и военный госпиталь, который немцы эвакуировали в последнюю минуту. Отныне эта железнодорожная линия перестала быть путем отступления врага. А советские самолеты уже бомбили город.

ПРОШЕЛ ДЕНЬ, А ЗА НИМ НОЧЬ. По ночам небо радужно освещалось — шли воздушные бои и разноцветные ракеты расчеркивали темноту фантастическими узорами. Люди не смыкали глаз в тревоге, как бы в лес не нагрянули отступающие немцы. Все напряженно ждали момента, когда поступит приказ двинуться в сторону города. Но пока ничего нового. Люди, отправившиеся в штаб бригады, еще не вернулись и, чтобы немного рассеяться и отдохнуть от нервного напряжения, партизаны отряда "Мститель" собрались на плацу базы вокруг старого патефона. Завертелась стертая пластинка, и в лесу зазвучал старый шлягер, напоминая о минувших днях. В лагере были две—три пластинки с записями сентиментальных песенок об обманутой любви и ушедшем счастье. Теперь от этих песен заваяло теплом и надеждой. Несколько парочек принялись танцевать. Кто-то наигрывает на губной гармошке.

Посланцы почему-то задерживаются. Стихийно вспыхнувшее веселье почти угасло. Плац пустеет, и последние танцоры идут к шалашам, молчаливые и бесконечно усталые. Люди заваливаются на нары, не раздеваясь. Плошка освещает своим

неверным светом прохудившиеся стенки шалаша, изможденные осунувшиеся лица. По шалашу плывет тяжелый запах пота, кто-то храпит, кто-то, очнувшись, хрипло спрашивает: "Из штаба уже вернулись?" и, не получив ответа, снова впадает в забытие. Из дальнего угла доносится какой-то странный смех. Смеющегося обрывают: "Эй, ты, заткнись, дай спать!" Но хохот усиливается и оборачивается воплем, от которого мороз дерет по коже: "Нет, не дам! Слушайте, что я вам скажу! Я ждал этой ночи годами, думал, выживу – буду счастлив, а вот теперь... Зачем мне эта свобода?"

Все молчат. Из угла доносятся тихие сдавленные рыдания.

Часовые, несущие охрану лагеря, заметили приближающуюся группу людей. Сеня Риндзюньский, прихрамывая на одну ногу, медленно движется навстречу караулу. Кто-то к нему подбегает, останавливает. Сеня спокойно передает приказ идти в Вильнюс. И добавляет со слабой улыбкой, которая кривит его большое желтое лицо;

"Это – последняя ночь в лесу".

Известие, что посланцы вернулись из штаба бригады, распространяется молниеносно. Люди выскакивают из шалашей, обступая Сеню, который читает приказ штаба при свете фонаря. "Товарищи!" Никто не обращает внимания на то, что он говорит по-русски. В такой момент это – само собой разумеется, это – язык победителей. "Непобедимая Красная Армия овладела Новой Вилейкой и с тяжелыми боями продвигается в сторону Вильнюса, столицы Литовской республики". Он делает паузу, чтобы набрать воздуха в легкие и дать людям освоиться с новым известием, и продолжает: "Верховное партизанское командование совместно с штабом Красной Армии приказывает Литовской партизанской бригаде в Рудницких лесах овладеть столицей Вильнюс плечом к плечу с победоносной Красной Армией".

Последние слова тонут в гуле голосов, радостных выкриках, вопросах. В безудержном шуме и водовороте звуков, увлекающем всех и вся, никто не может расслышать даже собственного голоса.

Завтра с рассветом партизаны покинут лес и отправятся большой колонной в военном строю. Приказом им запрещено

брать с собой личные вещи. Хотя это и желанный день освобождения, идет еще бой за город, и надо быть готовыми к нему. И снова расходятся люди, кто куда, словно каждому в эту минуту хочется побыть наедине с самим собой, скрыть что-то от посторонних глаз. Теперь больше не празднуют и не поют. Люди молчат.

Возможно, это — единственный в лесу партизанский лагерь, который так принимает весть об освобождении. Вокруг на соседних базах пьют водку, голосят песни, пляшут. Там бьют вдребезги бутылки, палят из автоматов и пистолетов. Все это сливается в громовую симфонию, завладевшую старым бором. И только над еврейской базой — тишина. Словно устыдившись самих себя, стихая, падают шумы в замкнутое молчание этого лагеря.

Три человека крадучись выходят с базы, огибая караульные посты. Это — Витка Кемпнер, Аба Ковнер и автор этих строк. Нам надо уяснить самим себе, что делать сразу после освобождения, что сказать немногим уцелевшим членам нашего движения. Должны ли мы дать указание вступать в Красную Армию или должны постараться собрать людей и восстановить нашу организацию? Какое принять решение, когда война еще не завершилась и враг еще окончательно не разгромлен? И какой характер должна носить наша идейно-организационная работа в новых условиях? Ответы на эти вопросы требуют глубокого размышления и решения, которое должно быть и нравственным, и ответственным.

Хашомеровцев в лесу очень мало, причем преобладают девушки. Допустимо ли их разъединить, снова поставить под угрозу тех, кто дожил до освобождения? Одно ясно, и на этом сходятся все: надо собрать людей, которые остались в живых. Кто-то вспоминает об обращении к членам движения, написанном в лесу для итоговой брошюры об истории ЭФПЕО. Решаем передать его на хранение Рашке Твердин. Девочка не пойдет завтра в бой, и никто не заподозрит, что она прячет "секретный" материал.

Еще до рассвета партизаны готовы в дорогу. Они выстроились по порядку длинными рядами. Командиры придирчиво проверяют вещи. Они обещают, что после освобождения "имущество" партизан будет привезено в город и возвращено владельцам.

На "копане" отряды встретились — многие сотни людей вместе зашагали в сторону Вильнюса. Теперь уже нет нужды ни красться, ни прятаться. Крестьяне в селах, еще вчера устраивавшие на нас засады, теперь зазывают нас откусать и отдохнуть...

Среди марширующих бросается в глаза группа советских военнопленных, которая присоединилась сегодня к партизанам. Это — беглецы из концлагеря, главным образом, татары. Командование бригады согласилось их принять, но приставило к ним караульных, и советские партизаны не перестают отпускать в их адрес оскорбительные насмешки. Пленные на унижения не реагируют. Они замкнуты и молчаливы.

На одном из привалов неподалеку от городских окраин, когда люди, расположившись в роще, ждали очередных приказов, внезапно послышались винтовочные залпы. Мы вскочили в испуге — не немцы ли? Нет, то были не немцы: оказалось, это расстреливали пленных. Их вывели в расход по приказу штаба фронта.

Приговор и его незамедлительное исполнение навели многих на невеселые мысли. Трудно было примириться со скорым судом, без следствия и без всякой возможности вымолвить хотя бы слово в свое оправдание. Извечные вопросы справедливости и милосердия, вины и предательства снова встали перед нами и сверлили мозг.

Вильнюс пылал. Город подвергался тяжелому обстрелу. Германские пикировщики атаковали колонны партизан. Хорошо укрепленный немецкий гарнизон продолжал оказывать сильное сопротивление. Тем временем партизаны отрезали врагу пути отступления.

10 июля еврейские партизаны вместе с колоннами бригады вышли к Бялой-Ваке километрах в двадцати от города. Отряд "Мститель" окопался в поле и залег в засаде.

С наступлением темноты разведчики ушли вперед. Они продвигались к тонущему во мраке безлюдному мосту через Бялу-Ваку. Пошли чуть в обход, опасаясь засады, и тут вдруг резко щелкнул винтовочный затвор: "Стой! Кто идет?" "Партизаны!" — "Пароль!" — "Красная Армия!" — звучал ответ.

С моста донесся топот бегущего человека. Здесь, возле моста на Бялой-Ваке год назад ночью, под проливным

**Руководящее звено "Хашомер хацаир" в гетто и в лесу:
Витка Кемпнер (справа), Аба Ковнер, Ружка Корчак в
Вильнюсе в день его освобождения.**

(Фото военного фотографа из Москвы)

**Партизаны-евреи Рудницких лесов в центре Вильнюса
14 июля 1944 года.**

дождем проходили последние бойцы гетто, прорываясь в лес, а теперь тут стояла Витка в объятиях плачущего танкиста, солдата Красной Армии, родом из Могилева: "Да, да, — плакал он и смеялся, — их бин ойх а ид. А ид!" ("Да, да, я тоже еврей!").

13 июля 1944 года войска маршала Черняховского двинулись на северо-запад, держа путь на Кенигсберг. Тыловые части вступили в Вильнюс. По всем дорогам, ведущим к городу, двигался могучий поток регулярных и нерегулярных войск. Из всех шедших сюда партизан в о з в р а щ а л и с ь только евреи.

Во дворе ХКП еще валялись трупы расстрелянных. Кто-то улизнул из рядов отрядной колонны и, к вечеру вернувшись, сказал: "Я видел живого еврея". Отряд шел по улицам Завальной и Киевской, и женщины, глядевшие из подворотен, шептались: "Смотрите, сколько их еще осталось".

Через три дня после освобождения Аба Ковнер обратился к комбригу Юргису с предложением забросить добровольцев из числа партизан-евреев на землю Германии. Предложение было отвергнуто. Юргис ответил: "Люди, подобные вам, теперь нужны нам тут, чтобы в о с с т а н а в л и в а т ь ж и з н ь".

Я МЕДЛЕННО ШАГАЮ ПО ПЕРЕУЛКАМ БЫВШЕГО ГЕТТО.

Заглянув во двор, где помещался наш штаб, вздрагиваю от звука громких голосов: на соседнем дворе польские женщины развешивают белье. Новые жители еврейской улицы.

Среди камней мостовой пробивается трава. Вот здесь был юденрат. Спортивная площадка гетто. На стенах — фигуры юношей и надпись: "В здоровом теле здоровый дух". Напротив — то, что тогда было другим миром, — городской рынок. Как и тогда, тут полно народу. Торговки завертывают селедку в страницы, вырванные из книг Танаха. Под лотками свалены разодранные тома из знаменитой еврейской виленской типографии братьев Ромм.

Спустя три дня после освобождения города вынырнули прятавшиеся евреи. Они крадутся по улицам, ищут какого-нибудь знакомого и приходят к большому зданию, где размещены еврейские партизаны, словно это — якорь спасе-

ния. Среди них есть такие, кто почти год прятался в канализационных трубах в уверенности, что на поверхности нет уже ни одного живого еврея и все уцелевшие – в подzemелье. Свет солнца слепит их прищуренные глаза, взирающие на нас с изумлением. Их лица, обтянутые зеленоватой кожей, кривит улыбка, смахивающая скорее на гримасу, когда они нам представляются: "Мир зейнен ди иден фун ди канален" ("мы евреи из канализации").

Советские солдаты-евреи бродят по улицам в поисках соплеменников. Они тоже приходят к нам. Волнуются. Коверкая идиш, рассказывают, что прошли много местечек и городов и нигде не встретили живого еврея. Писатель Кушнарев, облаченный в советскую офицерскую форму, со слезами обнимает одну из наших подруг-партизанок. Здесь и писатель Илья Эренбург.

Под утро мне приходится идти в караул у оставшихся после немцев складов снабжения: военное командование поставило сторожить их именно нас (одержимая жаждой легкой поживы толпа грабит и растаскивает все, что попадет-ся под руку). Позади меня идет женщина с мальчиком. Когда они меня обгоняют, я внезапно улавливаю, что мать разговаривает с сыном на идиш. Стою посреди улицы и плачу – сподобилась увидеть живого еврейского ребенка.

Товарищи рассказывают об отце и сыне, которые в течение девяти месяцев просидели в подвале у знакомого христианина в ящике и теперь не могут пошевелиться.

Рашка Твердин, ушедшая с нами в лес, когда ей еще не исполнилось 14 лет, приходит навестить меня. У нее была большая семья. Никого не осталось. Она вручает мне "Послание к товарищам-хашомеровцам в лесах", которое она спрятала у себя на теле перед выходом из партизанского лагеря. В своем тонком летнем платьице, с дрожащими, съезженными от холода плечиками, она, мне кажется, совсем не подросла с тех пор, как я впервые увидела ее в гетто. Уговариваю взять мое пальто. Она обещает назавтра вернуть и уходит к себе в комнату на соседней улице.

Ночью немецкие самолеты бомбили город. Наутро под развалинами мы нашли тела Рашки Твердин и Блюмы Маркович

На следующий день мы вырыли первую могилу на старом еврейском кладбище освобожденного Вильнюса. В десятках

километров отсюда, среди болот в Рудницких лесах полгода назад мы похоронили сестру Блюмы — Рашку Маркович. Их мать была расстреляна в Понарах.

В город начинают приходиться из Нарочи первые из наших партизан, бывшие члены ЭФПЕО. Только теперь до нас по-настоящему доходит то, что там произошло, и при каких обстоятельствах погибли десятки наших товарищей.

Штаб партизанской бригады составляет список представленных к боевым наградам. Евреев в списке крайне мало. Из Москвы приходят медали для распределения среди всех бойцов бригады. Штаб задерживает церемонию вручения — в Литовской бригаде слишком много евреев, награждение медалями может выявить это. В знак протеста против такого отношения Аба Ковнер на глазах Гавриса рвет приказ о представлении его, Абы, к ордену.

В Понарах устраивают траурную церемонию. Представители правительства отмечают память погребенных в Понарах литовских, польских и русских граждан.

Братские могилы наполовину разрыты. В них лежат тысячи расстрелянных евреев, которых немцы не успели сжечь. Трупы громоздятся пластами, присыпанные известью.

Отдел вспомоществования партизанам начинает распределять одежду, присланную в виде подарка из Америки. Не всем евреям она достается: слишком мало одежды и слишком много евреев. Литовский партизан, сияя в своем новом пальто, показывает записку, найденную в кармане, которую он не может прочесть. Паренек-еврей прочитывает записку, написанную на идиш: "Боровшемуся и не сдавшемуся гордому партизану — от его еврейского брата в Америке".

В города прибывают первые уцелевшие в эстонских лагерях. Они успели бежать накануне ликвидации. Приезжает Барух Гольдштейн, один из ветеранов ЭФПЕО, и из его уст мы слышим эпопею вильнюсских евреев, доживших в эстонских лагерях почти до самого освобождения, о борьбе членов ЭФПЕО и попытках бегства и сопротивления.

В начале августа еду в Каунас. Хожу по улицам города, с которым была знакома только по книгам, ищу евреев. Партизаны из числа уцелевших членов движения, собравшиеся вокруг меня, ведут в квартал, где было гетто. Кажется, только тут и заметны следы страшной войны.

К вечеру собираемся на временной квартире — те, кто уцелел среди литовских хашомеровцев, партизаны, вернувшиеся из лесов, и другие, чудом спасшиеся. Я рассказываю о цели своего приезда, о решении собрать в Вильнюсе всех, кто выжил, об организации немедленного побега. В волнении выслушивают они предложение покинуть свой город, куда только что вернулись, и снова отправиться в путь, который может быть, приведет их к обетованному берегу. Никто не задает вопросов, не спрашивает об опасностях. Как будто все только ждали слова, живого контакта, указания встать и идти. Ощущение общности судеб и великого братства объединяет нас в этом чужом доме, в этом большом нееврейском городе.

Товарищи прощаются и поодиночке расходятся. Мне тоже пора. Завтра надо спозаранок возвращаться в Вильнюс. — Погодите, — неожиданно раздаётся чей-то голос. Ко мне обращаются на идиш с русским акцентом. — Я должна с вами поговорить. Изумленная, я вижу совершенно незнакомую женщину с седой головой, с изрытым морщинами лицом. Как случилось, что мы ее не заметили?!

— ...Для меня слишком поздно... Будь я чуточку помоложе... Счастье — воочию убедиться, что еще существует такая молодежь... — Глаза у нее наливаются влагой: — Вы действительно доберетесь до Эрец-Исраэль?

— Кто вы? — Я пытаюсь сдержать свое волнение и тревогу по поводу того, что во время встречи с товарищами тут присутствовали посторонние. Но мудрые и печальные глаза этой женщины, ее трогательный за душу голос и весь облик вызывают доверие вопреки всем соображениям конспирации. Выясняется, что она — врач. Еврейка. Родилась в России. Вместе с советскими войсками пришла сюда из СССР. — Вы должны выслушать мою историю, — заклинает она меня. — Я двадцать лет молчала, двадцать лет боялась говорить и теперь, когда вас увидела, не могу больше молчать.

Качаясь от усталости, ошеломленная рассказами этой женщины, заключающими в себе судьбу, возможно, не только ее одной, я прощаюсь под утро со своей собеседницей, чтобы отправиться в путь.

В местечке Айшишки Вильнюсской области накануне было убито пять евреев из малого числа спасшихся. Их тела привезены в Вильнюс. В карманах у них нашли записки на польском языке: "Такая участь ждет всех выживших евреев". Власти предлагают сосредоточить евреев в Вильнюсе, потому что не в состоянии защитить их в местечках и селах от польских и литовских националистических банд.

В соседнем местечке опять убили еврейскую семью. Евреи, чудом спасшиеся от немцев, теперь в панике бегут из провинции в Вильнюс.

Мы посылаем Зельду Трегер в Белосток на розыски спасшихся. Тогда же до нас добирается Хайка Гроссман. От нее мы впервые слышим о восстании в белостокском гетто, о наших товарищах и друзьях, из которых никого не осталось в живых.

В военной форме, по дороге на фронт, к нам заходят некоторые из членов бывшего хашомеровского кена в Вильнюсе. Это парни, успевшие эвакуироваться сразу после начала войны, добравшиеся до Советского Союза и там мобилизованные в армию. Во время скитаний по фронтам до них доходили слухи об их земляках – еврейских партизанах. В какой-то газете им попался на глаза снимок, на котором они опознали своего бывшего инструктора. Теперь они с нами – взрослые ребята, солдаты с боевыми наградами, но как в прошлом, они просят совета и инструкций у тех, кто были и остались их наставниками. Им советуют сохранять связь с движением, разыскивать и ободрять евреев, но не дезертировать из армии, пока не кончилась война.

Решаем послать человека в Советский Союз на розыски наших товарищей, которым удалось бежать в глубь России во время вторжения немцев в Литву. Мы еще бьемся над вопросом, как их всех собрать, гадаем, сколько осталось в живых и кто именно, когда на наше имя поступает почтовое отправление из Казахстана – оклеенный марками конверт... из бересты. Из письма узнаем о наших товарищах, которые находятся в Средней Азии. С удвоенной энергией приступаем мы к планированию путешествия Цеси Розенберг в глубь России.

В советской военной шинели и старой партизанской шапке, но без документов, необходимых для такого путешествия. Цеся едет в Москву. Это та же партизанка, что два года назад ушла из гетто по поручению ЭФПЕО вместе с Соней Медайскер и в том же направлении – на Москву. Она должна была пересечь огромное пространство, оккупированное немцами, и перейти через фронт, чтобы донести до мира весть о борющемся гетто. Теперь, в конце 1944 года, она едет той же дорогой, чтобы сообщить тем, кто уцелел и кого разметало войной, об усилиях по организации нелегальной алии*.

“Голосуя” на обочинах, в кузовах грузовиков и бронетранспортеров, везущих с фронта победоносную пехоту, Цеся добирается до Москвы. Без пропуска и разрешения на пребывание в столице она пробирается в город и приходит на один из вокзалов. При попытке купить билет для дальнейшего путешествия на восток у нее отбирают липовые справки, и над ее головой нависает угроза ареста и следствия.

Растерянная, она бродит по битком набитому московскому вокзалу и здесь натывается на группу хашомеровцев – тех самых, кого собиралась разыскивать... Переходя из объятий в объятия, взволнованная и пораженная этой невероятной встречей, Цеся узнает, что хашомеровцы точно так же, как она сама, двинулись в дорогу в надежде разыскать товарищей и путь к действию.

И вот еду и я.

Пустынный вокзал. Тоскливый осенний дождь стучит по стенкам вагона, лет в разбитые окна. Я стою у окна. Мои провожатые зябнут, кутаются на перроне в свои холодные пальтишки и молчат. Это – мои друзья и товарищи, пришедшие сюда, чтобы пожелать мне доброго пути. Прощание – не надолго ли опять? Этого никто не знает. С ними вместе я дошла сюда – через хашомеровский центр, гетто, лес, и кроме них нет у меня никого на свете. Мои затуманенные от слез глаза ищут на перроне Эдека, Рашку, Лизу. Но их нет, а те, кто здесь – как их мало, до ужаса мало!..

Мне приходится их покинуть. Дошли слухи, что из Румынии есть шансы выбраться в Эрец-Исраэль, что освобождена

* Доставка евреев в Эрец-Исраэль во время британского мандата. Известна также под названием “Алия Бет”.

Констанца и оттуда ходят корабли. Доктору Шмуэлю Амаранту и мне поручено изучить возможности алии, организовать пункты переброски на пути в Румынию, найти людей, готовых помочь нарушителям границы и советских законов.

Темнеет. Мои друзья все еще стоят на перроне, дожидаясь отправления поезда. Возле меня – доктор Амарант, высокий, худой, в старом черном пальто. Согласно нашим документам, он – корреспондент московской газеты “Эмес”, а я – его секретарша. В прошлом доктор Амарант был директором ивритского учительского семинара в Вильнюсе. Войну он прошел партизаном в лесах. Возможно, нам обоим теперь пригодится наш партизанский опыт, ведь документы у нас сомнительные, а все имущество состоит из одного золотого червонца, тщательно запрятанного в складки моего пальто.

Струя горячего пара, выброшенного локомотивом, разделяет нас и остающихся на перроне.

За белесым туманом встает передо мной лицо матери, вижу глаза моих маленьких сестренок. Я покидаю эту землю, и мне никогда уже не узнать, где покоятся их прах...

...“Предъявить удостоверения и билеты!” – строгий голос кондуктора выводит меня из забытья и возвращает к действительности. Он подозрительно смотрит на наши бумаги, на нас, единственных пассажиров в вагоне. В соответствии с командировочным удостоверением (подложным) цель нашей поездки – город Черновицы на границе с Румынией. Достаем наши партизанские свидетельства (подлинные), – и кондуктор компостирует билеты, годные до города Лида. Он советует получить специальные пропуска, если мы хотим проехать в Белоруссию и на Украину. “Без них вам билетов не продадут”, – добавляет он и уходит.

Мы облегченно вздыхаем. Первый контроль миновали благополучно, но это только начало. Как мы доберемся до Черновиц, если верно то, что говорил кондуктор?

К утру Лида встретила нас праздничным убранством: по фасаду вокзала растянуто громадное красное полотнище. Сегодня 7 ноября. Протискиваемся в плывущей куда-то толпе, вглядываемся в лица, вслушиваемся в разговоры, пытаемся заметить свресв. Вспоминаю, как приезжала сюда зимой 1939 года, вспоминаю мужчин, женщин, молодых ребят, которые встречали тогда нас, беженцев, согрели в

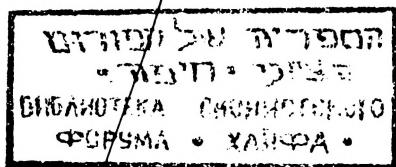
своих домах и делились последним. С тех пор прошло пять лет.

– Товарищ, – останавливаю я кого-то, – не знаете ли вы, где здесь можно встретить евреев?

– Жидов? – В меня упирается пристальный, изучающий взгляд. Затем указательный палец тычет в небо:

– Они все там.

Утром отправляемся дальше. Шагаем в сторону вокзала, и камни мостовой жгут нам подошвы ног...

1738

בִּיבְלִיּוֹתָא דְּהַבְּנֵי הַיָּם
• חַיִּפָּה • יִשְׂרָאֵל
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО
ФОРУМА • ХАЙФА •

420

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Эдек Боракс, Хайка Гроссман, Моше Балаш	63
Янджа Лебедь, Леня Козебродская, Мордехай Тенненбаум (Тамаров)	64
Первый штаб ЭФПЕО	
Аба Ковнер, Ицик Виттенберг, Иосеф Глазман	83
Фрума Плотницкая, Тося Альтман, Арье Вильнер, Соломон Энтин	84
Барух Гольдштейн, Рашель Маркович, Ружка Зильбер, Витка Кемпнер	105
Салек Деслер, Яков Генс	143
Стража на воротах поздравляет всех евреев с Новым Годом	144
Цеся Розенберг, Михаил Ковнер, Соня Медайскер, Лиза Магун	173
Шмуэль Каплинский, Абраша Хвойник, Нисан Резник	174
Яшка Раф, Изька Мацкевич, Илья Шенбойм	208
Лестница, по которой спустился Виттенберг	<u>208</u>
Шмерке Кочергинский и Тевка Гальперин читают бюллетень ЭФПЕО	207
Ицель Ковальский, Зельда Трегер, Гришка Горвиц, Эльханан Магид	325
Руководящее звено "Хашомер хацаир" в Вильнюсе в день его освобождения	359
Партизаны-евреи Рудницких лесов в центре Вильнюса 14 июля 1944 года	360

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От издательства	5
Предисловие	9
Июнь 1941	11
В Рудницких лесах	263
На берегах озера Нарочь	283
Мы здесь	302

РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ:

- 1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Гершль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК

24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ

ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ. Мемуары. Пер. с иврита.

Друзья и боевые товарищи Джимми, горячо любившие своего командира, в своих беседах часто вспоминали Джимми-подростка и Джимми-солдата. Из этих непринужденных рассказов-воспоминаний и родилась книга "Друзья рассказывают о Джимми". Это одна из самых популярных израильских книг мемуарного жанра периода Палмаха.

Бернард Маламуд. **ПОМОЩНИК.** Роман. Пер. с английского.

Автор книги "Помощник" — Бернард Маламуд (1914) рассказывает в своих произведениях в основном об американских евреях. Здесь он не только великолепный бытописатель, но и психолог, и социолог, и философ, открывающий новые стороны действительности. Литературная известность пришла к нему только в 1957 году, после выхода в свет романа "Помощник", ставшего бестселлером.

МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник воспоминаний.

Большая алия семидесятых годов из Советского Союза явилась поворотом в истории советского еврейства. Неповторимые судьбы репатриантов описаны авторами очень интересно. Эти очерки были представлены на конкурс, объявленный Центром документации исследований восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете. В настоящем сборнике представлены работы авторов-олим, получившие первые премии.